

С. Л. Кузьмин
От Скифии к России

<http://nwae.spb.ru>

ВВЕДЕНИЕ: СТРАНА – НАСЕЛЕНИЕ – ГОСУДАРСТВО	1
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МАТРИЦА.....	3
СЕМЬ МИРОВ ЕВРОПЫ И ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ.....	7
НЕУЛОВИМЫЕ ВЕНЕДЫ.....	
ГОТСКИЙ КОТЕЛ И ГУННСКИЙ ПОРШЕНЬ	
ОТ ДУНАЯ ДО ВОЛХОВА.....	
МЫ ОТ РОДА РУССКОГО	
СТРАНА ЕСТЬ – НУЖНА ВЕРА	
ЩИТ ЕВРОПЫ ПЕРЕД МЕЧЕМ АЗИИ.....	
МОРЕ ИЛИ СУША?.....	
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.....	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?	
Литература	

ВВЕДЕНИЕ: СТРАНА – НАСЕЛЕНИЕ – ГОСУДАРСТВО

Трудно браться за тему происхождения какого-либо народа, особенно того, представителем которого являешься сам. Тем более, не легко изложить свой взгляд на эту проблему не слишком кратко, но и не пространно. Да вообще, что значит народ? Что значит происхождение? Прищурившись, словно мифический сфинкс, убивающий путника за неверный ответ, поглядывает Россия на любого смельчака пытающегося решить извечные вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?». Наверно только об ушедших, давно погибших народах и цивилизациях можно судить, как пытался известный римский историк Публий Корнелий Тацит, – «Без гнева и пристрастия». Не получалось у него без этого. Вряд ли такое возможно вовсе. Видно, в том и прелесть «ремесла историка», что результат его труда относителен, а процесс бесконечен. Знай бы мы все факты, все одно, историки писали и будут писать о прошлом, ибо ведут они вечный диалог между предками и потомками, служа последним переводчиками и толкователями.

Раз людей волнует вопрос происхождения народов, в данном случае русского, рискну высказать свои соображения, сформулировать их, по крайней мере, для себя. Судить же, принять или отвергнуть – читателю. Я не пишу научного исследования, поэтому сведу к минимуму обзор многочисленных точек зрения по тем или иным вопросам, опущу историю изучения их, если того не требует логика текста. Но полезным считаю познакомить людей, внимание которых привлекла эта книга, с самыми последними достижениями науки и современными взглядами. В данном издании, наверно нет необходимости в строгом научном аппарате, за что заранее прошу извинения у своих коллег (не сочтите халявщиком, я партнер!). Для тех же, кому история любопытна как хобби, прилагаю список литературы, позволяющий глубже и многограннее постигать свое прошлое.

Прежде всего, обратимся к понятию народ. Что вкладывается в смысл этого слова? Каков его охват и объем? Народами могут быть люди говорящие на одном языке, хотя бы китайцы или норвежцы. А могут и не быть, хотя бы канадцы и швейцарцы, использующие два языка. Разное количество людей составляет тот или иной народ, различна по размеру и территории ими занятая. Бывают малочисленные народы, обитающие на огромных территориях, а бывают многочисленные, ютящиеся на клочке земли. Сравните эвенков и голландцев – сами убедитесь. Вводившаяся градация на народы и нации явно искусственна, хотя и всячески обстоятельно аргументировалась. Ну и что? Английский язык не различает этих терминов – «nation» и есть «nation». Значит все-таки не язык, точнее не только (или не столько?) язык. Это ясно, поскольку проблема происхождения народов сводилась бы к проблеме происхождения языков.

Слово «народ» обычно фигурирует в общественном сознании, а в науке употребляют термин «этнос». До сих пор не утихают споры о том, какие критерии выделения этноса самые важные, основополагающие: или общая культура, или общее самоназвание, или тот же язык, или историческая память, или все вместе. Опять возникают градации, раскладываемые в бесконечные пасьянсы: «субэтнос» – «этнос» – «суперэтнос». В результате понятие «этнос» начинает абсолютизироваться и абстрагироваться, отрывать от земных реалий. Заметим, что становление и развитие наук, изучающих этносы – этнографии, антропологии, в какой-то мере археологии и лингвистики – долго шло на фоне определенной исторической эпохи. Эпохи колониальных захватов, эпохи борьбы за передел территорий и сфер влияния, эпохи сложения в Европе «национальных» государств и кровавой конкуренции между ними, апогеем которой стали две мировые войны, с их прямым наследием, незаметно тлевшей «холодной». Волей-неволей наука, пускай, не всегда напрямую, становилась служанкой политики, в свою очередь, подталкивая ее под локоток.

Что же делать? Я не зря, не в качестве красивой метафоры, заметил об отрыве «этносов» от земли. Помимо понятия народ есть и понятие страна. Народ может уйти, переселиться, исчезнуть – страна никогда. Страна – это историко-географическое единство. Страна – это определенное пространство со своими границами, зримыми или не очень. Название страны весьма устойчиво в сознании людей. Исчезнет или поменяет название населяющий ее народ, но страна останется, зачастую с названием прежним, привычным для ее соседей. Страна имеет свой рельеф и свою водную систему. Страна имеет характерную для нее растительность и животный мир. Одним словом, страна имеет характерный ландшафт или набор таковых. А еще страна имеет свой климат или лежит в нескольких климатических поясах. Но самое главное, страна еще имеет свою историю, а историю творят люди, т. е. население.

Страна меняется, поскольку меняется климат, русла рек и уровень озер. Вырубаются леса и распаиваются поля. Но изменения эти медленные, чем дальше в прошлое, тем незаметнее они были человеку. Люди тоже имеют сложившийся уклад хозяйства, язык, культуру, верования. Но люди меняются быстрее, прежде всего, от общения с другими людьми. Исподволь страна формирует людей, то есть свое население. Она дает устойчивость своим старым обитателям (автохтонам), она переваривает пришельцев (мигрантов), всякий раз создавая из тех и других новый неповторимый сплав. Она принимает или отвергает хозяйство мигрантов. Резкие изменения ее климата могут сильно повлиять на жизнь автохтонов. Страна

исподволь формирует стереотипы поведения и мышления своего населения – менталитет, ее особенности вырабатывают особенности характера и даже строения тела и мимику лица. Горца не спутаешь со степняком, обитателей бескрайних лесов континента с прибрежными жителями. Иными словами, страна своеобразная географическая матрица в которую оттискивается население.

А что же население? Это же не просто статистический набор индивидуумов того или иного пола – столько-то тысяч мужского и столько-то женского. Население всегда живет в рамках определенных общественных (социальных) структур и организаций. Они возникли и развивались с момента появления человека современного антропологического облика – homo sapiens, а быть может и ранее. Постепенно они усложнялись. Их объединения составляли структуры той или иной степени устойчивости. Конечным итогом их развития и взаимодействия стали государства.

Сразу оговорюсь, что трудно провести грань между государством и некоторыми иными формами организации людей; их иногда именуют обтекаемым словом «потестарные». Государства в одночасье не возникают, хотя бывает – и рушатся. Государства, как и народы, бывают большими и маленькими по территории и населению. Могут объединять несколько народов, а могут разъединять один. Могут веками не выходить за рамки одной страны или ее части, а могут включать в свои границы несколько стран. В конце концов, существуют союзы или федерации государств, порой разваливающиеся, а порой вырастающие в могучие монолитные или рыхлые эфемерные империи.

На основании такого пространственно-временного подхода к осмыслению фактов истории, получившем название «Геософии» (для рассматриваемой темы его предложил и активно использует Д. А. Мачинский), попробуем рассмотреть проблему происхождения России и русских.

Итак, существует три исторических фактора, которые неразрывно друг с другом связаны: страна, люди и их социальные организации. Где-то на пересечении вышеуказанных факторов, меняющихся во времени, и следует искать ответы на вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?».

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МАТРИЦА

Самым большим континентом на Земле является Евразия. Вместе с Африкой – колыбелью человечества – их объединяет историко-географическое понятие «Старый Свет». Действительно, древнейшие цивилизации зародились на стыке Европы, Азии и Африки. Если Азию от Африки отделяют Средиземное и Красное моря, а соединяет лишь Суэцкий перешеек, то провести границу между Азией и Европой очень сложно. Она по сути условна и в разные времена разными народами воспринималась не одинаково. Современная граница по Уральским и Кавказским горам не соответствует ни природному делению, ни древним традициям. Европой, в «узком смысле» можно считать западную оконечность Евразии. Это своеобразный гигантский полуостров, омываемый на западе водами Атлантического океана и ограниченный на севере Балтийским, а на юге Средиземным и Черным морями. Близкое понимание Европы было характерно для Античного мира, проводившего границу Европы и Азии по реке Танаис, т. е. современному Дону. Существует довольно устойчивая природная и культурно-историческая граница по оси Неман – Днестр, от Балтики к Причерноморью. Примерно так сейчас разделяют Европу на Восточную и Центральную. Есть, несомненно, и Азия в «узком смысле». Это земли, лежащие южнее умеренного пояса, за зоной великих пустынь Гоби и Каракумы и горами Кавказ, Памир, Тянь-Шань, Алтай. В них зародились и достигли расцвета древнейшие земледельческие цивилизации, появились первые города и государства, образовались первые империи. Что же за загадочная страна лежала вне Европы и Азии в «узком смысле»? Великая Скифия.

Актуально ли ныне определение «Великая Скифия»? Есть и другой термин. Некоторые исследователи предлагают термин «Азиопа». На мой взгляд, не очень удачно. Ни то, ни се, не рыба, ни мясо, да и определенные ассоциации может вызвать, лишая термин глубокого

смысла. Вот «Великая Скифия» – это звучит гордо. Присмотримся, не напоминают ли нам границы Великой Скифии, что-либо во времени ближе чем Античность. Правильно, они почти совпадают с границами СССР, Союза Советских Социалистических Республик и предшествовавшей ему Российской империи. Совпадение это не случайно, поэтому и историю русского этноса (или, кому угодно, народа) стоит проследить со скифской эпохи. Главное не впадать в крайности и не объявлять скифов прямыми предками славян, хотя причастность к скифам чувствовал даже Александр Блок. «Да скифы мы! Да азиаты мы! С раскосыми и жадными очами». Впрочем, про раскосость поэт был не прав: скифы Восточной Европы были европеоидами, а сибирские имели только монголоидную примесь.

Дело здесь не в культурной, не в антропологической, ни, тем паче, в языковой преемственности. Дело здесь, в территории, в стране, то есть в «географической матрице». Что же за страна Великая Скифия, простирающаяся на тысячи километров с запада на восток и с севера на юг, занимающая климатические пояса от арктического до субтропиков, столь разная и, вместе с тем, в чем то единая, выделенная негативно не вхождением ни в Европу, ни в Азию в «узком смысле», страна очень различная внутри, но имеющая колоссально устойчивые внешние границы? Кстати, доказательство устойчивости ее границ можно наблюдать и сейчас – в Европу нас не берут, в Азию не пускают.

При всей несхожести удаленных друг от друга территорий, Великая Скифия в географическом отношении страна очень структурированная, особенно учитывая ее масштабы. Все природно-климатические пояса в ней вытянуты с востока на запад, то расширяясь, то сужаясь, то наступая на юг, то отступая на север, практически на всем протяжении. В широтном направлении вы не будете замечать резких перемен в пределах одного пояса. Конечно, переселившись Урал, можно будет собирать и кедровые шишки, а не только сосновые или еловые. Конечно, степи Хакасии отличаются от степей Причерноморья, а леса Прикарпатья от лесов Приморья, но, в целом, важна именно широтная непрерывность – континуитет. Другое дело вертикальное, меридиональное деление страны. Здесь совершенно явственно выступают противоположности и главная из них – Лес и Степь. Между Лесом и Степью есть зыбкая грань Лесостепи, колеблющаяся во времени в силу климатических изменений. Но Лес и Степь («страны внутри страны») – не только природные понятия. Это вековое противостояние оседлого и кочевника, земледельца и скотовода. Это вражда-дружба двух хозяйственных и ментальных миров. Веками, глядя из привычной друг для друга природной среды с недоверием, оседлый и кочевник, все же нуждались один в другом, хотя нужда эта могла выливаться и в форму подчинения. Но подчинение это не превращалось в освоение чужого пространства.

Степняк мог покорить жителя леса, увести его в плен, обложить данью, но он не мог осесть в Лесу ибо там переставал быть кочевником, самим собой. Земледелец мог побить степняка и на время осесть в Степи, но его сметала новая волна кочевников, загоняя обратно в лес. Могли, даже вполне закономерно, сменить кибитку кочевника на дом, пастбище на поле и сами степняки, докатившись до западных пределов Степи. Но их тоже поглощала новая орда приходящая с востока. Природа Степи брала свое. Великое противостояние Степи и Леса, Леса и Степи. И так веками.

Только к рубежу XVIII и XIX столетий произошел явный и окончательный перелом в этой борьбе. В рамках Российской империи соединилось несоединимое и началось превращение Степи в огромное поле. Земледелец одолел скотовода, оседлый кочевника. Не уничтожил, а одолел! Великая Скифия обрела большую монолитность. Становление русского этноса шло на этом фоне противоборства, противоборства не скифо-сарматов и праславян, не славян и хазар, не Древней Руси и печенегов с половцами, не Москвы и татар, а Леса и Степи, как явлений глобальных, как культурно-географических полюсов Великой Скифии.

Великая Степь! словно кровь по аорте от сердца кочевого мира – степей Монголии и Южной Сибири – катились по ней орды кочевников. Сердце издавало толчки, выбрасывая одну волну новой крови за другой. Если ты осел в Степи, то твоя кровь застоялась. Ты обзавелся местами постоянных кочевий, а уж тем более построил города, забогател, оброс жир-

ком, ты рано или поздно погиб. Ты уязвим, тебя сметут люди с востока, голодные и жадные. Пусть в начальной точке своего движения они малочисленны, но они голодны и жадны, им нечего терять, и поэтому они отважны, они погибнут или победят, а если первое, то за ними идут другие, такие же голодные и еще более отважные.

По выражению Л. Н. Гумилева, они – «пассионарии». Люди особой породы, особых способностей. Теория Гумилева о пассионарности в ее доказательной части порой грешит против фактов, иногда видна их натяжка (не хочется, из уважения, говорить подтасовка), закрадывается и много неточностей. Но, в целом, ее никто серьезно не опровергал. Да ее и трудно опровергнуть, поскольку она не дает прямого и однозначного ответа на причины «пассионарных толчков». Космическое излучение присутствует в ней, пожалуй, только как своеобразная отговорка, отсрочка от принятия истинного решения об их причине. Пассионариям Л. Н. Гумилев придумал характеристику, взятую из лексики монголов – «люди длинной воли». Такие люди были не только среди кочевников, они появлялись везде, но именно степное раздолье давало простор их энергии, манило мечтой совершить невозможное – завоевать мир, «дойти до Последнего Моря». Сбившись в волчью стаю, голодные степняки Востока двигались на Запад. Как снежный ком обрастали они по пути побежденными. Начальная орда, стягивая к себе остальную массу, придавая ей организованность, давая свое имя, во многом теряла изначальный облик. Как по склону неумолимо катился этот ком от границ Китая – Поднебесной империи – к Европе пока не достигал пределов Великой Степи. Скифы, сарматы, гунны, авары, угры, печенеги, куманы-кипчаки-половцы, монголы... Много, а ведь далеко не все. Прекратив движение ком разваливался и таял.

Своеобразным тупиком, аппендиксом Великой Степи лежит Венгерская Пушта. Это уже Центральная Европа. Сюда доходили не все. Прорвавшись в Пушту какое-то время кочевники предпринимали грозные рейды по Европе. Но пыл уже угасал, мощь таяла. Век, от силы полтора, и нет их. Исчезли, растворились в чуждом окружении, оставив страшную память о своих набегах. «Погибоша аки обре» («Погибли как авары») – приведет древнюю половицу русский летописец про кочевников, могущество которых сокрушил император франков Карл Великий. Только для венгров Пушта станет «обретенной родиной». Остальные, кто не дошел или откатился, осядут в степях Восточной Европы и начнут вековое противостояние с ее Лесом.

Над Великой Степью, к северу простирается Великий Лес. Другой мир – другие люди. Можно обратить внимание, что граница Леса в Восточной Европе, на западе Великой Скифии, близка южным пределам максимального оледенения. В пору становления человека современного облика ледники не раз покрывали поверхность Евразии. Их языки в период максимума сползали до широты Киева, щедро разбросав по земле гранитные валуны – осколки Балтийского щита. Ледник таял, отступал на север, вновь наступал, покуда за 8000–10000 лет до наших дней окончательно не отпрянул к горам Скандинавии. Ледник изменил часть лика Восточной Европы. Сгладились высокие холмы, впадины заполнились талой водой, образовав озера, из которых возьмут начало великие и малые реки.

Ледник уходил на север, а вместе с ним двинулись животные и птицы привыкшие к приполярной природе, вслед потянулись люди, охотившиеся на это зверье. Так обозначилась еще одна линия движения, еще один исторический стержень Великой Скифии. Линия юг–север. В отличие от линии Великой Степи, вытянутой в широтном направлении, эта ось пролегла меридионально. Если степной пейзаж зависит в основном от уровня над морем и удаленности от него, то, соответственно, при движении с юга на север, перемены будут плавно отражаться в смене растительных сообществ. Степь сменится лесостепью, лесостепь – широколиственными, а потом – смешанными лесами, те, в свою очередь, тайгой, она – лесотундрой и тундрой, обрывающейся у кромки Ледовитого океана, на краю суровых просторов Арктики.

Долгое время все люди были охотниками, потом добавились рыболовы. Разница между Лесом и Степью проявится в отношении хозяйства только с появлением домашних животных и растений, но станет очевидной лишь с переходом от пастушества к кочеванию. Только

тогда, а не раньше, разойдутся окончательно пути-дорожки кочевника и оседлого, скотовода и земледельца. Но это на границе Степи и Леса. А что в самом Лесу?

Охота, рыболовство, собирательство и промыслы в Лесу были, есть, и наверно будут. Лес может щедро кормить. Но кормить ограниченное число едоков. Для добытчиков даров леса нужен простор. Не скопиться большой массе людей в одном месте. Надо делиться и уходить на новые места. Иначе – голод. Земледелие и связанное с ним скотоводство, рано или поздно станут необходимым и основным занятием, сделав охоту и рыболовство важным, но только подспорьем.

Степь плодородна, тучны ее черноземы, привлекательна она для земледельца. Но в степи властвует кочевник и жить в степи земледелец может только или под его властью, или вытеснив его. Кочевнику нужно зерно, нужен хлеб, который можно добыть либо торговлей, либо грабежом и сбором дани. Кочевник мобилен, подвижен, внезапен. Он может создавать резкий перевес в отдельном месте. В этом его сила. Земледельцу есть одна защита – Лес. Рубеж Леса и Степи – это рубеж возможности земледельца жить независимо и отстаивать свою независимость. Борьба с кочевником изнуряет, требует отвлечения сил и средств. Лес дает простой выход – уйти на север.

Легко сказать, уйти. Ведь и севернее живут люди. Не всегда они рады подселенцам. Не всякий пустит в свой дом чужака. В те времена не могло быть одиночных эмигрантов. Если уходили, так всем родом, всем племенем, всем народом. В эпоху варварства один человек, человек вне рода, ничто, пылинка, перекаточный сор. Значит и на север надо уходить, готовясь к войне. Конечно так было не всегда; с эпохи Древней Руси миграции внутри страны станут проще.

Есть и еще одно существенное ограничение для движения земледельца на север. Это природа, это климат. С определенных широт начинается «Нечерноземье» с менее плодородными почвами, а далее так называемая «зона негарантированного земледелия». Последнее означает, что, посеяв, урожай можно и не собрать. Неурожайные годы могут идти один за другим. Это голод, это катастрофа, это гибель.

Лес для земледельца – защитник и кормилец, но он для него и препятствие. Препятствие для распашки: расчистка даже небольшого участка под пашню выливается в битву. Не случайно в древнерусском языке земледельческая терминология перекликается с военной. Лес препятствует быстрому движению, это не ровная Степь, где преграды реки да балки. В Лесу, кроме диких зарослей, оврагов, ручьев и рек, есть еще и страшные болотные топи. Оставь на десяток лет истощенное поле – оно зарастет и придется начинать все заново. Торная тропа, если по ней не ходить долгое время, исчезнет. С трудом налаженная дорога, если ее не поддерживать, быстро придет в негодность. Единственный надежный путь в Лесу – реки.

В лесной зоне Восточной Европы нет гор. Есть возвышенности. Посреди западной части Великой Скифии находятся Минская, Валдайская и Среднерусская возвышенности. С их макушек сбегает сотни и тысячи ручьев, речушек и рек. Отсюда берут начало крупные реки Западная Двина, Мста, Ока, Березина, Волга, Дон и Северский Донец. Часть из них течет на север и запад, их воды впадут в Балтийское море, часть – на юг и восток, они вольются в Черное и Каспийское моря. Особо стоит отметить Днепр и Ловать с Волховом, являющимся как бы ее продолжением по другую сторону озера Ильмень. Текущие в противоположном направлении, но не сильно удаленные друг от друга в своем верхнем течении, они являются материальным воплощением оси север–юг. Это кратчайший доступный путь от Причерноморья до таежной зоны и восточной оконечности Балтики. Не случайно именно по ним проляжет главная магистраль Древней Руси – путь «из Варяг в Греки».

Лес лесу рознь. Между миром охотника и земледельца нет столь четкой грани, как между земледельцем и степняком. Однако чем дальше на север, тем меньше возможности успешного занятия земледелием. В таежной зоне начинается иной мир. Даже реки поворачивают здесь на север; они текут к Белому морю и студеному Ледовитому океану. Там, у полярного круга, Лес карликовыми березами сходит на нет, начинается тундра. Та же степь, но

вместо коней здесь олени, вместо кибиток – нарты, вместо юрт – чумы, вместо ковыля – ягель.

Вернемся к центральной части Восточной Европы, к зоне возвышенностей, к великому водоразделу. Он не только определяет направление течения рек, но и делит Лес Восточной Европы на северную и южную части. Деление многих стран на Север и Юг играло особую роль в их истории; причем, стран удаленных во времени и пространстве (например, Древний Египет и США XIX века). Различия Севера и Юга сыграют определенную роль и в русской истории.

Запад–Восток и Север–Юг – две оси, две координаты пространства Великой Скифии и ее истории. Они образуют своеобразный крест. Крест пространства и крест истории. Крест движения. Движение вдоль линии запад–восток стремительно по отношению к движению по линии север–юг. Первая линия длиннее, вторая гораздо короче. Крест асимметричен. В вершине этого пространственно-временного креста Великой Скифии родилась Русь, а расширяясь на восток она стала Россией.

СЕМЬ МИРОВ ЕВРОПЫ И ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ

Высадившись на северном побережье Черного моря, в те времена Понта Эвксинского (Моря Гостеприимного), древние греки застали в прибрежных степях народ, который они называли «скифами». Не считая киммерийцев, предшественников скифов в этих местах, это первый поименованный народ Великой Скифии, оказавшийся в поле зрения Античной цивилизации, а, следовательно, известный историкам. Справедливости ради стоит отметить, что известия о скифах содержат и памятники древневосточной письменности, но они отражают период их пребывания вне пределов Великой Скифии.

Проблема происхождения скифов была и остается далекой от однозначного решения. Нам сейчас не важно, пришли скифы из Сибири или их корни местные. Достаточно, что установлен факт принадлежности их языка к иранской языковой группе. Материальная культура скифов достаточно монолитна на огромных пространствах от Байкала до Северного Причерноморья. В основе этого единства лежит так называемая «скифская триада»: оружие – конское снаряжение – художественный «звериный» стиль. Она ярко характеризует культуру кочевников-воителей. Трехлопастные, устойчивые в полете бронзовые стрелы несли врагам гибель на расстоянии, боевые кинжалы-акинаки – смерть в рукопашном бою. Мотивы терзания копытных животных хищниками, пронизывающие все прикладное искусство скифов, свидетельствуют об их вкусах и верованиях. Культ силы и ярости в них несомненен. Но все ли обитатели Северного Причерноморья были кочевниками? Вовсе нет. Об этом красноречиво свидетельствует древнегреческий историк Геродот, которого, не без основания, прозвали «Отцом истории».

Геродот целью своей жизни поставил написание труда о войнах греков с персами, в которых маленькая страна отстояла свою независимость в борьбе с огромной державой Ахеменидов, первой мировой империей, и положила конец ее экспансии. Геродот много путешествовал, собирая материал для своей «Истории». Судя по всему, побывал он и на юге Скифии. Для такого дальнего и опасного путешествия был повод, ведь скифы первые, кто не покорился могучим царям персов. Остановимся на этом сюжете поподробнее, ибо он имеет очень важное значение не только для истории европейских скифов, но и для «геософского» осмысления явления Великой Скифии.

Между 520 и 507 гг. до н. э. (большинство ученых сходятся на 512 г. до н. э.) огромная армия персидского царя Дария перешла из Малой Азии в Европу и остановилась перед рекой Истр (современный Дунай). К этому моменту персы завоевали всю Переднюю Азию, часть Средней Азии и Египет. Владения царей рода Ахеменидов простирались от Инда до Нила и от Эфиопии до Кавказа. Один за другим покорялись мечу персов народы. Однако при продвижении на север Средней Азии персы столкнулись с воинственными кочевниками массагетами. В битве с ними пал основатель персидской державы Кир. По приказу царицы массагетов Томирис, его отрубленная голова была брошена в бурдюк с кровью. Считалось, что

азиатские массагеты являются родственниками европейских скифов. Дарий задумал грандиозное предприятие. Напав на причерноморских скифов, покорить их и выйти в тыл азиатским массагетам. Достигнув Истра, персы навели мост и перешли реку. Охрана моста поручалась подчиненным ионийским грекам. Уходя в глубины Скифии, Дарий завязал на ремне 60 узлов, повелев каждый день распутывать по одному. Когда все узлы будут развязаны, мост надо разрушить, а войско царя вернется домой уже через Среднюю Азию. После этого он двинулся на скифов.

Почему же мы останавливаемся на этом сюжете, ведь, как говорилось выше, через Великую степь прокатывалось много нашествий? Много, но это особенное. Оно первое подробно и достоверно описано. Оно предпринималось не с востока, а с запада и не с целью грабежа или вытеснения с территории, а с целью включения ее в состав мировой державы. Это факты. Любопытнее другое. Нашествие Дария стало первой попыткой проникнуть из Европы в Азию через Великую Скифию, и первой попыткой «блицкрига» на пространстве Восточной Европы. Взять под контроль эту часть Великой Скифии за одну летнюю кампанию и по ее территории выйти в Азию станет мечтой и Бонапарта, и Гитлера. Кстати о последнем. Направление похода Дария поразительно совпадает с направлением удара группы армий «Юг» по плану «Барбаросса». Совпадает не только намеченный конечный рубеж – Волга (древняя Ра), но и сроки. Дарий отводил для этого месяц ($60:2=30$), Гитлер – 6–7 недель. Персы до Ра не дошли, немцы вышли на нескольких сотнях метров сталинградской земли, но форсировать уже были не в силах.

Совпадения на этом не кончаются! Скифы первые применили способ войны, названный их именем. Они уклонялись от сражения с превосходящими силами противника, тревожили его налетами, лишали источников воды, провианта и фуража. Впоследствии так осознанно поступит Петр Первый, заставив уклониться с направления прямого удара на юг шведскую армию Карла XII, вынужденно, а после падения Москвы планомерно, Барклай де Толли и Кутузов – Наполеона. Жаль, что военные катастрофы 1941 и 1942 гг. нельзя поставить в этот ряд. Однако итог оказался общим, враг был изгнан из страны, причем скифы обошлись без крови Полтавы, Бородина и Сталинграда.

Геродот подробно описал расселение скифов на территории к северу от Черного моря. Точная локализация различных групп скифов вызывает разногласия среди ученых. Связано это с не всегда понятными указаниями самого Геродота, невозможностью идентифицировать некоторые из его географических ориентиров, наконец, достоверно сопоставить данные «Отца истории» с данными археологии.

По Геродоту получается, что кочевниками были «скифы царские», судя по всему, главенствовавшие над всеми остальными. Жившие в междуречье Днепра и Дона, к северу от «царских», «скифы-кочевники» характеризуются своим именем. Знает Геродот и обитавших где-то в зоне лесостепи, по обе стороны Днепра «скифов-пахарей» и «скифов-земледельцев». Впервые в Восточной Европе мы надежно фиксируем ситуацию симбиоза кочевого и оседлого населения в рамках политического образования при доминирующей группе степняков. По крайней мере, еще два раза подобная ситуация будет повторяться. Оба эти раза совпадут с ключевыми моментами в этногенезе русского народа, моментами поворотными в жизни населения запада Великой Скифии, можно сказать судьбоносными. Конечно, Геродотова Скифия, Хазарский каганат и Золотая Орда были объединениями не тождественными. И кочевое, и оседлое их население разнилось друг с другом. Несомненно одно – кочевники, оставаясь в Степи, включали в сферу своего влияния население Леса, отказывались от бессистемного грабежа ради установления прочных отношений подчинения, но основным пространством своего обитания оставляли Степь. Они не стремились заменить собой физически высший слой оседлого общества, предоставляя ему самому определять порядок его внутренней жизни.

Исследователи давно высказывали сомнение, были ли «пахари» и «земледельцы» собственно скифами, носителями иранских диалектов, или с ними можно связать предков славян. Ответ на этот вопрос пока не может быть решен окончательно. Материальная культура

оседлого населения Среднего Поднепровья V–IV вв. до н. э. мало отличается от культуры кочевников. Фиксируется здесь и иранская гидронимия. Однако сложность любых этногенетических построений заключается в невозможности прямого сопоставления данных различных исторических дисциплин друг с другом.

Долгое время господствовало представление о жесткой связи этноса и носителей древних культур и языков. Археологическая культура трактовалась как материальное воплощение следов деятельности какого-либо этноса. Выделялись элементы культуры присущие тому или иному этносу. Типы домов, украшений, оружия становились так называемыми «этническими индикаторами», словно они могли сказать на каком языке говорили использовавшие их люди. В отношении эпохи железного века, для которого круг источников ограничивается свидетельствами античных авторов, увязка археологических данных с результатами работ в области исторической топонимики и антропологии казалась привлекательной возможностью реконструировать этническую историю. Считалось, что если совпадает ареал той или иной археологической культуры и тех или иных топонимов (названий населенных пунктов, рек и озер, урочищ и других географических объектов), в которых отразились следы определенного языка, то люди оставившие эти археологические памятники обязательно на нем говорили и составляли этническое целое. В упрощенном виде такой подход можно описать формулой: «археологическая культура = этнос = язык». Этот подход долго господствовал в науке и при определенной «ловкости» и эрудированности исследователей, благодаря ему, задача реконструкции прошлого легко решалась в заданном направлении. А направление, к сожалению, прямо или косвенно, могло быть обусловлено «текущим политическим моментом».

Кроме субъективизма исследователей, слабость описанного метода заключается еще в двух причинах. Во-первых, сопоставляются границы распространения археологических культур и языковых явлений, но плотность их внутри формально очерченных и в целом совпадающих ареалов может быть совершенно различна. Во-вторых, данные языкознания очень плохо поддаются абсолютной датировке и определить к каким конкретно векам относится тот или иной пласт топонимов весьма проблематично. Где же выход?

Явления материальной культуры подвергаются большому воздействию внешних факторов, они динамичнее отражают процессы происходившие в прошлом. Кардинальные изменения, вызванные в древности какими-то событиями, отражаются в сменах археологических культур или их заметных трансформациях. В этом случае, есть шанс сопоставления их со свидетельствами исторических сочинений и, в меньшей мере, географических трактатов, поскольку, последние постоянно грешат воспроизведением устаревшей, но устоявшейся, традиционной картины мира и очень неохотно включают в нее новые реалии, в лучшем случае, адаптируя их под старыми названиями. Типичным примером было традиционное название всех вторгающихся с севера, со стороны Причерноморья варваров римлянами и византийцами, скифами. Почти тысяча лет пройдет с момента исчезновения скифов с арены мировой истории, но прекрасно известных им русов греки будут именовать по-прежнему скифами.

В последние десятилетия наметился новый методический подход к отмеченным вопросам. Прежде всего, если обратить внимание не на разницу археологических культур, выделяемых зачастую произвольно, а на их сходство, причем не на сходство отдельных элементов, а сходство по сути, по «структуре», то можно подобраться к вопросу о реальном единстве их носителей. Действительно, любая конкретная категория предметов может быть заимствована и адаптирована культурой. Структуру культуры заимствовать невозможно, слишком связана она со структурой общества, структурой его хозяйственной деятельности, структурой социальной организации и духовной жизни. Если структура разрушается, сменяется, деформируется, значит разрушается, деформируется общество, одно сменяется другим.

Греко-персидские войны обозначили важный рубеж в истории человечества, точнее, с ним совпали. Время освоения скифами пространств евразийских степей совпало с эпохой Великой греческой колонизации, важнейшего элемента становления Античной цивилизации и ее распространения в странах Средиземноморья. То было время возникновения великих религиозно-философских учений на Востоке и оформления рационалистического мышления

в Греции. Период расцвета в степях Причерноморья скифского объединения соответствует классической эпохе греческого мира и апогею могущества персидской державы Ахеменидов. Конец этого периода, пришедшийся на вторую половину IV в. до н.э. закончится кардинальной «перекройкой» облика значительной части Старого Света. Вслед за ним начинается эпоха, когда из мрака истории выступают новые действующие лица – кельты, германцы, наконец, римляне, народы без которых немислима судьба Европы. И где-то в ее недрах можно попытаться отыскать истоки славянства.

Санкт-петербургским археологом М. Б. Щукиным была предложена своеобразная классификация групп населения Европы в последние века до н. э. и начале н. э. На основании сходства структуры археологических культур он выделил семь «миров», семь своеобразных цивилизаций.

Первый мир представлен собственно Античной цивилизацией. Достижения греческой культуры были усвоены македонцами и римлянами. На остриях копий фаланги Александра Македонского они разнеслись далеко на восток. Созданная путем завоевания наследия Ахеменидов держава Александра мгновенно развалилась после его смерти на несколько более-менее крупных царств с бывшими его полководцами во главе. Чем ближе к Средиземноморью, тем глубже и прочнее усваивались греческие традиции, тем с большим основанием можем мы включать ту или иную территорию в зону Античной цивилизации. Во времена Александра Рим был еще маленьким государством в центральной Италии, но пройдет чуть больше века и эта республика будет контролировать большую часть Средиземноморья, сокрушит Карфаген и Македонию, завоюет Грецию. Греческая культура и римская государственность, органически слившись, составят фундамент современной европейской цивилизации. Скотованные суровой дисциплиной легионы распространят владычество Рима от берегов туманного Альбиона до аравийских пустынь, от мрачных лесов Германии до знойных песков Египта. Линия водораздела между миром римским и миром европейских варваров к I в. н. э. пройдет по рубежу Рейн – Дунай и будет оставаться в качестве устойчивой границы вплоть до последнего века существования Империи. Особенно окажется устойчивым ее «дунайский» фланг, ставший с 395 года северо-восточным рубежом Византии. Эта граница не была непроницаемой. Культурные импульсы шли через нее и в том, и в другом направлении. Прорывавшиеся варвары после яростной и отчаянной борьбы с Римом, требовавшей от него значительного напряжения сил, оседали в приграничных областях в качестве союзников-федератов. Варвары романизировались – Империя варваризировалась. Кем же были варвары, римлянами завоеванные и с Римом воевавшие? Какие еще «миры» представлены к северу от зоны Античной цивилизации?

Второй мир по М. Б. Щукину – это исчезнувшая цивилизация кельтов. До наших дней дожили лишь небольшие осколки этого некогда великого культурно-языкового сообщества народов – ирландцы и бретонцы. Кельтов, по отношению к Центральной и Северной Европе, можно рассматривать как греков по отношению к Средиземноморью и скифов по отношению к Великой степи. Да и двигались все они примерно в одно время по сходящимся направлениям. Однако и те, и другие, и третьи, были носителями принципиально разных цивилизаций, что особенно рельефно выступает на материалах художественного искусства, отражающего не только формы верований, но и формы психического склада этих исчезнувших народов. Если искусство греков светло, жизнерадостно и умиротворенно, а искусство скифов сильно и яростно, то искусство кельтов загадочно. Не случайно кельтский художественный стиль получил название «стиля Чеширского кота», загадочного существа из знаменитой сказки Льюиса Кэрролла. Спецификой кельтской цивилизации, резко отличающей ее от римской была направленность внутреннего развития. Римляне совершенствовали свою военно-социальную организацию, а кельты – область религиозно-магических представлений. Воинственность духа, героический порыв не подкреплялись у кельтов организованностью и сплоченностью. Воин-кельт, прежде всего витязь-одиночка. Поэтому так актуальны оказались в средневековые легенды о короле Артуре, воинские идеалы рыцарства и представления о боевой доблести у кельтов были созвучны. Кельты были и долгое время оставались скотовода-

ми, что безусловно их роднит с обитателями Степи. Легкие на подъем, чрезвычайно воинственные (не зря кельтов римляне называли «галлами» – петухами), они готовы были к странствиям не только в одиночку, но и огромными ордами. В начале IV в. до н. э. они перевалили Альпы и чуть было не стерли с лица земли юный Рим, достигли Подунавья, соприкоснувшись со скифами и македонцами. Пространства, занятые кельтами в период их исторической экспансии занимают добрую половину Западной и Центральной Европы, затрагивая окраины Восточной. Что же могло объединять, интегрировать кельтскую цивилизацию. Несомненно огромную роль здесь играла организация друидов, своеобразный прототип монашеских орденов эпохи средневековья. Покрытая завесой секретности, деятельность друидов была тайной за семью печатями и для их соплеменников, что говорить о посторонних наблюдателях. Несомненно, что организация, членом которой мог стать человек, прошедший многолетнюю подготовку, была внеплеменной. Член касты друидов мог вернуться к обычной жизни в свой род, но всегда помнил о приоритете интересов своей организации.

Пережив время дальних походов и захватов, достигнув внешних пределов, кельтская цивилизация начинает сжиматься, наступает период консолидации. На смену экспансии военной приходит экспансия торговая. Осевшие на землю скотоводы-воины, становятся земледельцами, ремесленниками, торговцами. Они еще сохраняют воинственный пыл, но он уже не тот. Уровень развития общества демонстрирует появление оппидумов, укрепленных поселений, предшественников городов. Именно в таком состоянии застал кельтов Юлий Цезарь в момент завоевания Галлии.

Археологическим эквивалентом кельтской цивилизации принято считать так называемые латенские древности. Такое название они получили по месту первых ярких находок у швейцарского местечка Ла Тен. Для Европы археологи выделяют целую эпоху железного века – эпоху латена (400-0 гг. до н. э.) – которая соответствует времени расцвета кельтской цивилизации и сменяется римским временем.

В качестве третьего мира выделяются «латенизированные» культуры «полей погребений». Серию археологических культур эпохи латена, протянувшихся от низовьев Рейна до северных предгорий Карпат, роднит целый ряд общих черт в погребальном обряде, использовавшейся глиняной посуде, жилых постройках, особенностях одежды, непременной деталью которой является застежка-фибула, заимствованная у кельтов. Вообще, кельты сыграли огромную роль в становлении культур третьего мира. Однако их цивилизация не смогла поглотить этот мир. Напротив, именно он, со временем станет, наряду с Римом, могильщиком цивилизации кельтов. Своеобразное ядро третьего мира составляют памятники Ясторфской культуры на северо-западе современной ФРГ. Носителей этой культуры связывают с германцами.

Важно отметить, что в число культур третьего мира можно включить и зарубинецкую культуру Восточной Европы, материалы которой так или иначе рассматриваются в контексте происхождения славян. Кем же были представители культур этого мира? Завоевав Галлию, римляне все население к северу от Рейна стали называть германцами. Однако с полной уверенностью причислять к носителям германских диалектов всех носителей «латенизированных» культур вряд ли правомерно. Нет уверенности и в том, что за пределами границ Ясторфской культуры обитали кельты, хотя на всех варварских культурах от Скандинавии до Поднепровья лежит отпечаток кельтского влияния. Исследователи предполагают, что помимо германцев и кельтов, в границах третьего мира существовали и носители других не связанных с ними языков, до нашего времени не сохранившихся. Так или иначе, но те, кто оказался участником событий на римско-германской границе, стали со временем германцами, остальные, в зависимости от обстоятельств либо вовсе погибли либо влились в массы носителей других языков.

Особо пристальное внимание стоит уделить «двум мирам лесных культур Восточной Европы» (по определению М. Б. Шукина четвертому и пятому). Где-то здесь должны притаиться предки славян или даже ранние славяне, но об этом речь пойдет ниже.

Четвертый мир начинается за Западным Бугом и в него включаются несколько археологических культур раннего железного века на территории Прибалтики, Белоруссии и некоторых западных областей России. На фоне культур трех описанных выше миров они выглядят весьма бедными. Грубая лепная посуда в виде горшков, почти полное отсутствие вещей поступивших с других территорий (импорты), малое количество изделий из цветного металла. Это «деревянный мир». Люди селились в труднодоступных местах, дополнительно укрепленных, на городищах. Основным их занятием было подсечное земледелие и лесное скотоводство в сочетании с охотой, рыболовством, лесными промыслами. Как ни странно, но одной из самых ярких черт этих культур является отсутствие погребальных памятников. Нам неведом остается обряд, мы не знаем, куда помещались останки покойного. В безбрежье лесных массивов время как бы замирало, здесь единственно зримой границей является край леса, рубеж леса и поля, обжитого и девственного пространства. Пространство структурировано только в пределах жизнедеятельности отдельной общины – обитательницы городища. Смежные памятники очень похожи, различаются только сильно удаленные друг от друга. Аморфность культуры демонстрирует застойность, патриархальность оставившего ее общества.

Близок по структуре четвертому мир пятый, лежащий к северо-востоку. Его отличает еще большая архаичность. Зная обработку железа, люди пятого мира упорно продолжали употреблять кремневые и костяные орудия. Этот мир, практически неведомый античной цивилизации, лежит в зоне распространения финно-угорской гидронимии, хотя не исключено, что среди его обитателей могли быть и народы, говорившие на исчезнувших языках.

Шестой мир располагался в зоне степи. Его характеристика была дана выше. Это мир кочевников и связанных с ними оседлых земледельцев лесостепи. До последних десятилетий IV в. до н. э. в степях Северного Причерноморья господствовали скифы. В это время Скифию потряс двойной удар – с запада и востока. Правивший скифами более полувека 90-летний царь Атей потерпел поражение от несокрушимой македонской фаланги, а, спустя немного времени, из-за Дона-Танаиса в Скифию ворвется новая волна кочевников. Ими будут сарматы, родственники скифов по языку. Однако эти родственники обратят Скифию в безлюдную пустыню. Остатки скифского населения будут прятаться в Крыму, жаться к устью Днепра-Борисфена. На несколько столетий сарматы становятся хозяевами степей Северного Причерноморья.

Последний, седьмой мир Европы последних веков до н. э., связан с фракийцами. Это мир земледельцев и пастухов Прикарпатья и севера Балкан. Как можно заметить, этот вполне самобытный мир сформировался на стыке Античной, Кельтской и Скифской цивилизаций и в той или иной мере подвергался их воздействиям, пока в конце концов не был поглощен Римской Империей. Племенам даков дважды удается объединиться, фактически создавая собственное государство. Имена их царей – Бурбисты и Децебала были известны не только римлянам. Но эти процессы были прерваны вторжением римских легионов.

С каким же из миров можно связать зону, где происходило формирование славянских языков и славянской культуры? Забегая вперед, следует сказать, что археологически надежно связанные со славянами памятники выявлены пока только для VI, от силы, конца V в. н. э. Протянуть ретроспективные цепочки, ища в культурах предшествующих периодов родственные элементы, развивающиеся непрерывно, пока не получается. Между ними зияют временные провалы, требующие объяснения.

Что же говорят языковеды? Ясно, что становление общеславянского языка происходило к востоку от так называемой буковой границы, зоны распространения этого вида деревьев, которая проходит по линии Калининград – Одесса (т. е. примерно совпадает с западной границей Великой Скифии). Это была лесисто-озерная болотистая местность, удаленная от моря и гор. В реконструируемом общеславянском языке наблюдаются контакты с носителями балтских, германских, кельто-иллирийских, фракийских, иранских и финно-угорских языков. Значит, прародина языка славян была не только лесистой и болотистой, но и соприкасалась, по крайней мере, на отдельных промежутках своей истории с зонами обитания лю-

дей, говоривших на соответствующих диалектах. Таким условиям вполне соответствует территория распространения ряда культур четвертого мира.

Лингвисты единодушно отмечают близкое родство славянских и балтских языков. Говорят даже об определенном балто-славянском единстве, особом языковом состоянии, предшествующем выделению славянских языков, которое могло произойти сравнительно поздно, незадолго до появления славян на исторической сцене под собственным именем. Структура археологических культур четвертого мира – особенно днепро-двинской, штрихованной керамики и милоградской – очень близка достоверно славянским культурам VI–VII вв. н. э. – пражско-корчакской, пеньковской, быть может, колочинской.

Исходя из вышесказанного, попробуем взглянуть на исторические судьбы населения западной части Великой Скифии в первые века н. э. Попытаемся среди калейдоскопа племен и народов отыскать следы людей, которые могут иметь отношение к славянскому этногенезу.

НЕУЛОВИМЫЕ ВЕНЕДЫ

Долгое время в отечественной науке господствовала точка зрения на славян как на очень древних обитателей лесостепной зоны Восточной Европы. Базировалась она на представлениях о том, что наши предки с глубокой древности были пашенными земледельцами. Как иллюстрация использовалась цепь сменяющих друг друга во времени археологических культур, от скифского периода до эпохи Киевской Руси. Особое место в этих построениях занимала так называемая зарубинецкая культура. Ее памятники располагаются в среднем течении Днепра и на его притоках. Действительно, «зарубинцы» были земледельцами и знали пахотное орудие – рало. Действительно, территория их обитания на рубеже эр во многом совпадает с территорией юга Киевской Руси. Вот только между ее временем и временем достоверных славянских культур зияла пропасть в несколько столетий. Сколько-нибудь убедительных доказательств о преемственном развитии зарубинецкой культуры в черняховскую, которая по времени за ней следует, привести никому не удалось. Разнятся они по своей структуре, по территории, по топографии памятников, а значит и по направленности хозяйственной деятельности. Их лишь роднит один из вариантов погребального обряда – могильники, где остатки трупосожжений ссыпались в грунтовые ямки. Стоит отметить, что когда эти культуры были сто лет назад открыты, то и выступали они как одно целое – «культуры полей погребений». Но за сто лет наука ушла далеко вперед.

Попробуем разобраться, нет ли прямых письменных свидетельств о том, какой народ оставил эти памятники. Не следует забывать, что археологическая культура не может отражать напрямую языковую принадлежность своих носителей, давно ушедших из жизни. Она отражает лишь малую часть их прижизненной деятельности, в том числе и совершение погребения сородичей (ведь живые хоронят мертвых, а не наоборот). Археологическая культура – понятие достаточно условное, она помогает исследователям констатировать факт, что на такой-то территории, в такое-то время проживала группа людей, связанных определенными традициями в области хозяйства, изготовления орудий труда, домашней утвари, оружия и украшений. Скажет она и о направлении контактов с другими древними общностями. Возможно установить ее происхождение и дальнейшую судьбу. Но вот дать ей историческую интерпретацию, определить имя ее носителей без письменных источников невозможно. Если таковые все же имеются, задача историков и археологов точно соотнести факты и явления, отмеченные в трудах древних авторов и материалы памятников соответствующего времени и определенной территории.

В последние десятилетия была уточнена дата зарубинецкой культуры, выявлены ее территориальные варианты, установлено близкое родство с распространенной в Молдавии и Румынии культурой Поянешти-Лукашевка. Начало формирования культуры, в свете последних разработок, можно отнести к последним десятилетиям III в. до н. э., этот процесс растянулся еще на 50–70 лет – время жизни двух-трех поколений. В формировании новой общности приняли активное участие выходцы из районов Польши, из зоны так называемой помор-

ской культуры. Какие события, запечатленные античными историками могут отражать этот процесс?

В 197 г. до н. э. царь Македонии Филипп V потерпел сокрушительное поражение от римлян при Киноскефалах. Непобедимая, но неповоротливая македонская фаланга распалась под ударами подвижных римских манипулов, сплоченных в легионы. Царь по условиям мира лишился права содержать армию более чем в 5000 воинов. Хотя он и придумал характерную для XX века систему резервистов (призыв – обучение – запас), положения это кардинально не меняло. Поэтому за военной поддержкой он обратился к замаячившим на северных горизонтах его державы варварам. Имя им было – бастарны. Впервые бастарны упоминаются между 239 и 229 гг. до н. э., а в 216 г. до н. э. они как «пришельцы» отмечаются в районе нижнего течения Дуная.

Посольство, отправленное Филиппом к бастарнам, увенчалось успехом и в 179 г. до н. э. северные варвары выступили в поход. Им предстояло пройти через земли фракийцев, с которыми об этом македонский царь договорился. Однако неожиданная смерть Филиппа мешала планам и начавшиеся стычки бастарнов с фракийцами заставили значительную часть их войска вернуться назад. До Македонии дошло 30000 во главе с Клондиком и они были использованы для борьбы с балканским племенем дарданов. Следующий поход 175 г. до н. э. сорвался из-за тонкого льда на Дунае. Наконец в третьем, последнем походе, предводителем которого был тот же Клондик, приняло участие 10000 бастарнов, но они запросили слишком большую цену за свои наемнические услуги. Казалось бы, царю Персею перед надвигающимися римлянами выбирать не приходилось, но он поскупился, его разбили при Пидне, в результате он попал в плен и был умерщвлен после триумфа победителей. Так бесславно закончилась история македонских царей, а с ними прекратились и задунайские предприятия бастарнов.

Анализ материалов зарубинецкой культуры показывает, что ее «кристаллизация» происходит как раз по окончании походов бастарнов, а такой выразительный атрибут костюма как застежки-фибулы имеют балканское происхождение. Это позволяет отождествить зарубинецкую культуру с народом бастарнов. Кем же они были?

Имя их вождя, Клондик, ассоциируется с германским именем Хлодвик (напомню, что так звали короля франков, захвативших Галлию, и это событие стало точкой отсчета истории современной Франции). Историк Страбон, живший во времена императора Августа, бастарнов относил к германцам только предположительно. Зарубинецкую культуру можно с полным основанием включить в «третий мир» Европы, характеристика, которому давалась в предыдущей главе. Но значит ли, что «зарубинцы» были по языку германцы. Вовсе нет. Другое дело, что видеть в них славян нет никаких прямых оснований. Тогда зачем же нужен здесь столь длинный пассаж о них?

Во-первых, перед нами предстает модель «кристаллизации» новой общности в условиях активной внешней экспансии, когда консолидация отдельных ее составляющих протекает в условиях военного противостояния, когда обостряется самосознание единства всех ее членов, выражаемое противопоставлением «МЫ – ОНИ». Запомним эту модель, ибо она еще сыграет важную роль при рассмотрении Дунайских походов славян в VI в. н. э. Ситуация и место действия почти совпадут.

Во-вторых, зарубинецкая культура, хотя и исчезнет около середины I в. н. э., чему виной станет вторжение новой волны сарматских кочевых народов, но на ее базе сформируются так называемые «постзарубинецкие древности», а население с ними связанное, похоже, примет участие в этногенезе славян.

В-третьих, движением людей, известных как бастарны, вдоль «буковой» границы, отделяющей Восточную Европу от Центральной, Великую Скифию от Европы «в узком смысле», ясно обозначилась линия прямого сообщения через континентальное пространство от Балтики к Черному морю – Неманско-Днестровский коридор. Вскоре он еще раз окажется очень значимым в истории.

Ученые давно заметили, что когда славяне выступают на исторической арене под своим именем, их ассоциируют с еще одним этнонимом – венеды. Действительно, древний этноним с основой vend- или vened- стал обозначением славян в целом или их отдельных частей в немецком и прибалтийско-финских языках. Но были ли древние венеды, венеды первых веков н. э. славянами? Известна ведь и такая закономерность, когда имя народа предшествующего переносится на другой его соседями.

Прежде всего стоит отметить, что народы со сходным названием известны в античное время и районах очень удаленных от потенциальной прародины славян. Это северное адриатическое побережье Италии, где на земле неких венетов впоследствии возникнет знаменитая Венеция. Были венеты и в завоеванной Цезарем Галлии. Третья область локализации венетов – южное побережье Балтийского моря.

Как уже отмечалось, древний общеславянский язык сформировался вдали от морей и гор, а все три указанных района являются именно приморскими. Самым близким к возможной зоне зарождения славянского языка оказывается участок Балтийского моря, называвшийся в древности Венедским заливом. Поэтому, обратимся к сведениям античных авторов именно об этих венетах.

Первым о венетах упомянул Плиний Старший. Гай Плиний Секунд – таково его настоящее имя – занимался писательством, как бы мы сказали, в свободное от работы время. Человек он был разносторонний и с успехом выполнял и военную службу, и административную в Римской империи. В двадцать три года он командовал конным подразделением в кампании против германцев, поэтому, о странах к северу от Империи знал не понаслышке. Ему, как офицеру, занимавшему высокие посты была доступна самая разнообразная информация которую он использовал в главном труде своей жизни – «Естественной истории» – сборнике энциклопедических знаний своей эпохи. Полностью закончить его он не успел. Плиний Старший погиб во время извержения вулкана Везувий, погубившего италийские города Помпеи и Геркуланум (первое в мире подробное описание этого грозного явления природы оставил для нас его племянник – Плиний Младший, сообщая в письме своему другу обстоятельства смерти дяди; адресатом был Корнелий Тацит, впоследствии знаменитый историк, также упоминавший венетов). Стоит сказать, что во время этого события Плиний командовал Мезенской эскадрой – римским флотом Западного Средиземноморья, и с началом бедствия дал приказ эвакуировать на кораблях население гибнущих городов. В истории это, пожалуй, первый пример оказания организованной помощи гражданскому населению вооруженными силами в чрезвычайной ситуации.

Но вернемся к венетам. Несмотря на всестороннюю осведомленность Плиния, земли лежащие между Балтикой и Причерноморьем ему известны смутно. Венеды описаны как соседи сарматов и неких скиров и гирров. На основании этого известия их локализацию, пусть и приблизительную, на современной карте произвести невозможно.

Писавший вслед за ним, уже упомянутый, Корнелий Тацит упоминает их в своем небольшом труде «О происхождении и местах обитания германцев». Эта работа написана в 98 г. н. э. и, судя по всему, связана с принятием императорской власти Марком Ульпием Траяном, командующим рейнскими легионами и последним римским завоевателем. Информация, содержащаяся в ней достаточно точна, что делает ее похожей на докладную аналитическую записку референта, консультанта по военно-политическим вопросам. Подробно описав германские племена от Рейна до Вислы и от Скандинавии до Дуная, Тацит сообщает:

«Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам, право не знаю, хоть певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеты переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому, что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарма-

тов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне. У финнов – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей ... все свои упования они возлагают на стрелы, на которые из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник ... Все прочее уже баснословно».

Рассматривая труд Тацита, можно заметить, что в нем действительно содержатся сведения военно-стратегического характера. Этнографические подробности в нем, дают лишь дополнительную информацию. Создавалась эта работа в эпоху, когда Римская империя достигла вершины своего военного могущества и достигла территориальных пределов. Стратегическим противником для нее на севере были германцы, на востоке – парфяне и сарматы. Германцы имели конницу, но все же главным противником римского легионера-пехотинца выступал пехотинец-германец. Другое дело – Восток. Парфяне обладали особым родом конницы, которая как лидирующий вид войск появится в Европе только в средневековье, воплотившись в слое феодального рыцарства. Это – тяжелая кавалерия катафрактариев. Вооруженные длинным тяжелым копьем, защищенные доспехом, прикрывавшим не только всадника, но и коня, построенные в плотный боевой порядок, они вполне были способны прорывать строй непобедимых легионов. В это время и сарматы, несомненно, обладали такой конницей. На этом фоне Тацит характеризует сарматов и германцев, прежде всего, как противоположность двух образов жизни и двух способов ведения боя. Языковые нюансы волнуют его в гораздо меньшей степени. Вот почему и певкинов-бастарнов, и венедов он сближает с германским миром. Спецификой походов венедов, отмеченной Тацитом, является их стремительное перемещение пешком. Деталь весьма любопытная.

В византийском источнике X века, где описан поход киевского князя Игоря на Константинополь в 941 году, сообщается прозвище русского войска – дромиты и дается комментарий к нему. По мнению греческого хрониста, название это происходит от слова «дром» – бег. То есть дромиты – те, кто быстро перемещается, бегают. Стоит заметить, что название воинов Игоря, а значительную, наверняка большую часть их, составляли славяне, было для греков-византийцев хоть и традиционным, но уходящим уже в отдаленное прошлое и требовало комментария-расшифровки. Во всяком случае, злободневным для IX–X века оно не являлось, поскольку киевские князья совершали на Византию морские корабельные походы.

Итак, венеды Тацита представляются неким воинственным народом, соседящим с германцами, сарматами и финнами. Причем, с германцами и сарматами они непосредственно не соприкасаются.

Позицию венедов на историко-географическом пространстве Восточной Европы позволяют уточнить сведения других авторов Античности. Ближайшим по времени к Тациту был Клавдий Птолемей, живший во II в. н. э. – географ и астроном из Александрии Египетской, создатель геоцентрической системы мироздания, которая продержалась до XVI века, когда ее отверг Николай Коперник. В его труде приведено название народа, которое считают возможно первым упоминанием самоназвания славян, правда в искаженной форме. Это «ставаны». По представлениям Птолемея, венеды и ставаны – суть разное и проживают в разных местах. Так венеды обитают на берегу Венедского залива, а земли ниже, то есть южнее, занимали «галинды, судины, ставаны до алан». Считается, что в соответствии с античной географической традицией, перечисление варварских народов шло в соответствии с движением вдоль какого-то древнего пути, в данном случае с Балтики в Причерноморье.

У авторов еще более позднего времени (IV в. н. э.) Маркиана Гераклейского и Аммиана Марцеллина есть перечень рек впадающих в Балтийское море восточнее Вистулы-Вислы. Это Хрон, Рудон, Турунт и Хесис. В. А. Булкину удалось достаточно убедительно сопоставить их озерно-речными системами Восточной Европы. Наименее надежно отождествляется Хесин, самая восточная; быть может, это система Нева – Ладожское озеро – Волхов – Ильмень – Ловать. Традиция называть самую западную Хроном дожила до XVI столетия и ее отождествление с Неманом сомнений не вызывает. Хрон, Рудон и Борисфен (Днепр – Березина) по сообщению Птолемея берут начало с какой-то Аланской горы, под которой скорее всего следует подразумевать Минскую возвышенность. Такое толкование подтверждают и

данные гидронимии. Это позволяет рассматривать Минскую возвышенность как водораздельный участок древнего пути по Неману в Березину и Днепр, от Балтики к Причерноморью. О его реальном функционировании свидетельствуют находки вдоль него римских монет, предметов убора, украшенных так называемыми выемчатыми эмалями. Если все это так, то ставаны должны быть локализованы в пределах Центральной Белоруссии и верхнего течения Днепра. Как видим, ставаны Птолемея и веныды Тацита заняли примерно одно и то же пространство. Оно, в свою очередь, весьма «подходит» для прародины славянских языков, исходя из данных лингвистики и соответствует «четвертому миру» Европы, структура культур которого максимально близка раннеславянским.

Нет смысла утомлять читателя выяснением соотношения археологических культур, типов памятников, культурно-хронологических горизонтов и их взаимовлияния. Слишком эта тема узкая и специальная. Важно отметить, что общая ситуация первых веков н. э. на очерченной территории очень похожа на ситуацию зафиксированную Тацитом. Лесная зона Восточной Европы находилась в состоянии брожения, в ней явно что-то «варилось», но так же явно отсутствовали полюса притяжения. Хаотичное броуновское движение в зоне венедской военной активности могло происходить еще очень долго, но вмешалась новая историческая сила – готы.

ГОТСКИЙ КОТЕЛ И ГУННСКИЙ ПОРШЕНЬ

«Скандза лежит напротив реки Вистулы, которая родившись в Сарматских горах, впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию...

С этого самого острова Скандзы, как из мастерской племен, или вернее, как из утробы, по преданию вышли некогда готы с королем по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза.

Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там расположились лагерем и, сразившись, вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив их к своим победам.

Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы воины готы вместе с семьями двинулись оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест он прошел в земли Скифии, которые на их языке назывались ойум.

Филимер, восхитившись великим обилием тех краев, перекинул туда половину войска, после чего, как рассказывают, мост, переброшенный через реку, непоправимо сломался, так что никому больше не оставалось возможности ни пройти, ни вернуться.

Говорят, что та местность замкнута, окружена зыбкими болотами и омутами, таким образом, сама природа делала ее недосыгаемой...

Та же часть готы, которая была при Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в область Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы.

Отсюда, уже как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории», – так писал почти полторы тысячи лет назад готский историк Иордан о событиях происходивших за несколько столетий до него.

Конечно, перед нами легендарный рассказ о происхождении народа, сыгравшего важную роль в истории Европы на историческом переломе от Античности к Средним Векам. Причем рассказ только о тех готах, которые были связаны с королевским родом Амалов, а ему то и служил Иордан в завоеванной готами Италии. В Причерноморье помимо готы оказались и другие германские племена: гепиды, герулы, бораны и иные. Но этот рассказ все же важен и зерно исторической правды в нем присутствует.

Первое сведение о готах вблизи окраин Римской империи относится к 238 году. В тяжелое для Империи время под боком у нее появился беспокойный сосед. Смертью Александра Севера закончилась династия императоров-солдат, наступала пора солдатских императоров. Чехарда правлений и убийств правителей, междоусобных столкновений и восстаний, моровых поветрий и стихийных бедствий захлестнула Империю. Все это усугублялось усиливающимся с севера натиском варваров. Рейнско-дунайская граница, некогда незыблемый «лимес», трещала по швам. На востоке, на смену парфянам пришли персы, не менее, а даже более, воинственные.

Первый звонок о растущей «северной угрозе» прозвенел еще в правление императора Марка Аврелия (161–180 г.г.). Философ-стоик вынужден был провести фактически все свои императорские годы в постоянных походах, мечась с Запада на Восток и с Востока на Запад. Империя, пораженная чумой, пережила вторжение орд маркоманов и квадов, к которым присоединились не только германские племена, но и кочевники сарматских кровей. Впервые со времен кимвров враг прорвался в Италию. Все это свидетельствовало о том, что германский мир набирает силу и претендует на большее, чем прозябать в лесах и болотах по ту сторону Дуная и Рейна. Ценой огромного напряжения Империя вышла победительницей из Маркоманских войн, но впереди ее ждали войны Готские.

Не всегда можно точно сказать какие народы скрывались за страшным именем готов, обрушивших на Империю удары в середине III столетия н. э., да и сами готы в источниках часто выступают под традиционным для северных варваров обобщающим названием – «скифы». Различаются и направления этих походов, и форма их организации. Были походы сухопутные на Балканы. Были морские, на побережье Кавказа и в Малую Азию, даже в Эгейское море. Велись они тоже с переменным успехом. Так император Деций в 251 году погиб в битве при Абритте, застряв в болоте (правда, поговаривали, что его могли «убрать» и свои), а император Клавдий готов громил, за что и получил почетный титул Готский.

Так или иначе, но в правление суровых воителей Проба, Аврелиана и Диоклетиана Империя как-то неожиданно выползла из кризиса, укрепилась внутри, отбилась от внешних врагов, отделавшись только потерей задунайской Дакии («спрямила линию фронта»). В общем, проведя необходимые реформы, Диоклетиан с чистой совестью мог удалиться в имение на адриатическом побережье, доживать свой век за разведением милой его сердцу капусты. Правда, и Империя стала другой. Власть императора теперь походила на власть восточного монарха. Изменилась и его опора – армия. Все шире в практику входило привлечение на римскую службу варварских дружин и племен, часто на правах военных поселенцев вдоль границ. Началась варваризация Империи. Но процесс не был односторонним, периоды затишья сопровождалась усилением контактов. Расцветала торговля. Варвары лучше узнали Империю и стали активно усваивать ее достижения в различных областях. В археологии это выразилось в формировании целого ряда так называемых «провинциально-римских» археологических культур (их не стоит путать с культурой римских провинций), впитавших в себя множество элементов и атрибутов римской цивилизации. Одной из таких культур стала черняховская. Ее «кристаллизация» совпадает с эпохой готских походов на Империю.

Спор о готах и черняховской культуре, по своей длительности, заидеологизированности и накалу страстей, уступает, пожалуй, только борьбе вокруг пресловутой «норманнской теории» и роли варягов на Руси. К последнему вопросу мы несомненно подберемся, а сейчас поговорим о «Готской проблеме».

В чем же она заключается? Прежде всего, в том, что, исходя из письменных источников, приходится констатировать, что на территории нынешней Украины, Молдавии и части России (то есть до недавнего времени «единого и могучего Советского Союза») существовала некая «держава», в которой лидирующую роль играли германцы-готы. «Беда» не только в этом, но языкознание свидетельствует о заимствованиях из готского в славянские языки слов «меч», «шлем», «дружина», возможно, «князь», то есть терминологии, связанной с дружинной прослойкой общества, которая играет важную роль в период становления государственности.

Так уж исторически сложилось, что до XVIII века с немцами Россия плотно не контактировала, если не считать перманентной грызни Ливонского Ордена и Новгородско-Псковских земель. Не было контакта – не было конфликта. В XVIII столетии с немцами (Германии еще как государства не было) то дружили, то ссорились. В веке XIX – преимущественно дружили. А вот в уже прошлом столетии, «нашла коса на камень» и два раза дело доходило до конфронтации в мировых войнах, что не могло не сказаться на отношении друг к другу. Казалось бы, в чем проблема, ведь немцы и австрийцы имеют такое же отдаленное отношение к древним готам, как русские и украинцы к современным готам антам? Не приходится же американцам отрешиваться от своих английских корней, а серьезным сынам туманного Альбиона отрицать, что в копилку формирования британской нации внесли свой вклад менявшие друг друга на острове кельты-бритты, римляне, англы и саксы, завоевывавшие ее норманны, типичным представителем которых был потомок викинга Хрольва Пешехода, правда изрядно офранцузенный, Вильгельм Незаконнорожденный. Однако и «готская», и «норманнская» проблема регулярно переходят в политическую плоскость, где научные дискуссии приобретают националистический окрас, хотя ныне не столь остры как в период «Железного занавеса».

Оставим норманизм и преклонение перед готами, как основателями цивилизации средневековой Европы, заполитизированным западным коллегам, у них там достаточно своих разумных оппонентов. Разберемся со своими «ура-патриотами» исконности, «бытности да самобытности». Странно, но почему-то скифы-иранцы им милее чем монголо-татары? Первые – предки, среди которых затихарились праславяне, вторые – только сознательные разрушители и угнетатели. Братание с балтами и финнами славян выглядит как вполне реальная картина эпохи варварства, хотя их потомки явно другого мнения об этих отношениях; впрочем, самих потомков древних балтов и финнов тоже иногда «заносит».

Давайте раз и навсегда договоримся, что историю не надо писать под национальную идею. Не бывает недостойной или достойной национальной истории. С национальной идеей разбираться современникам, с прошлым – историкам, ориентируясь на слова Корнелия Тацита, «без гнева и пристрастия». Историю нельзя переделать. Извлекая из нее уроки в настоящем, следует творить будущее, за которое придется отвечать, когда настоящее станет прошлым.

Если говорить об отдаленных эпохах, бессмысленно применять к ним категории и понятия наших дней, ибо, в противном случае, мы не сможем адекватно постигать происшедшее. Сознание и социальная организация большинства древних обществ были принципиально иными. Иные были жизненные ценности и установки людей, следовательно, другая линия личного и социального поведения, другое видение мира и себя в нем.

Однако вернемся к готам и «черняховцам», как на научном жаргоне, впрочем, уже плотно вошедшем и в специальную литературу, называют носителей черняховской культуры.

Как отмечалось выше, памятники черняховской культуры обнаружены еще в начале XX века, хотя, именно как археологическая культура, она была выделена позднее. Черняховская культура, несомненно, вписывается в круг провинциально-римских культур. Влияние Империи на жизнь ее населения несомненно. Черняховцы были первым, за долгий период времени господства в Степи кочевников, освоившим ее оседлым земледельческим населением. Подобный эксперимент удастся в полном объеме повторить только в конце XVIII века. Уровень развития их земледелия разительно отличался от земледелия обитателей лесостепной полосы, приближаясь к уровню кельтов и жителей Римской империи. Им был известен плуг с железным наконечником рабочей части, что позволяло осваивать плодороднейшие черноземы коренных берегов и высоких речных террас. Земля давала богатые урожаи, часть которых стало возможным продавать.

Уже при Диоклетиане наметился подъем восточных провинций Империи и упадок западных. Не случайно император Константин, неутомимый администратор, «легализовавший» Миланским эдиктом христианство, переносит столицу на берега Босфора, на место

древнего греческого города Византий. Это событие произошло в 324 году. Население города и его округа начинает стремительно расти, что стимулировало торговлю продуктами, а она давала выход плодам трудов и носителям черняховской культуры.

Черняховцы знали гончарный круг и изготавливали великолепную серолощеную посуду. Широко в быту использовались качественные изделия собственного производства и привозные. Особой популярностью пользовались костяные гребни римских образцов. Широкое хождение получили римские монеты; их находят и в кладах, и по отдельности.

Своих умерших они хоронили по двум обрядам. Некоторых людей после смерти сжигали, некоторых захоранивали без сожжения, в чем, может быть, отразился процесс начала распространения христианства.

Относительная монолитность культуры явно свидетельствует о далеко зашедшем процессе интеграции основной массы ее носителей. За черняховской культурой отчетливо прослеживается социально-политическое единство, которое в той или иной степени отождествляют, а иногда даже напрямую, связывают с «державой Германариха». По своей сути, учитывая общий исторический контекст, «держава Германариха» должна была представлять из себя раннюю форму государственного образования, своеобразную федерацию разных племен и народов, политическим лидером которой были готы с королевским родом Амалов во главе. Ее постоянным и основным ядром выступают носители черняховской культуры, среди которых помимо групп германцев (готов, гепидов, герулов, боранов и других) могли быть и группы ираноязычного населения – осколки скифских и сарматских орд, осевшие на землю. Есть основания считать, что на севере ареала черняховской культуры могли обитать и группы населения связанного с праславянским миром.

Помимо этого ядра в ней присутствовали и другие общности, находившиеся в той или иной степени зависимости или политического влияния, выражавшегося в союзнических отношениях. Вопрос в том, насколько был широк охват. Он явно менялся во времени, в зависимости от политического веса самой «державы».

Подсознательную аллергию на «державу Германариха», как на реальное историческое явление у ряда исследователей определенного толка, похоже, вызывает ее структурное сходство с другой варварской «державой»... «Державой Рюриковичей».

«Империей Рюриковичей» Киевскую Русь окрестил не кто иной как Карл Маркс. Он ставил ее в ряд варварских королевств подобных империи Карла Великого, что справедливо лишь отчасти. Но переключка терминов, а, главное, схожесть ситуации налицо. Стоит оговориться, что варяжская дружина Рюрика, вряд ли играла столь значительную роль, как пришедшие в Причерноморье готы Филимера. Важно, что сами «державы» представляли собой конгломерат данников-союзников, с разной степенью зависимости, с разным положением в рыхлом, еще только формирующемся государстве.

В этом ключе, можно привести еще некоторые черты сходства ситуации. После завоевания Олегом Киева, следующим шагом следует подчинение окрестных племен, а за тем, при их поддержке, походы на Византию – историческую преемницу Римской империи. Эти походы длятся в течении жизни двух-трех поколений. Потом наступает период стабилизации отношений. Примерно похожая ситуация и готами. С эпохой стабилизации отношений и в том, и в другом случае следует оживление торговых контактов и как следствие этого распространение христианства. Правда, есть, конечно, своя специфика.

Готы столкнулись с христианством, когда то еще не было официальной и единственной религией Империи, да и внутри самого христианства только-только оформлялось единство символов и обрядов. Не случайно они, как и многие другие варвары, приняли более понятную им его версию, в виде арианства. Большую роль сыграл в этом проповедник Ульфилы, участвовавший в Никейском вселенском соборе 325 года и переведший Библию на готский язык, приспособив под это буквы греческого алфавита. Благодаря ему, мы имеем представление о языке готов. Степень охвата христианством населения «державы Германариха» точно выяснена быть не может, но к моменту ее гибели (375 год) значительная, если не подавляющая часть самих готов стала христианами арианского толка.

Исходя из динамики развития готского и древнерусского общества, к моменту своего наивысшего расцвета «держава Германариха» находилась примерно на той же стадии, что и Древняя Русь времени правления Владимира. В этой связи, не выглядит уж очень фантастичным сообщение Иордана о размерах «Готской державы» в третьей четверти IV века. Подчеркну разницу, между «не выглядит фантастичным» и реально существовавшей ситуацией, между моделью и исторической действительностью.

Сообщая о правлении короля Германариха, по имени которого и получила название «держава», Иордан пишет: «Умом своим и доблестью он подчинил себе так же племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью». Это, естественно, льстивая патетика. Однако другое подобное известие уже давно привлекает внимание историков.

Германарих, оказывается, покорил еще «... много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Покорил же он племена гольтескифа, тиудас, инаунксис, васинабронкас, меренс, морденс, имнискарис, рогас, тадзанс, атаул, навего, бубегенас, колдас».

Споры как о реальности этого списка, так и о локализации упомянутых в нем народов продолжает волновать умы историков. Сложность заключается и в том, насколько правильно «разбиты» в нем слова, не затесалось ли среди них предлогов. Давно подмечено сходство, что если слово «васинабронкас» разделить, то в списке подряд окажутся: «вас», «меренс» и «морденс». Это сразу вызывает ассоциацию с перечнем финно-угорских племен, который представлен в вводной части «Повести временных лет» – древнерусском историческом сочинении начала XII века, которым открывается значительное число летописных сводов. В нем представлены три схожих названия. Список этот в тексте повторяется трижды, приведем ту его часть, где сообщается о племенах или народах дающих дань Руси:

«А се суть иные языци, иже дань дают Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь...».

Помимо финно-угорских, в древнерусском списке представлены народы говорящие явно на балтских языках. Это литва (литовцы), зимигола (земгалы) и корсь (курши). Но в данном списке есть еще один этноним, находящийся параллель в списке Иордана – чюдь-«тиудас». К этому любопытному совпадению еще предстоит вернуться специально, но именно из него многие исследователи выстраивали свои догадки о расположении народов «державы Германариха».

Если полностью доверять Иордану, то получается, что он подчинил большую часть Восточной Европы: от Балтики до Урала и от тайги до Черного моря. Естественно это кажется невероятным. Но не выдумал же «из головы» готский историк этот перечень. Поэтому была высказана идея о том, что в его основе лежит античный итинерарий – специальная таблица-дорожник, своеобразный справочный атлас для купцов, дипломатов и полководцев. Такие справочники, в отличие от географических сочинений, несут прагматическую, а значит более достоверную информацию. Они были широко распространены в Античном мире, их разновидностью были лоции для каботажного плавания вдоль берегов – периплы.

Характерной чертой их было именно прагматическое назначение. Они описывали маршрут методом крок, где движение представляется как перемещение от одного пункта к другому. Существенным, в таком случае, оказывается не само по себе абсолютное расстояние между ними, а время, затрачиваемое на преодоление этого пространства, чаще всего, измеряемое днями пути. Практичные для древних, они крайне сложны для расшифровки в наши дни, особенно, когда нам не известны те ориентиры, которые в них упоминаются. Перед глазами современного исследователя вольно-невольно возникает традиционная географическая карта, известная с детских лет. Для древних географов, часто не покидавших близкие пределы своего города, при их использовании стояла другая проблема, как свести в единую картину, имеющиеся в итинерариях и периплах сведения. Поэтому изображаемое ими пространст-

во, то «сворачивалось», то «распрямлялось». Земли, удаленные от традиционных путей оставались своеобразной *terra incognita* – «землей неизвестной».

Так или иначе, если перед нами перечень народов Восточной Европы, через которые проходил какой-то путь и относится он, по всей вероятности, к IV в. н. э., то, скорее всего, это путь пролежавший из Балтийского моря, в обход Русской равнины на кавказское побережье Черного моря. Путь, судя по всему, речной. Отметим этот момент. Прямые, или не слишком, пути с Балтики в Причерноморье, как выше говорилось, в это время известны. Может быть, в какой-то момент они стали непроходимы и потребовалось искать новый? Вполне вероятно. Готам необходима была связь с их «исторической» родиной. Не стоит ли за пышными фразами о подчинении углядеть реальный факт готской дипломатической миссии по кружному маршруту с целью обеспечения беспрепятственного прохода? Конечно, это только смелая догадка, для ситуации IV века кажущаяся невероятной. Но есть же примеры столь же безумных путешествий, когда их организаторов считали лжецами и выдумщиками современники.

Примерно в VIII в. н. э. безумный поэт Аристей прошел всю Великую Скифию и добрался, как считают некоторые исследователи, до Алтая или Хакасии. А вот пример поближе. Грек из Массилии (современный Марсель) Пифей совершил плавание до острова Туле, который считают Британией или Скандинавией. Для IV в. до н. э., когда он жил, ничего особенно невероятного в этом не было. Плавали до него и греки, и финикийцы. Другое дело, что ему удалось водным путем обогнуть Европу и вернуться в родной город с востока. За такой подвиг его сочли лжецом и в истории географических открытий его имя так и закрепилось – Пифей Лжец. Ну и уж совсем документально удостоверены торговые поездки русов (в это время скандинавов, рассказ о чем еще предстоит). Практически, по этому же пути они посещали Багдад на рубеже VIII–IX вв. н. э. Так что факт возможности самих путешествий по маршруту Кавказ – Волга – речные системы северо-запада России – Балтика вполне реален в готское время.

Вопрос, а точнее два, в том, зачем понадобилось Иордану записать в подданные Германариха племена итинерария, прибавив к ним «эстов отдаленнейших побережий океана», и что из реалий «геополитического характера» в виде подтекста может за этим скрываться. С первой частью вопроса как-будто все ясно. Иордан писал свой труд, не просто в тяжелые для Итальянского королевства остготов дни, а в дни его последние, дни катастрофы, когда былая военная мощь готов будет окончательно сломлена в битве при Тагинэ византийскими войсками под командованием хитрого евнуха Нарзеса (551). Ему хотелось обратить взор в великое прошлое своего угасающего народа. Другое дело, вторая часть вопроса. Похоже, что перед нами политическая программа самого Германариха, «программа максимум», программа объединения всего восточноевропейского «Барбарикума». Готам она оказалась не под силу. Но очерченный в ней замысел все же оказался воплощен спустя семь веков. И здесь проявится фантастическая параллель с произведениями древнерусской литературы. Им будет так называемое «Слово о погибели Русской земли», созданное в момент начального этапа господства монголами над Русью.

Круг народов, якобы подчиненных Германарихом окажется вполне реальным поясом балтских и финно-угорских племен-данников северной периферии Руси эпохи Владимира Мономаха. Так что нам либо надо с большим «оптимизмом» смотреть на реальность перспектив развития готской державы, прерванных гуннским нашествием, либо более критично относиться к первым векам русского государства, сознавая, что процесс оформления западной части Великой Скифии в единое целое объективно запрограммирован. Вопрос только во времени, форме и участниках, а, соответственно, и в конечном «этническом» результате. «Готский котел» в рамках ранне- или предгосударственного образования «державы Германариха», как показывают материалы черняховской культуры, булькал и успешно варил какой-то новый этнос. Нельзя уверять, что в результате получился бы народ, говоривший на восточногерманских диалектах, ведь к моменту крушения «державы Германариха» даже германские его составляющие не слились. Даже сами готы делились на восточных – остготов и

западных – везиготов и во главе их были два правящих рода – Амалы и Балты. Христианство не успело стать интегрирующим фактором. За счет расширения пределов державы, если бы оно шло так стремительно как виделось Иордану, увеличилась бы ее рыхлость и неравномерность развития отдельных составляющих. Так что, строить прогнозы о том, что могло бы состояться не стоит. История все равно распорядилась по своему усмотрению, введя новую действующую фигуру – гуннов.

Я уже отмечал, что специально, за отсутствием соответствующей информации, не стал подробно освещать картину происходившего внутри «четвертого», лесного мира. Пестрость и мозаичность памятников этой эпохи, при крайней бедности материалов и невозможности разработки дробной хронологии, не позволяют пока археологам создать достоверную картину. Важна оценка самого состояния брожения, которую так верно охарактеризовал Тацит, описывая венедов. Сарматские удары начала эры загнали далеко в Лес остатки населения более южных районов, заставив их общности распадаться, а их культуру, если не деградировать, то существенно измениться. Фиксируется и встречное движение с севера, а это тоже вело к каким-то новым процессам. Они проявились в трансформации традиционных культур раннего железного века в Лесу и к возникновению на его южной окраине, к северу от черняховского ареала, частично с ним пересекаясь, киевской археологической культуры. Именно она претендует на отражение существования социо-политического объединения антов на раннем этапе их истории. Анты находились под влиянием и, видимо, в какой-то зависимости от готов. Явно при случае они готовы были отделиться.

Не консолидация ли сил готам враждебных на лесных пространствах и великих водоразделах, там, где шло «брожение» и вот-вот должно было подняться славянское тесто, заставили Германариха, для которого связь с Балтикой и Скандинавией носила принципиальный характер, искать далекий обходной путь? Может и искали его в предчувствии надвигающейся гуннской опасности? Вскоре она пришла.

Кочевой народ, как и предыдущие волны кочевников, из глубин степной Азии оставил много загадок. До конца неясна его связь с «сюнну», которые вели упорную борьбу с Китаем и окрестными народами на рубеже эр. Несомненно, что в Европе гунны оказались перейдя Волгу-Ра. Не случайно имя их легендарного предводителя Атиллы созвучно одному из средневековых названий этой великой реки – Итиль. Держава готов Грерманариха, и до этого испытывавшая трудности, рухнула в одночасье как картонный домик. Археологи фиксируют гибель поселений черняховской культуры, прекращение захоронений на ее могильниках. Случилось это около 375 года. На часах истории заканчивался IV век, хотя календарному была отпущена еще четверть столетия. Однако, если картина археологии всегда «сперессованна» во времени, то письменные свидетельства, повествующие, как нынче модно говорить, «в реальном времени» показывают несколько другую картину.

Что тогда на самом деле произошло, мы можем лишь предполагать. Остается доверять только древним свидетельствам. Крах Германариха и его державы начался с того, что от него откололись роксоланы, некогда одно из грозных кочевых сарматских племен. В отместку он казнил жену их вождя, разорвав ее конями. Братья убитой отомстили, проткнув обидчику бок мечом. И в этот момент на готов напали гунны. Предоставим слово тому же Иордану:

«По смерти Германариха, они (остготы), отделенные от вестготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господства. Подражая доблести деда своего Вультфульфа, он, хотя и ниже Германариха по счастью и удаче, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с 70 старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных».

Власть и успехи Винитария не были прочными:

«Но с такой свободой он повелевал в течение одного года: этого положения не потерпел Баламбер – вождь гуннов: он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, ко-

торый, помня о клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов и, возобновив с ним союз, повел войска на Винитария. Долго они бились: в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов. Но в третьем сражении, когда оба (противника) приблизились один к одному, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и (соответственно) решению гуннов».

Ничего не напоминает эта картина? Очень похоже на Русь и Орду. И здесь параллель с историей более позднего времени. Но готы могли уйти, часть из них так и сделала. Руси было идти некуда, она ожила, поднялась с колен и победила.

V век пришел в Европу внезапно. Он обрушил Западную Римскую империю, перемещал народы, стер некоторые из них с лица Земли, а другие вывел на широкую историческую арену. «Великое переселение народов» в это столетие достигло своего апогея. Авангардом лавины варваров обрушившихся на Империю стали готы, а тем поршнем, что выдавил их с плодородных равнин Северного Причерноморья стали гунны.

Под давлением гуннов основная часть готов подалась на запад. Прижатые к Дунаю-Истру готы обратились к римлянам с просьбой поселить их в приграничных областях на правах союзников-федератов, обязанных военной службой и охраной территории Империи от набегов варваров. Такое разрешение им было дано, страшный враг остался на время позади. Но обещанный провиант из-за злоупотреблений чиновников не поступил, что вызвало массовый голод и восстание. Готы двинулись в сторону Константинополя. Навстречу им выступил император Валент. На исходе лета 378 года произошло сражение ставшее для римской армии вторыми Каннами а его роковые последствия еще долго отражались на судьбах Европы. Адрианополь, современное турецкое Эдирне. Здесь окончательно погибла былая слава и мощь римских легионов, здесь пал и сам Валент.

Однако сама Империя не погибла. Напротив, императором стал Феодосий, несомненно один из самых выдающихся деятелей позднеантичного мира. Прозвище «Великий» он явно получил заслуженно. Последний император, властвовавший над всей еще обширной державой, которая окончательно распалась на Запад и Восток с его смертью в 395 году, сумел договориться и замирить готов. Симпатизируя готам-арианам, Феодосий снискал и другое прозвище – «друг готов», нравившееся одним и раздражавшее других. От готов, проживавших в восточной части Империи желали ненавязчиво избавиться. Случай представился. Их спроводили в западную. В 410 году воины короля Алариха осадили, а затем захватили и разграбили Рим. Вечный город, в пределы священной границы которого («померия») нога чужеземного захватчика не ступала ровно восемь столетий пал. Спустя 45 лет он вновь будет подвергнут разграблению и разрушению. На этот раз удар будет нанесен с юга вандалами, германцами сорванными с насиженных мест в Центральной Европе и ветром Великого переселения народов заброшенного на север Африки.

А что же гунны? Они не осели в благодатных северочерноморских степях подобно скифам или сарматам. Повинуясь инстинкту кочевых завоевателей – «Дойти до последнего моря!» – они дошли до сердцевины Европы, тупика великого степного коридора, венгерской Пушты, тогдашней Паннонии. Оттуда Аттила двинулся дальше на запад. Его разноплеменное войско вобрало не только кочевников, присоединившихся либо присоединенных в походе по Великой Степи. Там были и германцы, и иллирийцы и многие другие. Среди них, были и ..., но об этом немного позже. В 451 году войско Атиллы в центре Галлии (совр. Франция) сошлось в кровопролитной битве с армией Западной Римской империи полководца Аэция и ее союзников. «Битва народов» на Каталаунских полях положила предел гуннской экспансии. Аттила еще сходит на Рим, но отступит от него удовлетворенный выкупом, вскоре умрет, а сыновья не смогут поделить огромное но рыхлое царство. И, спустя всего три года, на реке Недао неизвестные до этого никому герулы сокрушат военную мощь гуннов.

Первый акт великой драмы переселения народов будет завершен. Большинство из ее действующих лиц исчезнет или сразу, или спустя пару веков. От одних, как от гуннов, не останется и следа кроме мрачных легенд и воспоминаний о грозном вожде Аттиле «Биче Божьем». От других сохранятся названия земель и стран – Бургундия во Франции и остров Борнхольм по имени германцев бургундов на Балтике, Каталония в Испании (Гото-Алания) от иранцев алан и готов, там же и Андалузия от вандалов. Вовлеченные гуннами и готами в кровавый дележ римского наследия, варвары бывшего имперского пограничья оставили его пространства, уйдя юг от Рейна и Дуная. Сцена освободилась для новой исторической силы. Ей стали славяне.

ОТ ДУНАЯ ДО ВОЛХОВА

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени назывались спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказать об этом народе» – так писал современник Иордана византийский историк Прокопий Кесарийский.

Жаль, что он ограничил этот текст в своей «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», только данными сведениями. У него их имелось явно больше. Находясь секретарем и «ответственным порученцем» при блестящем полководце Велизарии, он располагал огромной информацией, бывал в самых разных концах Восточной Римской империи, пытавшейся в это время раздвинуть свои пределы до границ Рима эпохи его наивысшего могущества, общался с представителями самых разных народов в пестром войске своего шефа.

Но уже и эта информация важна и показательна. Самое главное, что в первой половине VI века, о славянах не только известно, но уже сложились устойчивые представления об их жизни и верованиях, социальном устройстве и военном деле.

В начале VI столетия славяне выходят из тени, выходят стремительно, не выходят – вырываются, словно джинн, веками просидевший в бутылке. Только с рубежа V и VI веков славяне начинают однозначно опознаваться в археологических материалах. Именно к времени около 500 года относят многие лингвисты отрыв собственно славянских языков от их «праславяно-балтской» колыбели.

Специфику языкового процесса в истории как славян, так и балтов, можно понять только сознавая, что балтские языки на стыке Античности и Средневековья, это не сложившиеся

языки, подобные литовскому или латышскому, а сложное, трудноуловимое языковое состояние. Балтийские языки самые архаичные, ближе всего стоящие к индоевропейскому единству языков. Отпочкование от них восточнобалтских диалектов из которых «кристаллизовался» общий для ранних славян язык завершило длительный процесс «брожения» в лесной зоне Восточной Европы. Археологическим эквивалентом ему стало формирование двух археологических культур – пражско-корчакской и пеньковской, которые исследователи соотносят со склавинами и антами, так красочно описанными Прокопием Кесарийским в вышеприведенном отрывке.

Между крушением «державы Германариха», закончившим для населения Леса, предшественников «четвертого мира», их венецианский этап истории, и началом походов славян за Дунай, сыгравших для них не меньшую, а, пожалуй, и большую роль, чем для бастарнов и готов, лежит столетие. Время жизни трех-пяти поколений. У славян было в запасе время для того, чтобы, выйдя из младенческого возраста, пройти детство и отрочество и явиться на арену мировой истории в пору своей прекрасной юности.

VI век стал веком славянской экспансии. В это время славяне широко расселяются на пространствах от Балтики на севере до Адриатики на юге, от Эльбы на западе до Дона на востоке. Они выходят за привычные рамки традиционной географической зоны. Именно в это время проявляется их удивительная способность адаптироваться и адаптировать, подчиняться, но ассимилировать победителя, одерживать победы и переносить поражения. Временами кажется, что славяне напоминают воду. Она прозрачна, на свет не заметна, но она неуклонно размывает и растворяет в себе, может кристаллизоваться в лед, а может вырваться обжигающим паром. Великая загадка славянства в том, что, порой синтезируя материальную культуру из чужих элементов, славянам удается сохранить собственное сознание и язык. Великий дар учиться и заимствовать, не теряя себя.

Обстоятельства способствовали быстрому славянскому расселению на просторах Европы. Оправившись от гуннского разгрома, готы обжились в пределах Империи. Вестготы ушли в Испанию и на юг Галлии, на развалины Западной Римской империи. Остготы до поры до времени оставались в пределах пограничья Западной и Восточной частей империи, в Паннонии. В конце V века, под благовидным предлогом их удалось выпроводить в Италию, где правил Одоакр, лишивший в 476 году императорских регалий малолетнего Ромула Августула, отправив их в Константинополь. Это событие считают концом Западной Римской империи и концом Античного мира. В 488 году вождь остготов Теодорих пришел в Италию. После нескольких столкновений он заключил с Одоакром мир, но сразу после этого предательски его убил. В Италии возникло остготское королевство. Теодорих, чьей резиденцией стала Равенна, отнюдь не был варваром. Он старался найти баланс между пришедшими с ним готами и потомками гордых римлян. Его имя войдет в средневековый европейский эпос как Тетрик Бернский и станет образцом мудрого и сильного правителя.

Отсутствие на Балканах существенной военной силы сразу сказалось. Славяне начали совершать дерзкие набеги, набеги сменились долговременными походами и, наконец, лавина славян хлынула через развалившийся Дунайский лимес и начала расселяться на Балканском полуострове. Здесь им пришлось столкнуться с византийскими войсками и остатками романизированного населения, обитавшего по обе стороны Дуная. Этот «героический» период истории долго сохранялся в эпической памяти. В частности, воспоминания об этом времени остались на страницах «Повести Временных лет»:

«По мнозех же временех сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хрвате белии и сербь и хорутане. Волхом бо нашедшем и насилышем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне».

Как можно прокомментировать это сообщение, исходя из других свидетельств? Прежде всего, выясним, кто такие загадочные «волхи». От определения, что вкладывали славяне в

этот этноним, как они его понимали, зависят многие вопросы о «дунайском этапе» истории славянства. Распространенным, и вполне обоснованным, является мнение, что волх/волох происходит из обозначения готами и родственными им германскими народами чужеземцев вообще, но преимущественно романизированных кельтов, то есть, как раз, населения придунайских провинций Империи (walah/walh). Оно, в свою очередь, происходит от кельтского этнонима, засвидетельствованного латинскими источниками (Volcae).

Однако не все так просто. Для славян волохи не просто конкретное население, с которым они столкнулись. Это еще и мифо-эпические враги, «чужие». Текст «Повести Временных лет» передает не конкретное предание о каком-то конкретном походе византийских войск или столкновении с местным населением. Это древнейший по глубине проникновения эпической славянской памяти рубежа XI–XII веков пласт, отразивший как стержневой момент той эпохи, так и осознание своей общности в противопоставлении себя другим, врагам, чужим, волохам.

Летописное сообщение говорит о насилии волохов над славянами, а вот византийские источники, тот же Прокопий, рисует картину обратную. Славяне, вторгаясь на Балканы, действовали как любые варвары. Грабили, захватывали в плен, сжигали и разрушали, наконец убивали. Этим они не отличались от готов, гуннов, скифов, кельтов и многих, многих других. Видавшего виды Прокопия поразило другое. Эти убийства зачастую были не просто предельно жестоки, но и просто беспричинно-бессмысленными. Особое удивление вызывало убийство скота. Вот тебе «не плохие и совсем не злобные», а ведь это слова того же Прокопия, приведенные выше. Выходит, у себя дома славяне вели себя по-другому? Да, вели. Захваченных пленников они, по сведениям других византийских источников, держали у себя определенное время, после которого предоставляли право уйти или остаться жить в своей среде на равных правах (не здесь ли разгадка секрета «плодовитости» славян, резкого увеличения их числа, ведь за время плена человек успевал выучить язык и освоится в другом обществе?).

Прокопий не разглядел ответа в собственных словах. Впрочем, он и не мог понять суть жестоких действий славян, поскольку был христианином, человеком цивилизации и иного типа мышления, мышления не лишенного мистики, но в целом вполне рационального. Вспомним о славянских обетах жертвоприношений в критической ситуации, на грани жизни и смерти. Славяне не бессмысленно убивали. Находясь на чужой земле, в своих представлениях они одновременно совершали путешествие в царство мертвых. В. В. Иванов и В. Н. Топоров высказали догадку, что заимствованный у германцев этноним мог истолковываться и в плане очень глубоких мистических ассоциаций. Славяно-балтский Велес-Волос-Велс – «скотий бог», бог животных и, одновременно, царства мертвых. Да и царство мертвых мыслилось как пастбища, где пасутся души погибших и умерших. Кроме того «скот» в древнерусском языке имеет значение «богатство», «деньги». Столкнувшись с Империей славяне мыслили ее таким Кощеевым царством мертвых, одновременно реальным и сказочным. Вышедшие из своих лесов славяне до поры до времени были детски наивны («во всей чистоте сохраняют гуннские нравы»), а именно дети отличаются беспричинной и бессмысленной с виду жестокостью. Они считали, что для благополучного возвращения за Дунай, из мира мертвых, в свой мир живых им надо оставить за себя двойника-заместителя. Возможно им казалось, что «чужие» и так покойники. Не случайно они их не убивают теми способами, когда может пролиться кровь. Из покойника кровь не должна течь.

Писать эти строки достаточно тяжело, кто-то может упрекнуть меня, что я оправдываю «милых сердцу славян». Прощать – дело человека, осуждать – дело суда. Ремесло историка выяснять и объяснять. Дело читателя – принимать – не принимать объяснение. История знает не мало примеров жестокости, они разделены веками и огромными пространствами. Со стороны жестокость всегда таковой останется, и жертва у нормального человека будет вызывать чувство сострадания, а палач – осуждение. Но не будем забывать о разнице между дикарем и цивилизованным современным человеком. Культура, цивилизация являются аккумулярованными

ным опытом многих и многих поколений. Исходя из этого, можно и положить грань между деяниями древних варваров и извергами наших дней.

Столкновение с новым для них миром способствовало сознанию единства «словенского» языка, противопоставлению его, а стало быть, и себя, остальным другим – «чужим», «немцам», языком этим не владеющим, следовательно – «немым». Расселяясь на Балканах, славяне образовывали отдельные социально-территориальные общности. Византийцы называли их славиниями. В целом, славинии, очевидно, были образованиями похожими на племена «Повести временных лет». Во всяком случае, именно термин «славинии» использовал император Константин Багрянородный в середине X века для обозначения славянских племен Восточной Европы в своем сочинении «Об управлении империей». Исследователи давно обратили внимание на то, что фактически одни и те же племенные названия имеются в разных местах славянского мира. Вопрос о том, где они первичны, а где вторичны, то есть в каком направлении шел процесс расселения, часто не может быть однозначно решен. Письменные источники очень скупы на конкретные сведения, освещая подробно только историю пограничья с Империей и оставляя вне поля зрения отдаленные земли. По всей вероятности, волны миграций протекали как с севера на юг, так и с юга на север.

На рубеже VI и VII столетий Византия переживала не лучшие времена (кстати, название Византия условный научный термин, сами византийцы считали себя по-прежнему римлянами-ромеями). Пережив огромное напряжение сил в период правления Юстиниана I (527–565), когда византийские армии вернули власть над Италией, Северной Африкой и частью Испании, начался период отката. Известную роль сыграли дунайские походы славян. На востоке мощное давление оказывали персы. Но особенно ситуация осложнилась с приходом новой волны кочевников – авар.

Авары представляли собой союз кочевых племен, где господствующее положение занимали тюрки. В середине VI века они через степи Прикаспия проникли в Северное Причерноморье. Вначале они выступили как союзники Византии, но после 565 года совершили ряд походов в Центральную Европу. В 567 году им удалось одолеть победителей гуннов – гепидов и обосноваться в Паннонии на территории современной Венгрии. В конце 560-х годов их союзники германцы-лангобарды ушли в Италию. На Балканах и в Подунавье авары остались один на один со славянами. Подчинив часть славянских племен, авары предпринимали походы против Византии и королевства франков, вторгались в Италию. В этих походах значительную часть их армии составляли славяне. Особенно они нужны были кочевникам в качестве пешего войска и войска, перемещающегося на кораблях. Без этого невозможно было организовывать планомерные осады городов.

Разноплеменное раннегосударственное образование – Аварский каганат – в течение более 200 лет терроризировало народы Европы. Первый удар военному могуществу авар был нанесен в 626 году. Неудачная осада Константинополя привела к большим потерям, а главное – к разногласиям между аварами и славянами, которым отводилась роль «пушечного мяса». О периоде господства аваров у славян сохранились не лучшие воспоминания. В «Повести временных лет» попало предание*:

«Эти обры (авары) воевали и против словен и примучили дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучали дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось не одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: «Погибли как об-»

* Цитирование древнерусских текстов в популярном издании представляет определенные сложности. Я позволил себе прибегнуть к «двойному стандарту». В ряде случаев приводится именно древнерусский текст с упрощенным написанием знаков, в иных – его перевод. Для «Повести Временных лет» за основу принято издание параллельных текстов Д. С. Лихачевым (См. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М. 1978), но в некоторых случаях современные слова-аналоги древнерусским могут быть подобраны иначе, что смещает акценты смысла выражений и фраз. Автор позволил себе их заменить, не делая дополнительных пояснений. При желании каждый может обнаружить эти изменения по указанному изданию.

ры», – их же нет ни племени, ни потомства». В древнерусском оригинале поговорка звучит как «Погибоша аки обре», что соответствует нашему «Погиб как швед под Полтавой». Добили же гордых аваров вполне реальные исторические персонажи.

В середине VII века авары были вытеснены из Северного Причерноморья другой группой тюркских кочевников – болгарами. Около 680 года болгарский царь Аспарух основал Первое Болгарское царство в Подунавье. В течение более чем двух веков будет идти сложный процесс взаимодействия между славянами и кочевниками-болгарами. Этот «эксперимент» окажется более удачным. Составив слой знати, болгары дали царству правящую династию, а новому народу и стране свое самоназвание, сохраняющееся донныне. Славяне передали свой опыт ведения земледельческого хозяйства и язык. Молодое царство быстро набирало силу, а для авар начался период окончательного заката. Добил их на рубеже VIII и IX веков король, а с 800 года император, франков Карл Великий.

Если в эпической памяти славян авары остались мучителями и насильниками, то материалы археологии демонстрируют, что реальные отношения славян и аваров были сложнее. Известны смешанные, славяно-аварские могильники. Их материалы позволяют говорить об определенном славяно-аварском «симбиозе». Не стоит забывать, что, выйдя на историческую сцену, славяне делились на две большие группы – склавинов и антов. Те, в свою очередь, тоже состояли из отдельных племен. Отношения внутри славянского мира бывали далеко не всегда мирными. Вожди славян лавировали между аварским каганом и византийским императором. В эпоху правления Маврикия (582-602) византийцы решили использовать в борьбе с аварами и союзными с ним склавинов антов. Аварский каган в 602 году отправил против последних войска под командой полководца Апсиха. С этого времени имя антов исчезает со страниц письменных источников. Возможно удар, нанесенный Апсихом, и не уничтожил этот союз племен, но активную роль в политике он играть перестал.

Участие в войнах на Балканах обогатило славян знаниями военного дела, отразилось на социальной организации. Пройдет всего 50–70 лет и на месте прежних толп вооруженных пехотинцев окажутся целые армии, способные вести правильную осаду городов. Особенно настойчиво славяне пытались овладеть Фессалониками, которые с утратой в результате арабского завоевания восточных владений Империи, стали вторым по размеру и значению городом после столицы. В течение 80 лет славяне пять раз подступали к стенам города. Подступали настойчиво, не просто для разграбления, но и для заселения. Шли с семьями и скарбом. Особенно упорной была пятая осада, длившаяся три года (675–677). Ее описание сохранилось в церковном произведении «Чудеса Святого Димитрия». Среди славянских племен упоминаются стримонцы и ринхины, славившиеся пиратской деятельностью. Название другого племени – драгувиты – созвучно названию древнерусского племени дреговичей. Славяне умели не только делать осадные машины, но и строить такое сложное сооружение как подвижная осадная башня – гелиопола. Уровень знакомства с порядками и нравами Византии наглядно демонстрирует и то, что князь ринхинов Первунд свободно изъяснялся по-гречески, имел свои связи в столице Империи.

Однако не только навыки войны были усвоены славянами на Балканах. Важно то, что на бывших землях Римской империи они освоили передовые приемы пашенного земледелия, овладели неизвестными им ранее приемами ремесла. В VII веке у славян на Балканах и в Подунавье начинают образовываться новые союзы племен, противостоящие Византии, аварам и франкам. Наиболее известно объединение некоего Само, существовавшее в середине VII века. Но сложность общей политической ситуации не давала этим союзам стабилизироваться и стать на путь образования государств. Это случится позднее.

Зализывая раны, Византия периодически переходила в наступление. Император Константин II в 658 году совершил поход против «славиний» Македонии и часть их стала данниками. В последние десятилетия века с северо-востока вторглись болгары и так же подчинили ряд «славиний». Сложными были отношения славян с франками и остатками романоязычного населения, жившего с ними зачастую чересполосно. Все это вызвало отток части славянского населения на север, обратно в зону своей прародины.

Заканчивался особый этап в истории славянства. Далее пути его ветвей разойдутся в зависимости от исторических обстоятельств. Те, кто останется на Балканах и сохранит свой язык, впоследствии станет основой для южнославянских народов – болгар, сербов, хорватов, словенцев и других. В бассейнах Одера и Вислы и южнее после бурного средневекового периода сформируются западнославянские народы – поляки, чехи, словаки, ныне исчезнувшие лужицкие сербы. Но это уже другая история, а мы вернемся на просторы Восточной Европы и посмотрим, что происходило там в VI–VIII веках.

В начальной, так называемой недатированной части «Повести Временных лет» содержится несколько фрагментов, которые характеризуют этно-географическую ситуацию в Восточной Европе накануне событий связанных с образованием древнерусского государства. Точно определить к какому времени относится нарисованная летописцем картина весьма сложно, ведь создавалась «Повесть Временных лет» в конце XI и первой половине XII века. К данному моменту многие упомянутые в этом своеобразном географическом экскурсе общности перестали существовать как социально-политическая, а, вероятно, и как этнографическая реальности. Ясно, что все они сосуществовали в рамках X столетия. Многие из них фигурируют в событиях более раннего периода. Но как глубоко он простирается в древность? От ответа на этот вопрос во многом зависит и решение проблемы о времени и характере славянского расселения в тех частях Восточной Европы, где их раньше не было.

Предоставим слово летописцу:

«Также и эти словене пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же словене, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались север. И так разошелся словенский язык, а по его имени и грамота прозвалась словенской».

«И по смерти братьев этих (полянских князей Кия, Щека и Хорива) род их стал держать княжение у полян, а у древлян было свое, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От них же кривичи, которые сидят в верховьях Волги, в верховьях Двины и верховьях Днепра, их же город Смоленск; именно там сидят кривичи. Так же север от них. На Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере тоже меря. А по Оке, где впадает в Волгу, мурома со своим языком, и черемисы со своим языком, мордва со своим языком. Словенский язык на Руси только у полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, севера, бужан, прозванных потому что сидели по Бугу, затем называвшихся волынянами. А другими языками (народами) являются дающие дань Руси чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь...».

«Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были от рода словенского и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же словен и также не сразу назвались древлянами; радимичи же и вятичи – от ляхов. Было в Ляхах два брата – Радим, а другой Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собой в мире поляне, древляне, север, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру, соседя с Дунаем. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, есть города их и до сегодняшнего дня, потому звались от греков Великая Скиф».

Вроде бы все три приведенные отрывка содержат сходную информацию. Однако летописцам понадобилось ввести все три описания. Если приглядеться, то в каждом отрывке, хотя ряд сведений дублируется, акценты разные. Первый – содержит перечень племен Восточной Европы, которые относятся к «словенскому языку» и недвусмысленно «Повесть Временных лет» связывает их происхождение с Дунаем. Второй отрывок сообщает, что свои

княжеские династии были только у полян, древлян, дреговичей и словен. То есть летописец считает, что «княжения» характерны только для племен «словенского языка», да и то не для всех. Список же балтских и финно-угорских «иных языщей» явно демонстрирует не только их языковые и этнографические особенности, но и подчиненное, данническое положение. Третий отрывок дает описание только славянских племен южной половины Восточной Европы.

Исследователи давно заметили, что названия славянских племен оформлены суффиксами разного облика. Часть названий оканчиваются на яне/ене, другие на ичи/ицы, наконец особняком стоит название север, к которому уже давно относились как к неславянскому. Еще более запутывают картину кривичи. Историки обратили внимание, что они занимают «промежуточное» положение между словенами и «иными языщами», не чужие, но и не свои.

Прежде чем попробовать распутать клубок этих противоречий и найти им приемлемое разрешение, надо задать вопрос, а что собственно означают перечисляемые летописцем названия. Дело в том, что, называя определенные социально-политические и в какой-то мере этнографические образования, летописцы не употребляют термин «племя». Это уже термин ученых. Нет сомнений, что у народов Восточной Европы той эпохи родовые отношения были сильны. Но вот можно ли всегда считать, все перечисленные названия именами племен. Не спасает ситуацию и введенный термин другого порядка – союз племен.

Бросается в глаза, что перечисленные группы населения Восточной Европы занимают разную по площади территорию. Разительно отличие, хотя бы, между полянами, занимавшими небольшой участок гористого правого берега Днепра и их соседями древлянами и севером (иногда это племя называют «северяне», но летописец решительно и упорно избегал добавки суффикса). Что говорить о территории кривичей, оседлавших крупнейший водораздел Русской равнины? Нет гарантии, что летописец отметил все племена, а не только те, о которых память сохранялась через три-четыре века. Чтобы не отягощать текст, придется и дальше употреблять слово племя, понимая его несколько условно. За племенами, вероятно, скрываются достаточно крупные, обладающие собственной социально-политической структурой и военной организацией группы населения варварского общества, каждая из которых обладала своей спецификой и определенным уровнем развития. Границы расселения племен могли тесно соприкасаться, как в случае с полянами и древлянами, а могли быть разделены значительными пространствами, либо вовсе необитаемыми, либо заселенными слабо, либо населенными группами людей не входящими в племена «Повести Временных лет». Внутри территорий племен люди проживали крайне не равномерно, поселения кучкуются вокруг крупных озер, тянутся вдоль крупных и малых рек и очень редко вылезают на водоразделы.

Г. С. Лебедев, проведя анализ текста вводной части «Повести Временных лет», выявил определенную структурную закономерность в изображении летописцем этно-географической карты Восточной Европы. Славянские и иноязычные племена делятся на группы по ряду признаков. Особо выделяются племена полян, древлян, дреговичей, полочан и словен. Именно у них имеются «княжения», их язык называется «словенским». Расселение этих племен с юга на север, вдоль будущего пути «из Варяг в Греки», ставшего основной транспортной магистралью Древней Руси, как бы намечает пути расселения особых групп славян, участвовавших в дунайских походах. Одновременно, Д. А. Мачинским была отмечена разница между лингвистическим славянством и «словенами». Если на славянских диалектах говорила значительная часть населения Восточной Европы, то «словене», это та их часть, которая участвовала в походах в Подунавье и, расселяясь на новых землях, несла с собой весь опыт, приобретенный на юге, и особый слой исторической памяти и самосознания.

Оседая в среде близкого им по культуре и языку населения, группы «дунайских словен» выступали в роли политических лидеров, что могло вести к образованию новых племенных общностей. Только на севере, где словене расселялись среди иноязычного «чуждского» населения, они отчетливо ему себя противопоставили, сохранив в качестве племенного общее самоназвание. И в других частях славянского мира, на пограничье с другими народами фиксируется сохранение этого этнонима – словенцы и словаки.

Когда произошло это движение? Вряд ли оно могло быть одноэтапным. Вряд ли какая-то одна группа склавинов-словен в один день оторвалась от массы своих балканских сородичей и устремилась на север в поисках лучшей доли. Но анализ письменных источников позволил тому же Д. А. Мачинскому определить вероятные временные рамки этого «исхода». Сопоставив последовательность событий описанных в недатированной части «Повести Временных лет» и общий контекст событий в Подунавье и на Балканах, он пришел к заключению, что расселение словен по территории будущей Руси не выходит за рамки 550–850 гг., а, вероятнее, укладывается в промежуток времени между серединой VII и серединой VIII веков.

Какими же данными располагает по этому вопросу археология? Накопленные археологические материалы в целом вполне органично вписываются в эту картину. Действительно на рубеже третьей и последней четверти I тысячелетия н.э. на территории Восточной Европы происходит ряд кардинальных изменений, толчком к которым послужило расселение новых групп населения, принесших из района Подунавья ряд культурных традиций ранее не известных. Наблюдается смена археологических культур предшествующей эпохи. В Правобережном Поднепровье происходит оформление группы памятников типа Луки Райковецкой, культура которых в X веке плавно перерастет в древнерусскую. На днепровском Левобережье образуется роменско-боршевская культура с которой связывают летописное объединение «север». В Днепро-Двинском междуречье происходит гибель городищ тушемлинско-банцеровской культуры и ее сменяет культура смоленских длинных курганов. В крайней точке продвижения на север словен – в низовьях Волхова – их появление можно предполагать в третьей четверти VIII века.

Помимо изменений в культурах лесной и лесостепной зон Восточной Европы, археологи отмечают факт распространения в ней в это время предметов хозяйственно-культурного комплекса, сформировавшегося в Юго-Восточной Европе и связанного с пашенным земледелием. Кроме предметов хозяйства и быта, описанное движение прослеживается и по распространению некоторых типов женских украшений.

Если со словенцами, то есть теми группами «исторического славянства», которые начали возвратное движение на свою прародину после эпохи дунайских походов и завоеваний, вроде бы многое понятно, то вопрос о том, что в это же время происходило в районах не заселенных склавином и антами остается под пеленой недостатка источников. Письменные – полностью для этого периода отсутствуют, археологические материалы – слабо выразительны. Можно допускать, что какие-то группы, в культурном и языковом отношении славянам близкие, просачивались на российский Северо-Запад и до проникновения сюда словен. До сих пор не утихают споры об этнической принадлежности населения оставившего памятники типа Тушемли – Банцеровщины и псковских длинных курганов. Выявлены в последние годы и другие древности, относящиеся к V–VIII векам.

Для нашей темы важны два вывода, точки зрения разных исследователей на которые в основном совпадают. Появление новых культур, сменивших культуры раннего железного века в северных районах лесной зоны Восточной Европы, относится к V веку и связано с грандиозными событиями гуннского нашествия, образования державы Атиллы и ее стремительного распада. То есть, эти культуры не могут принадлежать историческому славянству, проходящему в это время только начальный период кристаллизации, который завершится лишь в ходе дунайских походов. В хозяйственном и социальном отношении расселявшиеся словене были несомненно выше аборигенов, они оставались для них во многом чужими, даже если часть из них говорила на более-менее понятном языке. Именно расселение словен стало одной из важных предпосылок рождения древнерусской государственности.

Зафиксированная эпической памятью народа карта расселения различных племен на просторах Восточной Европы подводит своеобразный итог бурной эпохи Великого переселения народов и станет фоном на котором развернутся последующие события.

МЕЖДУ БАЛТИКОЙ И КАСПИЕМ

Итак, волна словенского расселения прокатилась по Восточной Европе, достигнув южной кромки тайги. Как уже отмечалось, к 760 годам словене проникли в Поволховье. Их движение на север принципиально изменило ситуацию в лесной зоне Восточной Европы. А что случилось к этому времени в остальном мире?

На Западе произошла смена правящей династии у франков. Последние «ленивые короли» Меровинги фактически утратили власть, уступив ее своим мажордомам. Один из них, деятельный Пипин Геристальский, добился, чтобы должность второго лица в государстве стала наследственной, его сын и наследник Карл Мартелл правил уже как самостоятельный государь, не обращая внимания на Меровингов, а внук Пипин Короткий и вовсе был провозглашен в 751 году королем. Последние Меровинги, Хильдерик Третий с сыном, окончили жизнь в монастыре. Началась новая династия франков – Каролингская, при которых была предпринята отчаянная попытка возродить Римскую империю. Эта навязчивая имперская идея объединения Запада еще долго будет будоражить умы средневековой Европы. Воинственный пыл первых Каролингов, достигший апогея в долгое правление Карла Великого (768–814), в 800 году коронованного римским папой императорским венцом, наткнулся на встречные волны агрессии – арабов, норманнов и венгров, упорное сопротивление славян и саксов. В кровавых муках рождалось политическое лицо средневекового Запада.

Кто мог подумать, что сплоченные исламом арабы вырвутся за границы своего полуострова и начнут победоносное шествие на север, запад и восток? Менее чем за сто лет после смерти пророка Мохаммеда его последователи пронесут зеленое знамя через Иран в Среднюю Азию, сквозь пески Северной Африки на Пиренейский полуостров. Византия, зажата между аварами и арабами, с трудом отражала их натиск. Средиземное море превратилось в арену борьбы, оно теперь разделяло два мира, две религии, две цивилизации – христианство и ислам. Мусульманская волна выплеснулась на христианский европейский берег. Арабский полководец Абдрахман проник до Пуатье. Только здесь франкам под командованием Карла Мартелла удалось остановить их и отбросить назад за Пиренеи (732). Но первая попытка «реконкисты» Испании, предпринятая Карлом Великим, успехом не увенчалась и закончилась героической гибелью легендарного Роланда в теснинах Ронсенвальского ущелья.

Арабы рвались за Кавказ, был захвачен Дербент и в 735 году их огромная армия вторглась в Хазарию. Мерван ибн-Мухаммед уничтожил армию кагана и вынудил принять его ислам. Однако провинцией Халифата Хазария не стала. Эпоха великих завоеваний для арабов заканчивалась. Бывшие воины становились купцами, боевого коня менял вьючный верблюд, походный строй – длинный караван, меч – звонкая серебряная монета-дирхем. Столицей Халифата становится Багдад. Сказочный халиф Гарун ар-Рашид «Тысячи и одной ночи», был вполне реальным историческим лицом и правил в Багдаде на рубеже VIII и IX веков. Чеканенные от его имени монеты расходились в самые отдаленные уголки Старого Света.

Европа в ту эпоху была лишена своих источников серебра, в котором остро нуждалась. Одним из источников его поступления могла быть торговля с арабами, но ей препятствовали не прекращающиеся войны в зоне Средиземноморья и расплодившиеся пираты, которым арабы покровительствовали. Надо было искать обходные, транзитные пути.

Пока на юге кипели эти страсти, далеко на северо-западе Европы зрела новая историческая сила. Исподволь в Скандинавии наступала новая эпоха, эпоха викингов. Если до этого Европа имела дело с угрозой вторжения степных кочевников, то вскоре ей придется столкнуться с набегами мореходов. К началу эпохи викингов скандинавы освоили прямой парус, многовековая традиция судостроения выработала особый тип килевого судна, достаточно устойчивого, со сравнительно низкой осадкой и грузоподъемностью, позволявшей перемещать на таком корабле отряд в несколько десятков человек. Драккары норманнов могли пересекать открытое море, даже выходить в океан и при этом их не пугало прибрежное мелководье. Такие корабли свободно поднимались вверх по рекам на достаточное расстояние от их устьев. Сочетание паруса и весел делало движение кораблей более независимым от погодных условий, а военные предприятия их экипажей чрезвычайно внезапными. Образцы таких

судов прекрасно известны по раскопкам норвежских курганов IX столетия в Гокстаде и Узеберге. Вооружение скандинавов было на высоте своего времени. Многие норманны имели мечи, клинки которых ковали в рейнских мастерских на территории Франкской державы (в науке их и называют «каролингскими»).

Кризис родового строя, относительная перенаселенность при скудных ресурсах толкали скандинавов в заморские военно-торговые экспедиции. Сотни и тысячи человек, сплываваясь вокруг энергичных знатных людей, уходили в такие предприятия, обозначавшиеся словом «викинг». Это слово распространилось и на самих участников походов. Викинги, грабившие порой без разбора и чужих и своих, снискали себе дурную славу не только за морем, но и у себя дома. Слово «викинг» в Скандинавии носило ругательный оттенок, было синонимом изгоя и разбойника. Однако именно викинги становились частью контингента из которого формировались дружины конунгов, института зарождающейся королевской власти – основе юной государственности, противостоящей старым родовым порядкам и разрушающей их. Типаж викинга (того же «пассионария», «человека длинной воли», «морского кочевника») в завершенном виде воплотился в их предводителях, так называемых конунгах-викингах (по определению Г. С. Лебедева). Состояние разбойника-пирата-наемника-торговца было временным. Неусидчивость, тяга к новым богатствам, приключениям и подвигам сочетались в викингах с желанием получить собственное постоянное «имение», пусть и за пределами родной страны.

Движение норманнов из своих земель началось уже в VI–VII веках. Они заселили Аландские острова и побережье Юго-Западной Финляндии, основали колонии Трусо и Кауп на юго-восточном побережье Балтики, следы их могильника известны на острове Тютерс в Финском заливе. Не позднее 750-х годов скандинавы достигли устья Волхова, где им вскоре придется столкнуться со словенами.

При раскопках в Старой Ладогe в нижнем течении Волхова в самых ее ранних слоях (на «материке» по выражению археологов) открыты несколько скандинавских домов и связанная с ними кузнечная мастерская. Среди груды шлаков, являющихся отходами деятельности кузницы найдена арабская монета – дирхем, чеканенный в 699 году. В нижних слоях Старой Ладоги прекрасно сохраняются органические материалы: дерево, навоз, щепка, солома. Метод дендрохронологии позволяет с точностью до одного года определить время когда было срублено дерево, пошедшее на бревно. Самое раннее по времени рубки бревно из раскопок в Старой Ладогe относится к 753 году и происходит из той самой мастерской. Именно эта дата послужила основанием для празднования 1250-летнего юбилея «первой столицы Руси». Была ли Ладога (Старой она стала только в 1704 году, с основанием Петром Первым Новой Ладоги) первой столицей Руси разговор особый и речь об этом пойдет ниже. А вот как относиться к юбилею?

Каждый город и населенный пункт желает иметь древнюю, «солидную» историю. Желание вполне понятное и естественное. Юбилей – дело тоже нормальное. У людей должны быть точки опоры в собственной исторической памяти. Важно на чем основаны круглые даты, стоит ли за ними какие-либо исторические факты и реалии или дело кроется только в аппаратных играх чиновников, добывающих «под юбилей» дополнительные средства и возможности «засветиться» перед вышестоящими инстанциями с лучшей стороны, привлечь к себе внимание общественности и прессы. Если действия чиновников не имеют прямого негативного последствия, когда они искренни, а средства, отпущенные на юбилей, идут на реставрацию памятников, организацию фестивалей, пропаганду исторических знаний, это только во благо. Другое дело, что к обоснованию (а порой выдумыванию) юбилеев привлекаются ученые. Их аккуратные выводы могут быть утрированы и поданы в виде «развесистой клюквы». Так, «первое упоминание в письменных источниках» превращается в «основание», дата «под юбилей» может быть за уши притянута к данным археологии или письменных источников. Яркими примерами подобной профанации является 1500-летие Киева, отпразднованное в 1982 году и 1125-летие Новгорода, отмечавшееся в 1984. Дата «основания» Киева «висит» только на находке одной монеты византийского императора Анастасия, который начал пра-

вить ровно за 1500 лет до 1982 года, в 482 году. Каких-либо значительных поселений этого времени на территории Киева нет. Что касается Новгорода до дата его «основания» вообще вызывает крайнее недоумение. $1984 - 1125 = 859$. Летописи упоминают о строительстве Новгорода под 862 годом, а под 859 годом упоминается совсем другое, а именно – сбор варягами дани со словен, чуди, мери и кривичей. Летописные даты для этого периода, конечно, не точны, очень относительны, да и археологические раскопки не выявили на территории исторического Новгорода слоев ранее X века. Это знают все специалисты от студентов до академиков. Просто кому-то юбилей понадобился именно в 1984 году, три года ждать не хотелось. Уж если прибегать к условным историческим датам, то они должны быть предельно корректны, иначе подобное, приведенному выше, лукавство и начетничество бумерангом вернется скепсисом к историческому знанию и работе историков.

Однако вернемся к Ладоге. Пусть она отпразднует 1250-летие. Она заслужила этого. Действительно, это уникальный комплекс археологических и архитектурных памятников, вписанных в потрясающе красивый исторический ландшафт. Что делать, если опорную дату, более точную чем летописные упоминания, мы получили не в результате вычислений автора «Повести временных лет», а в результате раскопок археолога Е. А. Рябина. Если для Санкт-Петербурга известен не только год, но и день его основания, то 1147 год для Москвы или 753 год до н. э. для Рима – только опорные точки в их истории, весьма условные, формирующие определенный исторический миф. Но этот миф безобиден, поскольку он осознается как таковой, а не абсолютизируется, превращаясь в безапелляционную истину. В конце концов, на условной дате основания Рима (Варронова эра) держится большая часть хронологии значительной части европейской и всемирной истории. Пусть именно такой миф о начальном годе Ладоги возникнет, тем более, что красоту ему придает симметричность году основания Рима по отношению к рубежу эр.

Итак, данные археологии свидетельствуют, что около 750 года, еще до начала эпохи викингов низовьев Волхова достигла группа скандинавов, на какое-то время здесь обосновавшихся. Что привело их в столь далекие края? Что оторвало от родной стихии моря и забросило на кромку континентального пространства Великой Скифии? Подсказку на эти вопросы может дать примечательная находка из одного кургана в окрестностях Старой Ладоги.

Среди пережженных костей погребения в основании насыпи при раскопках (еще XIX века) оказались бронзовые бляшки, некогда в качестве накладок украшавшие богатый пояс. Полные поясные наборы с подобными накладками характерны для районов Прикамья и встречаются в погребениях так называемых неволинской и ломоватовской культур. Эти культуры второй половины первого тысячелетия н. э. связаны с народами, говорившими на восточных финно-угорских языках. С давних времен Прикамье, расположенное поблизости от Урала было центром обработки цветных металлов. Изделия, изготовленные мастерами в бассейне Камы, расходились на достаточно широкой территории. Но особенно устойчивые связи наблюдаются между Прикамьем на востоке и Средней Швецией и Фенно-Скандией на западе. Линия этих связей весьма устойчива во времени. Еще в бронзовом веке по этой оси распространяются втульчатые топоры-кельты так называемого меларского типа. Существует целый ряд определенного вида находок от эпохи бронзы до XI–XII веков н. э., которые встречаются вдоль этой оси. На нее как бы нанизаны яркие культуры периода раннего средневековья. Все они расположены вдоль южной кромки тайги и связаны с миром финно-угров. Богатство цепочки этих культур вытянувшейся от востока Балтики до Уральского хребта невозможно объяснить без фактора торговли. Тайга, богатая пушниной, спрос на которую был устойчив и высок как на Западе, так и на Востоке, манила к себе торговцев,ставляла местных охотников ориентироваться на этот прибыльный промысел. К теме пушного промысла и торговли нам не раз придется обращаться в нашем историческом экскурсе. «Мягкое золото» раннего средневековья, подобно пряностям и золоту позднего, стало важным фактором поиска новых путей к его источникам. Ось Скандинавия – Прикамье была, с одной стороны, культурным стержнем финно-угорского мира, связывавшим его две языковые группы – прибалтийскую и восточную, с другой, своеобразным каналом информации, по

которому двигались не только материальные, но и духовные ценности. Этот своеобразный «священный путь» внутри финно-угорского мира, не мог остаться вне поля зрения как славян, так и скандинавов.

Стоит отметить, что для финно-угорского общества вообще характерна высокая степень сакрализации. И славяне и скандинавы воспринимали финнов как кудесников и магов. Сложная и мрачноватая мифология таежных жителей воплощалась не только в непонятных чужакам обрядах, но и в украшениях. Особенно это характерно для районов Прикамья, где выработался собственный художественный стиль – «пермский звериный». Накапливаемые богатства зачастую не пускались в оборот, не тратились на повседневные жизненные нужды, в конце концов не скапливались в руках отдельных людей. Нет, они оседали в святилищах, в священных пещерах, на холмах и утесах. Богатства эти копились веками. Священное серебро, поступавшее на таежный север в виде монет и посуды в обмен на меха, упокаивалось не в погребениях знати, а в языческих капищах. Неизвестно, какой смысл придавали жители Прикамья и Приуралья изображениям на роскошных иранских блюдах со сценами охоты царских особ династии Сасанидов, но именно таежные святилища сохранили для нас прекрасные образцы сасанидской торевтики, уничтожавшейся арабами в покоренных странах. Воинствующие мусульмане пускали блюда и чаши с изображениями людей и животных в переплавку, из них чеканили серебряные монеты – дирхемы. Прикамье долгое время аккумуляировало серебро Востока и арабские монеты начали проникать сюда задолго до того как о них узнали на Балтике.

Но богатство порождает слухи. Трансформируясь в мифы, слухи ползли по «священной дороге» из Прикамья на Балтику и далее. Связь эта вряд ли была прямой, хотя явно не одно-сторонней. О том, что шел обмен мифами и мифическими образами, красноречиво свидетельствуют находки в Прикамье кресал, украшенных изображениями человека с двумя птицами на плечах. Исток этого сюжета находится в области скандинавской мифологии. Это бог Один и два его вещих вороны Хугин и Мунин. Священное для добычи огня кресало украшалось прикамцами чужим, вероятно уже переосмысленным сюжетом, но все же до них дошедшим и усвоенным. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие вещи перемещавшиеся по «священной дороге» носили престижный и сакральный характер, им явно придавался магический смысл, причем их магическая функция возрастала по мере удаления от места производства и употребления. Так «неволинский» пояс, детали которого найдены в кургане Старой Ладogi, в Прикамье сопровождает погребения женщин, а на западе они встречены уже в богатых воинских захоронениях.

Вероятно таков был механизм формирования в сознании скандинавов мифа о лежащей на востоке стране, сказочной Биармии. Подобно Индии для средневековой Европы Биармия для скандинавов стала манящим миражом. Добраться до нее и обогатиться становилось целью не одного поколения людей, уходивших в «викинг». Ясно, что сухопутные дороги длинные и опасны. Норманн привык иметь дело с морем. Подобно поиску морского пути в Индию европейцами, скандинавы стали настойчиво искать водную тропу в Биармию, представления о которой у них были, надо думать, еще более смутными.

Исследователи не раз отмечали сходство названий Биармия и Пермь. «Пермь» легко объясняется из языка коми-зырян – «тайга». Соответственно скандинавы могли обнаружить Биармию везде, где только люди говорили на восточно-финских наречиях и обитали в суровых лесах Севера. Похоже, что так произошло с норвежцем Оттаром, поведавшим о своем путешествии английскому королю Альфреду Великому в конце IX века. Оттар обогнул северную оконечность Скандинавского полуострова и далее на востоке встретил биармов. Где бы он ни побывал (на этот счет есть разные точки зрения), он, как и его последователи, совершавшие походы к Беломорью вплоть до XIII века, оставался так же далек от обретения истинной Биармии, как Колумб Индии, хотя так же верил, что побывал именно там.

Быть может первые скандинавские поселенцы в Ладoge, двигаясь по самому западному участку «священной дороги», хотели приобщиться к этому сказочному и богатому миру. Частично у них это получилось. Дирхем, найденный в их кузнице, вероятно, попал из При-

камня. И уж наверняка оттуда доставлен пояс, сгоревший в огне погребального костра вместе со своим обладателем где-то в 750-х–760-х годах (позднее такие пояса перестали делать). Из Прикамья «прилетела» птичка, отлитая в пермском стиле и найденная на берегу Волхова на краю поселения.

Но к богатствам севера тянуло не только скандинавов. Практически одновременно с ними в Поволховье появились и словене. Как отмечалось выше, они в это время вряд ли были мирными земледельцами, просачивающимися все дальше на север в мир балтов и финноугров. Скорее, изначально это были военизированные ватаги, этакие сухопутные викинги в море лесов. В Поволховье столкнулись две стихии, два мира, две культуры, но люди их представлявшие были чем-то близки друг другу, что проявится впоследствии. И цель этих групп людей, похоже, была одна: лесные богатства севера Восточной Европы и возможность их превращения в богатства южных цивилизаций. Верх в первом столкновении, произошедшем, судя по материалам Ладоги, на рубеже третьей и последней четвертей VIII века, одержали словене. Скандинавский поселок при впадении Ладожки в Волхов прекратил свое существование и на его месте возник славянский.

Читатель закономерно спросит, почему небольшому поселку в низовьях Волхова уделяется столько внимания, неужто он и вправду стал первой столицей Руси. Ответ гораздо прозаичней. Только в Старой Ладоге мы имеем для периода середины VIII – конца IX веков слои с органическими остатками и возможность определять время существования построек, в них залегающих, с точностью до нескольких лет. При отсутствии письменных свидетельств для этой важной эпохи, непосредственно предшествующей рождению древнерусской государственности, культурный слой Старой Ладоги превращается в своеобразное продолжение (точнее предисловие) летописной истории.

Итогом встречи двух колонизационных потоков – скандинавского и славянского – стало образование еще одной цепи связей и линии коммуникаций, гораздо более протяженной чем «священная дорога» из Прикамья на Балтику, но невероятно более значимой для истории народов Восточной и Северной Европы. Произошло замыкание, и по цепи пошел ток. Именно в последней четверти VIII столетия по ней на север хлынет поток арабского серебра.

Древнейшими кладами восточных («куфических») монет в бассейне Балтийского моря являются клады в Старой Ладоге и на Готланде. Время сокрытия клада определяют по так называемой младшей монете, то есть монете, имеющей самую позднюю дату чеканки. Чем интенсивней денежное обращение, тем ближе время сокрытия клада к его младшей монете. Младшая монета клада из Старой Ладоги относится к 786 году, клада с острова Готланд к 783 году. Места обнаружения этих кладов не случайны. И та, и другая точка являются ключевыми в системе стремительно формировавшихся связей между Северной Европой и Арабским Востоком.

Старая Ладога находится на стыке морского и континентального пространства. Отсюда, из низовьев Волхова, начинается тысячеверстный путь по рекам, озерам и волокам через лесные просторы Восточной Европы. Морские корабли здесь уже не годятся, им не пройти Волховские Гостинопольские пороги, расположенные в 9 км от Старой Ладоги вверх по течению. Только здесь, на участке между бурным Ладожским озером, которое в древности воспринималось как залив «моря Варяжского», и страшными Гостинопольскими порогами, есть пригодная стоянка для крупных судов – устье речки Ладожки, левого волховского притока. Не случайно, несмотря на опасную для нападений доступность (за 250 лет, как показывает археология, поселение не менее 5-6 раз подвергалось разгрому), люди крепко держались за это место.

Остров Готланд расположен в центральной части Западной Балтики. Это средокрестие всех путей. Готландские купцы были известны всему балтийскому региону. В более позднюю эпоху связи готландцев с Новгородом стали особенно прочными.

Торговля на Балтике начала развиваться еще в VII веке и сопровождалась появлением прибрежных торговых центров. Тогда лидирующая роль принадлежала купцам народа фризов, проживавшим в низовьях Рейна, на северной окраине державы франков. С началом эпо-

хи викингов эта роль перешла к скандинавам. Однако Фризия продолжала оставаться своеобразным законодателем мод. В последние десятилетия исследователи обратили внимание на чрезвычайную близость многих элементов культуры населения берегов Балтийского и Северного морей. Разное в языковом отношении, входящее в различные социально-политические структуры, это население использовало одинаковые предметы или выполняло их точные подражания. Торгово-ремесленные поселения, разбросанные по пространству побережья Балтики и Северного моря от Старой Ладogi на востоке до Каупанга на Западе явно были тесно между собой связаны.

Это сходство породило теорию Циркумбалтийской цивилизации раннего средневековья. Сформулированная в эпоху когда в Европе начали витать идеи общего рынка, а в СССР ослаб железный занавес эта теория во многом грешит модернизаторством. Ганзейское высокое средневековье, эпоха развитой государственности и устоявшихся правовых отношений в международной и внутренней сфере была спроецирована на несколько столетий назад, в эпоху варварства и только-только зарождавшейся государственности. Однако нет сомнений, что зерно истины в ней присутствует. Прежде всего, это сравнение ситуации на севере Европы в раннем средневековье и ситуации в Средиземноморье эпохи Великой греческой колонизации. Представляется очень удачным выбор термина Северное Средиземноморье, который отражает не только сходство исторических процессов удаленных во времени более чем на полтора тысячелетия, но и сходство географической ситуации по разные концы Европейского континента. Для нашей темы это чрезвычайно важно, поскольку уточняет позицию Великой Скифии в системе Евразийского культурно-исторического пространства.

Оба Средиземноморья примыкают к западным границам Великой Скифии. Они ограничивают пространство «собственно Европы», к которой тяготеют Британия и Скандинавия, долгое время считавшаяся островом. Северному Средиземноморью история отвела роль одной из главных сил прорыва из Средневековья в Новое время, прорыва технологического (судостроение, вооружение), социального (Англия, Нидерланды) и идеологического (страны победившего протестантизма). Истоки этих явлений, вполне возможно, действительно уходят в эпоху викингов. Цивилизация в странах Северного Средиземноморья рождалась на местной почве. Античное наследие экспортировалось на север, впитывалось, перерабатывалось или отторгалось. Подобную ситуацию мы будем наблюдать и на Руси, что несомненно роднит ее со странами Северного Средиземноморья. Так или иначе, но Северное Средиземноморье становилось с рубежа VIII–IX веков мощным силовым полюсом, оказывавшим влияние на более удаленные территории. Скандинавы играли в нем роль очень активную, но были далеко не единственными действующими лицами, что безусловно стоит учитывать.

Для Хазарии середина и вторая половина VIII века стали периодом спокойствия и расцвета. После страшных вторжений арабов часть алан, болгар и самих хазар с Северного Кавказа откочевала на север в донские и приволжские степи. Некоторые продвинулись еще дальше в лесостепь и соприкоснулись со славянами. Часть алано-болгарского населения осела и стала заниматься земледелием. Возникали города. Крупнейшим из них был Итиль в нижнем течении Волги. Как и другие города он возник вокруг ставки правителя. Только в данном случае это была ставка самого кагана.

По всей вероятности именно во второй половине VIII века хазары наложили дань на вятичей, северян и полян. Вряд ли эту дань можно считать тяжелой. Брали по 1 серебряной монете (надо думать дирхему) и шкурке белки с «дыма», то есть с жилища. Раскопки показывают, что жилища славян этого времени могли служить приютом только малой семье. В обмен на дань хазары обеспечивали взаимовыгодную торговлю, которая давала славянам то же арабское серебро и качественные изделия хазарских ремесленников. Нельзя забывать, что подчинение Хазарии оборачивалось для славян еще плюсом внутренней и внешней политической стабильности. Так что, с «буйными набегами» хазар Александр Сергеевич (который Пушкин) явно переборщил. Особенно во времена Вещего Олега. В это время хазарам будет уже не до набегов.

А что же представлял собой Хазарский каганат в период между арабскими вторжениями и разразившейся в начале IX века смутой, в период своего расцвета? Ядро его государственной территории составляли степные и лесостепные районы между Днестром и Волгой, бассейн Кубани и северокавказские степи. Номинально хазарскому кагану подчинялись волжские болгары, осевшие в районе устья Камы. С ряда племен взималась дань (поляне, радимичи, вятичи, северяне, буртасы, эрзи, черемисы). Состав основного населения каганата был пестрым. Наряду с тюркоязычными хазарами и болгарам, в него входили и ираноязычные аланы. Однако в условиях государственного объединения активно происходила нивелировка культуры и языка. К середине VIII века по всей территории каганата распространился единый тюркский язык болгаро-печенежской группы. Об этом единстве красноречиво свидетельствует распространение рунической письменности. Общие язык и письменность все больше сближали население Хазарии. Археологическим эквивалентом такого сближения стало формирование единой археологической культуры получившей название салтовской или салтово-маяцкой.

После войн с арабами произошли существенные изменения в политическом раскладе между отдельными группами населения каганата, отразившиеся системе правления. По-прежнему каганом мог стать только представитель хазаро-тюркского рода Ашина. Но не подвергавшиеся прямому арабскому вторжению болгары Подонья смогли выдвинуть из среды своих ханов соправителя кагана. Каган превратился в символического сакрализованного правителя, хранителя старых традиций, а реально за него управлял каган-бек. Последний не просто мог назначать кагана, но даже и убить его. Практика подобного двоевластия, столь удивлявшая арабов, возможно, нашла свое отражение на Руси в паре Игорь – Олег.

Установление мира между Арабским халифатом и Хазарским каганатом, которые переживали лучшие и самые спокойные дни своей истории, создало предпосылки для развития торговли. В этой торговле было очень заинтересовано Северное Средиземноморье. Продвижение словен в северную часть Восточной Европы проторило неизвестные ранее пути через континентальные лесные пространства запада Великой Скифии. Военная добыча и пленники, дани и продукты лесных промыслов требовали реализации, превращения в ценные вещи и дорогое оружие, заморские яства и звонкую монету.

Как по закону сообщающихся сосудов система заработала почти мгновенно. Начало налаженных регулярных контактов между Балтикой и Арабским Востоком через земли Хазарии в 770-х – 790-х гг. наглядно демонстрируют материалы той же Старой Ладogi. В слоях этого времени встречены бусы из сердолика, синие стеклянные лунницы, поступившие с территории Хазарского каганата, найдены арабские монеты с датой чеканки максимально близкой к моменту сооружения построек, где они найдены, а самое главное, начинает действовать стеклодельная мастерская, работавшая на привозном сырье по ближневосточной технологии. Бусы становятся меновым товаром. Это товар для обмена на драгоценные меха таежной зоны. Можно представить какие фантастические прибыли извлекались из подобного рода операций. Создание собственной стеклодельной мастерской позволяло не ожидать прихода очередного каравана, не ждать следующего сезона, а производить бусы по мере поступления партий мехов.

Меха нужны и Западу, и Востоку. Считается, что одним из ранних славянских заимствований в немецкий язык является слово «соболь» (zobl). Это может расцениваться как свидетельство посредничества славян в торговле мехами на Балтике. В то же время мы имеем свидетельства о начале торговли мехами в Багдаде.

Ярким показателем широты установившихся связей являются знаки-граффити на монетах Петергофского клада, найденного в 1941 году на южном берегу Финского залива. Его младшая монета относится к 805 году, значит клад был зарыт в самом начале IX века. На монетах обнаружены рунические знаки скандинавской и тюркской систем письменности, а также греческое имя Захариас. Конец VIII и два первых десятилетия IX века стали временем первого пика максимального притока на Балтику куфического серебра. Дирхем как средство обращения покрывает почти всю территорию Восточной Европы.

Вероятно, в это время происходит консолидация словен пришедших на северо-запад России. Зоной их основного расселения становится Поволховье и Ильменское Поозерье, плодородные почвы которого благоприятствовали и занятию земледелием. Этот этап истории группы славянства, ставшей спустя полтора-два столетия основой средневекового Новгородского общества, чрезвычайно важен. Закрепившись в ключевом, центральном районе региона, на стыке культурных миров и оседлав важнейшую часть основной коммуникационной артерии между Северным Средиземноморьем и странами Востока, словене превращались здесь в лидеров исторического процесса. Сохранение общего самоназвания в иноязычном, в данном случае чудском, окружении факт для славянства не исключительный, а скорее характерный. Однако следует учитывать, что группы первоначальных переселенцев вряд ли были многочисленны. Характер продвижения заставляет предполагать значительный дисбаланс между мужской и женской частью коллективов мигрантов. Женщин, очевидно, приходилось добывать из круга местного аборигенного населения. Почему же словене на первом этапе, как и на последующих, вышли победителями в этническом споре, сохранив свой язык, сознание общности, историческую память и удержав в качестве самоназвания этникон «словене»? Причин, на мой взгляд, здесь несколько.

Во-первых, сказалось то, что в силу ландшафтных особенностей Поволховья и Поозерья, здесь практически должно было отсутствовать значительное местное население. Памятники культуры псковских длинных курганов гигантской подковой охватывают эту территорию, оставляя середину пустой. Это давало временную передышку для закрепления.

Во-вторых, несомненно военно-организационное превосходство мигрантов, особенно явственное на фоне окружающих аборигенов. Анализ фортификации словенских городков показывает, что их строители имели развитые представления о приемах обороны и штурма, возводили укрепления с расчетом возможности отражения лобовой атаки меньшими силами. Поселения Поволховья, где установлено наличие слоев не позднее первой половины IX века или можно предполагать их наличие (Любша, Новые Дубовики, Холопий Городок и другие), расположены в ключевых пунктах волховской водной магистрали и имеют укрепленную часть.

В-третьих, удивительная восприимчивость словен к новациям и адаптации собственных традиций к новым условиям. Этот факт демонстрируется сложением в Поволховье в течение жизни двух-трех поколений (770-е – 830-е годы) весьма эклектичной по происхождению отдельных элементов культуры, в которой сложно выделить собственно «словенский» компонент. Однако в синтезированном виде к середине IX века эта культура вполне оригинальна и в следующем столетии становится основой древнерусской культуры Новгородской земли. Ее отдельные элементы (металлообработка, косторезное дело) тесно связаны с традициями Северного Средиземноморья.

В-четвертых, военно-данническая и торгово-промысловая активность являлись для словен не просто условием участия в дальней торговле в качестве посредников или активных контрагентов, но и условием социальной адаптации на месте и физического выживания. Малое число мигрантов, в контексте жесткого противостояния автохтонам, должно было сказаться на сплоченности коллективов, при относительном социальном равенстве их членов и сильной роли личностей лидеров. Как модель и пример здесь могут выступить казачьи отряды, осваивавшие Сибирь в XVII столетии. Более того, стереотип организации этих отрядов и должен уходить корнями в эпоху словенской колонизации территории будущей Новгородской земли.

В-пятых, демографическая масса словен могла стремительно возрастать лишь в случае полигамной формы брака. Тогда численность рода за пару поколений увеличивалась на порядок. Конечно, возникает вопрос о передаче языка, поскольку ребенок усваивает его, как правило, от матери. Естественно, для самих словен осознанно этот вопрос вряд ли мог стоять. Для них было актуально социальное воспроизводство коллектива, желательно в расширенном варианте. Почти наверняка могла присутствовать какое-то время ситуация двуязычия. Однако, с взрослением мальчиков, и достаточно ранним переходом их в сферу влияния

мужской субкультуры этот вопрос автоматически решался в сторону освоения языка отца. Трудная совместимость форм славянской и финно-угорской речи делала этот выбор еще более жестким. В качестве специфического катализатора освоения славянского языка выступал фактор превращения его в язык международной торговли. Переводчиками в Багдаде не позднее середины IX века выступали именно славяне. Использование славянского в качестве традиционного языка-посредника позже сыграет значительную роль в интеграции выходцев из Скандинавии в древнерусскую среду. Часть девушек, все-таки усваивавших язык матери (хотя трудно представить ситуацию, чтобы, как матери, так и их дочери, не освоили бы основ языка коллектива, в который они попали и даже родились) могла подвергаться «обратной конвертации». Выдача их замуж в чуждые семьи облегчалась. При этом устанавливались полезные для обеих сторон родственные отношения, а невеста без труда обеспечивалась богатым приданным. Такие связи несомненно способствовали интеграции населения формирующейся Северной Руси.

Наконец, словене проникли в Поволховье до начала эпохи викингов, до начала активной экспансии скандинавов, пик которой придется на середину IX века. У них, до поры до времени, не было достойного противника. Они дошли до крайних северных пределов своей «экологической ниши» – лесной зоны Восточной Европы, но по-прежнему продолжали в ней оставаться. Скандинавы, если их и манила сказочная Биармия, преимущественно пытались отыскать дорогу до нее, подобно Отгару, морем. Ситуация изменится с началом действия фактора восточной торговли по рекам запада Великой Скифии. Поволховье сразу станет для норманнов лакомым куском. И тогда грянет для словен час тяжелых испытаний. Жестко встанет вопрос о том, кто и как будет торговать на великом пути из Северного Средиземноморья в жаркие страны Халифата, а, самое главное, кто эту торговлю будет организовывать и контролировать.

МЫ ОТ РОДА РУССКОГО

Если на рубеже VIII и IX веков на пространстве между Северным Средиземноморьем и восточными провинциями Халифата наблюдается удивительное спокойствие и, быть может, именно эта эпоха нашла отражение во фразе из «Повести временных лет»: «И живяху в мире поляне, и древляне, и северо, и радимичи, вятичи и хрвате», то на Западе разразилась гроза.

Датой начала эпохи викингов считают 793 год, когда нападению норманнов подвергся монастырь на острове Линдисфарн, близ побережья Британии. Далее атаки викингов последовали одна за другой.

Пока был жив Карл Великий (ум. в 814 г.) оборону побережья империи франков еще удавалось организовывать. Но в 830-х годах престиж и могущество Каролингов пошатнулось. Государство начали терзать внутренние распри, обернувшиеся Верденским разделом 843 года. Именно в это время скандинавы активизировали набеги. В 836–839 годах удару подверглась Фризия, один из главных торговых центров Каролингской империи. Особого размаха нападения норманнов достигли в 840-х годах. В мае 841 года викинги появились в устье Сены и овладели Руаном, одновременно их отряды рыскали вдоль юго-восточного побережья Англии. В злосчастный год Верденского раздела норманны захватили Нант и в поисках добычи несколько раз поднимались по Луаре. Наконец в 844–845-х годах им удалось разграбить Гамбург и сжечь Париж.

Это только небольшая часть тех походов, которые предприняли викинги в первой половине IX столетия. Однако бешеный натиск на страны Западной Европы был только надводной частью того большого айсберга процессов, которые получают в истории название движение викингов. Викинги дадут название целой эпохе, завершившейся становлением ряда государств в Северной, Центральной и Восточной Европе. На исходе этой эпохи окончательно определятся контуры христианского мира, границы которого останутся почти неизменными вплоть до Великих географических открытий.

«Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид, иже послани от Олга, великого князя

рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр, к вам...», – эти слова начала договора 911 года Руси с Византией, извлеченного из княжеского архива и включенного в «Повесть Временных лет» не дают покоя вот уже какому поколению исследователей. Именно договоры с греками Олега и Игоря, наряду с легендой о призвании варягов, содержащейся в той же «Повести Временных лет» стали отправной точкой в дискуссии по «норманнскому вопросу», которая длится уже не один век.

Дело в том, что приведенные в договоре имена скандинавские. Скандинавскими по происхождению являются и имена первых правителей Руси – Рюрика, Олега, Игоря и Ольги; лишь с третьего их поколения появляется славянское имя князя – Святослав, а в договоре Руси с Византией 944 года присутствуют славянские, по именам, представители знати и их доверенные лица.

«Повесть Временных лет» связывает происхождение княжеского рода с выходцами «из-за моря», с варягами. Следует отметить, что так называемая легенда о призвании варягов не лишена внутренних неясностей и противоречий. Частично объясняется это тем, что ее запись произошла спустя два с половиной века после описанных событий. Напомним ее краткое содержание.

В то время как хазары собирали дань с ряда южных восточнославянских племен, на севере со словенами, кривичами, мерей и чудью то же самое проделывали некие «варяги из-за моря». Это сообщение датировано 859 годом. Спустя три года, в 862 году, восставшие северные племена варягов изгнали и от выплаты дани отказались. Но между ними вспыхнула вражда, переросшая в вооруженные столкновения. Решено было отправить посольство чтобы найти себе князя, который бы правил и судил по праву.

«И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведами, а иные норманнами и англами, а еще иные готами – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и править нами». И собрались три брата с родами своими, взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде*, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородские люди – от рода варяжского, а прежде были словенами. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял власть Рюрик, и раздавал мужам своим грады, кому Полоцк, кому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городам варяги были находниками (пришлыми), первыми же насельники в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и всеми ими правил Рюрик», – сообщает «Повесть Временных лет».

Что же это была за «русь», которая, призванная северными племенами Восточной Европы и давшая название целой стране? Кем были Рюрик, Синеус и Трувор? Насколько они историчны или легендарны? Не является ли вообще предание просто расхожей легендой, бродячим сюжетом? Нет конца этим вопросам. За долгие годы изучения этой проблемы ученым удалось сильно продвинуться в их решении.

Почему спор о варягах на Руси и «руси Рюрика» как варягах так затянулся и длится до сего времени, достаточно понятно. Следует обратить внимание, что долгое время он велся в рамках ожесточенной дискуссии между так называемыми норманистами и антинорманистами. Эти научные течения, соответственно, тяготели к более широким общественно-политическим течениям – западникам или славянофилам. А спор между последними, похоже, не окончен по сей день.

Надо заметить, что понятия «норманисты» и «антинорманисты» весьма условны. Далеко не всегда того или иного ученого можно причислить к какому-либо из лагерей. За триста лет ожесточенной полемики стала ясна невозможность свести такой сложный вопрос как формирование Древнерусского государства просто к выяснению роли варягов на Руси. Чтобы не утомлять читателя разбором этого затянувшегося спора, адресую его к соответствующим

* В некоторых списках летописи – в Ладоге.

щей литературе. Мы же попробуем выяснить этимологию самого слова «русь», сознавая, что какого бы происхождения оно не было, важно, что за ним скрывалось в отдельные исторические периоды.

18 июня 860 года жители столицы Византийской империи Константинополя могли со стен наблюдать флот неприятеля, с которым до сих пор не сталкивались. Император, занятый войной с арабами отсутствовал и в городе, чуть было, не вспыхнула паника. Войско росов, как их называли византийцы, было немногочисленным, но императору с трудом удалось пробраться в осажденный город. Нападавшие 25 июня исчезли так же внезапно как и появились, произведя большой фурор. Эти события отразились в окружном рукописании патриарха Фотия, свидетеля осады. Послание относится к 867 году, в нем о росах говорится уже как о союзниках принявших христианство.

Конечно, о самих росах известно было и ранее. В «Житии Георгия Амастридского», написанного до 842 года, повествуется об их набеге на север малоазийского побережья. Апогеем этого похода стало взятие крупного города – Амастриды. Он подвергся разграблению, но вскоре достигнуто перемирие, а часть награбленного и пленные возвращены. Автор жития сообщает еще ряд любопытных подробностей. Во-первых, он традиционно пользуется термином «тавро-скифы», хотя, понятно, ни скифов, ни тавров уже несколько столетий не было в помине. Во-вторых, эти страшные язычники поклоняются рощам и лугам, приносят им жертвы и сохраняют «древний обычай тавров – избивать иностранцев». Трудно сказать, что вызвало нападение на Амастриду, но известно другое: росы в 838 году побывали в Константинополе и со вполне мирными намерениями.

Историки очень давно обратили внимание на известие так называемых Бертинских анналов. В них под 839 годом сообщается, что в резиденцию франкского императора Людовика Благочестивого, Ингельгейм, прибыли послы византийского императора Феофила II и были торжественно приняты. Помимо византийцев, в Ингельгем приехали и послы некоего «хакана народа Рос», которые посетили с дипломатической миссией Константинополь, но обратно им пришлось возвращаться кружным путем из-за свирепства на своих путях каких-то варварских и жестоких народов. Феофил сообщал Людовику о том, что эти люди приезжали к нему для установления дружественных отношений, и просил посодествовать им.

Но тут случилась загвоздка. Выяснилось, что послы являются норманнами-«свеонами», то есть шведами. В это время набеги скандинавов терзали побережье Франкской империи и возникло подозрение, а не являются ли послы «хакана» шпионами. Конец этой истории мы, по всей вероятности, уже никогда не узнаем. Вернулись ли к себе домой посланцы? Да и где был их дом или служба? Мнения историков расходятся. Несомненно одно – скандинавы, по языку, находились на службе у главы «народа Рос», который носил тюркский титул хаканкаган. Такой титул в Восточной Европе принадлежал в это время правителю хазар.

Надо сказать несколько слов об употреблении византийцами названия «росы». Как упомянуто выше, «росов» по традиции отождествляли со скифами или тавро-скифами. Сейчас укрепилось мнение, что на такую трансформацию слова «русь» оказала влияние библейская традиция, которой, наряду со страшными народами Гог и Магог, известен и народ рошрос. По созвучию, византийские литераторы, тесно связанные с церковной средой, стали называть страну Россией, а людей, приходящих из нее, росами. То есть в эту эпоху, «росы» не было самоназванием.

Кроме византийских источников, к IX веку относятся сведения арабских авторов, упоминающих обитателей северных пределов неких «ар-рус» (русов). Они весьма ценны. Правда, содержатся эти сведения в составе географических сочинений и трудны для понимания, к какому времени относятся. Сведения писателя Ибн-Хордадбега датируют по разному, но вполне вероятно, что они восходят к 840-ым годам. В частности, он сообщает, что купцы-русы «вывозят меха белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому морю, и берет с них десятину румский властелин».

Из сообщений арабских авторов, ясна тесная связь славян («ас-сакалиба») и русов («ар-рус»), но воспринимались они арабами как народы все-таки разные. Русы ясно выступают

перед арабами как купцы-воины, совершающие далекие поездки в пределы Византии (Рум), а через земли Хазарии они могли иногда достигать Багдада. Причем, характерно, что в качестве переводчиков им прислуживают именно славяне. Судя по характеру товаров, русы действовали на весьма обширных пространствах и к середине IX века были достаточно известны арабам и византийцам. Известны и как купцы, и как воины. Но вот только достоверными сведениями о местах их обитания, жизни у себя дома, если не считать очень интересных известий об «острове русов», локализация которого породила много споров, ни арабы, ни византийцы до поры, до времени не располагали. Для того, чтобы решить, кто же были эти загадочные росы-руссы-русь IX века необходимо обратиться к происхождению древнерусского слова «русь».

Версий на этот счет существует бесчисленное множество: от вполне доказательных до безумно-фантастичных, а чаще просто не профессиональных и дилетантских. Нет смысла их анализировать. Достаточно сказать, что они напрямую зависели от точки зрения их автора на норманнский вопрос. «Антинорманнисты» стихийно стремились найти любую этимологию, происхождение слова «русь», только бы исключить скандинавское звено из цепочки его эволюции. Предлагались кельтские, индоиранские, славянские и другие версии. Но до сих пор наиболее убедительной с лингвистической точки зрения и выдержавшей проверку на время, поскольку новые источники ее подтверждают, а не опровергают, остается все же скандинавская. Современным исследователям она представляется, в общих чертах, следующим образом.

Давно подмечено сходство между обозначением финнами и другими финно-язычными народами шведов и Швеции (Ruotsi, Roots, Ruot^s и пр.) и словом «русь». В Швеции имеется даже особая приморская историко-географическая область – Рослаген. Все упомянутые обозначения восходят к словам связанным с древнегерманским godru – «гребля, весло, плавание на гребных судах». Языковеды считают, что скандинавы, совершавшие походы на судах на территории, занятые прибалтийскими финнами, еще задолго до эпохи викингов, обозначали себя и свои отряды каким-то термином, производным от god-. Именно это «профессиональное» самоназвание, созвучное по смыслу со словом викинг, которое одновременно обозначало и морской поход, и его участника, было воспринято в финно-язычной среде и в соответствии со спецификой языка трансформировалось. Произошло это до распада западно-финской языковой общности, ибо слова Ruotsi/Roots имеются во всех этих языках. Распад общности ныне датируют VI–VIII веками.

Характерно, что именно к этому периоду относится начало движения скандинавов на восток Балтики. Корабли этой и предшествующей эпохи гребные. Широкое распространение на Балтике паруса произойдет только накануне начала эпохи викингов. Материальным воплощением, своеобразной иллюстрацией к межъязыковому контакту в этой сфере являются древнейшие шведские погребения в ладье на территории юго-западной Финляндии, относящиеся к концу VI столетия. Из финских языков слово, обозначавшее разбойничьи и торгово-промысловые отряды скандинавов – гребцов и корабельщиков – попало в славянскую языковую среду. Здесь оно и превратилось в знакомую нам «русь». Зоной активных контактов между славянами, финно-уграми и скандинавами с VIII века стали просторы российского Северо-Запада.

Для понимания дальнейшей судьбы слова «русь» забежим немного вперед. Когда в конце IX века Олег Вещий захватит Киев, в составе его войска, помимо варягов, окажутся выходцы из словен, чуди, мери, веси и кривичей. После победы, как сообщает «Повесть Временных лет», бывшие при нем «прозвашася русью». То есть так называла и сознавала себя многоязыкая, полиэтничная княжеская дружина. Древнерусское выражение «попяша по себе всю русь» обозначало во времена первых князей не что иное, как общий сбор дружины за данью или на войну.

Итак, «ранняя русь» это не какое-либо неизвестное науке скандинавское или другое племя, взявшее и полностью переселившееся в Восточную Европу, основав государство, а нечто другое. Исследования показывают, что так в славяно-финнской среде называли участ-

ников военно-торговых экспедиций, которые на первых порах действительно были скандинавами, но, как и викинги, русь-русов сплачивала не племенная солидарность, а фигура военного предводителя, от решений и действий которого зависел успех затеянных предприятий. Никаких этнических рамок для пополнения таких дружин и отрядов выходцами из других народов не было, да и быть не могло. Скандинавская по происхождению, эта торгово-военная прослойка общества имела, естественно, свой этнографический колорит, что было особенно заметно на фоне местных социально-политических общностей и не скрылось от взора арабских авторов. Но до определенного времени эти разрозненные отряды, вряд ли по численности превышавшие несколько десятков-сотен человек каждый, еще не составляли единой организации. Они, подобно викингам на Западе, периодически могли объединяться для осуществления масштабных предприятий, могли иметь и отдельные опорные пункты, но перелом произойдет только после событий середины IX века. Тогда же произойдет и смещение смысла слова «русь». Из обобщающего этно-социального термина оно превратится в конкретный социальный и первоначально закрепится за дружиной и окружением новгородско-киевских князей, а впоследствии его значение будет расширяться.

Остается загадкой, кого же в действительности представляли послы, попавшие из Константинополя в Ингельгейм, и где была резиденция их «хакана». Несомненно, что этот титул демонстрировал его амбиции по отношению к Византии и Хазарии. В чем была цель посольства? Что его вызвало? Быть может правы те, кто считает, что существует связь между строительством византийцами в 834 году для хазарского кагана крепости Саркел, не только как пункта для обуздания хазарами диких кочевников, но и закрывавшей путь по Дону в Азовское и Черное моря. Это создавало для руси-русов определенные трудности.

Есть гипотеза Г. С. Лебедева, что посольство 838 года было отправлено из Киева легендарным князем Диром, а походом 860 года на Константинополь предводительствовал Аскольд, и сведения о нем содержатся в «Повести Временных лет» под 866 годом. Летопись считает их братьями и «мужами» (людьми) Рюрика. Но здесь, летописец не располагал какой-то устойчивой легендарной традицией. Поэтому письменных сведений явно недостаточно. А что же археология?

Русь-русы на территории большей части Восточной Европы археологически для IX века продолжают оставаться неуловимыми, если учитывать их предполагаемый североевропейский культурный окрас. Клады арабского серебра, конечно, в какой-то своей части могли принадлежать им. Но доказательств этому, за исключением рунических знаков на отдельных монетах, нет. Памятники, где представлены скандинавские древности ранней эпохи викингов, присутствуют только на Севере Руси, то есть именно на той территории, куда по легенде пришел Рюрик с братией. Настала пора разобраться, какие реалии могут стоять за легендой о призвании варягов.

Вспомним, что в нашем распоряжении находится такой замечательный археологический памятник как Старая Ладога (летописная Ладога), где сохраняются древесные остатки, а метод дендрохронологии позволяет определять время отдельных слоев с летописной точностью. В свое время, известный исследователь этого памятника В. И. Равдоникас выделил в его древнейшей части горизонт единовременной застройки, погибшей в огне мощного пожара (горизонт E₂). Позднее были получены данные, что это событие произошло между 863 и 867 годами, то есть около 865 г. Запомним эту дату. Пожар был, похоже, связан с какой-то военной катастрофой и археологи давно стали соотносить его с бурными событиями, помещенными в летопись под 862 годом (изгнание варягов – междоусобица – призвание варягов). Поскольку некоторые сгоревшие постройки и вещевые находки определенно принадлежат скандинавам, которые в это время должны были составлять значительную часть населения поселка, то логично предположить, что его разгром отражает изгнание варягов-находников, собиравших дань со славянских и чудских племен. На прежние места хозяева сожженных домов не вернулись. А когда и при каких обстоятельствах они появились в Ладоге?

В залегающих ниже слоях обнаружен поселок несколько иного облика. Находки говорят о том, что если скандинавы в нем и обитали, то не составляли какой-то особой колонии.

Облик его культуры связан с лесными районами Восточной Европы. Ясно, что Ладога этих десятилетий связана с дальней торговлей, в ней открыта стеклодельная мастерская, о которой уже говорилось выше. Находились на территории поселка и специальные вместительные хранилища для зерна. Быть может оно складировалось для обеспечения провиантом прибывавших для торговли купцов? Характерно, что и этот поселок погиб в огне пожара, а сам пожар также связан с военным погромом, приведшим к бегству или гибели части его обитателей. Так усадьбы, на которых непрерывно жили в течение 60 лет два-три поколения их хозяев, и на одной из которых находилась стеклодельная мастерская, больше не возобновлялись.

Хронологическая грань между этими двумя горизонтами и двумя периодами в жизни Ладоги пролегает около 840 года. Археология показывает, что группа населения, связанного со Скандинавией захватила поселок, но спустя примерно 25 лет была изгнана. Попробуем совместить данные археологии со свидетельствами письменных источников.

840-е годы стали пиком экспансии викингов в Западной Европе. Около 850 года они стали не только совершать набеги, но и начали оседать в бассейнах Луары, Сены, Темзы. Началось переселение на новые земли и их семей. Что-то подобное должно было происходить в восточном направлении, где большую инициативу проявляли выходцы из Швеции. Именно в них скорее всего можно видеть «варягов из за моря», наложивших дань на чудь, словен, мерю и кривичей. Именно они могли около 840 года захватить Ладогу и превратить ее в опорный пункт для проникновения вглубь континентального пространства Восточной Европы. Эту гипотезу подтверждает эпизод из «Саги об Олаве Святом».

Действие происходит в начале XI века. На общешведский тинг в Уппсале приехал посол и сват от норвежского конунга (короля) Олафа, тезки конунга шведского. Короли сильно враждовали, и возникла конфликтная ситуация. В разгар спора влиятельный человек Торгнюр обратился к Олафу Шведскому:

«Теперь конунги шведов ведут себя совсем не так, как бывало прежде. Торгнюр, мой дед, помнил уппсальского конунга Эйрика, сына Эмунда. Он рассказывал, что когда тот был в расцвете сил, он каждое лето набирал войско и отправлялся походом в разные страны. Он подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Курланд (то есть всю Восточную Балтику – *С. К.*) и многие земли на востоке. Еще и сейчас можно видеть построенные им земляные укрепления и другие сооружения».

Эйрик правил в середине IX века. Считается, что он умер в 871 году. Так что время «скандинавского периода» в истории Ладоги совпадает с восточными походами Эйрика.

Из Ладоги скандинавы по рекам проникали и дальше. Движение по озерно-речным системам очень трудно осуществлять под парусом, в основном приходится идти на веслах. Это еще один аргумент в пользу описанной выше гипотезы происхождения слова «русь» от названия участников походов отрядов норманнов на гребных судах. Отдельные находки северо-европейского происхождения, которые можно относить к первой половине – середине IX века есть и в других пунктах северных районов Руси (Верхнее Поволховье, Сарское городище под Ростовом). Все они привязаны к водным коммуникациям между Балтикой и Востоком.

Захватив Ладогу, свеи-шведы фактически монополизировали контроль над движением товаров на Балтику. На середину IX века приходится сокращение притока арабского серебра в страны этого региона. Наложив дани и подвергая периодическим грабежам покоренное население, эти «заморские гости» не очень нуждались в торговле с ним. Показательно, что погибшая ладожская стеклодельная мастерская не возобновлялась, и это ремесло на время заглохло. Не исключены в это время и конфликты между свеями и другими группами руси-русов. Конкуренты были не нужны. Недовольной становилась и знать подчиненных словен, чудь, меря и кривичей, поскольку ее лишали возможности участвовать в тех прибыльных операциях, к которым она привыкла за первые десятилетия века. Это, конечно, наносило удар по ее гордости и социальному престижу. Неудивительно, что четвертьвековое господство свеев (время жизни одного поколения) вызвало всеобщее недовольство и заставило объ-

единиться различные по языку группы местного населения. Все закончилось общим восстанием, изгнанием «варягов из заморья», сопровождавшимся разгромом Ладоги.

Летопись сообщает о случившихся затем междоусобицах. У Н. К. Рериха, не только прекрасного художника, но и замечательного археолога, есть картина «Ночной гонец». Она имеет и второе название «Встал род на род». Эта фраза – дословная цитата из «Повести Временных лет», которой летописец охарактеризовал состояние смуты между отдельными племенами и их группировками после изгнания варяжских находников. Началось выяснение отношений, кому держать в руках торговлю между Балтикой и Востоком, ведь каждое племя контролировало только определенные участки путей. Возникал вопрос о политическом лидерстве. По отдельности ни у словен, ни у мери, ни у чуди, ни у других не хватало сил организовать эту торговлю, сбыт даней, продуктов охоты и лесных промыслов. Ситуация складывалась патовая. А тем временем угроза восстановления господства свеев, или хотя бы постоянных разорительных набегов викингов, оставалась. Выход был один. Призвать третейского судью и военного предводителя, имеющего опыт борьбы с норманнами. Им быть мог только человек, хорошо разбиравшийся в общей политической обстановке, знакомый с торговыми операциями, желательного враждебный шведам. Им стал летописный Рюрик.

Спор вокруг личности Рюрика велся и ведется постоянно. Ясно, что это имя созвучно скандинавскому Рерик (Hrerekr). Для IX столетия известно несколько персонажей с такими именами. Однако ученые уже давно склоняются к отождествлению Рюрика и Рерика Ютландского. Анализ его биографии показывает, что он наиболее подходящий кандидат для подобной идентификации. Слишком много говорит в пользу этого, и слишком многое это составляет все по местам.

Происхождением Рерик был связан с датским королевским родом Скъельдунгов. Из западных хроник известно, что он одно время в 850х годах имел владение в самом узком месте перешейка соединяющего Ютландский полуостров с материком и отделяющего Балтийское море от Северного. На другом берегу, при заливе Шлей находилось цветущее торговоремесленное поселение Хайтабу (иногда в русском написании Хедебю). Через перешеек шел короткий, а главное, более безопасный путь в Фризию, богатые районы империи каролингов, славные своим ремеслом. Неудивительна тесная связь Рерика с этой империей, и есть сведения, что он даже крестился. Важным эпизодом его биографии было обладание знаменитым торговым фризским городом Дорестада, располагавшимся в низовьях Рейна. Рерик владел им на правах вассала франков и обязывался его защищать от набегов других норманнов. Но вот от катастрофического наводнения 864 года, фактически уничтожившего город, он его сбересть был не в силах.

В связи с вышесказанным, понятно, почему выбор князя остановился на его кандидатуре, и почему Рерик дал согласие, и с ним был заключен какой-то договор – «ряд». Любопытно, что именно в середине 60-х годов IX века он исчез для западных хронистов. На короткое время он еще появится на Западе, но теперь полем основной его деятельности становится Восточная Европа.

Уникальные данные для подтверждения отождествления Рюрика Русского и Рерика Ютландского предоставляют археологические материалы. Археологи отмечают, что на территории Древней Руси имеется только один курганный могильник, захоронения в котором принадлежат исключительно норманнам. В остальных могильниках скандинавские захоронения встречены наряду с погребениями носителей других культурных традиций. Это кладбище в урочище Плакун, которое находится на правом берегу Волхова, напротив Староладожского поселения.

Под многими насыпями сохранились захоронения в ладьях, помещенных на погребальный костер – обряд характерный для скандинавов эпохи викингов. Общая дата могильника определяется как вторая половина IX – первая половина X века. Анализ инвентаря его погребений и сравнение его с материалами поселения позволяет «сузить» эту дату до периода около 865–920-х годов. Древнейшим из раскопанных курганов является насыпь № 7. Среди пережженных костей и остатков женского убора найдены обломки так называемого «фриз-

ского» кувшина. Он резко отличается от грубой местной посуды, вылепленной от руки. Это единственная находка в Восточной Европе. Такие дорогие и очень редкие кувшины, украшенные инкрустацией из серебряной фольги, производились в низовьях Рейна. Есть предположение, что центром их изготовления был ... Дорестада! А время прекращения этой ремесленной традиции определяют по гибели этого города при наводнении 864 года. В этом же погребении есть бусы, которые в Ладоге и Скандинавии получили распространение только после 865 года. Значит, захоронение женщины произошло во время, когда Рюрик пришел в Ладогу. Очень интересны такие совпадения, не имеющие аналогов.

Кроме того, в кургане № 11 раскопано древнейшее на Руси погребение в гробу, помещенном в специальную деревянную камеру. Анализ спилов с бревен показал, что старый мужчина был погребен в самом конце IX века. Так называемые камерные погребения связывают с распространением христианства (напомним, что Рерик был крещен). Эти факты позволили высказать гипотезу о принадлежности могил Плакуна дружинникам Рюрика, осевшим в Ладоге.

Конечно, бросается в глаза некоторое несоответствие летописной даты призвания Рюрика – 862 год и дат западноевропейских источников. Но эти расхождения в два-три года легко объяснимы общей условностью ранних летописных дат и хорошо объясняются независимыми дендродатами Ладоги. Вероятно, Рюрик пришел в Ладогу вскоре после 865 года. С кем же он пришел? На каких условиях произошло это «призвание»?

Начнем с того, что никаких братьев Синеуса и Трувора у Рерика Ютландского не было. То есть братья были, но звали их совсем по другому. Давно обратили внимание, что имена братьев могут оказаться неверно истолкованным скандинавским выражением. Предлагается даже его перевод, примерный смысл которого – «с домом своим и верной дружиной» («сине хус ок фру варинг»). Оно вполне соответствует дублирующей его летописной фразе «с роды своими, пояша по собе всю русь». Так, что за «русью» легенды о призвании варягов кроется не некий загадочный народ, а военный отряд Рерика, численность которого не могла превышать немногих сотен бойцов, прибывших на нескольких кораблях. На то что это были датские скандинавы, возможно, указывает отсутствие «данов»-датчан среди варяжских народов в перечне, комментирующем в «Повести Временных лет» происхождение «рюриковой руси». Есть предположение, что исходным материалом для этого сюжета «Повести Временных лет» стали не только местные предания, но и какое-то подобие скандинавской саги, продолжавшей существовать в близком к моменту записи времени.

О деятельности Рерика-Рюрика на Руси известно немного. По одним версиям летописей он пришел княжить в Новгород, по другим – первоначально осел в Ладоге. Последнее предположение более вероятно. Новгорода во времена Рюрика на его историческом месте еще не было, а его предшественник «Рюриково городище» еще ничем не выделялось из общей массы поселений Поволховья пока не стало княжеской резиденцией. Можно только догадываться, какие условия поставила Рюрику славяно-финская знать. Вероятно, функции призванного конунга оказались похожи на функции приглашавшихся в Новгород князей в пору его независимости – участвовать в суде и предводительствовать на войне. Вряд ли избалованного вниманием франкских правителей Рюрика такая скромная роль устраивала. Находившаяся в доступных для набегов с моря, перенесшая два военных погрома, Ладога стала фактически межплеменной территорией. Похоже, что свейский натиск выдавил словен, по крайней мере их социально активную часть, из Поволховья, заставив начать активную колонизацию бассейнов рек центральной части будущей Новгородской земли. Ее естественным центром, куда сходились все пути, а откуда на Балтику лежала одна дорога – Волхов, становился исток этой реки. Рюрик должен был понимать, что если осесть в такой ключевой точке, то можно стать полновластным хозяином над приглашавшими его племенами. Дальше начинается область умозрительных гипотез, но попробуем заглянуть и в нее.

Факт, что Рюрик перенес свою резиденцию в исток Волхова и построил здесь укрепленную резиденцию на так называемом Рюриковом городище. В последние годы экспедиция Е. Н. Носова открыла здесь укрепления второй половины IX века. Есть все основания счи-

тать, что именно этот поселок и получил название «Нового города» по отношению к Ладоге. Рядом, на другом берегу Волхова, в урочище Перынь, видимо, находилось главное святилище словен, а, значит, был сакральный и политический центр их территории. Мы не знаем, по доброй ли воле словен княжеская резиденция переместилась к ним или это был самовольный шаг Рюрика. Поздние летописи донесли до нас предание о Вадиме Храбром, его сопернике. Значит недовольные были, и Рюрик с ними расправился. Логика подсказывает, что в нарушение общего соглашения, словене, чтобы стать лидером в северной конфедерации племен, могли «перетянуть» на свою сторону варяжского князя с его дружиной.

Археология наглядно демонстрирует, что их территориальная экспансия продолжалась и далее, соответственно, она требовала поддержки. А может было иначе, и Рюрик использовал для укрепления своей власти принцип «разделяй и властвуй». Говоря ныне модным словом, попросту «развел и кинул» всех разом. Некоторые исследователи пишут даже о «варяжском перевороте». Так или иначе, но с переносом центра княжеской власти в центр формирующейся на многоплеменной основе Новгородской земли произошло качественное изменение, началось образование устойчивого государственного организма, по выражению Г. С. Лебедева «Руси Рюрика», и все возрастающую роль в нем объективно стали играть словене.

Мы можем очертить границы этого территориально-политического образования. Оно простиралось от Пскова и Изборска на западе до Белого озера и Ростова на востоке и от Ладоги на севере до Полоцка на юге. То есть они охватывали зону интенсивных скандинаво-славяно-финских контактов предшествующего периода. Оно еще не было государством в полном смысле этого слова. Рюрик при помощи своих «мужей» строил опорные пункты - «грады», только на путях связанных с заморской торговлей, но они одновременно были и центрами племен, входивших в его «Русь». Вмешательство во внутриплеменные отношения не было уделом Рюрика и его дружины. Их интересы лежали в сфере военных и торговых предприятий. Варяжское население концентрировалось в торгово-ремесленных факториях, куда, надо думать, свозилась дань и, где шел обмен товарами и продуктами. Но сам фактор существования власти Рюрика, образ жизни его дружины-«русси», которая необратимо должна была пополняться выходцами из местной иноязычной среды, играли огромную роль, разрушая племенную замкнутость, демонстрируя новые ценности и стандарты жизни.

Археология показывает, что в течение IX века в границах «Руси Рюрика», при всех отличиях в погребальном обряде и керамическом материале, происходит распространение разнородного по происхождению, но оригинального по сочетанию элементов, вещевого комплекса, формирование которого хорошо прослеживается в Ладоге и который в следующем столетии станет основой культуры средневековой Северной Руси, плавно в нее перерастая.

Подводя итог сказанному в этой главе, стоит обратить внимание на такое явление как «дружина», ее роль в варварских обществах в период зарождения государственности и соотношения с летописной «русью» времен Рюрика, Олега и Игоря.

Отряд отборных воинов, окружающих предводителя, своеобразная стража и гвардия известна многим народам. Но есть народы, военная организация которых не вычленяет такой отряд из общего ополчения. Говорить о профессионализме воинов здесь не приходится. В ту беспокойную эпоху любой свободный мужчина был воином, а его индивидуальные бойцовские качества определялись личными особенностями. Качество вооружения не всегда напрямую отражалось на исходе схватки. Поэтому, рассматривая дружину как особую организацию внутри общества, важно определение ее места в нем, связь ее с предводителем, особенности жизни и нравов дружинников, склада мысли и действий, ценностных установок.

Историки усматривают одни из глубинных корней средневекового европейского феодализма в варварских дружинах римского времени и эпохи Великого переселения народов. Как явление, дружина наиболее рельефно выступала у германцев. Это особая категория воинов, постоянно находящихся при вожде, для которой война становилась единственным достойным занятием, получала идеологическое оформление, выделяя ее из массы соплеменников. Они воспринимались, и сами себя считали, стаей людей-зверей, наделенных особыми свойствами яростного перевоплощения в ходе боя. В то же время, находясь еще в рамках ро-

дового строя, дружина имитировала кровно-родственные отношения. Вождь – их отец, а сами они – братья. Любопытно, что и в древнерусском языке отразились эти понятия. К дружинникам обращаются «братия», а младших (по положению, а не по возрасту) дружинников именуют «отроками».

Дружина становилась элементом, противостоящим породившему ее обществу. В отличие от кровно-родственных кланов, ее объединяют не реальные связи генетической близости, а наличие общей судьбы и удачи, воплощенной в ее вожде. Его физическая гибель означает для дружинников, если не смерть действительную, то, по крайней мере, социальную. Дружина легче впитывает людей выпавших из своей родовой или племенной среды, ведь здесь ценится не степень родства, а воинские доблести и преданность вождю.

Ранняя дружина мобильна, она не связана с землей теми узами как остальное население. Положение дружинника двойственно. Оно почетно в случае успехов ее вождя. Но почет этот не постоянен. За взлетом может последовать крах. Пойти в дружину, это всегда повышенный риск. Поэтому туда устремлялись люди особого склада, шел их естественный отбор и аккумуляция. Неизбежно у них вырабатывалась специфическая материальная и духовная субкультура. Дружинники этого времени еще не превратились в замкнутую профессионально-наследственную касту. Обогатившись, человек мог вернуться и домой, в свой род, связь с которым он по-прежнему ощущал. Яркий пример тому викинги, и в этом отношении не были исключением даже конунги-короли. Проведя молодость в походах, опираясь на дружину, Олаф Трюггвассон, Олаф Святой и Харальд Суровый вернулись в Норвегию чтобы править страной подобно предкам.

Ранняя «русь» вполне соответствует ранним дружинам. Эти ватаги молодцев, проникавшие на восток Балтики, устремлявшиеся по рекам Восточной Европы к богатствам теплых морей, теряя товарищей и принимая в свои ряды иноплеменников, были для IX столетия той кровью, которая циркулировала по артериям великих и малых путей между Северным Средиземноморьем и Арабо-Византийским Востоком. Они, до поры до времени, не внедрялись в среду местного населения. Понимание, что богатство можно приобрести не только рискованной торговлей, доставляя товар по всей протяженности трассы от начального до конечного пункта, а посредническими операциями и транзитными сборами в ключевых точках путей, придет несколько позднее. Позднее придет и сознание целесообразности формирования регулярных и упорядоченных отношений с аборигенами Восточной Европы, при которых фиксированная дань и местный товарообмен становятся источником продуктов для торговли, организованной на межгосударственном уровне. И когда это произойдет, разгорятся события отраженные «Повестью Временных лет» как легенда о призвании варягов. Вышедший в этом споре победителем Рюрик, благодаря своему опыту, установивший прочный диалог с конфедерацией славянских и финских племен, заложит основы нового государства, имя которому – Русь.

«НАЧА ПРОЗЫВАТИ СЯ РУСКА ЗЕМЛЯ»

Под 852 годом «Повесть Временных лет» сообщает, что когда начал царствовать византийский император Михаил III «нача прозывать ся Руска земля». Что имел в виду под этими словами летописец не очень ясно. Малолетний император взшел на престол за 10 лет до этой даты, в 842 году. Единственным событием, произошедшим в правление Михаила, прозванного Пьяницей, которое связывает Русь и Византию, было нападение флота русов на Константинополь в 860 году. Летописец ошибочно отнес его к 866 году и связал с именами Аскольда и Дира. Фигуры этих правителей окутаны пеленой легенд. Остатки курганов, которые им приписывались, еще сохранялись в Киеве XI века. «Повесть Временных лет» считает их «боярами» Рюрика, ушедшими от него на юг и осевшими в Киеве. Вряд ли это соответствует действительности. Конечно, какая-то группа скандинавов из числа русов-«руси», совершавших военно-торговые поездки по рекам Восточной Европы, могла осесть в Киеве, оценив важное стратегическое положение этого пункта, ведь если взглянуть на карту, то именно район Киева, земля полян замыкает на себя весь бассейн верхнего и большей части

среднего течения Днепра. Когда это случилось сказать трудно. Поздние летописи содержат ряд сведений об Аскольде и его правлении в Киеве, но проверить эти сведения пока невозможно. Ясно только одно – в годы правления Рюрика территориального единства севера и юга будущей Руси не было, а государственность еще только-только начала зарождаться. Следующий решительный шаг сделал Олег, прозванный Вещим.

Судя по летописным свидетельствам, Рерик-Рюрик умер в 879 году. Единственным его наследником стал малолетний сын Игорь, имя происходящее от скандинавского «Ингвар». Странно, что у пожилого Рюрика оставался только малолетний сын. Может он был младшим сыном от последней жены? В. Н. Татищев указывал ее имя – «Ефанда, княжна урманская (т. е. норвежская – С. К.)». Он почерпнул это известие из не дошедшей до нас летописи, проверить его почти невозможно. Другие сыновья могли погибнуть или остаться действовать вне пределов «Руси Рюрика». Так или иначе, но воспитателем и опекуном Игоря стал Олег. Имя Олег (древнерусское Ольг-Олг), опять же, имеет скандинавские корни, хотя и покрыто налетом славянской специфики. Оно происходит от имени «Хельги» – святой, священный. Ему почти полностью соответствует славянское прозвище Олега – «Вещий». Не ясен статус этого человека. Иногда летописи называют его князем, иногда – воеводой. Во всяком случае, в договорах с Византией он считается князем. Пара Игорь–Олег может соответствовать не только воспитаннику и воспитателю, но, после возмужания Игоря, и политической практике Хазарии: каган – бек, правители номинальный и реальный.

«Русь Рюрика» контролировала только северную половину путей из Северного Средиземноморья в страны Востока и Византию. Обстоятельства настоятельно толкали Олега дальше, овладеть полностью великими водоразделами, а, при возможности, максимально продвинуться на юг по рекам черноморского и каспийского бассейна. Этим задачам и была подчинена вся его известная нам жизнь. Замечу, что на грани IX и X столетий в Европе действовали еще три выдающиеся личности. Современниками Олега, волей истории, стали византийский император Лев VI Мудрый, король Англии Альфред Великий и объединитель Норвегии конунг Харальд Харфагр (Прекрасноволосый). Олег, грандиозная деятельность которого объективно способствовала установлению регулярных связей между Северным Средиземноморьем и Византией, соединила два мира, но она же создала главный географический стержень ранней русской государственности – путь «из Варяг в Греки». На это уйдет около четверти века – время жизни одного поколения современников Олега, Льва, Альфреда и Харальда.

Многое изменится за это время. Сделав временную уступку датским викингам, Альфред (871–900) сбережет свое королевство – Англию. Проведя реформы, он создаст боеспособное войско и эффективное государственное управление, укрепит церковную организацию. А в следующем столетии большая часть острова Британия обретет свое нынешнее историческое название – Англия. Харальд Харфагр (около 870 – около 940) продолжит дело своего отца Хальвдана Черного и объединит западные земли Скандинавского полуострова, вдоль «Северного пути», который даст название Норвегии. Он станет предком королев-крестителей, тесно связанных с Русью. Лев VI (886–912) приложил много сил для укрепления императорского самодержавия, его законодательство поддерживало ремесленников и торговцев. Именно при нем Олег совершит поход на Константинополь и от его имени с византийской стороны будет заключен первый договор с Русью. Но все это еще впереди, а начал Олег с похода на Киев.

Летопись относит его к 882 году, но достоверность этой даты, как и большинства ранних дат русского летописания, находится под сомнением. Косвенным указанием на небольшой временной разрыв между смертью Рюрика и началом похода является малолетство Игоря в момент прибытия под Киев.

«Пошел Олег, взяв много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей...», – сообщает «Повесть Временных лет». Список участников похода показателен. В нем нет «руси» и не используется выражение «пояша по себе всю русь». Видно основу войска Олега состав-

ляли племенные ополчения северных племен, в котором варяжская дружина или «волонтеры» играли хоть и первую, но не единственную роль.

Олег вышел на Днепр и овладел Смоленском. Где находился Смоленск в это время, остается предметом споров среди историков и археологов по сей день. Однако большинство склонно отождествлять Смоленск конца IX–X веков с Гнездовским археологическим комплексом, который расположен примерно в 14 км ниже по Днепру. Крупное поселение с укрепленной частью и гигантским курганным могильником переживало расцвет в X веке, когда стало одной из важнейших точек на пересечении путей с севера на юг и с запада на восток.

Следующим пунктом захвата стал Любеч в устье Десны. Этот городок контролировал пути из земли севера и вятичей. Наконец Олег добрался до Киева. Археологические исследования показывают, что в это время размеры городка были весьма скромными. Но Олег не решился на прямую атаку, он прибег к военной хитрости. Способ, который Олег использовал, показывает, что плавания вниз по Днепру купцов, в том числе и скандинавских, были к исходу IX века явлением обычным. Иногда этот факт рассматривают как доказательство действия пути «из Варяг в Греки» в его классическом варианте (Балтика – Нева – Ладога – Волхов – Ильмень – Ловать – Днепр – Черное море) и в более раннее время. Однако могли быть и другие варианты плавания в Днепр – по Неману или по Западной Двине. Олег часть воинов оставил позади, а часть, спрятав в корабли, пристал к берегу и отправился с Игорем на руках к городку. Дальше, как сообщает летописная легенда, Аскольд и Дир поверили в то, что перед ними мирные купцы, вышли навстречу и были убиты. Олег же осел в Киеве, провозгласив: «Се будет мати (матерью – С. К.) городам русьским». Оставшиеся на службе у него воины – «варязи и словени и прочи» – прозвались «русью». Это событие, наряду с «призванием Рюрика» принято считать началом Древнерусского государства.

Напомню, что и с захватом Киева, в одночасье государство образоваться не могло, хотя произошло два значимых события, очень важных в становлении древнерусской государственности. Во-первых, «русь» приобретала все больше полиэтничный и надплеменной (или внеплеменной) характер. Княжеская дружина Олега и Игоря становилась силой интегрирующей разрозненные социально-политические общности Восточной Европы в единый организм, преследуя, правда, собственные интересы и делая это насильственным путем, притом любому варварскому обществу. Во-вторых, теперь в руках русских князей оказывались все основные пункты торговых путей в пределах лесной зоны Восточной Европы. Движение «диких» дружин не могло пройти прямыми путями без согласия властителей Киева, Новгорода, Полоцка, Ростова и Смоленска. В эпоху Олега название «русь» все больше начинает ассоциироваться с определенной территорией и военно-торговым слоем на ней проживавшим.

На днепровском пути надо было укрепиться, и для начала Олег покорил соседей полян с севера – древлян – и обложил их данью. Потом, его взоры обратились на левый берег Днепра. Победив северян, он воспретил им выплачивать хазарам дань, обложив их «легкой». Свою войну с «севером» он мотивировал враждебными отношениями с Хазарией. Следующими «освобожденными» от хазарской дани оказались радимичи, хотя дань Олега была отнюдь не легкой.

Покорение южных восточнославянских племен летопись относит к 883–885 годам. Но вряд ли все эти события шли с такой четкой последовательностью. Сломить сопротивление живших в междуречье Днепра и Прута уличей и тиверцев Олегу не удалось. Конфронтация с Хазарским каганатом имела одно важное следствие. Для «руси» Олега закрывались торговые пути, шедшие через земли подвластные кагану. Если от войны с хазарами русского князя избавило вторжение в конце IX века венгров, прошедших через причерноморские степи в Паннонию, то потери от утраты регулярных связей с Востоком надо было как-то компенсировать. Взоры Олега обратились к Византии. Не исключено, что он свои планы строил уже исходя из этой ориентации в своей политике. Торговля с «Греками», как называлась Империя на Руси, прочно вошла в практику к началу X века, что видно из договора Олега с Львом и Александром и византийской «Книги епарха».

Но отношения с Византией надо было закрепить. В распоряжении Олега теперь имелись очень большие силы. Покоренные племена трудно удерживать в подчинении только силой военного давления. Тем более, что и своих северных союзников – словен, мерю и кривичей он тоже обложил данью. Летопись сообщает и об особой дани варягам «для мира», которая должна была выплачиваться из Новгорода и эта традиция дожила до времен Ярослава Мудрого. Высказывалось вполне логичное предположение, что на эти средства содержался наемный варяжский отряд, охранявший акваторию Финского залива, побережье Ладоги и низовья Волхова от набегов викингов.

Чтобы «привязать» к себе племена, разбросанные на тысячеверстных просторах, завоевать авторитет, привлечь на свою сторону их знать, дать обогатиться рядовым воинам князь-воевода затеял грандиозное предприятие, ставшее высшей точкой его жизни и правления. Спустя 47 лет после первого набега 860 года, к стенам Константинополя подступила огромная рать. Размах предприятия показывает состав его участников: варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, север, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы. Огромная часть населения Восточной Европы, в том числе и неподвластные Олегу племена приняли участие в этом походе. О разнородном характере войска свидетельствует то, что поход был комбинированным, двигались и на кораблях, и на конях. Тиверцы выступали в роли переводчиков. При таком составе войска, 2000 кораблей выглядит числом близким к правдоподобному, особенно, если учесть, что подавляющую их часть составляли небольшие лодки-однодеревки («моноксилы»). Не случайно об этом пестром множестве воинов летописец воскликнет: «си вси от греков звахуться Великая Скуфь». Город был осажден, начались грабежи предместий. Положение византийцев усугублялось тем, что часть кораблей удалось перетаскать в бухту Золотой Рог, о чем сложили красивую легенду. Императоры Лев и Александр оказались вынуждены пойти на мир.

Длительное время некоторые историки отрицали как подлинность договора Олега с «Греками», так и реальность самого похода, ведь византийские источники хранят о нем полное молчание. Но в последнее время эти факты, содержащиеся в русских летописях, вызывают все большее доверие. В результате похода 907 года было достигнуто лишь предварительное соглашение, а полномасштабный договор заключен позже, но до 11 мая 912 года (дата смерти Льва VI), хотя в летописи он датирован 2 сентября (ратификация на Руси?). Договор показывает, какой огромный прорыв в развитии варварского общества Восточной Европы, пусть даже не всего, а только непосредственно связанного с русско-греческой торговлей, произошел. В глазах Империи Русь или «Росия», как именовали ее византийцы, несомненно обрела статус страны-государства. Вероятно, первые десятилетия X века стали завершающим этапом в трансформации термина «русь» в социальный, обозначающий военно-торговый, дружинный слой общества «Державы Олега», вне зависимости от происхождения влившихся в него людей. Важными становились их тесные отношения с князьями и их окружением, а не то племя, из которого были они или их предки. В те же десятилетия, происходит начальный этап утверждения слова «Русь» как обозначения территории формирующегося государства.

Трудно переоценить значение общих походов и участие в международной торговле для разрушения прежней племенной и родовой замкнутости. Горизонты людей расширялись, они видели доселе неизведанное и недоступное. Воинственной молодежи становились тесными стены отчих домов. Заветы предков, «сидевших каждо особо родом своим», выглядели примитивными. Тяга к славе, богатству, приключениям и подвигам, разжигаемая преувеличенными рассказами участников походов, привлекали в них новых участников. Боевое братство и взаимовыручка, совместное перенесение тягот сближали не меньше родовых уз, создавая новые социальные связи. В этих условиях у родо-племенной знати было два выбора: либо сближаться с княжеской властью и интегрироваться в «русь», теряя при этом известную долю самостоятельности и власти над соплеменниками, либо жестко противостоять ей.

Археологическим эквивалентом этих процессов следует считать начало активного формирования древнерусской культуры. Она противостоит традиционным культурам по-

следней четверти I тысячелетия. В ее сложении отразился процесс становления новых социальных сил – «руси». Подобно разнородности включавшихся в состав руси людей, культура носит очень эклектичный характер, в ней присутствуют компоненты, обязанные своим происхождением обширным контактам той эпохи. Североевропейская составляющая представлена в ней определенными типами оружия (мечи, ряд наконечников стрел и копий), технологией кузнечного ремесла и приемами обработки кости (составные наборные гребни, токарный станок), некоторыми категориями украшений и орнаментальными мотивами. Связи с Востоком влили в древнерусскую культуру бусы, изящные изделия из цветного металла, наконец, монетное серебро, которое проникает в самые отдаленные уголки Восточной Европы. Местные компоненты больше всего проявились в хозяйственной сфере жизни: типы построек и традиции их возведения, орудия труда, охоты и рыболовства, фортификация укрепленных поселений. Все вместе они составляют органичный вещевой комплекс «внеплеменной» культуры, культуры формирующегося государства. Эта культура развивается, «варится» преимущественно в раннегородских центрах – Ладоге, Рюриковом городище (начальный Новгород), Гнездове (начальный Смоленск), Пскове, Киеве, Чернигове и других. Ее элементы «просачиваются» в культуры, связанные с предшествующей эпохой, размывая их, отражая процесс разрушения прежней обособленности.

Ярким явлением, возникшим в эпоху Олега, следует считать так называемую «дружинную культуру». Определение это не совсем удачно. Иногда используют понятия «дружинные древности» или «дружинные курганы». Но они тоже не совсем корректны. Обряд сооружения погребальных насыпей был известен в лесной зоне Восточной Европы и раньше, но с рубежа IX–X веков появляются новые могильники. Вещи, помещавшиеся в погребения, связаны с древнерусской культурой. Характерной их чертой становится значительное число предметов вооружения и других атрибутов воинов. На общем фоне выделяются захоронения скандинавов, как мужчин, так и женщин, что отражает роль варягов в составе «руси». Эти могильники располагаются там же, где и раннегородские центры – на водных путях, часто являясь кладбищами этих поселений. Особую категорию в них представляют «большие курганы». Эти монументальные насыпи, достигающие высоты 10 м, несомненно связаны с представителями высшего слоя военно-торговой знати Руси.

Олег сделал главный труд своей жизни, он окончательно оформил путь «из Варяг в Греки». Большая его часть теперь проходила по территории относительно единого политического организма. Свой верховный контроль над этой территорией великий князь декларировал перед самым авторитетным государством Европы начала X века – Византийской империей. За три десятилетия его правления был пройден путь от «Руси Рюрика» до «Державы Рюриковичей», но ей еще предстояли испытания, чтобы окончательно превратиться в государство Русь.

Комета Галлея, явившаяся на небосклоне в мае 912 года, возвестила конец не календарного, а реального IX века. Вместе с веком уйдут и два его ярких представителя Лев Мудрый и Олег Вещий. Если точная дата и обстоятельства смерти византийского императора нам известны, то смерть русского князя окутана легендой. Мы все знаем ее в гениальном изложении А. С. Пушкина в «Песне о Вещем Олеге». Предание, помещенное в «Повести Временных лет» под 912 годом, повествует о пророчестве кудесника, посулившего смерть Олегу от любимого коня. Могущественный князь только посмеялся ему, узнав, что любимый конь давно умер. Но выползшая из черепа змея, ужалив князя, стала причиной его смерти. Здесь Пушкин и летописное предание совпадают.

Однако в некоторых летописях сообщаются подробности, которые поэта не волновали, но нам могут быть весьма интересны. Под конец жизни Олег отправился обратно на север в Новгород, а затем в Ладогу, собираясь отправиться за море. Там, в Ладоге и сбылось роковое пророчество. В конце XI – начале XII веков существовали две версии о месте погребения Вещего Олега. По одной из них он умер и был погребен в Киеве, по другой – в Ладоге. В Старой Ладоге есть величественный курган-сопка, которую теперь называют «Олеговой могилой», но это название она получила уже в XX веке. Раскопки ее в начале XIX века не обна-

ружили следов княжеского захоронения. Быть может, что могилами Олега считали особые курганы в Киеве и Ладоге, на которых князь вершил, в соответствии с традициями той эпохи, суд и совершал обряды. Не исключено наличие захоронения частей праха этого удачливого правителя в разных частях его страны. Такая практика известна в Скандинавии. «Олеговы могилы», в этом случае, становились зримым воплощением единства севера и юга «Державы Рюриковичей». То, что Олег отправился действительно на север Руси, быть может, подчеркнуто в легенде тем, что пророчество ему изрек именно кудесник. Кудесниками в Древней Руси называли чудских колдунов. Давно замечена переключка между сюжетом русского предания об Олеге и скандинавской саги об Орваре Одде (Одде Стреле), герой которой после долгих странствий вернулся на родину в Норвегию, где сбылось пророчество о гибели его от коня. Конечно, это еще не повод отождествлять Олега и Одда, но сходный сюжет показывает существование общего эпического пласта в скандинавском и древнерусском обществе эпохи викингов.

Что заставило старого князя отправиться с теплого юга на далекий север? Вряд ли воспоминания о молодых годах. Новгородские летописи, связывающие смерть и погребение Олега с Ладогой относят его кончину не к 912, а к 922 году. Под этим могут скрываться определенные реалии. Слишком долго Олег и подраставший, а затем возмужавший Игорь, находились на юге. Существует известие, что Олег все же посещал северные земли своей державы. Под 903 годом есть летописное известие о том, что он привел из Пскова Игорю жену. Ее звали Ольга. Эта выдающаяся впоследствии правительница носила то же имя, что и великий князь. Совпадение явно не случайное. По всей вероятности, Олегу постоянно приходилось укреплять рождающееся государство. Рыхлый конгломерат разнородных племен, стянутый лишь каркасом военно-торговых путей, на которых разместились опорные пункты руси, всегда мог начать распадаться. Связи политические зиждились на военной силе и авторитете правителя. В случае его смерти, далеко не каждый преемник способен был обеспечить единство страны. Угроза сепаратизма присутствовала постоянно, готовая стать реальностью в момент смены правителя. Одним из способов, во все времена, являлись династические браки, средство не всегда надежное, но широко практиковавшееся. Женитьба Игоря на Ольге должна рассматриваться как попытка обеспечить поддержку знати какой-то группы на севере Руси, которая «сидела» на водном пути река Нарова – Псковско-Чудское озеро – река Великая, с дальнейшим выходом на Западную Двину и к пути «из Варяг в Греки». Может и последняя поездка Олега была вызвана необходимостью укрепления власти над северными племенами?

Со смертью Олега, остававшийся в Киеве Игорь стал полновластным правителем. Он долгое время оставался в тени своего могущественного опекуна. Олег за него воевал, заключал договоры, принимал решения, даже выбрал жену. Теперь Игорю самому надо было продолжать дело своего отца и воспитателя. Первое с чем он столкнулся – это новая угроза со стороны Степи. Еще в конце IX века вдоль южных окраин Руси прокатилась орда угров, предков венгров. На полстолетия угры-венгры станут страшной напастью для Европы, пока немецкий король Оттон I, будущий первый германский император, не сокрушит их военную мощь в битве на реке Лех. Вслед за уграми в степи Причерноморья ворвались печенеги. Слабеющий Хазарский каганат, силы которого подтачивал Олег, выводя из-под его влияния северян и радимичей, до поры до времени сдерживал натиск этих кочевников, но уже в 915 году они впервые пришли на Русь. Игорю удалось заключить с ними мир, и те отправились в качестве союзников Византии на Дунай, воевать с болгарами. Но вскоре вернулись и с этого момента превратились в постоянную угрозу. Особенно страшную опасность представляли они для торговых караванов, двигавшихся по Днепру в Византию.

Большие изменения произошли и в Среднем Поволжье. Здесь образовалось новое государство – Волжская Болгария (Булгария). В начале 920-х годов Булгария приняла ислам. Огромное посольство багдадского халифа побывало на Волге в 922 году. Секретарь посольства Ахмед ибн-Фадлан оставил записки об этой поездке. Это ценнейшие сведения о народах Восточной Европы в первой половине X века. В них содержится уникальная информация о русах, приезжавших в Булгар для торговли. Описания очень точны и достоверны, ведь ибн-

Фадлан лично с ними общался, наблюдал их повседневную жизнь и погребальные обряды. Через Булгарию, в обход Хазарского каганата, устанавливались сухопутные караванные пути из Средней Азии. Русам теперь не надо было совершать далекие и опасные путешествия в Багдад, хотя в 913 и 943–944 годах они предприняли набеги на западное побережье Каспия. Археологические материалы отразили эти изменения в торговле и политике. В северных землях исчезают предметы связанные с салтово-маяцкой культурой Хазарии и появляются болгарские импорты, в составе монетного серебра начинают преобладать дирхемы среднеазиатской чеканки.

В это же время развернулась древнерусская колонизация Верхнего Поволжья. В земли мери потянулись переселенцы из Северо-Западной Руси. Словене, выходцы из каких-то финно-угорских общин и, конечно, вездесущие варяги оседали на водных путях, в районах озер Клещина и Ростовского, начинали осваивать плодородные почвы Суздальского ополья. Рядом с одним из мерянских центров – Сарским городищем близ Ростова – открыт временный лагерь-стоянка, принадлежавший, по всей вероятности, дружинникам приходившим за данью. Он датируется первыми десятилетиями X века. В районе Ярославля расцветают торгово-ремесленные поселения с ранней древнерусской культурой. Связанные с ними могильники отражают очень пестрый состав их обитателей. Мера, как самостоятельное политическое образование, прекратила свое существование. Последний раз ее ополчение в составе общерусского войска упоминается в 907 году, во время похода Олега на Киев. Та же судьба постигла и весь, центром расселения которой было Белозерье. Конечно, это не означало физическое истребление прежних насельников края, но процесс растворения их в формирующемся древнерусском населении становился необратимым, хотя и растянулся на время жизни нескольких поколений. Арабские географы X века писали о трех «разрядах» русов, которые иногда трактуют как «три центра Руси». Исследователи считают, что один из них, Арсу или Арту, можно связать с Верхним Поволжьем.

И все же, со времени Олега основным магистральным путем становится путь «из Варяг в Греки». Он являлся главной дорогой Руси, соединяя ее северную и южную части. Вдоль него происходили наиболее значимые политические события. Вокруг него, как клубок нитей вокруг веретена, сплеталось из пряжи варварских обществ Восточной Европы древнерусское государство. Не случайно во вступительной части «Повести Временных лет» ему уделено особое внимание:

«...бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же потечеть Волхов и втечет в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река. Днепр бо потече из Оковьскаго леса, и потече на полдне, а Двина ис того же леса потече, а идет на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на восток, и вотечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское».

В этих словах летописца отразились географические представления о месте пути в тогдашнем мире, его значении как средстве общения между народами. Собственно «континентальная» его часть, пронизывавшая Лес и Степь Восточной Европы и проходившая в основном по территории Руси, мыслился лишь как один из участков кругового маршрута, на котором лежали два важнейших центра европейской цивилизации – Рим и Константинополь (древнерусский Царьград). Ниже летописец изложил легенду об апостоле Андрее, якобы совершившем миссионерскую поездку по этому маршруту. Путь «из Варяг в Греки» пересекался в районе Оковского леса другим – по Двине и Волге на Каспий. Он составляет как бы другую ось координат восточноевропейского пространства.

Изучение пути «из Варяг в Греки» ведется давно, но только в последние десятилетия исследования вышли за рамки изучения письменных и картографических источников. Археологические памятники, расположенные вдоль трассы, маркируют его ключевые участки, демонстрируют его структуру, помогают понять организацию движения по нему. Важной формой исследований стали комплексные научно-экспериментальные экспедиции, модели-

ровавшие прохождение пути на разных участках и на различных типах судов, включая копии древних.

Летописец, глядя со стороны Киева, описывал маршрут с юга на север, хотя само его название дает направление противоположное. Именно с севера на юг предпринимали походы русские князья на Киев и Константинополь, двигались скандинавские, русские и англосаксонские отряды наемников на службу к византийскому императору, странствовали к святым местам паломники. Пролегая, через несколько природно-климатических и хозяйственно-культурных поясов путь распадался на несколько участков.

Варяжское море – это Балтика с ее восточной оконечностью в виде Финского залива. Нева как река летописцем не упомянута, она воспринималась как пролив, соединяющий Ладожское озеро (Нево) с морем. Действительно, Нева сравнительно молодая река. Прорыв вод Ладоги по ее будущему руслу произошел на памяти людей, за несколько веков, максимум за 1,5–2 тысячелетия до рубежа эр. Морские суда поднимались по этому величавому потоку и преодолев просторы бурной Ладоги входили в устье Волхова. Невдалеке от него, при впадении реки Ладожки находилось первое крупное поселение Руси. Археологические материалы показывают, что примерно в 920-х годах Ладога превратилась в город. Раскопки открыли плотную застройку центральной части поселения домами и хозяйственными сооружениями. Улиц еще не было, но наблюдается четкая порядная планировка. Выделяются дома, связанные с мастерами, занимавшимися косторезным ремеслом. Особый интерес представляет большой дом, а точнее несколько домов, сменявших друг друга на протяжении века. Древнейший из них был возведен в 894 году. Есть все основания считать их дворцами правителей Ладоги или даже князя. Более поздние источники показывают, что Ладога имела в пределах Руси особый статус. По крайней мере в первой половине XI века она не входила непосредственно в состав Новгородской земли. Эта особая территория на стыке морского и континентального пространства, доступная для крупных судов, служила для них местом стоянки и перевалки грузов. В то же время, в любой момент могла подвергнуться нападению викингов, что и покажут события рубежа X–XI веков.

Далее Ладоги морские суда идти практически не могли, располагающиеся выше по течению Волховские пороги препятствовали их движению. При их начале в IX–X стояло крупное поселение. Его укрепленная часть грозно нависала над Волховом, охраняя путь в глубь Руси. Такое же поселение имелось и при начале следующих, Пчевских порогов. Путь из Ладоги до Новгорода можно было проделать и летом, но скандинавские саги рассказывают, что приезжавшие на Русь варяги предпочитали санный зимний путь. Кроме того, если в Ладогу они прибывали как к себе домой, то для свободного дальнейшего путешествия им приходилось получать разрешение из Новгорода. Надо думать, что эта практика, зафиксированная источниками для XI столетия, существовала уже во времена Олега и Игоря.

В верховьях, на подступах к Новгороду Волхов течет двумя рукавами, образуя остров. В вершине этого острова находится городище Холопий городок, с которым связан клад арабских монет начала IX века. У основания острова, там где Волхов берет свое начало из Ильменя («Илмерь»), располагается Рюриково городище – начальный Новгород. Археологические раскопки показали, что на X век приходится расцвет этого поселения. Несомненно, что в это время здесь находилась княжеская резиденция, и проживала дружина. Среди дружинников и, вероятно, других жителей было много варягов. Напротив Рюрикова городища находилось главное языческое святилище словен – Перынь.

Мелководное, но очень бурное Ильмень-озеро можно обойти по реке-протоке Прость и речке Веряже. Слово «прость» обозначало прямой путь. Между Ильменем и этими реками располагалось в древности чрезвычайно плотное скопление поселений. Здесь в Ильменском Поозерье, на самых плодородных почвах Новгородской земли размещался центр изначального расселения словен в Северной Руси. Миновав Ильмень, проходившие по пути оказывались на реке Ловать, дальше начинался трудный подъем на великий водораздел, который летописец назвал Оковским лесом. Крутые берега Ловати образуют огромный каньон, внизу

которого петляет сама река, образуя луки. На этих луках обнаружено много поселений X века, которые уверенно можно связать со словенами.

С верховьев Ловати волоками попадали в бассейн Западной Двины. Здесь начинались земли кривичей. По мелким рекам и волоками с Двины попадали в Днепр. Тут, в районе Смоленска, как говорилось выше, располагается Гнездовский археологический комплекс, в состав которого входит огромное курганное кладбище, крупнейшее в Европе и насчитывающее несколько тысяч насыпей. Среди них выделяются огромные курганы, где покоился прах властителей начального Смоленска. Может кто-то из них относился к «светлым и великим князьям», Олегу и Игорю подвластным и о существовании которых мы знаем из договоров с Византией.

На пути до Киева на берегах Днепра есть несколько укрепленных городков. Важным пунктом был Любеч, ведь от него вверх по Десне начиналась дорога к Чернигову, и далее в земли северян, вятичей и сквозь них в Волго-Окское междуречье. На ближайших северных подступах к Киеву находился Вышгород, особая княжеская резиденция-город.

Киев располагался на высоком правом коренном днепровском берегу. До времен Владимира его укрепленная часть не выделялась по размерам среди массы остальных славянских городищ. У подножья коренного берега, при устье реки Почайны, служившей естественной гаванью раскинулся посад – «Подол». Раскопки показали, что застройка «Подола» произошла во времена Олега. Характерной чертой ее были наземные срубы-пятистенки, фактически не известные на юге, но широко распространенные на севере Руси. Уж не словене ли, пришедшие с Олегом и влившиеся в его «русь», положили начало этой домостроительной традиции. «Подол» периодически затопляли воды Днепра, о чем есть известия в летописи, подтвержденные данными археологии. Мощные наносы речного песка разделяют культурный слой «Подола». Торговая жизнь, вплоть до 1069 года, кипела именно здесь.

Участок пути от Киева до Константинополя описан византийским императором Константином VII Багрянородным в его труде «Об управлении Империей». Сын Льва VI Мудрого, современник Игоря и Ольги, написал трактат как практическое наставление по внешней и внутренней политике. В нем содержатся ценнейшие сведения о народах Восточной Европы, много информации можно почерпнуть о Руси. Константин подробно информирован о самом опасном отрезке пути «из Варяг в Греки», начинавшемся за Витичевым. Этот пограничный форпост на рубеже со Степью стоял на южной окраине земли полян, прикрывая брод на Днепре. Дальше лес все более редел и начинались печенежская степь. Самым большим препятствием, лежавшим впереди, были Днепровские пороги. Император приводит названия и описание семи порогов. Интересно, что названия эти парные: «росские» и «славянские». За названиями, охарактеризованными Константином как «росские», скрываются топонимы скандинавского происхождения. В своем труде автор противопоставлял «росов» и «славян», что, как мы знаем, отражает не столько этнические, сколько социальные реалии. Но дублирующие друг друга названия порогов свидетельствуют о двуязычии определенной части «руси».

На каком бы языке не говорили участники опасных торговых экспедиций, преодолевать трудности им приходилось вместе:

«Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски «Не спи». Порог столь же узок, как пространство циканистирия (императорский конный манеж в Константинополе – *С. К.*), а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив на людей сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая ее шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а

по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же – четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Айфор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов (печенегов – *С. К.*). А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сую сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают... (следует описание порогов Варуфорос-Вулнипрах, Леанди-Веручи, Струкун-Напрези). Затем достигают переправы Кария, через которую переправляются херсониты, идя из России, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того места, где высовываются подводные скалы, – насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова Св. Григорий».

Этот пассаж император записал явно со слов византийца, видевшего все своими глазами и тесно общавшимся при этом с росами. По всей вероятности, он был членом посольства к князю Игорю в Киев, отправленному для утверждения договора 944 года. На острове Св. Григория, мы его знаем как Хортицу – центр казацкой Запорожской Сечи в XVI–XVIII веках, византиец наблюдал обряды жертвоприношений дубу.

Последующее плавание протекало относительно спокойно. В устье Днепра, на острове Св. Эферий (Березань) росы готовились к морскому участку пути, дополнительно оснащая свои суда. Памятником пребывания на острове скандинавов остался знаменитый «березанский камень». Руническая надпись на нем гласит: «Грани поставил этот холм по Карлу, товарищу своему». Быть может, где-то в районе Айфора-Неясыти и сложил свою голову неизвестный нам Карл, прикрывая торговый караван русского князя, двигавшийся в Царьград-Константинополь.

Я бы не уделил такого внимания пути «из Варяг в Греки» вообще, и описанию Днепровских порогов в частности, если бы не ряд обстоятельств важных для темы ранней русской государственности. Почему росы ежегодно предпринимали столь «...мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание» в Константинополь? Почему столь настойчиво каждое новое поколение властителей Руси организовывало грандиозные походы на Царьград? Этому конечно есть объяснения в стечении исторических обстоятельств, воплощавшегося в судьбах конкретных людей. Но за ним стоит и сама система общественно-политического устройства Руси, система отношений между «русью» и подвластными ей племенами. Путь «из Варяг в Греки» был ее географическим стержнем, своеобразным веретеном, вокруг которого наматывался клубок формирующегося государства. Предоставим вновь слово Константину Багрянородному:

«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (правители – *С. К.*) выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают их и отправляются в Романию».

«Да будет известно, что приходящие из внешней России в Константинополь моносилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусегарда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах мо-

ноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Кию. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав старые свои моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их».

Далее следует описание плавания в Константинополь, частично приведенное выше.

Эти краткие сведения просто бесценны, ведь Константин Багрянородный был современником описываемого в отличие от древнерусских летописцев, творивших более полутора веков спустя. Он получал информацию «из первых рук», быть может, от самой княгини Ольги, с которой лично встречался и даже имел беседу с глазу на глаз. Но об этом несколько позднее...

В ноябре русские князья (архонты) выходят в полюдь из Киева «со всеми росами». Бросается в глаза, что это выражение совпадает с древнерусским – «вся русь», и в данном случае означает «со всей дружиной». Начинаясь огромный, тысячеверстный объезд подвластной территории пактиотов-данников, гигантской петлей вокруг Днепра захлестывавшей земли племен («славинии») Южной Руси – древлян, дреговичей, кривичей, северян и другие. Племена-данники должны были кормить многочисленную княжескую дружину и свозить дань. Но, вероятно, оговоренная определенными размерами дань и ограниченное во время пребывания полюдь только одна сторона медали в отношениях «славиний» с росами. Слово «пактиоты» переводится и как «союзники». Выполнив свои обязательства по «кормлению» князя, славяне выступали в другой роли. Об этом красноречиво свидетельствует известие о строительстве и продаже моноксиллов. Надо думать, что по весне славяне везли для реализации на рынках Константинополя уже собственные товары. Кто-то мог вливаться в состав росов-руси, отправлявшихся в опасное путешествие.

Князь и его дружина оказывались в очень жестких условиях. Монополизировав торговлю с Византией, им приходилось ее обеспечивать и осуществлять не только в своих интересах, но и в интересах подвластных им племен, предстающих перед нами союзниками-данниками. Любопытно, что в списке пактиотов нет полян. Очевидно, к середине X века процесс интеграции «руси» и «полян» зашел достаточно далеко. Земля полян стала базовой территорией «руси», а упомянутые императором города, в которых легко опознаются Вышгород, Любеч (или Полоцк), Чернигов и Смоленск опорными пунктами ее власти. Начинаясь процесс оформления государственной территории и этно-социальный термин «русь» стал перерастать в ее название.

Русь-росы плыли в Царьград «не от хорошей жизни» (хотя и для нее). Собственные города этого времени на фоне даже провинциальных византийских центров выглядели достаточно жалко. Что говорить о Константинополе, «мастерской мира»! Ремесло, конечно, было и у себя дома, но оно не производило пока дорогих престижных изделий.

Здесь читатель вправе задать вопрос: а стоит ли ради дорогих тканей, сосудов, вина, фруктов и прочей роскоши рисковать жизнью? Какое значение для экономики страны все это имело? Действительно, ведь пропитание и жизненное обеспечение добывается в условиях Леса расчисткой новых пашен, более передовыми способами обработки земли, освоением новых охотничьих угодий и рыбных тоней, а все это может благополучно обеспечить и обычное, а не «элитарное» ремесло. С точки зрения поведения человека эпохи цивилизации, это логично и правильно. Но не с точки зрения эпохи варварства. Возможность сменить образ жизни провоцировалась дальней торговлей и ей обеспечивалась. Необходимость власти над соплеменниками или покоренными чужаками диктовалась желанием получать необходимые для обмена товары. Поступавшие в ходе торговли заморские товары и драгоценности эту власть материализовывали, служили доказательством силы и удачи их обладателей, которые так ценились в ту эпоху. Традиционный «лесной» образ жизни не сулил ни славы, ни стремительного обогащения. Но богатство той эпохи имело значение не экономическое, а демонстративное. Жажда власти, жажда богатства и жажда славы не были альтернативами, они были как никогда едины. Люди, вкусившие их, оказывались в плену бесконечной гонки.

Именно эта гонка, подстегивая социальную стратификацию общества, одновременно разрушала традиции и ценности родового строя, создавала предпосылки активного развития государственности.

В чем-то «русь-русы» времен первых князей напоминали наших «новых русских», особенно ту их часть, что называют «организованными преступными сообществами», в просторечии – «бандитами». Сила и власть обеспечивают богатство, но оно, до поры до времени, не направляется на накопление и производство прибыли. Оно демонстративно и публично растрачивается, превращается в дорогую одежду, качественное оружие и средства передвижения. Так что разница в поведенческой линии «авторитетов» и «князей-архонтов», между «братвой» и «братией», между «пацанами» и «отроками» не столь существенна. Рознится антураж – венгерский скакун или 600-й «Мерс», золотые шейная гривна или цепь толщиной в палец, малиновый пиджак с золотыми пуговицами или кафтан из византийской парчи – главные ценности сходны. И как, зачастую, для получения богатства и реализации этих ценностей некоторым нашим современникам нужны партнеры на Западе и «каналы-дырки» на границе, так первым русским князьям и их дружинам необходимы были устойчивые отношения с Византией и путь «из Варяг в Греки», желательный свободный от печенегов.

Полюдь, описанное Константином Багрянородным, охватывало только бассейн Днепра, то есть южную половину Руси. Но византиец упоминает и «Внешнюю Росию», с центром в Немогарде-Новгороде, которую мы вправе сопоставить с «Русью Рюрика». Она относительно самостоятельна по отношению к Киеву. Торговый караван на Константинополь из нее противопоставлен флотилии монокилов южной Руси. Г. Г. Литаврин, анализируя памятник византийского законодательства начала X века «Книгу эпарха», пришел к выводу, что из Руси купцы приплывали двумя партиями, меняющими друг друга, высказал предположение, что вначале приплывали южные русы, а затем северные. Время их пребывания в столице Империи было ограничено. Точно так же ограничивался и порядок торговли. Надо заметить, что ремесло и торговля в Византии находились под постоянным надзором и жестким налоговым прессом со стороны государства. Многие отрасли ремесла существовали только в рамках государственных мастерских. Империя рассматривала торговлю не только как род хозяйственной деятельности, но превращала ее в инструмент своей внешней политики. Руси приходилось силой навязывать приемлемые условия столь необходимой ей торговли.

Пройдет время и Киев, Новгород, Чернигов, другие города, станут ремесленными центрами. Наладятся связи с Западной Европой, где развернется «городская революция», а зависимость от торговли с Византией начнет ослабевать. Все больше князья и их дружинники начнут напоминать феодалов, а не викингов. Но на это уйдет почти весь X век, а пока отмеченные выше факторы будут определять действия Олега, Игоря, Ольги и Святослава.

Летом 941 года огромный флот князя Игоря подступил к столице Византии. Источники называют 10000 кораблей, но это явно преувеличенное количество; епископ Лиутпранд указывает более достоверное число – 1000. Византийцы были весьма обеспокоены. Против монокилов росов двинулся весь имевшийся в столице флот. Не смотря на явное численное превосходство, росы уступали качеством своих судов. Огромные дромоны – трехпалубные корабли с двумя сотнями человек экипажа и сотней воинов, возвышались над массой монокилов. Варяги в дружине Игоря теряли свое преимущество опытных мореходов. Грозные боевые драккары, пугавшие обитателей побережий Западной Европы, не могли преодолевать пороги на реках и длинные волоки Восточной Европы. Строительство судов этого типа в Киеве, даже при наличии мастеров, дела не меняло: Днепровские пороги оставались для них смертельным препятствием. Так что, приходилось использовать опыт «монокильных» походов, накопленный славянами в течение почти пяти веков. Но страшнее таранов массивных дромонов оказалось оружие ранее на Руси не известное. Им был «греческий огонь», особая горючая смесь, секрет которой открыли в VII веке, и он хранился в тайне вплоть до гибели Империи. Казалось, что удалые дружинники ведут бой с не с людьми, а с огнедышащими драконами. Особенно должно было поражать, что от соприкосновения с водой смесь возго-

ралась еще сильнее. Росы понесли большие потери, а грозное оружие произвело огромное впечатление. Но, несмотря на это, Игорь продолжил боевые действия на северном побережье Малой Азии. Ценой мобилизации крупных военных сил, только осенью удалось заставить росов убраться восвояси. Русы понесли огромные потери. Киевский князь не решил политической задачи и стал затевать новый поход.

В 944 году он привлек к походу помимо «руси» варягов, полян, словен, кривичей и тиверцев. Видимо, для пополнения потерь круг участников пришлось расширить. Далеко не все они были данниками-пактиотами Игоря, князю пришлось создавать коалицию. Для поддержки с суши наняли печенегов. Византийцы пошли на переговоры и согласились заключить новый договор. В целом он подтверждал соглашение с Олегом, хоть и содержал менее льготные условия. Нам он интересен потому, что содержит как имена послов, так и людей которых они представляли. По-прежнему преобладают скандинавские имена, но уже есть и славянские, причем как среди посланцев, так и среди лиц их делегировавших. Есть славянские имена и в списке купцов – Синко и Борич. Борича мы знаем по более поздней топографии Киева. Его имя закрепилось за «взвозом», подъемом с Подола к городу, который располагался в районе современного Андреевского спуска. Но самое важное свидетельство о возрастании влияния славянского элемента в составе «руси» – имя сына Игоря и Ольги. Это Святослав, будущий знаменитый воитель. Процесс слияния скандинавской и славянской верхушки общества становился неизбежен в условиях формирующегося государства. Наступал ответственный момент, когда на смену прежнему племенному делению должна прийти территориальная организация. Этот перелом начался при весьма драматических обстоятельствах.

Мир, подписанный в Киеве, продемонстрировал при обрядах его утверждения то, что «русь» разделена по конфессиональному признаку. Часть дружины Игоря оставалась язычниками, часть была христианами, среди которых значительную прослойку составляли варяги. Но существовали противоречия более прозаического порядка. И тут перед нами возникает фигура Свенельда. Свенельд был воеводой, и у него имелась собственная дружина. Есть предположение, что отрядом русов, разграбивших в 943–944 годах богатый город Закавказья Бердаа, предводительствовал именно он. Дружина же Игоря имела повод для недовольства. Поход на Византию не принес ни желанной добычи, ни контрибуции. А с наемными варягами и печенегами надо было рассчитывать; вряд ли это сказалось на состоянии княжеской казны благотворно. Высказывалась версия, что в момент ратификации договора Игорь и Ольга крестились. За этим фактом может стоять еще одна скрытая пружина противоречий. Дуальность власти князь–воевода, воплощенная в парах Игорь–Олег, Святослав–Свенельд или Асмуд, Владимир–Добрыня, которая копировала политическую систему Хазарского каганата и о которой писалось выше, должна была пошатнуться в момент крещения семейной четы. Не случайно, что ни имени Свенельда, одного из первых лиц в иерархии Руси, ни Асмуда воспитателя малолетнего Святослава нет в договорах с Византией. Старейший князь мог попытаться избавиться от опеки. Так или иначе, но легенда, донесенная до нас «Повестью Временных лет», передает слова дружины Игоря: «Отроки Свенельда изоделись оружием и нарядами, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». Свенельду была отдана еще прежде «древлянская дань». Игорева дружина возмущалась, что воеводе и его людям слишком много перепадает. Плохая штука жадность, а зависть и подавно. Но... Осенью 944 года Игорь отправился в свое последнее полюдье. Одновременно оно, кажется, станет последним полюдьем, охватывавшим всю территорию от Киева до Смоленска, и в которое выходили «все росы».

Игорь вошел в землю древлян, летописные «Дерева». Дань он собирал больше чем прежняя, а его дружинники творили насилия. Древляне на первый раз стерпели. Но Игорь, отпустив большую часть дружины, решил вернуться, «походить еще». Древляне предупредили его, что он уже взял все ему причитающееся, но князь этим словам не внял. У города Искоростеня Игорь и его дружинники были перебиты. Древлянский князь Мал отправил посольство в Киев, сообщить Ольге о гибели мужа и предложение выйти за него замуж. Ольга

ответила на это тремя актами мести. Исследователи давно заметили, что рассказы о троекратной мести княгини носят фольклорный характер и отражают представления языческого общества Древней Руси X столетия о погребальном обряде. Для нас же весь этот легендарный сюжет важен при рассмотрении отношений между росами и «славиниями». Ольга могла отомстить древлянам опираясь на поддержку своей дружины, причем потребовался обман. Чтобы вновь их покорить ей потребовалась поддержка полян. Киевское войско разгромило древлян, прошло по их земле огнем и мечем. Древляне перестали существовать как самостоятельная социо-политическая организация. Пресеклась и династия их князей. Однако отчаянное сопротивление и ощущение собственной силы далеко не самой крупной «славинии» отражают процесс укрепления и развития части славянских племен в условиях военнотерриториального союза на территории Руси. Окрепнув, и другие племена могли проявить строптивость. С этими настроениями Ольге пришлось столкнуться и считаться. Смерть Игоря резко осложнила ситуацию на Руси и в ее отношениях с Византией. Первая известная нам правительница, причисленная позднее к лику святых, с честью вышла из этой ситуации.

Историки продолжают споры о том, когда Ольга побывала в Константинополе. Летописная дата 955 год явно не верна. Варианта два – либо 946, либо 957 годы. Мы не будем вдаваться в подробности аргументации сторонников той или иной точки зрения. Первая дата, помимо доказательств, вытекающих из источников, обладает большей логичностью и лучше вписывается в контекст других событий.

Император Константин Багрянородный написал еще один труд – «О церемониях». В нем он изложил пышный этикет византийского двора. В качестве примеров им приводились описания приемов иноземных послов. Среди них была и княгиня Ольга. Прибывшей в Константинополь Ольге долго пришлось ожидать высочайшего приема. Вполне возможно, что продолжительное ожидание на рейде царьградской гавани, было одним из приемов тонкой византийской дипломатии. В сентябре на Черном море начинался сезон штормов, что требовало скорейшего решения вопросов. А политика не терпит спешки.

Первый прием состоялся 9 сентября. Ольге была оказана очень большая честь, на которую иным посланцам даже не приходилось рассчитывать. Княгиня «...вошла с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней». После официального церемониала произошла отдельная встреча властительницы Руси с императорской семьей. Все члены посольства были богато одарены. Следующий прием происходил 18 октября, он оказался гораздо скромнее, хотя и не шел в сравнение с ограниченными почестями для других посланцев. Ольга отбыла домой.

Посольство Ольги скрывает множество загадок, хотя внешнюю сторону мы знаем на удивление подробно. Несмотря на взаимную учтивость сторон, похоже, они так ни о чем не договорились. Наступала пора похолодания отношений. Оно прорвется в гневной реакции княгини на прибытие византийского посольства, прибывшего в Киев и которую донесла до нас «Повесть Временных лет»: «Пускай у меня на Почайне постоят, как я в Суду (константинопольская бухта – С. К.) стояла!». Сама поездка Ольги явно была вызвана желанием возобновить договор 944 года, после смерти правителей, от лица которых он заключался, становился не действительным. Обстоятельства их кончины драматичны, и это только усугубляло положение. Игорь погиб глубокой осенью или в начале зимы 944 года. 16 декабря 944 года Роман I был свергнут собственными сыновьями и сослан на остров Порты. Но неблагоприятных детей постигла та же участь. Их противники добились возведения на престол сына Льва Мудрого, уже известного нам Константина VII Багрянородного в качестве соправителя. Но совместное правление длилось недолго. 27 января 945 года соправителей арестовали, они были отправлены в ссылку и там убиты.

Константин могло удерживать от заключения нового договора с Русью и другое обстоятельство. Он не мог быть уверен, что род Рюрика удержит власть и сохранит единство далекой России, которая привлекала византийцев только как противовес печенегам и поставщик воинских контингентов в армию Империи. А перед ним предстали женщины (вспомним

родственниц-архонтисс) и какой-то юный родич княгини. Я допускаю, что перед глазами императора оказалось «вдовье посольство». Обстоятельства первой половины 940-х годов изрядно выкосили высший слой «руси». Кто-то погиб в боях 941 года, кто-то сгинул в Закавказье в 943–944 годах, а кто-то разделил участь Игоря в Древлянской земле. Не случайно к моменту заключения договора с Византией у престарелого князя и немолодой княгини оставался только единственный малолетний Святослав.

Поездка Ольги все же не стала напрасной. Любой жизненный опыт полезен, а такой, какой она приобрела в Царьграде, просто бесценен. Ни один из князей не мог столь близко узнать Византию, государство, служившее эталоном для огромной части тогдашнего мира. К моменту пребывания в Константинополе княгиня была уже крещена, а в ее свите находился священник. Поэтому, несмотря на легенды о том, что Константин согласился стать ее крестным отцом, главное было не в этом. Она получила почетный титул «дочери императора», вполне возможно используя свою природную хитрость («переключала» – обманула Константина, как отмечало предание, изложенное в летописях). Это сильно возвышало ее в глазах подданных и соседних властителей.

Ольга, а все же она являлась женщиной и христианкой, оказалась принципиально иной личностью, нежели ее родственники по мужской линии. Несмотря на ее жесткость и даже жестокость, далекие походы были не ее стихией. Война для княгини становилась только средством, а не целью. Окружение княгини составят люди, которым обустройство своей земли окажется ближе, чем звон мечей в чужих странах. Мы не знаем их имен, мы не знаем, сколько среди них было варягов, славян или чудинов, но их политические пристрастия станут ясны из слов, сказанных Святославу: «Ты, княже, чужой земли ищешь, а своей не блюдешь». Впрочем, об одном человеке кое-что можно предположить. В договоре 944 года представителем Ольги был некто Искусеви. Некоторые исследователи предполагают финно-угорскую принадлежность этого имени. Связь Ольги со славяно-чудским пограничьем проступает в ее происхождении из Пскова (или его ближайшей округи). Другая интересная деталь относится к более позднему времени. Спустя столетие после кончины Ольги, тысяцким Вышгорода, некогда «ользиного града», был Микула Чудин. Не потомок ли он доверенного лица Ольги? Так или иначе, но то, что со времени Ольги высший слой «руси» все более и более стал пополняться людьми связанными с Восточной Европой, несомненно. Да и варяги «Рюрикова призыва», точнее их дети и внуки вполне обрели себе новую родину. Сохраняя свои традиции, они несомненно стали уже двуязычными и, если сохраняли память о своем происхождении и связи со своей далекой отчизной, то вряд ли помышляли обрести себя там.

Эпоха завоеваний еще не окончилась, Святослав и Владимир еще продолжают воинственную политику своих предков, но пауза Ольгиного «регентства» заполнится «перевариванием» добытого. Русь при ней пойдет не в ширь, а в глубь.

«В лето 6455 (947). Пошла Ольга к Новгороду, и установила по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани, и ловища ее есть по всей земле, памятные места и погосты, и сани ее стоят в Пскове до сего дня, и по Днепру перевесища (места ловли птиц – С. К.) и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе» – сообщает «Повесть Временных лет». За этими скупыми строчками летописи стоит огромная, напряженная реформаторская деятельность, которую возглавила уже совсем немолодая женщина. Но для истории Руси она важна не менее, чем труды Олега Вещего, а в созидании государственности, пожалуй, даже больше. Попробуем разобраться в действиях княгини.

Русь Олега и Игоря продолжала оставаться рыхлым конгломератом различных в социальном и этническом плане образований. Стянутые силой «руси», общей заинтересованностью в дальней торговле и военных предприятиях, защитой от внешних нападений, они могли в любой момент отделиться. Похоже, что уже в конце своего правления Игорь был не в состоянии в полном объеме обеспечить решение задач стоявших перед этой конфедерацией, гарантировать отстаивание интересов знати отдельных племен. Показательно, что для походов на Византию ему не удалось создать столь широкую коалицию как Олегу Вещему. Первой от Киева могла отделиться «Русь Рюрика» – «Внешняя Росия».

Поход Ольги сначала в Новгород, а затем на Мсту и Лугу, постоянно приковывал внимание историков, но по-разному толковался. За недостатком письменных источников, обратимся к данным археологии. Двигаясь на Новгород княгиня не могла минуть Ловати – части пути «из Варяг в Греки». Итак – Ловать, Мста и Луга. Для большинства людей это просто названия более-менее известных рек Новгородской земли. Но не для археологов...

Для них это ядра трех зон концентрации особого типа курганов, которые именуют «сопками». Таким термином исследователи обозначают монументальные насыпи, распространенные на северо-западе России. Высота их достигает 7–10 м, хотя основная масса не выше 3–5 м. Но не только высота роднит этот вид курганов эпохи раннего средневековья. Сопки имеют очень сложную внутреннюю структуру, в них часто встречаются каменные конструкции. Раньше считалось – это коллективные родовые усыпальницы. Но обнаруженные в них захоронения оказались единичными, заставив археологов предположить, учитывая большие трудозатраты строительство сопки, что в них покоился прах знати. Выдвигались даже предположения о принадлежности погребений родовитым скандинавам. Но инвентарь захоронений крайне скуден, он не идет ни в какое сравнение даже с рядовыми «дружинными курганами». Вдобавок, большинство погребений явно принадлежало женщинам и детям или животным, порой сопки вообще не содержали никаких останков. В результате новейших исследований, к которым приложил руку и автор этих строк, выдвинута гипотеза, объясняющая феномен сопки.

Сопки – это своеобразные земляные языческие храмы-святилища, а погребения в них – следы жестоких человеческих жертвоприношений. Сопки всегда располагаются вблизи поселений и в древности были с них видны. Спор об этнической принадлежности сопки, вроде бы тоже потерял актуальность. Большинство исследователей связывают их с формирующимся населением средневековой Новгородской земли, ядром которого стали словене. Здесь не место для детального разбора хронологии сопки и происхождения этой традиции. Нам важно, что основная масса раскопанных насыпей относится к X – началу XI века. Стало быть, зоны их концентрации маркируют основные зоны расселения словен во времена княгини Ольги.

Словене продвигались от Ильменя в трех направлениях, осваивая плодородные суглинистые почвы в районах Ловати, Луги и Мсты. Местами они оседали на пустых землях, но кое-где им пришлось преодолевать сопротивление аборигенов, представленных культурой псковских длинных курганов. Борясь с варягами и местным чудским населением, участвуя в походах на юг, словене стали мощной военной силой. Уровень их социальной организации и ее сплоченности демонстрируют величественные сопки, мощные градки-городища и целая сеть крупных поселений, культурный слой которых содержит многочисленные предметы вооружения, арабские дирхемы, предметы импорта. Для X века отмечено развитое кузнечное и ювелирное ремесло. Пашенное земледелие, в отличие от подсечного, давало возможность стабильного обитания сравнительно больших коллективов на одном месте.

Природные условия идеально совпали (или повлияли) с социально-политической структурой словен, которую мы можем реконструировать по данным письменных источников и археологии. Объединение словен состояло из трех равноправных самостоятельных частей, основу каждой из которых составляла военная организация – «тысяча». О существовании подобной троичной структуры у полян, возможно, свидетельствует легенда об основателях Киева – князьях Кие, Щеке и Хориве. «Тысячи» были и в других землях Древней Руси, но там обычно они не составляли такой триады. Зато у других народов в разные времена такая организация общества широко известна.

Археологам удалось обнаружить центры словенских «тысяч» на Луге и Мсте. В верхнем течении Луги открыто очень крупное, по тем временам, поселение – Передольский погост. С ним связан уникальный гигантский курган, превосходящий размерами все известные насыпи Руси и Скандинавии эпохи викингов. Его диаметр достигает 100 м, а высота более 12 м. Эта гигантская двухступенчатая земляная пирамида могла быть возведена усилиями только всех словен Полужья. Она, конечно, их центральное святилище. В среднем течении Мсты

исследуется уникальный комплекс памятников у с. Любытино, состоящий из двух больших поселений, нескольких десятков сопок и около сотни курганов. Это центр словен на Мсте. На Ловати пока подобный центр не известен, что может быть объяснено большей зависимостью ловатских словен от русских князей, поскольку эта река являлась частью пути «из Варяг в Греки».

Упомянутые крупные и более мелкие центры словен, как показывает археология, переживали резкий подъем во 2-й четверти X века, подобный процесс наблюдается и в Ладоге. С уходом на юг Олега самостоятельность словен явно увеличивалась, а их размещение в центре «Руси Рюрика» создавало массу преимуществ. Есть основания предполагать, что на первую половину этого столетия приходится максимум словенской экспансии. Словене не только захватывали новые земли и примучивали чудинов Северо-Запада, но как говорилось выше, приняли самое активное участие в освоении Северо-Восточной Руси. Они имели выход к торговым артериям, ведущим в Волжскую Болгарию и далее на Восток, для них были открыты пути на Балтику, обстановка на которой стала гораздо спокойнее по сравнению с IX веком. Киевская «опека» в таких условиях становилась в тягость.

Именно по словенам нанесла Ольга следующий удар после древлян. Обездвиженные центры их расселения отмечены гибелью Любытинского центра на Мсте, следами пожаров лужских поселений, около 950 года горела и Ладога. Княгиня устраивала свои погосты в тех же местах, где у словен уже были свои центральные поселения. Строптивая знать, очевидно, уничтожалась, а покорившиеся – переселялись к истоку Волхова, поближе к древнейшему Новгороду (Рюрикову городищу), где сидела варяжская дружина, под ее присмотр. Три поселка переселенцев составят три древнейших новгородских района-конца, ядро средневекового и современного города. Конечно, одними репрессивными мерами обойтись было нельзя. По всей вероятности, рассадив погостам своих людей и селив уцелевшую знать под зоркое око своих дружинников, княгиня наделила ее правом сбора дани. При удаленности Новгорода от Киева, «русы» физически не успевали бы совмещать деятельность данщиков и далекие торговые предприятия. Произошло своеобразное разделение труда, которое заложит основы специфического политического строя Новгорода более поздних эпох. Но речь об этом пойдет позднее.

Другим новшеством, которое Ольга распространила, судя по всему, и на других территориях Руси, стал отказ от старой системы полюдья времен Игоря. Все время увеличивающаяся в числе дружина, запросы которой росли, становилась тяжким бременем для населения «славиний» через которые пролегал ее путь. «Все росы», будь они скандинавами, славянами, чудинами или тюрками, оставались чужаками. Общие пиры, которыми несомненно полюдь сопровождалось, подобно скандинавской «вейцле», создавали массу конфликтных ситуаций. Подогретые медами пирующие могли от брани переходить и к рукоприкладству, или хвататься за оружие. Яркую картину таких потасовок рисуют первые статьи древнейшего памятника отечественного законодательства – «Русской Правды». Князь далеко не всегда мог справедливо «развести» стороны. Нет сомнений, что большинство дружинников, особенно недавно принятых иноземцев, свысока смотрели на своих пактиотов, хотя те были, надо думать другого мнения. Они кормили князя, осуществляя особый обряд, а вовсе не собирались потакать сборищу пьяных задир. Реконструкция этих отношений не плод моих домыслов, почитайте скандинавские саги, где описано аналогичное древнерусскому обществу – сами убедитесь. Ольга решила, что будет спокойней и надежней привязать племена данников, создав на их территориях сеть центров княжеской власти – погостов. Это решение можно считать первой административной реформой в России. Погосты Ольги стали местами сборов дани и отправления суда, а со временем они будут и центрами церковных округов. Они составят основу административно-территориальной системы Древней Руси. В Новгородской земле многие погосты, основанные во времена Ольги, просуществуют, несколько меняя свои функции, вплоть до первой половины XVIII века. Если путь «из Варяг в Греки» со всей его инфраструктурой можно расценить как ствол дерева древнерусской государст-

венности, то система погостов, несомненно, – его корни и ветви, которые будут продолжать свой рост.

Можно учесть и личностный момент при отказе Ольги от полюдья «старого образца». Ольга была христианкой, а «кормление» во время «кружения» предполагало участие в пирах и обрядах несомненно языческого характера. Как бы там ни было, но Ольга приняла своевременное и мудрое решение. Военные погромы на севере Руси не сказались на его развитии, хотя зависимость от Киева надолго была восстановлена. Можно допустить, что княгиня пресекла попытки словен к дальнейшей экспансии за счет аборигенов. Для нее они все в равной степени становились подданными. Надо думать, что сопротивление словен не было сломлено за один год. Любопытно, но после смирения древлян из поля зрения летописи исчезают на долгие 19 лет Святослав, Свенельд и Асмуд. Не на севере ли Руси они пребывали все эти годы? Вот где могло расти под руководством опытных воевод боевое мастерство взрослеющего князя и растущей вместе с ним дружины. Не здесь ли впитывал князь, помимо предприимчивости и отваги варягов, упорство словен, кровавые языческие обычаи, неизвестные югу Руси, которые проявятся в его византийском походе? Вот откуда у него страстная приверженность к язычеству, с которым Киев стремительно расставался при Ольге.

Ольга и во внешней политике умело гнула свою линию. Помня обиду, нанесенную ей в Царьграде, она все же дала возможность пополнить войска Империи русами. В 954 году они принимали участие в боевых действиях в Азии, вошли в состав гарнизонов византийских крепостей, а в 960–961 годах участвовали в отвоевании Крита у арабов. Одновременно Ольга вела переговоры с германским королем Оттоном, ставшим в 962 году императором Священной Римской империи. Русь становилась молодым, но полноценным государством. Она прошла роковую черту распада, который не перешагнули многие «варварские королевства» и другие ранние предгосударственные образования.

Ольга, носила христианское имя Елена, подобно матери императора Константина, превратившего древнегреческий город Византий в будущую столицу Византийской державы. Низко поклонимся этой женщине, которая для Руси сделала не меньше чем Екатерина Великая для России... И простим ей то, что было свойственно большинству людей ее жестокой эпохи!

Возмужавший Святослав внезапно вынырнул из небытия и ворвался в историю, если верить летописи, в 964 году. Эпоха викингов клонилась к закату. Но север Европы и Русь оставались еще языческими. Христиане были, но не они задавали тон. За исключением Дании, христианство еще не стало государственной религией, да и процесс становления самих государств еще не был завершен. И в Скандинавии, и на Руси еще хватало людей, грезивших дальними походами, для которых подходит определение Л. Н. Гумилева – «люди длинной воли». Византийский книжник Лев Диакон в своей «Истории» вложил в уста Святослава слова, которые могли произнести многие из соратников этого князя или скандинавских конунгов-викингов: «...мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага». Действительно, в памяти потомков Святослав остался отчаянным, бескомпромиссным, жестоким, но прямым и честным воителем. Но какая разница между дедом, бороздившим моря на драккаре и его внуком оседлавшим степное раздолье! Ирония судьбы: Рерик-Рюрлик был крещеным, хоть может и формально, а Святослав так и остался закоренелым язычником. Роднило их одно. Легкость на подъем, отсутствие чувства привязанности к родине. Семейей их была верная дружина, а домом – все пространство, куда досягал их меч.

«Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать многих воинов и храбров («богатырей», «берсерков» – С. К.), и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и, жарив на углях, так и ел; не имел он и шатра, но спал, постилая попону, а под голову седло, – такими и остальные его воины были. И посылал он в иные земли со словами: «Хочу на вас идти!» (В оригинале: «Хочу на вы ити!»)» – это характеристика князя в «Повести Временных лет».

А вот взгляд на него со стороны противников-византийцев, переданный Львом Диаконом:

«Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом (рубином или гранатом – С. К.), обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой».

Кто перед нами: потомок викингов или предок запорожцев? Скорее последнее – кровь-кровью, а страна делает свое.

Святослав уже возмужал, ему стало тесно на новгородском севере, его терзали великие замыслы, наступало его время, Святослав пришел в Киев и смешал карты тщательно разложенного Ольгой пасьянса.

Первым делом Святослав решительно отверг предложение матери креститься. Его дружина состояла из язычников, что косвенно подтверждает длительное пребывание юного князя на севере. Если среди киевских русов к 960-м годам прослойка христиан была значительной, имела вес, связи с Византией, поддержку княгини-христианки, то воины Святослава поголовно оставались язычниками. Святослав не мог и не хотел противопоставлять себя дружине. Князь и дружина сливались в одно тело, что придавало им необычайную мощь.

Святослав начал с покорения вятичей, последнего славянского племени платившего дань хазарам. Но для этого ему потребовалось два похода. Не раз князьям Руси приходилось приводить к повиновению это лесное племя, сохранявшее свою обособленность дольше всех. Всего за три года Святослав нанес удар Волжской Болгарии, сокрушил Хазарию, разорив дотла ее ранее цветущие города, подчинил северокавказские народы – ясов и касогов. Владения Руси в Крыму вплотную приблизились к территории Византии. То, что мыслилось как «Держава Германариха» Иордану в момент гибели остготского королевства, обретало реальность в деяниях Святослава. Князь был опьянен успехами, ему стало душно в маленьком Киеве, хотелось нового и большего. Случай вскоре представился.

В 965–967 годах резко обострились отношения Болгарии и Византии. Византийцы не могли простить болгарам потерю Мезии и Фракии, страх перед царем Симеоном, угрожавшим столице Империи. Но после смерти этого выдающегося болгарского владыки, его держава начала клониться к упадку. Император Никифор Фока решил натравить Святослава на болгар. На Русь был послан знатный житель Херсона Калокир. На подкуп киевского князя выделили 15 кентинариев золота.

В августе 968 года русское войско с союзными печенегами перешло Дунай, разгромило отряды болгар и захватило многие города. Святославу понравилась Болгария. Еще были живы предания о сказочной реке Дунай и походах за него. У князя вызревал замысел перенести сюда свою резиденцию. Идея сама по себе не казалась неосуществимой и безумной. В конце концов, и Киев находился всего лишь на расстоянии дневного перехода от печенежских кочевий. А спустя века Петр I в разгар Северной войны рискнет перенести свою столицу на берега Невы, и мы не считаем его за это сумасшедшим; даже, напротив, благодарим.

Трудно сказать по указке византийцев или по собственному почину напали печенеги на Русь весной 969 года. Во всяком случае, таких набегов до сих пор не было. Печенеги осадили Киев.

Киев в то время оставался сравнительно маленьким городком. Совершая великие походы, Святослав ничего не сделал для родного, но чуждого ему города, ничего для его укрепления и украшения. К обороне от степняков город готов не был. Жители и укрывшиеся под защитой стен окрестные селяне изнемогали от жажды. Связи с внешним миром не было. В

Киеве находилась Ольга с маленькими внуками – сыновьями Святослава. Думается, что в этот критический момент старая княгиня могла крестить старших внучат – Ярополка и Олега.

На другой стороне Днепра находилось войско под командованием некоего Претича. Кто он и в каких отношениях со Святославом был – до конца не ясно. Вся надежда оставалась только на него. Предание не сохранило имени юноши, который совершил подвиг и спас Киев. Зная печенежский язык, храбрец ночью спустился с крепостной стены и прошел через печенежский стан, при случае спрашивая, где его заблудившаяся лошадь. Бросившись в реку, под градом стрел он достиг войска Претича. Странно, что Ольга не отдает приказ Претичу, а шантажирует его сдачей города и мстью Святослава по возвращении. Думается, Претич не был воеводой киевского князя. Он сам мог быть одним из славянских князей подобных Малу Древлянскому, например главой племени северян, живших как раз на левобережье Днепра. Сил для разгрома печенегов у него явно недостаточно. Чтобы спасти семью князя, надо было хотя бы частично деблокировать Киев. И Претич пошел на хитрость.

Подняв большой шум, воины Претича приблизились к печенегам, и он вступил в переговоры с их предводителем, тем временем Ольга с внуками села в ладью. Претич выдал себя за начальника передового отряда возвращающегося с Дуная войска, сообщив, что главные силы с самим Святославом скоро подойдут. Уловка удалась. Заключили перемирие, в знак чего Претич и печенежский хан обменялись дарами. Первый дал щит, броню и меч, а второй преподнес коня, саблю и стрелы. В Чернигове, при раскопках огромного кургана Черная могила, в богатом погребении второй половины X века, найдена единственная для Руси этой эпохи сабля. Высказывалось мнение, что под величественной насыпью нашел свое последнее пристанище прах Претича.

Киевляне отправили к Святославу посольство с горькими словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул и ее не бережешь, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Святослав вернулся в Киев и отогнал печенегов в степи.

Но долго усидеть в Киеве он не мог. Матери и боярам он заявил: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – середине земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Ольга чуяла близкую кончину и просила дожидаться ее смерти и погребения. Тело княгини через три дня предали земле по христианскому обряду.

Святослав собирался вновь на Дунай. Он как предвидел, что навсегда покидает Русь. Сыновья, хотя и были малы, но он распределил среди них власть, ведь и сам он стал князем чуть ли не в младенчестве.

Надо сказать, что хотя мы имеем только приблизительные, иногда весьма противоречивые данные о размерах войска русов, но не подлежит сомнению, что оно было очень внушительным. В походы Святослава вовлекались десятки тысяч воинов, многие из них складывали головы в чужих краях, но до поры до времени потери быстро восполнялись. Безусловно, что сама дружина Святослава составляла лишь малую часть этих полчищ, хотя, несомненно, самую боеспособную и лучшую. Варяги не могли составлять среди армии Святослава значительного числом контингента, а потери, в связи с удаленностью от родины, были слабо восполнимы. Князю пришлось всколыхнуть всю свою многоплеменную державу, увлечь за собой толпы молодежи, отрывая от отчего дома и превращая из родичей в изгоев. Ограниченные задачи походов Аскольда, Олега и Игоря не годились. Нужно было другое.

Не ромейским золотом покупался поход на Болгарию и не в интересах Царьграда-Константинополя. Славяне твердо помнили о походах на Дунай и жизни в тех краях своих предков. Эпическая ностальгия толкнула в мясорубку войны представителей разных славянских племен. Дружина Святослава, как скелет, обрастала плотью из словен, северян, кривичей, дреговичей, тиверцев, уличей и многих других. Из Рюриковичей Святослав первым носил славянское имя и уже этим становился ближе подвластным племенам-«славиниям». Пус-

кай легкой, но постыдной регулярной дани, он явно предпочитал страшную, правда, с точки зрения того общества, почетную дань кровью – участие в его военных предприятиях. Нет и намек на какие-либо «этнические симпатии» князя. Ценил он только преданность, силу, храбрость, доблесть, боевой опыт. Возможность присоединиться к не знавшему доселе поражений предводителю должна была привлечь как вольных варягов, так и недавно подчиненные народы юга. Борьба Империи со Святославом, длившаяся несколько лет, потребовавшая полного напряжения сил, многих жертв, станет кульминационным моментом военного противостояния Руси и Византии. Таких масштабов она уже после не приобретет.

За время отсутствия князя восстали болгары. Святослав вновь занял Болгарию. Он угрожал Византии, требуя дань, пугая захватом столицы, его войска находились от нее в нескольких дневных переходах. Но в Империи произошли перемены. В результате государственного переворота к власти пришел прославленный Иоанн Цимисхий, герой многих войн, талантливый полководец. Для борьбы со Святославом Византия мобилизовала все силы. Со всех концов войска стекались во Фракию, флот, снабженный «греческим огнем», шел к устью Дуная. Отдельные отряды Святослава, несмотря на яростное сопротивление, были уничтожены. Остальное войско князя ушло под защиту стен дунайского города Доростол. Военное счастье стало изменять ему.

Русскому войску противостояла большая, опытная армия. Ее ударной силой была тяжелая конница – катафрактары, закованные в броню. Святослав такой конницей не располагал. Сражения между пехотой протекали с переменным успехом, даже с некоторым перевесом на стороне русов. Но как только в атаку шли катафрактары, воины Святослава оказались вынуждены укрываться за стенами Доростола. Запасы продовольствия таяли. Прорыв на кораблях был невозможен. Святослав пошел на мирные переговоры. Состоялась их встреча с императором. В короткой беседе – Цимисхий сидел на коне, а Святослав на скамье ладьи – согласовали основные условия мира. Прямой и честный Святослав на этот раз обманывал Цимисхия. Выговаривая для себя свободный проход на Русь, он обещал отказаться от замыслов нападений на Империю, а в случае угрозы ей с третьей стороны, придти на помощь. Однако накануне дружине князь говорил: «Пойду на Русь, приведу дружины более».

Потрепанное в боях, обремененное большой добычей войско, двинулось домой. Болгары из Переяславца на Дунае сообщили об этом печенегам, и те блокировали Днепровские пороги. Прорваться через них не удалось. Святослав вернулся к устью Днепра. Свенельд, участвовавший в походе, убеждал князя бросить часть добычи и налегке уйти на Русь. Святослав отказался, и Свенельд покинул его. Что-то надломилась в князе, похоже, он не мог смириться с поражением и искал смерти. Голодная зимовка на берегу Черного моря еще сократила силы его войска. При новой попытке прорыва через пороги Святослав был убит. Победителем оказался печенежский хан Куря. Из черепа великого воителя он сделал чашу, оковав драгоценным металлом, и пил из него. Так оборвалась жизнь человека, раздвинувшего мечом пределы державы русов, но не смогшим их удержать, поманившим славян мечтой о Дунае и усеявшем их костями поля Болгарии и Фракии. На Руси наступала эпоха не воителей, а строителей. На смену Асмудам и Свенельдам шли Боричи и Претичи.

Гибель Святослава подвела черту под тем периодом становления государственности, когда главным инициатором общей внешней и внутренней политики оставался тонкий военно-торговый слой «русь». Слишком он был поверхностен, слишком тонок, слишком подвержен переменам удачи и везения. Не могло несколько сотен или нескольких тысяч человек обеспечить дальнейшее развитие государства. Спровоцировать – одно дело, созидать другое. Несколько кровавых сражений, неудачное полудье, осложнения на торговых путях или рынках Востока и Византии, и этот неустойчивый организм впадает в тяжелую болезнь на грани смерти. Эта «русь» в социальном плане, а в значительной степени и физически, окончит свои дни под мечами и копьями катафрактариев Иоанна Цимисхия, саблями и стрелами хана Кури, дав название новой стране, но за ее единство предстоит еще побороться.

СТРАНА ЕСТЬ – НУЖНА ВЕРА

Гибелью Святослава и его дружины на днепровских порогах закончилась эпоха викингов для Руси. Клонилась она к закату и в Северном Средиземноморье. Ее отголоски будут еще звучать до середины XI века, но обретут уже иной характер. В Скандинавии лидирующее положение занимала Дания. Датчан подчинили в Британии английские короли и при короле Эдгаре они образовали особую территорию «датского права». Однако датским конунгам удалось распространить свое влияние на Норвегию. Набеги викингов носили теперь эпизодический характер и из неорганизованного стихийного движения все больше обретали вид государственных военных предприятий. Скандинавские конунги сознавали опасность этого явления, поскольку грабежи на море препятствовали торговле, осложняли межгосударственные отношения. Зачастую разграблениям подвергались территории, подвластные конунгам. Бельмом на глазу у всех оставалось легендарное независимое сообщество «йомсвикингов». Страны севера хотели покоя, а особо «прыткие» всегда могли отправиться в слабо заселенную Исландию или в качестве наемников искать счастья в чужие края.

За первую половину X столетия Европа сильно изменилась. Усилилась в правление королей саксонской династии Германия. Генрих Птицелов (919–936) остановил наступление венгров, а его сын Оттон I (936–973) нанес им сокрушительное поражение. Основанные для обороны от венгерских набегов крепости-бурги стали превращаться в города. Начало развиваться ремесло и торговля, чему способствовало объединение под скипетром королей саксонской династии Германии и северной части Италии в новую империю, претендовавшую на римское наследие (961–962). Бурный расцвет переживали города Италии, становившиеся опасными торговыми конкурентами Византии. Наконец в это время произошло вторичное открытие и начало разработки серебряных рудников. Западноевропейский денарий начал стремительно вытеснять арабский дирхем.

Для Византии наступал звездный час ее средневекового могущества. В 976 году на императорский трон взошел Василий II, прозванный впоследствии Болгаробойцей. Молодой и неприметный в первые годы правления, он проявит еще себя за полстолетия своего царствования (976–1025). Хотя первые десятилетия его пребывания на троне пройдут в борьбе с мятежами, интригами придворных кланов и отражением арабских набегов, ему затем удастся придать Византии такое внешнее величие и внутреннюю прочность, что этот запас будет растрочен только во второй половине XI столетия.

Арабский халифат уже давно перестал существовать как единое целое. Вслед за политическими неурядицами последовали внешнеполитические осложнения. Началась порча монеты, что не могло не отразиться на престиже дирхема как раннесредневековой валюты.

Окрепла и усилилась Волжская Болгария, прочно пустившая корни в одной из ключевых зон Восточной Европы, на стыке таежного Предуралья, продвигающейся на восток Руси и кочевого мира Степи. Она надолго станет перевалочным пунктом в циркуляции товаров между Северным Средиземноморьем, Русью и странами Арабского Востока.

А каким же это время было на Руси?

Процесс консолидации страны и устройства оставался далеким от завершения. Святослав плохо ценил старания своей матери. Широкая, но бесшабашная политика князя не принесла Руси ничего кроме моря пролитой своей и чужой крови. Победить и разграбить Святослав мог, а вот удержать – нет. И если мы гордимся автором слов «Хочу на вы ити!» и «Мертвые сраму не имут!», то чего удивляемся, когда монголы гордятся Чингисханом, он ведь тоже не нападал вероломно. В каком-то смысле действия Святослава были шагом назад. Все его успехи оказались эфемерны и «вышли боком». Завоеванные вятичи благополучно забыли о зависимости от Киева, вероятно, в душе поблагодарив избавителя от хазарской дани, хотя киевский князь вряд ли был альтруистом, а «освобождение» сопровождалось разгромом вятических градов и уничтожением торгово-ремесленных центров подобных городищу Супруты. Весь длинный путь по Волге на Восток невозможно было контролировать из-за сильной удаленности Руси, прочного положения Волжской Болгарии и беспокойной ситуации в коридоре Великой Степи, по которому постоянно дул ветер передвижений, проно-

сился ураган нашествий или тянул сквозняк набегов кочевых орд. Эту задачу под силу окажется решить только 600 лет спустя при Иване Грозном присоединением Казанского и Астраханского ханств – осколков Золотой Орды. Дряхлеющий Хазарский каганат никакой опасности для Руси не представлял. Напротив, он был хоть каким-то противовесом печенегам, которые после его падения вконец обнаглели и, в благодарность «союзнику и нанимателю», осадили и чуть было не взяли Киев, а потом и вовсе сотворили чашу из буйной головы Александра Македонского «русского разлива». Вместо того, чтобы оказывать на Византию политическое давление через потенциальных союзников – болгар, он продал их за 15 кентинариев золота (сумма конечно не в пример «30 серебряникам», но и не астрономическая – разовые раздачи населению Константинополя иногда превышали 20 кентинариев). Потом он как коршун кинулся терзать Болгарию, мечтая о создании державы «От Балтики до Адриатики». Новообретенных подданных Святослав успел так «достать», что те, кто не влился в его войско, восприняли армию Иоанна Цомисхия как освободительницу, а жители Преславы не преминули «стукнуть» печенегам о том, что беспокойный рус увозит отобранное у них добро. Вот такую кашу заварил наш «прославленный полководец», вымышленный портрет которого висел на стенах кабинетов истории советских школ наряду с Суворовым и Кутузовым.

Историк не вправе давать только оценки «отлично», «плохо» или «удовлетворительно». Это удел учителей. Историк докапывается до смысла произошедшего и до его причин. Почему Святослав был таким, и почему находились люди его поддерживавшие? Добро бы, если он действительно оказался ставленником дружин викингов. Да, по природе своей он близок, но не тождествен конунгам-викингам, во всяком случае, из своей страны князя никто не гнал. Думается, что Святослав и его окружение отстали от времени, этот дискомфорт ощущал и он сам. Есть психологический штрих, который упускают из вида историки.

Святослав со своими сверстниками из высшего слоя «руси» оказались в ситуации безотцовщины (вспомним «вдове посольство» Ольги в Царьград). Это сказывается на обычных людях. А на знатных, на правителях – вдвойне. Для того общества, по крайней мере, на уровне сознания и права, не было разницы, старец человек или дитя малое. Все права, включая право имущества, власти и кровной мести были неотъемлемы вне возрастных рамок. В обществе того времени отсутствовало понятие возрастной дееспособности, дееспособности частичной или полной. Показательно, что Святослав, вряд ли толком понимавший, кто такие древляне, а знавший только, что они враги, убившие его отца, начинает битву символическим метанием копья, упавшим перед мордой его лошади. Вне материнской заботы и ласки, на далеком севере он вырастет в окружении суровой варяжской дружины, участвуя в карательно-смирительных акциях. И рассказывать ему и его волчатам-сверстникам о жизни будут седовласые ветераны походов Олега («Хазары-враги! Греки-враги, но богатые на зависть! Печенеги нам не угроза, приходили один раз и исчезли!»). И случится парадокс: во все более вращавшей в местную почву надплеменной «руси» сформируется молодое поколение со взглядом и ценностями ушедшей эпохи. Поколение, оторвавшееся от «варяжства», но чуждое «славянству». Горе народу с молодым правителем без хорошего наставника. За примером далеко не пойдём – Иван Грозный. Не стали Свенельд и Асмуд для Святослава тем, кем Олег для Игоря. Грянул час, и сын Игоря не послушает совета старого воеводы. И канет в историю вместе с поколением жившим идеалами эпохи варварства, с желанием безответственно пользоваться благами цивилизации, не разделяя ее ценностей.

Но заваренную кашу надо было расхлебывать. Вставал законный вопрос: кому?

Уходя в свой последний поход, Святослав разделил власть на Руси между сыновьями. Показательно наплевательское отношение князя, который относился к ней, прежде всего как к неистощимому резервуару воинов. Киев ему был «не люб», а про Новгород он и вовсе забыл, если бы ему не напомнили новгородцы, пригрозившие сами найти князя, если он не пошлет кого-то из сыновей. Святослав поначалу даже и не вспомнил о своем сыне от Малуши, ключницы княгини Ольги. Кандидатуру новгородцам подсказал ее брат Добрыня, почувствовавший для себя выгоду стать опекуном при князе. И юный Владимир отправился в да-

лекий Новгород. На юге в Киеве остался старший сын Ярополк, а среднего Святослав посадил в Деревях – Древлянской земле, с которой начался его боевой путь. Ни о каком старшинстве, иерархии в отношениях между братьями нет и намека. Они равноправны, хотя к Владимиру было отношение как к сыну рабыни.

Конечно не надо представлять себе рабов как людей исключительно униженных, в цепях и ошейниках. Это понятие юридическое – несвободный человек. Малуша не была пленницей-челядинкой. Отцом ее и Добрыни был Малк Любечанин, быть может даже посадник этого города на ключевом участке пути «из Варяг в Греки». Добрыня явно занимал видное положение при киевском дворе, если к его совету прислушались. Малуша стала рабыней «повязав ключ», есть такая формулировка в древнерусском законодательстве. Что толкнуло ее на это? Не такое же ли сиротство как у Святослава? И не это ли их сблизило? Выбор для удовлетворения похоти у юного князя имелся большой, но почему-то сын Малуши стал князем Новгорода. А может она была просто любимицей Ольги и Святослав уважил просьбу умирающей матери? Источники никогда не дадут ответ на этот вопрос. Тогда читатели могут спросить, зачем столько внимания этому сюжету, и какое отношение он имеет к Великой Скифии и России. Прямое. Во-первых, потому, что он демонстрирует реальные человеческие отношения, без которых немислим анализ отношений межэтнических (такие истории, возможные в княжеской среде, неизбежно становились реальными и на других иерархических ступенях общества). Во-вторых, Владимир примет важнейшее для судьбы нашей страны решение – «выберет веру», а это посущественнее, чем «призвание варягов».

Итак, после гибели Святослава на порогах, на Руси осталось три независимых правителя. Как в сказке: «Было у отца три сына...». Но дело в том, что увлеченный своими дальними затеями князь совершенно упустил бразды правления страной из рук. Как говорилось выше, люди, принимавшие в его походах участие, делали это без понуждения, вполне добровольно, с радостью отрываясь от родной среды. Нет у нас «племенных» списков рати Святослава, это единое, монолитное войско, хотя, понятно, что в походе и бою норовили держаться ближе друг к другу все же соплеменники. На Руси, в отсутствии «сильной руки» сразу наметились центробежные тенденции. Хорошо новгородцы попросили князя «рюрикава дома», а могли бы этого не делать, как поступили полочане.

В Полоцке утвердился династия варяга Рогволода (славянская адаптация скандинавского имени Рагнвальд). Летопись утверждает, что он «пришел из-за моря», то есть не был потомком «мужей Рюрика», посаженным, в том числе, и в Полоцке. Феномен Полоцка вообще интересен, этот особый город и тяготевшая к нему территория будет постоянно находиться несколько в стороне от остальной Руси, но, при этом, ощущать свою теснейшую связь с ней. Каким-то отголоском независимости Турова на стыке земель древлян и дреговичей была легенда о князе Туре. Нет сомнений, что определенную автономию имел и «север», как показывает анализ материалов роменско-боршевской археологической культуры.

И Игорю, и Святославу повезло – они были единственными наследниками своих отцов. Святослав, разделяя свою землю и власть между тремя сыновьями, действовал в рамках родового сознания и права, «государственного» мышления еще попросту не было. А родовое право предполагало раздел наследства между братьями в определенных, желательнее более-менее равных долях. Старший брат имел над ними, скорее, моральное превосходство. Он должен наставлять и улаживать споры, будучи «во отца место». Разницы между князьями и простолюдинами здесь не существовало. Но что нормально для крестьянской семьи, в масштабах страны оказывалось бедствием. С одной стороны, власть над страной была общей собственностью правящего рода (Меровингов у франков, потомков Харальда Харфагра в Норвегии, Рюриковичей на Руси и т. д.), но каждый мужской отпрыск из этого рода не просто имел право на часть этой власти, она принадлежала ему с момента рождения. Каждый из них носил титул, которым обладали и все остальные: король, конунг, князь и т. д. Смерть главы рода неизбежно ставила альтернативу политического распада страны или затяжной кровавой распри, из которой только один должен выйти победителем. Чем менее была развита сама государственность, сплывающая страну, чем менее страна была связана эконо-

мически и этнически монолитна, тем болезненнее и острее проходил процесс консолидации власти в лице верховного правителя. Святославичам пришлось с этой проблемой столкнуться. И дело тут не в том, что каждый из князей стремился отобрать братний кусок. За каждым, в отличие от большинства населения, стояли интересы его дружины, его окружения, земли в которой он «сидел». Даже если князь и имел покладистый, а не задиристый нрав, то всегда находились те, кто подталкивал тихо к распре с братьями, а то и во все горло орал: «Ату его! Ату!»). Так и случилось на юге Руси.

Сын Свенельда Лют (заметим, у воеводы-скандинава сын носит уже славянское имя), охотясь, заехал на территорию «ловов» князя Олега. Не получилось разговора по душам у гордого Свенельдича и молодого князя. Лют наверняка припомнил, кто покорял и умирал древлян, что одно время древлянская дань собиралась отцом и его, естественно, убили. Охота в эпоху средневековья была для знати таким же значимым занятием как война, а в X веке на Руси сохраняла еще и большое экономическое значение. Свенельд жаждал мести – похоже, сын был единственный и любимый (остальные тоже пали в далеких походах?). Ярополк выступил против брата. В битве у города Овруч рать Олега разбили. Его воины бросились к воротам города, искать спасения, и в давке молодой князь упал с моста и утонул во рву. Ярополк, если верить легенде, искренне скорбел о брате и зло бросил Свенельду: «Смотри, этого ты хотел!». Больше имени Свенельда мы в летописи не встречаем, его место занял воевода Блуд. Имя это или презрительное прозвище мы не знаем, но то, что он либо славянин, либо обрусевший варяг сомневаться не приходится.

Надо заметить, что Ярополк был христианином, при нем процесс христианизации страны далеко продвинулся: сказывалось бабушкино воспитание. Владимир, захватив Киев, застанет там значительное число христиан, среди которых было много варягов. Археология это подтверждает как находками древнейших крестиков «скандинавского типа», так и распространением труположений в камерах. Они известны на кладбищах Киева, Смоленска-Гнездова, Пскова, в курганных могильниках Тимерева, Шестовиц и в других местах. В целом захоронения в камерах датируются 2-ой половиной X века, но дендродаты таких погребений в Гнездове позволяют уверенно отнести время совершения в них погребений к времени правления Ярополка Святославича. Очевидно, и его, и брата похоронили в подобных камерах, ибо в 1044 году по приказу Ярослава Мудрого их кости были извлечены и перезахоронены.

В это время на севере разворачивались не менее драматические события. Предание, а вслед за ним и летопись, объединили их под одним 980 годом, но ясно, что их последовательность и хронологическая привязка условны. Представляется более вероятным следующий ход событий. Добрыня или имел какие-то корни в Новгороде (может, его отец Малк Любечанин был потомком какого-то знатного словенина-участника похода Олега Вещего на Киев, оставившего верного человека в покоренном городе) или прочно их там пустил – его сын Коснятин (Константин) станет в начале XI века новгородским посадником, княжеским наместником. Пережившие Ольгин погром словене к этому времени оправались. Вдали от беспокойного Святослава, теперь уже новгородская, знать опиралась на продолжавшую развиваться военно-политическую организацию словен, которую вполне можно рассматривать как раннегосударственную структуру. Новгород, хотя и состоял из трех обособленных поселков, но их городской характер несомненен. Еще во времена Ольги здесь пролегли первые уличные мостовые (953). Интересно, что с прибытием юного Владимира в 972 году в Неревском конце была постелена новая мостовая. Князь с дружиной по-прежнему сидели на Рюриковом городище, которое вместе с тремя поселками-концами воспринималось уже как один город. Скандинавы называют его Хольмгардом. Существует много толкований этого слова. Наиболее обоснованной и соответствующей реальной топографии версией является его перевод как «островные усадьбы», «усадьбы на островах». Действительно в период весенних половодий исток Волхова превращался в архипелаг из больших и малых островов, покрытых пятнами застройки.

Альянс князя со словенско-новгородской знатью позволял вести самостоятельную активную внешнюю политику. Новгородцам явно хотелось облагать данями окрестные чудские племена, их тяготила зависимость от Киева, а еще больше мечталось прибрать к рукам водораздел Ловати и Днепра, овладеть важнейшим ключом к пути «из Варяг в Греки». Но ключом к нему владел Полоцк и князь Рогволод. Замками к ларцу, где лежал этот ключик, были города Усвяч (летописный Восвяч) и Витебск. После захвата Древлянской земли и гибели Олега и в Киеве, и в Новгороде почувствовали, что схватки между Владимиром и Ярополком не избежать. В предстоящей борьбе было важно обзавестись надежным союзником. Особенно Ярополку. Малолюдный север Руси, но сильный в военном отношении, мог всегда использовать силу наемных варяжских дружин, которые томились в безделии финала эпохи викингов. Полоцк служил вторыми воротами на Балтику, а у Рогволода-Рагнвальда явно оставались связи «за морем». Новгородцам важно было инициативу перехватить. Решение приняли в традиционном для того времени ключе – династический брак. Новгородцы послали сватов. У Рогволода была на выданье дочь и чтобы не оказаться в предстоящей борьбе «между молотом и наковальней» ему предстояло сделать выбор. Похоже, что аналогичные предложения поступали и из Киева. Гордая княжна собственный выбор сделала в пользу более знатного и старшего брата: «Не хочу розути робичича, Ярополка хочу!». Знала бы Рогнеда, что презрительным отказом она подписала смерть своему отцу и братьям! Вдобавок, Ярополк к этому моменту был уже женат, а христианину двух жен не положено. Хотя ради такого дела можно было и пожертвовать монашенкой-расстригой, то ли гречанкой, то ли болгаркой, которую сыну «презентовал» вернувшийся из Болгарии отец «красоты ее для». Это еще раз характеризует натуру воинственного князя, ценившего не родовитость, а личные качества, и плевавшего на мнение подвластных христиан.

Владимир и новгородцы, видно, оказались готовы к такому повороту событий. Новгородцы ему даже должны были радоваться. Хоть полочане являлись тоже «словенами», но то стало уже делами дней давно минувших, а сейчас очень уж хотелось устранить торгового соперника. Владимир и Добрыня обрушили на Полоцк всю военную мощь севера Руси. Словене, чудь и подвластные кривичи, наемные варяги выступили в поход и захватили Полоцк. «Повесть Временных лет» скупко сообщает, что «...приде Володимир на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его два, и дъщерь его поя жене». Кратко... Но это только «семечки». Предание, внесенное в летописи позднее, при рассказе о «депортации» полоцких князей в Византию в 1128 году, содержит куда более страшные подробности. Когда Рогволод и его семья оказались в руках победителей, Владимир на глазах родителей и братьев изнасиловал Рогнеду, превратив ее этим фактически в наложницу. Вряд ли это пришло в голову самому отроку, едва достигшему тогда половой зрелости. Пребывание на языческом севере вообще вряд ли благотворно сказалось на нравах князя. Это проявится потом на юге Руси, которую повергнут в шок выходы Владимира, обставленные как языческие ритуалы. Добрыня и новгородцы могли торжествовать победу. Полоцк был сожжен. Как показали раскопки, он возродится уже на другом месте, хотя и на расстоянии менее километра.

Однако Ярополк сумел собрать силы достаточные для того, чтобы Владимир не принимая боя бежал в Скандинавию. В Новгород прибыли посадники киевского князя. Заметим, что, в отличие от более позднего времени, их не один, а несколько. Выскажу смелое предположение, что их было трое – по числу концов-поселков и словенско-новгородских «тысяч». Может в это время и прекратилась жизнь в княжской крепости-резиденции – Рюриковом городище. Археология свидетельствует, что активное формирование здесь культурного слоя прекратилось не позднее рубежа X–XI веков и возобновилось только к концу XI столетия.

Но борьба не окончилась. Владимир привел через три года большое войско варягов. О его размерах и доминирующем положении в рати свидетельствует, что князь не смог с ним расплатиться, заискивал, уговаривал, а не приказывал, и, в конце концов, еле-еле выпроводил в Византию, уведомив об этом императора. Еще у Владимира как всегда в распоряжении оказались верные словене-новгородцы, для которых «посаждение» своего князя в Киеве превращалось в доходное предприятие, чудь и кривичи. Ярополк был осажден в Киеве. Воевода

Блуд решил сменить «хозяина» и вступил в сговор с Владимиром. Ярополк по наущению предателя бежал в Родню, пограничную крепость. Может в этом был и резон. Во всяком случае, именно к ним бросится за мстью преданный Ярополку дружинник Варяжко. Но все повернулось как нельзя хуже для оставившего Киев князя. Доверившись еще раз Блуду, он сдался брату и был убит двумя варягами. Варяжко, бежавший к печенегам, будет долго мстить за Ярополка. Любопытно имя этого человека, скорее даже имя-прозвище, которое демонстрирует степень вrastания варягов в древнерусскую среду и то, что славянская речь явно стала господствующей, окончательно вытеснив скандинавскую из повседневного общения высшего слоя Руси.

На киевском столе Владимир оказался достаточно молодым человеком. За ним и при нем в первые годы его правления постоянно маячит фигура Добрыни, легендарной личности попавшей в былины в образе Добрыни Никитича. Предстояло повторить путь, который уже проделала страна за предыдущие сто лет, но сделать это надо было быстрее и на другом уровне. Но стоит заметить, что делать это по проторенным путям оказалось несравненно легче. Объединение Новгорода и Киева путем похода северных воинов на юг как бы повторяло первый серьезный политический шаг Олега Вещего. Следующим этапом следовало приведение к покорности племен южной Руси. Как и его отцу, Владимиру понадобилось предпринять два похода на вятичей. По всей вероятности, боевые действия велись и в земле летописного «севера». Археология красноречиво свидетельствует о взятии и разрушении мощных городищ роменско-боршевской культуры. На этом сюжете стоит остановиться несколько подробнее.

Время Владимира окончательно определило контуры того исторического явления, которое традиционно именуется «Киевской Русью». Термин этот достаточно условен. Историки XIX века писали о «киевском периоде» в истории Руси. Только потом утвердилось название широко распространенное ныне. Концентрация внимания вокруг Киева обусловлена тем, что в основе древнерусских летописных сводов лежали редакции «Повести Временных лет», которая составлялась именно в Киеве. Взгляд на Русь и на Русскую историю уже этим определен как «моноцентричный». Новгородское летописание, которое не моложе киевского, делает уже иные акценты, хотя естественно смотрит на Русь со «своей колокольни». Прочие ранние традиции летописания либо еще отсутствовали, либо до нас не дошли. Из этого вытекало второе. Поступательное развитие страны при первых Рюриковичах воспринималось как единственный «магистральный» путь становления и развития государственности на просторах лесной и лесостепной зоны Восточной Европы. Деятельность Олеговой, Игоревой и Святославовой «руси» рассматривалась как результат развития всего общества, которое в итоге образует Киевскую Русь Владимира. Далее историки, в зависимости от времени, когда они писали, от их общественно-политических взглядов и ценностных установок, пытались понять экономическую базу, на которой возводилось здание Киевской Руси. В советской историографии стал доминировать подход в каноническом виде сформулированный академиком Б. Д. Грековым. Предполагалось, что развитие восточнославянского общества происходило на основе прогресса пашенного земледелия. Процесс виделся непрерывным и поступательным, а его корни возводились к скифской и даже трипольской эпохам. Нет смысла сейчас подробно рассматривать уязвимые со всех сторон места этой теории, напрямую вытекавшей из идеологических установок вульгаризированного в СССР марксизма. Как мы видели, дело обстояло гораздо сложнее.

Истоки государственного организма, выросшего в «Киевскую Русь», отмечены отнюдь не на богатом земледельческими традициями юге, а на скупом на плодородие севере. «Провокатор и катализатор» оформления древнерусской государственности в том виде и на той территории, где она образовала «Киевскую Русь», пришел с севера и во многом задавал направление развития тех обществ, которые к нему присоединялись не по доброй воле, а в результате завоевания. Ему выше уделено было достаточно внимания – это «русь» с правящим родом Рюриковичей во главе. Модель становления государственности, которая связана с эволюцией «руси», ее вrastанием в почву страны при несомненном влиянии на местные об-

щества, далека от схемы Грекова. Но были и другие общности, которые ей вполне соответствовали и могли в процессе дальнейшего развития реализоваться в самостоятельные государства.

Скурпулезный анализ материалов последней стадии роменско-боршевской культуры привел А. В. Григорьева к выводу о том, что соответствующее ей летописное объединение «север» находилось на раннегосударственном этапе развития. Оно протекало по схеме близкой грековской – на основе высокопродуктивного земледелия в условиях плодородных почв лесостепных районов при торговых контактах с кочевым миром. Свою способность к оригинальной самоорганизации, ведущей к государственности, продемонстрировали и словене новгородские, и полочане, и древляне (о дреговичах информация отсутствует). Заметим, что, как показано выше, именно эти объединения традиция тесно связывала с дунайским этапом истории славянства. Именно против них русские князья направляли жестокие удары, блестяще реализуя принцип «разделяй и властвуй». Им необходимо было вырвать с корнем оплот сепаратизма – местные княжеские династии и знать. Летопись сообщает только о судьбе Мала Древянского. Об остальных полное молчание. Но факт, что все Рюриковичи, так или иначе, стремились, если не к физическому уничтожению местных правящих кланов, то, по крайней мере, к снижению их социального статуса. Особенно старательно этим занимались во времена Ольги и Святослава. Последних, похоже, добивал Владимир. Никакого «всякого княжья», известного еще по договору 944 года, к моменту крещения на Руси не осталось. Вместе с исчезновением «центров притяжения» в лице местной знати, как самостоятельные, исчезают и социально-политические объединения, превратившись в территориальные подразделения Древней Руси.

Археологическим отражением этих процессов является распространение древнерусской культуры. Конечно, культурные процессы не прямо отражают социальные и политическую историю, но они демонстрируют модели взаимоотношения различных обществ. Где-то древнерусская культура плавно вырастает из синтеза местных и разнородных по происхождению привнесенных элементов. Эта ситуация характерна для севера Руси, где сложились особые союзные отношения между «русью Рюрика» и местными образованиями. Опираясь на них, князья раз за разом будут подчинять юг Руси с центром в Киеве (Олег, Владимир, Ярослав). Но точно так же, укрепившись на юге, они будут возвращаться на север ломать местный сепаратизм. Роменско-боршевская культура рисует другую картину – картину противостояния местной самобытной традиции непрерывно развивавшейся с VIII века по рубеж X–XI; древнерусские элементы просачиваются сюда лишь эпизодически. Затем происходит резкий «обрыв», сопровождающийся стремительным распространением древнерусской культуры в ее классическом сложившемся варианте. Заметим, что в летописях об этом ни слова.

Таким образом, Русь могла уже в раннем средневековье пойти по иным путям движения к цивилизации, государственности. Могла реализоваться «балканская» модель, когда на основе консолидации «славиний» возникнет несколько государственных образований разного калибра, политический вес которых будет меняться во времени. На несколько десятилетий они объединены будут только в рамках послевоенной, ныне бывшей, Югославии. Могла пойти путем «центральноевропейским», имея для этого мощную историко-географическую предпосылку в виде противостояния Север – Юг. Этот мощный фактор, который не укрылся даже Константина Багрянородного, будет постоянно присутствовать на протяжении длительного периода отечественной истории. Но для IX–XI веков он будет как никогда актуален. В Центральной Европе в течение X века образуется два устойчивых славянских государственных организма – Польша и Чехия. Настолько устойчивые, что их не размыли, ни вхождение Чехии в состав Священной Римской империи, ни вхождение Польши в состав Речи Посполитой.

Для археологов одним из критериев интеграции обществ Восточной Европы в древнерусское общество, а их культур в древнерусскую, несомненно, является распространение специфической посуды, изготовленной, в отличие от местной керамики вылепленной от ру-

ки, на гончарном круге. К эпохе Владимира гончарная керамика господствует практически везде, кроме отдельных, преимущественно северных районов, но и там она известна, просто менее распространена. Она очерчивает пределы державы Владимира.

Утвердив свое господство на юго-востоке Руси, Владимир обратил внимание на радимичей. После того, как Олег отвоевал их у хазар, о радимичах ни слуху, ни духу. Во времена действия «большого полюдья» его маршрут должен был пролегать через их земли. Как следы опорных пунктов княжеской власти в тех краях могут рассматриваться комплексы археологических памятников Кветунь и Седнев. Но радимичи не принимали участие в бурных событиях правлений Олега, Игоря и Святослава. Они, до поры до времени, обходили их стороной. Владимир обратил внимание на белое пятно в своих землях. Час радимичей пробил. На реке Пищане их разгромил киевский воевода Волчий Хвост (984). Однако белые пятна еще долго будут присутствовать на карте княжеских владений. В глухих лесах Приочья до второй половины XI века спокойно доживала свой век «голядь», какое-то балтоязычное племя, осколок эпохи балто-славянского единства. Но в целом картины это не меняло. Подчинением радимичей Русь обретала территориальную монолитность. Вставал вопрос о ее внешних границах.

Волна славянского расселения на север, остановившаяся у южной кромки тайги во второй половине VIII века, практически не продвинулась дальше и во времена Владимира. Никто не мешал отдельным воинственным ватагам двигаться вперед на северо-восток в поисках источников драгоценной пушнины. Северным форпостом Руси продолжала оставаться Ладога. Поблизости в Юго-Восточном Приладожье в X веке процветала яркая и самобытная культура приладожских курганов, которую в последнее время связывают с загадочными колбягами Русской Правды – памятника древнейшего отечественного законодательства. Известны колбяги и по другим источникам. Арабы называли их келябиями. Позднее, в XI веке колбяги-кулпинги служили в гвардии византийских императоров. Для севера Руси они играли роль своеобразного буфера. Находясь в тесной связи с Русью, они вероятно, долго не входили в состав ее территории. Их можно сравнить со «своими погаными» – кочевниками тюрками на службе русских князей на границе с близким им миром Степи. Точно так же, колбяги, культура которых впитала много скандинавских элементов, но в основе своей финно-угорская, стали «своими погаными» на границе с миром Тайги. Им, на первых порах, проще было наладить сборы дани на далеком, еще только будущем, Русском Севере. Не случайно в «Саге об Эгиле» повествуется о столкновении из-за дани с саамов где-то на северо-западе Кольского полуострова норвежцев и неких «кюльфингов». Кстати, это скандинавское слово может быть переведено как «дубина». Конечно, если обратить внимание на обильные предметы вооружения из приладожских курганов, то они вполне соответствуют образцам оружия викингов. Так что, не такими уж «дубинщиками» были колбяги. Но думается, это, конечно, не отражение самоназвания. Так их могли величать варяги на службе у русских князей, насмешливо выделяя схожий по оружию контингент из дружинной среды. Сходные по структуре культуры памятники есть и за пределами Юго-Восточного Приладожья. В X веке колбяги (как особая, скорее не столько этнографическая, сколько социо-культурная группа) жили и за его пределами. Например в Причудье и Повелечье, где известен могильник Залахтовье и топоним Колбежский погост. Село Колбежичи существовало и в районе Киева. Значит, далеко не все выходцы из чудских племен были только безропотными поставщиками дани. Кстати о летописной чудь.

Ясно, что в русском языке слово «чудь» приобрело или изначально имело нарицательный обобщающий характер для обозначения финно-угров. Однако для летописей мы знаем и «конкретную» чудь – эстов. Но что за образование стоит за той чудью, которая выступает участником изгнания «варягов из-за моря» и призвания Рюрика, деятельной участницей походов русских князей от Олега до Владимира? Она постоянно выступает в «связке» со словенами. В таком качестве она присутствует в летописной традиции вплоть до эпизода заселения порубежных со степью городов «лучшими мужами» в конце X века (в «Повести Временных лет» под 988 годом). Дальше она резко меняет свой облик. Уже в 1030 году Ярослав

Владимирович совершает на нее поход, основывая город Юрьев. Дальше – это исключительно «внешняя» по отношению к Руси «чужд»-эсты, периодически облагаемая данью, но вновь от нее избавляющаяся до захвата ее земель крестоносцами. По всей вероятности, «начальная» чужд располагалась между словенами и эстами и влилась в состав населения Северной Руси в эпоху Владимира, утратив свой язык, культурное своеобразие и социальную организацию. Ее археологическое соответствие еще предстоит определить.

Имелись интересы русских князей и в Прибалтике. В договоре 944 года Руси с Византией упоминается некий Явтяг, представитель Гунара. Ну с Гунаром все ясно, он скандинав (Гуннар). А вот о Явтяге существует мнение, что это искаженное имя-прозвище Явтяг. Явтяги были одним из балтских племен на стыке Литвы и Польши. Об участии выходцев из Прибалтики в деятельности русских дружин свидетельствуют данные археологии. Покорение явтягов было важно для контроля над Неманом, одним из традиционных путей с Балтики в Причерноморье. В 983 году Владимир совершил поход на явтягов и «взял их землю». Двумя годами раньше, судя по «Повести Временных лет» Владимир овладел Перемышлем и Червеном, определив западные пределы Руси. Здесь ее территориальные претензии столкнулись с притязаниями такого же молодого Польского государства. В это время там правил Мешко I (Мечислав I). Борьба за Червенские грады с переменным успехом будет вестись между государствами долгое время, определяя восточную границу одного и западную – другого.

Русь обретала границы. Границы на западе обретали государственный характер, поскольку территориальные споры велись уже с другими государствами – Польшей, Чехией и Венгрией, находившихся под той или иной степенью влияния папского Рима и Священной Римской империи. Последним актом этого процесса стал поход на хорватов, обитавших в районе Карпат, в 992 году.

На южных рубежах страны Владимиру пришлось столкнуться с тем противником, который дотоле Русь особо не тревожил, угрожая лишь ее торговым караванам. Им были печенеги. Правда первый грозный звонок прозвенел еще во времена Святослава, когда печенеги осадили Киев и маленький Владимир надолго запомнил грозных степняков. В последние десятилетия X века их набеги становятся непрерывными. Борьба с печенегами требовала напряжения всех сил, ведь их кочевья иногда располагались всего в одном переходе от столицы. Битвы в поле происходили с переменным успехом. В 996 году Владимир чуть было не угодил в плен. Для отражения вторжений князю приходилось привлекать воинов с севера Руси. Они не всегда могли прийти на выручку. Так случилось в 997 году при осаде Белгорода. Но города печенеги брать не умели. Кстати, «верховые вои» не предали Владимира в момент печенежского вторжения 997 года; они защищали свою землю, от редкого для этого времени набега викингов на Русь (ярл Эйрик, изгнанный Олафом Трюгвасоном из Норвегии, в отместку за приют и возвращение своего гонителя Владимиром Святославичем, взял и сжег Ладогу).

Владимир вынужден был возводить целую систему крепостей, чем то напоминающую римский лимес. Заложенная Владимиром она продолжала развиваться и совершенствоваться на протяжении еще двух веков. Ее основу составляли крепости, прикрывавшие броды на притоках Днепра, левых – Десне, Остру, Трубежу и Суле и правом – Стугне. Невдалеке от Киева построили огромную крепость-лагерь – Белгород, защищенную валами с деревянной стеной по гребню. Его площадь намного превышала укрепленную часть столицы, даже после строительства в Киеве так называемого «города Владимира». Между укреплениями протянулись валы, общая длина которых превышала 400 километров. Проезжавший в 1006 году к печенегам с миссионерскими целями немецкий епископ Бруно, в письме к германскому императору Генриху II сообщал, что эти укрепления являются границей земли Владимира, до которой князь его любезно проводил. Их остатки сохранились по сей день, и носят в народе название «Змиевых». Легенда связала их с мифическим кузнецом, запрягшим змея и пропахавшим эти грандиозные борозды. Нет не змей, а огромные массы людей возводили эти укрепления, опасаясь угрозы со стороны Степи. Такие масштабные мероприятия не хуже, а может и лучше заморских, походов влияли на разрушение племенной и территориальной

замкнутости, стимулировали формирование нового этнического сознания. Для заселения городов Владимир набирал-«нарубал» знатных людей («лучших мужей») из словен, чуди, кривичей, вятичей. Нельзя не заметить, что попутно этим преследовалась цель вырвать племенную знать из ее привычной среды обитания, сделать своеобразными заложниками. Но тем самым ускорялся процесс дальнейшей этнической интеграции населения Руси, создания более однородного в культурном и языковом отношении населения. Здесь, на границе со Степью все становились людьми Русской земли.

Если территориальная целостность страны долго и мучительно определялась в течение более 100 лет, то не менее сложным был процесс христианизации, кульминационной точкой которого стало крещение Владимира. Проникновение христианства на Русь в предшествующую эпоху было достаточно глубоким в ее южной части. Об этом свидетельствуют все виды источников, и останавливаться на этом нет смысла. Интересен механизм проникновения новой религии. Он происходил без давления со стороны правителей. Даже княгиня Ольга, не стеснявшаяся в выборе средств при утверждении власти Киева, не решилась на шаг введения христианства «сверху». Люди крестились добровольно. В одном роде могли оказаться и язычники, и христиане.

Первыми новую религию принимали купцы. Объяснять это прямолинейно выгодами при торговле глупо. Никаких преимуществ факт принадлежности к христианам на рынках Византии не давал. Не в этом дело. Люди, приезжавшие в Константинополь, впадали в шок, столбенели при виде величия храмов. Для них 31-метровый в диаметре купол Софийского собора, вознесенный на высоту 55 метров, казался чудесным небосклоном. Внутренний объем помещений всегда воспринимается больше, чем внешний. Чувствуя себя песчинками внутри таких колоссальных зданий, они сравнивали их с оставленными на родине домами и градами. Казалось, что любой из них мог утонуть под огромной храминой. Ведь и укрепленная часть Киева, до ее расширения Владимиром, оставалась заурядным среднестатистическим славянским градком. Роскошь убранства слепила глаза. Дом рядового горожанина был больше оставленных на родине хороми. Общаясь с ромеями-греками, им все время приходилось слышать, что увиденное великолепие – заслуга их Бога, что Империя несокрушимым утесом стоит в море варварских народов, благодаря его покровительству. В X столетии держава ромеев находилась на подъеме, и слова византийцев западали в душу. Кроме того, христианство в жизни небесной уравнивало мужчин и женщин, свободных и рабов, князей и простолюдинов. Это тоже могло импонировать. Особенно людям не «вписывавшимся» в рамки дружинного слоя. Так или иначе, но ростки новой веры вззошли на русской почве. И тут с севера пришел будущий креститель...

Не утихают споры вокруг языческой реформы Владимира. Суть ее сводится к созданию пантеона из шести богов – Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши, при явном главенстве Перуна. О смысле этой реформы, о характере каждого из богов написано много противоречивого. Мы не будем вдаваться в подробности. Важно, что князь новую религию стал навязывать насильно. Сшитая искусственно из лоскутов различных представлений, она одинаково была чужда и традиционным племенным культам (в пантеон не вошел даже популярный на севере Велес-Волос, которым при Олеге клялись его дружинники), и принявшим христианство. Культ заставляли отправлять публично. Князь-жрец его возглавлял. Все это очень напоминает мрачные времена гонений на христиан в Римской империи. Для новых кумиров воздвигли в Киеве святилище. Посланный в Новгород в качестве наместника-посадника – Добрыня, первым делом возвел над Волховом кумир Перуна. Особенно дикими показались человеческие жертвоприношения, о которых на юге успели позабыть. Еще одной неожиданностью стало многоженство князя. И Игорь, и Святослав имели все-таки одну законную жену. Малуша была наложницей. Владимир ввел новый порядок. Помимо униженной Рогнеды, от которой у него родились Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и Предслава, у него были еще три. Красавица-расстриженка Ярополка уже носила ребенка, когда ее мужа коварно убили. Это не остановило Владимира. О Святополке, рожденном ей, речь пойдет ниже, но можно понять, что чувствовал мальчик, о котором говорили: «от двух отцов». Не ясно, что за

чехиня родила Вышеслава, который сядет в Новгороде, что вроде бы должно говорить о его старшинстве в череде братьев. От неизвестной жены были – Святослав и Мстислав. Опять же, не ясно, какой из двух Мстиславов станет знаменитым Тмутараканским князем. Если в «Повести Временных лет» перечисление сыновей идет в порядке старшинства, то почему он впоследствии назовет Ярослава старшим братом? Можно более уверенно сказать, что Борис, Глеб, Судислав, Станислав и Позвизд были все же сыновьями порфирородной Анны, а не безвестной болгарыни «Повести Временных лет», и родились уже в христианском браке. Впрочем, есть версия о единстве Станислава и Позвизда: Станислав – имя, Позвизд – прозвище. В общем, сладострастие Владимира породило такую генеалогическую путаницу, что спустя полвека, как ушли из жизни его сыновья, внятно разобраться в ней уже не могли. Можно себе представить, какие последствия стране сулила эта путаница.

Но Владимир пока об этом не думал. Кроме жен для него держали огромные гаремы наложниц: 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в Берестове. Здесь уже не неумная сексуальная энергия Владимира. За этим проступают доведенные до огромных размеров какие-то языческие традиции. По всей вероятности, эти традиции были занесены с севера. Многоженство, человеческие жертвоприношения, еще большая имитация многоженства в виде сотен наложниц... Но почему тогда Перун, а не Волос? Зачем непонятные Хорс и Симаргл, имеющие явно южные, похоже, иранские корни? Удивительно, как только эти действия князя не вызвали всеобщего восстания. Князь словно глумился над побежденным югом, где было много христиан. Об отношениях с Византией, занятый другими делами, он серьезно не задумывался. Побочным эффектом создания нового культа стало выбивание основы из-под ног племенной знати, хранительницы культов местных. Владимир пока оставался в рамках язычества, пытаясь в новом культе воплотить единство своей державы.

Однако «языческая» реформа возымела обратное действие. Она расчищала путь к христианизации, особенно в Киеве и его окрестностях. Доведенное до абсурда язычество, выглядело дикой карикатурой на фоне христианства, а подвиг мучеников-варягов, если можно так назвать обычную самооборону и защиту отцом жизни сына, еще больше усиливало авторитет христиан. На месте двора, где мужественно защищался варяг-христианин, отказавшийся отдать сына для принесения в жертву перед обычными деревяшками, впоследствии возведут главный и первый каменный храм Руси – Десятинная церковь. Справедливости ради, стоит заметить, что в языческие времена на ее месте находился не двор, а могильник, который церковь перекрыла. Среди погребенных варяги несомненно были. Так что рассказ, помещенный в «Повести временных лет» под 983 годом, может быть плодом народной мифологии, какого-то переосмысления более ранних преданий.

Владимир не мог не чувствовать, что сама страна оказывает ему сопротивление. Он был хозяином огромной державы, и внедрить в умы людей веру, о которой у самих ее создателей сложились весьма смутные представления, дело было явно безнадежное. Не существовало какой-то особой организации – распространительницы нового культа. Его внедрение ограничилось ближайшими окрестностями Киева, может быть Новгорода. За несколько лет он не оставил и следа. Человеку без веры тяжело, в те времена немыслимо. Нужна была другая вера. Ей стало христианство.

17 августа 986 года византийские войска неожиданно потерпели сокрушительное поражение от болгар. Византия не испытывала такого потрясения уже давно. Зашевелились арабы. Византийскому эмигранту Склиру, мечтавшему о престоле, дали войска, и он двинулся на Империю. Против него отправили доместика схол Востока (командующего войсками Малой Азии) Варду Фоку, пребывавшего до того в опале. Но вместо борьбы с претендентом на императорский трон, он заключил с ним союз, а потом арестовал и, провозгласив предварительно императором себя, и двинулся в сторону Константинополя. Вскоре почти вся Малая Азия оказалась в его руках. Василию II оставалось уповать только на помощь могущественного северного соседа – киевского князя Владимира. Разменной монетой в переговорах стала царевна Анна, сестра Василия II и его брата-соправителя Константина VIII. Все они были детьми Романа II и внуками Константина VII Багрянородного, который строго завещал

не заключать браки между порфирородными детьми и иноземцами, тем паче язычниками-варварами, ни при каких обстоятельствах. Но судьба его внуков, всей Македонской династии висела на волоске, выбирать им не приходилось. В Киев было отправлено посольство. После переговоров Владимир обещал военную помощь, а в ответ просил выдать за него Анну. Женильба на внучке прославленного государя, известного всей Европе и Арабскому миру вводила бы Владимира в круг самых великих властителей своего времени, а вместе с ним и Русь, границы которой простирались уже от Балтики до Причерноморья и от Карпат до Прикамья. Естественным условием было принятие христианства. Договор заключили. Русский корпус из 6000 отборных воинов направился в Византию и прибыл туда в 987 или весной 988 года. Ночью, переправившись через Босфор, росы и Василий разгромили у Хрисополя войска Варды Фоки, блокировавшие Константинополь. Опасность миновала, и Константинополь стал затягивать отправку невесты на Русь. Владимир стал подозревать, что его водят за нос, и весной 989 года осадил Херсон (античный Херсонес, на окраине современного Севастополя), который на Руси звался Корсунем. В те же дни, 13 апреля Василий одержал решительную победу над Вардой Фокой при Авидосе. Ей способствовали два обстоятельства: мужество русского корпуса и внезапная смерть Фоки, вроде бы отравленного накануне сражения.

Благодаря измене жителя Херсона Анастаса, пустившего стрелу с запиской, где надо перекопать трубопровод, доставлявший в осажденный город воду, ему удалось сломить сопротивление его защитников. Теперь в его распоряжении имелся богатый выкуп за порфирородную невесту. Византийцам пришлось уступить. Кроме Анны на Русь отправилось духовенство, составившее костяк церковной организации обращаемой в новую веру страны. Не был забыт и Анастас Корсунянин. За свою услугу он получит место хранителя казны при Десятинной церкви. Но предавший единожды, предаст и в следующий раз. Стареющий Анастас спустя 30 лет выдаст ценности польскому королю Болеславу Храброму и сбежит с ним в Польшу.

Прибыв в Киев, Владимир дружно крестит население своей столицы в Днепре. Это не могло произойти ранее лета 989 года. Так что летописная дата «крещения Руси» 988 год, которую мы считаем исторической и в 1988 году отметили 1000-летие принятия христианства, не совсем корректна. Новгород был крещен, вероятно, только весной следующего 990 года. Впрочем, существуют и иные гипотезы реконструирующие ход событий, но нам важен сам факт, что на рубеже 980-х и 990-х годов Русь приняла христианство как государственную религию.

Русь вливалась в семью христианских стран, а Владимир Святославич стал шурином византийских императоров Василия и Константина. Это обязывало. Такой чести не удостоивался ими ни один государь. Вполне ясны мотивы резких перемен, произошедших в это время. В первую очередь, Владимиру предстояло решить «семейный вопрос». Прежние жены остались в прошлом. О судьбе трех из них ничего не известно. Кое-что известно о Рогнеде, если доверять полоцкой легенде, о которой речь шла ранее. Решив отомстить за отца и братьев, она попыталась убить Владимира, но неудачно. Ее ждала неминуемая расправа, если бы за мать отчаянно не вступился ее сын Изяслав. Владимир, остудив гнев, принял невероятное решение... Он вернул землю Рогволода его внуку и Рогнеда с Изяславом удалилась в Полоцк, а юному князю был выстроен город Изяславль. Из Киева в качестве наместников Владимир разослал по городам и землям повзрослевших сыновей. «С глаз долой, из сердца вон!».

Думается, что при распределении «столов» киевский князь не очень учитывал запутанное старшинство между братьями. Святополк, который был реально племянником, но в силу этого, в случае смерти отчима, оказывался самым старшим в потомстве Рюрика, Игоря и Святослава, получил малозначимый Туров. Видно Владимир быстро натешился с женой брата. Вышеслав сел в Новгороде. Ярослав отправился в Ростовскую землю. Как видим, начинала опять срабатывать модель «Внешней Руси», где посажены сыновья, и внутренней, где остался сам Владимир. Разделение власти между тремя братьями гарантировало от попыток ее узурпации одним и попыток освободиться от влияния Киева, а тем более свержения не очень

то любимого отца. По мере подрастания сыновей, и остальные получают в управление отдельные земли, но общее политическое единство Руси останется незыблемым.

Владимир, сочетавшись браком с порфирородной Анной, оказав неоценимую услугу Василию и Константину, сразу почувствовал себя могучим государем целой империи. Германский император оказывался с ним в «одной весовой категории». Провозгласить себя кесарем Владимир конечно не мог. Приняв православие из Византии, он лишился возможности заполучить титул такого ранга. Русь в отношении политическом вызывала у ромеев-греков уважение. Но не в церковном. Она оставалась лишь одной из шести десятков митрополий, в списке которых влачила в самом конце. Русскую церковь возглавил митрополит Феофилакт, беглец из своей севастиийской епархии в момент мятежа Варды. Дальнейший путь повышения престижа за счет уступок со стороны Византии пока оставался закрыт. Но тут Владимир обратил внимание на вещи, казавшиеся ранее малосущественными.

Древнерусские летописи не сообщают титул, который носил Владимир Святославич помимо княжеского. Но мы его знаем по одному из древнейших памятников русской литературной словесности – «Слову о законе и благодати» митрополита Иллариона, написанного в середине XI столетия. «Каган». Вот так. Хазарский титул зазвучал как императорский титул русского князя. Мы можем догадываться, что такой титул носили русские князья и в предшествующий период (вспомним «хакана народа рос» Бертинских анналов), но именно с момента разгрома Святославом Хазарии и основанием островка русской государственности в районе Керченского пролива – Тмутаракани, он обретал новый смысл. Русь претендовала на хазарское наследство, а часть его в виде земель севера, радимичей, вятичей, Тамани и части Боспора Киммерийского получила. Бывшая хазарская крепость Саркел превратилась в опорный пункт Руси на Дону – Белую Вежу, о чем красноречиво свидетельствуют материалы археологии. На другую часть она безуспешно покушалась. Поход на Волжскую Булгарию принес только военный успех без политических последствий (985).

Одним из способов заявить о себе на международном уровне была чеканка собственной монеты. С рубежа X-XI веков в Европе собственную монету чеканили не только короли, но и епископы, и графы, то есть правители относительно небольших территорий. Владимир впервые на Руси прибег чеканке монет – золотников и серебряников. Их название само за себя говорит. Экономическое значение их было невелико. Находки золотников и серебряников крайне редки на фоне арабских дирхемов, западноевропейских денариев и византийских милиарисиев, но политическое значение их несомненно. «Владимир на столе, а се его серебро (злато)» – легенда на монетах, проникавших с Руси в другие страны.

Крестить страну мало. Нужно было ее реально христианизировать. Эта задача распалась на две – сокрушить старую веру и утвердить новую. Владимир, безусловно, начал с первой. В Киеве безжалостно разрушили пантеон языческих богов, а на его месте воздвигли церковь Св. Василия (имя принятое князем в крещении совпадало с именем правящего византийского монарха). Особой «чести» удостоился идол Перуна. Его, словно разбойника, привязали к хвосту лошади, поволокли вниз, к берегу Днепра и сбросили в воду. Перуна провожали до Днепровских порогов, отталкивая шестью, изгоняя их Русской земли. То же происходило и в Новгороде. Добрыня сокрушил идола Перуна с таким же рвением, как и ставил. Предание, помещенное в летопись, повествует: проплывая под мостом через Волхов, обиженный бог перебросил через него палицу, что и положило вражду двух частей города, разделенных рекой, – Софийской и Торговой. Инициативу дальнейшего выпроваживания бога-громовержца предание приписало горшечнику-питьблянину (житель низовьев речки Питьбы, левого притока Волхова ниже Новгорода). Отпихивая Перуна от берега, горшечник приговаривал, что, поев-попив досыта, пора и убираться. Сведениям летописей есть и археологические подтверждения. В частности, под Новгородом было скрыто несколько сопков – на их месте устраивали христианские могильники и строили церкви. В Ладоге уничтожили языческое варяжское святилище, раскопанное, кстати, на улице по сей день носящей название Варяжская.

Однако ломать – не строить. Во время Владимира Русь еще только приступила к христианизации. Кумиров низвергнуть могли и дружинники. Для проповеди новой веры требовались священники, талантливые и терпеливые миссионеры, желательны из тех людей, к которым проповедь будет обращена. Греческое духовенство, выведенное большей частью из поверженного Херсона, для этого явно не годилось. Оно могло обеспечивать нужды культа в стольных городах, но на пространстве остальной страны греки вызвали бы только чувство неприятия и отторжения. И Владимир «Послал ... забирать у знатных людей детей и начал отдавать в книжное учение. Матери же этих детей плакали о них, потому что еще не утвердили себя верою, но как по мертвым плакали». Очень важную информацию доносит до нас «Повесть Временных лет». Надо думать, что практика «забирания», а именно так стоит перевести древнерусское «поймать у ...», детей знати покоренных племен в качестве заложников имела и до Владимира. Но здесь он превратил ее в инструмент распространения новой веры. Знатным отпрыскам, детям «нарочитой чади», освоив книжное учение, предстояло вернуться домой, в свои погосты. Связь знатных родов – «нарочитой чади» – с погостами явно проступает в рассказе о возмущении волхвов на северо-востоке Руси, помещенном в «Повести Временных лет» под 1071 годом. Матери догадывались какие трудности и опасности предстояло испытать их сыновьям, столкнувшись с языческой стихией соплеменников.

Владимир безусловно вел активную дипломатическую политику, но мы о ней очень мало знаем. Обычно в средневековье она шла рука об руку с матримониальными связями. Брак заключался между членами правящих домов, прежде всего, исходя из соображений политических выгод, установления союзных отношений и повышения собственного престижа. Из всех жен сыновей Владимира Святославича мы знаем только польку из рода Пястов – Святополк, его пасынок, был зятем Болеслава Храброго. Кажется, что личная судьба сыновей, рожденных в языческих браках мало интересовала киевского князя. Все надежды он возлагал на первенца от брака с Анной – Бориса. Вероятно ему он прочил власть в Киеве и старшинство над остальными. Владимиру мнилось, что сыну будет на кого опереться и, в случае чего, хватит сил смирить непокорных. Жизнь опрокинет эти расчеты.

Образ князя Владимира, слившись с образом его правнука-тезки, пройдет в народном русском эпосе через века, превратившись в известного нам с детства сказочного Владимира Красно Солнышко. Буйные пиры, богатыри и их заставы на границе со Степью, сватовства и свадьбы – все это сольется, наматывая на себя наслоения и реалии последующих эпох, в яркую картину, ставшую идеалом прошлого родной земли, своего рода эталон к которому следует стремиться. Совсем иным предстает Владимир Святославич в церковной традиции. Канонизированный князь-креститель здесь выглядит орудием в руках Господа, которому предначертано нести свет истинной веры по стопам апостола Андрея. Мы же видели, каким противоречивым человеком и государственным деятелем был сын Святослава. В нем как в фокусе сконцентрировались все процессы эпохи грани X и XI столетий. С этого момента о Руси уже можно смело говорить не как о конфедерации племен под эгидой «руси», а как о состоявшемся государстве. Да, процесс развития государственности будет еще углубляться. Еще не записаны гражданские законы. Но уже существует церковный устав. Да, еще живы некоторые племенные объединения, но они стремительно трансформируются в территориальные раннегосударственные суборганизмы подобно словенам-новгородцам. Еще только начинается христианизация за пределами десятка крупных городов, но ясен механизм ее осуществления.

Князья еще полвека будут прибегать к услугам варяжских наемников, часть их волеется в господствующее сословие Руси, но уже Руси-страны и Руси-государства, которую пишем с большой буквы. Но это будет происходить все реже и реже. Славянская, а точнее древнерусская речь стала государственным языком и языком повседневного общения. Служба в церквях велась на церковно-славянском языке, очень ему близком и понятном пастве. Владимир олицетворял новую этническую общность – древнерусскую, формировавшуюся вместе со становлением ее государства. Да и был он ее типичным представителем. Полувар-

варом с широким кругозором, охватывавшим просторы почти всей тогдашней Европы. Язычником, искренне принявшим христианство, но вряд ли освоившим грамоту и разбиравшимся, чем отличается Ветхий завет от Нового. Но человеком, глядящим вперед в будущее, а не хищно рыщущим по сторонам, оглядываясь на воинственное прошлое. Человеком, радовавшимся красоте своих городов больше, чем пепелищам чужих (а они таки были, и много, особенно в начале правления). Святослав избегал Киева, а Владимир стремился в него. Такими же были окружавшие его люди. Старательно замешивая тесто древнерусского пирога, он селил на границе со степью людей с севера Руси и отправлял отстаивать интересы князя людей ее юга на границу с Тайгой. Владимир не задумывался о языке приближенных к нему людей. В дружины киевского князя и его сыновей вливались выходцы из самых разных земель. При его дворе находил прибежище знатный норвежец Сигурд и его племянник Олаф, Олаф Трюггвасон – будущий первый креститель Норвегии. Выходцы из Венгрии, Польши, кочевого тюркского мира и лесного финно-угорского, люди или их потомки получавшие славянизированные имена-прозвища Угринов, Ляшков, Торчинов, Чудинов. Все они вливались в этот крутой замес, из которого в рамках древнерусского государства и на дрожжах христианизации в форме западной окраины Великой Скифии испечется русский (точнее, пока только древнерусский) хлеб. Его не стоит отождествлять ни с праславянскими венецкими зернами, ни со словенской мукой, вышедшей из под жерновов Великого переселения народов и Дунайских походов. Это было качественно новое образование, шагнувшее из варварства в цивилизацию.

15 июля 1015 года в любимом селе Берестове под Киевом, прежде тешившем его руками двух сотен наложниц, умер великий князь и каган Владимир Святославич. Его смертью закончился для Руси век X и начался век XI. Век за который Русь совершит колоссальный рывок, преодолев одним махом несколько столетий истории иных государств. Но впереди еще были суровые испытания для страны, проверка насколько прочным окажется здание, возводившееся несколькими поколениями Рюриковичей, несколькими поколениями всех людей земли, которая звалась ими Русской.

Вообще-то Владимир, которому перевалило за 50, но 60-ти он еще не достиг, умирать не собирался. Князь думал, что хворь не смертельная, а обычная, временная. Ему еще рано было отходить в мир иной, ему еще надо было обеспечить будущее своих любимых молодых сыновей от законного христианского брака с византийской царевной – Борису и Глебу. Для этого, первым делом, предстояло подавить мятеж, поднятый в Новгороде Ярославом. Князь готовился к большой рати основательно, на непокорный Новгород он собирался вести большое войско, чтобы расправиться с сыном гордой Рогнеды. Велел готовить сухопутную дорогу, мостить гати. Видно думал идти с конницей и обозами. Но разболелся, а летом могли появиться печенег. Бориса, который находился при нем, он со своей дружиной отправил прикрыть Русь со стороны Степи. Владимир явно видел в нем своего преемника. Думается, что Глеб из Мурома уже был переведен в Ростов, иначе странненькие его дальнейшие перемещения, и ему, вероятно, прочилось место мятежного Ярослава. Но неожиданная кончина мешала все планы киевского властелина. Завещания о власти он не оставил. Вступали в права обычаи старшинства... или силы. И тут на передний план выступил Святополк, который по свидетельству западноевропейского источника находился в Киеве фактически под домашним арестом.

История – дама капризная и часто несправедливая. Она незаслуженно возносит одних и предаёт забвению достойных, кому-то приписывает победы и заслуги других, кого-то делает святым, а кого-то просто обвиняет во всех смертных грехах. Последнее произошло со Святополком. Задача историка заставить эту даму признать свои ошибки и быть честной. Борис и Глеб стали первыми русскими святыми, а Святополк – первым русским, преданным анафеме, проклятым церковью, уподобленным Каину и снискавшим страшное прозвище Окаянный. Если быть честными, то придется признать, что грехи Владимира были не меньшими, а поступки еще более циничными даже с позиций той суровой эпохи. Не будем оправдывать и

реабилитировать этого князя (как у нас принято «посмертно»). Попробует разобраться, что было и почему так случилось.

Святополк Ярополчич, а именно так и следует его называть по настоящему, ведь в нем текла кровь старшего Святославича, по понятиям той эпохи был сыном старшего в роду брата. Значит, становился старшим во всей ветви Рюриковичей после кончины Владимира, хотел бы умерший князь того или нет. Его права на Киев были вполне законны. Более того стольный град принял его, а отказавшегося биться за власть Бориса покинула дружина Владимира и киевское ополчение. Особую верность Святополку выказали «болярцы» Вышгорода.

Становится не ясно, что же толкнуло Святополка послать к Борису убийц. Может он опасался, что племянника поддержат византийские дядья? Вряд ли. От Византии Русь отделяла печенежская степь, а Василий II был увлечен завоеванием Болгарии, снискав при этом свое историческое прозвище Болгаробойцы. Может опасался, что «истинные» Владимировичи создадут против него коалицию, ведь центр притяжения уже был в лице Ярослава? А вот это похоже на правду. Изначально, Ярослав не помышлял о киевском столе, кажется, не стремился к полному отделению от Киева, предполагая только отстоять определенные льготы Новгорода. Для Бориса всегда оставалась возможность для бегства на север Руси. Не было гарантии, что, преодолев шок от известия о смерти отца, он этого не предпримет. Ярославу рано или поздно все равно пришлось бы выяснять свои отношения с Киевом, кто бы там ни правил. Естественно, ему выгоднее становилось посадить там своего ставленника, чело- века ему обязанного. Так или иначе, но нам остается только гадать об истинных мотивах решения Святополка.

На тайном совещании в Вышгороде он свой выбор сделал. Преданные вышгородцы тяжело ранили Бориса, напав на его лагерь на реке Альте. Добивали его на пути к Киеву ... два варяга. Два варяга – уж не изощренная ли это месть за отца, поруганную мать покойному отчиму, через смерть нелюбимого сына? Два каролингских клинка пронзили грудь Бориса, как когда-то 35 лет назад Ярополка. Неужели Святополк всего-навсего реализовал право кровной мести? Как говорят криминалисты – это мотив. По моему, никто такой версии еще не выдвигал. Кто знает, может быть этим Святополк и ограничился. Но не выдержали нервы у Святослава Владимировича, ударившегося в бег. Бежит, значит виноват, значит что-то замышляет. Бежит в сторону венгров, не иначе за подмогой. Догнать и убить! Догнали и убили. И покатило. К Глебу отправили гонца с ложным вызовом к якобы живому отцу. Глеб спешно верхом, с несколькими дружинниками добрался до Волги, пересел в ладью и достиг Днепра. Здесь его нашел посланец Ярослава.

А что же в Новгороде? Ярослав собирал с Новгорода годовую дань в 3000 гривен (около 300 кг в серебряном эквиваленте). 2000 пришлось отдавать в Киев, а 1000 тратилась на содержание дружины. Ярослав эту дань выплачивать отказался. Почему он это сделал – история длинная. Скажу только, что отказ мог быть связан и с нежеланием следовать устаревшей и обременительной системе ежегодных торговых поездок в Константинополь для реализации дани. Новгород напрягал для их организации все силы, а Киев оставался заинтересован в ней, поскольку все товарные потоки шли через него, а 2/3 дани, уже превращенной в звонкую монету и драгоценные изделия, на обратном пути гарантированно оседала в казне киевского князя. Ярослав, готовясь к противостоянию с отцом, нанял варяжское войско в 1000 бойцов. Число очень значительное. «Свободные» мечи имелись в это время только в Швеции, так как Дания напрягала все силы в борьбе за Англию, привлекая и норвежских викингов, а в Норвегии в разгаре была борьба между прежними правителями и прибывшим в страну конунгом Олафом, будущим Олафом Святым.

Пребывавшие в бездействии варяги начали приставать к новгородкам, что спровоцировало конфликт, который едва не изменил весь ход дальнейших событий. Новгородцы «славенской тысячи» перебили наемников, проживавших в Новгороде на Паромонем дворе. Виновники избиения были вызваны к Ярославу и убиты. Умертвили их по приказу князя или он не смог остановить порыва мести со стороны родичей убитых варягов, не столь важно. Ви-

новатым все равно оставался князь. Не только его политическая судьба, но и жизнь была поставлена на карту. Положение усугубило послание от сестры Предславы, пришедшее той же ночью.

Ярослав узнал о смерти отца, начавшейся усобице и гибели Бориса и Святослава. Ярослав, выказав себя тонким политиком, психологом, блестящим оратором, обернул ситуацию на пользу себе. Конфликт был погашен. Для борьбы со Святополком пришлось объединиться. Цель похода менялась, ей становился Киев. Кроме богатого вознаграждения, для всех участников похода (смерд-воин получал гривну – таксу в два раза большую чем запрашивали обычно варяги), Новгород освобождался от дани на 20 лет, что может расцениваться как своеобразная вира-выкуп за убитых новгородцев, но главное Ярослав обещал дать особую грамоту. Ей была «Русская Правда» в ее древнейшей части.

Это своеобразная первая русская конституция и уголовный кодекс. Система значительных штрафов, гарантом получения которых выступала княжеская власть, обеспечивала безопасность жизни, чести и достоинства, неприкосновенности имущества. Кровная месть еще не отменялась в обязательном порядке, но ей предлагалась альтернатива в 40 гривен (для отдельного лица огромная сумма!) за убийство свободного полноправного человека, принадлежал ли он к дружине князя и людям с ним связанным (русины) или к новгородско-словенской военно-политической организации (словенины). Впоследствии, пополнявшаяся другими законами «Русская Правда» станет единым для всей Руси сводом. Он останется актуальным для разных территорий Руси и много лет спустя после монгольского нашествия.

Ярослав выступил в поход. Глеб же, не поверил его посланию. У него были все основания бояться и Святополка и Ярослава. Свой роковой выбор он сделал неправильно и пал под ножом собственного повара невдалеке от Смоленска. Осенью 1015 года войска Ярослава и Святополка встретились под Любечем. Их разделял Днепр. Три месяца, до морозов, начавших сковывать реку, северные и южные воины только ограничивались перебранкой. Разница в вооружении сторон ярко выступает в язвительных насмешках, демонстрируя, что «Внешнюю» и «Внутреннюю» Русь отличали очень глубинные факторы, проявлявшиеся на организации военного дела. Вооруженных топорами словен-новгородцев, сражавшихся пешими, дразнили плотниками, а их князя – хромцом. Всаднику хромота не помеха, а вот для пехотинца – она практически равнозначна смерти. У Святополка была союзная печенежская конница, а его русские воины вооружены, преимущественно копьями, которые необходимы на границе со Степью, для борьбы с той же кочевой кавалерией. Археология показывает, что и северу, и югу Руси был известен весь спектр арсенала древнерусского оружия. Но привычные виды его, превращались в стереотип, воспринимаемый противником как единственный. Решительные новгородцы, не очень доверяя варягам, переправившись, оттолкнули ладьи, и стремительным натиском отгеснили дружину Святополка на лед едва замерзшего озера, который начал подламываться. Находившиеся за ним печенеги в битве участия принять не смогли. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав вступил в Киев.

Через полтора года Святополк вернулся с войском Болеслава Храброго, который наголову разгромил Ярослава. Святополк торжествовал победу. Он заставил уйти в Польшу Болеслава, правда, тот, уходя прихватил с собой сокровища Десятиной церкви, любезно выданные уже известным нам Анастасом Корсунянином, а также жену и сестру Ярослава, Предславу, которую сделал своей наложницей. От этой жены, которую мы знаем лишь по известиям западного хрониста, у Ярослава был сын Илья, о котором, в свою очередь мы имеем сведения только в новгородской традиции – списке князей, правивших в городе. Ярослав тщательно стирал память о периоде своей жизни до окончательного утверждения в Киеве.

Сам князь бежал в Новгород, собираясь отбыть «за море». Снова его выручила решимость новгородцев во главе с их посадником Коснятином (Константином), сыном легендарного Добрыни. Новгородцы прорубили днища княжеских кораблей, выказали готовность к продолжению борьбы и стали собирать деньги для найма варягов. Ярослав понимал, что не личная преданность ему двигала Коснятином и его сподвижниками. Завоевания 1015 года легко могли быть отняты у Новгорода Святополком, прочно утвердившимся в Киеве: князь

даже начал чеканку своих монет. С ощущением игрушки в руках новгородцев, затаив до времени обиду, Ярослав стал готовиться к новой войне.

Видимо, одновременно с наймом варягов состоялось сватовство новгородского князя к дочери шведского конунга Олафа Шетконунга Ингигерд, руки которой добивался Олаф Норвежский, только недавно утвердившийся в своей стране. Конунг свеев с набором воинов явно помог, а вот выдать дочь, похоже, решил лишь после окончания войны в Гардах – на Руси. Последнее столкновение Ярослава со Святополком произошло в 1019 году, на Альте, там, где вышгородские бояре напали на Бориса. Традиционные союзники Святополка – печенеги, в результате кровопролитной сечи были разбиты. Святополк впал в безумие, бежал в сторону Чехии и где-то в дороге скончался. Ярослав утвердился в Киеве окончательно.

Но покой был недолгим. В 1021 году на Новгород внезапно напал сын умершего еще при Владимире Изяслава Брячислав, князь Полоцка. Город не имевший укреплений стал легкой добычей. Захватив новгородцев в плен, полочане двинулись восвояси, лелея месть за погром Полоцка более чем сорокалетней давности. Но Ярославу удалось догнать их и отбить полон. Не желая ввязываться в новую войну, князь отдал Брячиславу Усвят и Витебск. Казалось, что на Руси наконец наступает тишина.

В промежутке между воцарением Ярослава в Киеве и набегом племянника, состоялся брак русского князя и шведской принцессы. Ингигерд приняла имя Ирины, а в 1020 году подарила Ярославу первенца, названного по деду Владимиром. Но у Ярослава в далекой Тмутаракани оставался брат Мстислав. Вероятно, он в 1016 году помог Василию II подавить очередной мятеж в Херсоне. Храбрый князь покорил северокавказское племя касогов, одолев в поединке его вождя Редедю. Амбициозный Мстислав задумал попытать счастья и на основной территории Руси. В 1024 году он с дружиной, набранной в основном, из жителей своего приморского и предгорного княжества, некогда подданных хазарских каганов подошел к Киеву. Ярослава в городе не было: он усмирлял возмущения в Ростовской земле, испытывавшей голод и долго, с момента гибели Глеба, остававшейся без княжьего надзора. Киевляне устали от перемен власти и не открыли ворот города. Мстислав ушел в Чернигов. Новгородцы на этот раз Ярослава не поддержали, они тоже устали от непрерывной рати и уже получили все, чего желали. Ярославу пришлось вновь звать варягов. К нему явился некий Якун (Хакон) со своим отрядом. Мстислава поддерживала тоже только тмутараканская дружина. И тут последнюю попытку заявить о себе предпринял «север».

Северяне пот стягами Мстислава вышли на поле боя под Лиственном. В ночи, при свете молний разыгралась последняя битва затянувшейся на десятилетие усобицы. Мстислав поставил своих союзников под удар варягов. Натиск этих неистовых воинов был и на этот раз неудержим, но исход боя решила Мстиславова дружина. Варяги, кто остался жив, бежали. Ярослав ушел в Новгород. Обходя поле боя победитель приговаривал: «Кто этому не рад. Вот северянин лежит. Вот варяг лежит. А своя дружина цела». Киев по-прежнему оставался недоступен. Два года спустя, братья разделили Русь по Днепру. Ярославу досталось Правобережье с Киевом, а Мстиславу Левобережье с Черниговом. Это была принципиально новая модель организации пространства Руси. Стояло ли что-то за ней?

Разница между двумя берегами великой русской реки ощущается и по сей день. Отличие между право- или левобережной Украиной ощутимо. Получалось, что братья поделили не только державу отца, но и его титулы. Сохраняя полный контроль над путем «из Варяг в Греки» Ярослав оставался русским князем, Мстиславу же удалось получить контроль над значительной частью бывшего Хазарского каганата с его этнически разнородным населением. Если владения Ярослава составляли территориальное и этническое единство, хотя и имевшее два центра в лице Киева и Новгорода, хотя и заметную разницу между севером и югом, то перспективы «державы Мстислава» были радужны, но сомнительны. В его владениях зияла огромная степная дыра. Хотя печенеги кочевали к западу от Дона, а контроль над этой рекой, ведущей вглубь северных земель Мстислава, поддерживал русский гарнизон Саркела-Белой Вежи, не было гарантий, что с востока не придут очередные степняки. Где-то под боком у Волжской Булгарии и муромы присутствовали торки-огузы, группа тюркских

кочевников. Торговые пути шли стороной. Так что «держава Мстислава», чтобы состояться как целостная страна и единое государство, должна была сделать своей восточной границей Волгу, а степное раздолье обратить в пашню и застроить городами. Такая задача, разумеется, в то время была невыполнима. Но долго еще призрак возрождения Хазарского каганата на русской основе будет будоражить умы Черниговско-Тмутараканских князей, по крайней мере, до конца XI века примерявших к себе титул его властителя.

После Городецкого мира 1026 года братья жили дружно. Вместе ходили в поход на Польшу, расселяя каждый у себя поделенный полон. Любопытно, что именно во владениях Мстислава возобновилось каменное церковное строительство. В Тмутаракани возвели Богородичный собор и приступили к строительству «самого византийского собора Руси» – Спасо-Преображенского в Чернигове. Но в 1033 году скончался единственный сын Мстислава, а спустя три года, умер и сам князь, прозванный Храбрым.

И тут Ярослав ощутил себя единовластным хозяином Руси. Весьма немолодой князь (ему было в 1036 году 58 лет) решил последние годы жизни потратить на обустройство Руси. Судьба давала ему уникальный шанс распределить власть и стольные города отдельных земель между своим потомством так, чтобы не лилась братняя кровь, чтобы не повторилось то, что случилось по смерти Владимира. Полоцк ему не мешал, он был отрезанным ломтем, владением «Рогволожьих внуков», как называли на Руси его князей. Они ни на что не претендовали кроме своей отчины. Был, конечно, младший брат Судислав, чудом избежавший гибели в мясорубке междоусобицы 1015–1026 годов. Наверно, в силу малолетства о нем просто забыли. К 1036 году последний сын Анны правил в Пскове. Там его и арестовал Ярослав. Используя какой-то заведомо ложный повод, он лишил брата свободы на четверть века, а заодно лишил Псков независимости, превратив его в «пригород» Новгорода.

Ярослав Владимирович не был блестящим полководцем. Но вот политиком он был отменным. Спустя века к его имени прочно пристанет прозвище Мудрый. При жизни, разумеется, его так никто не величал. Как Александр Невский оставался Александром Ярославичем, а Дмитрий Донской – Дмитрием Ивановичем. Не было еще такой традиции, она появится позднее. Ироничные прозвища «Долгие руки», «Большое гнездо» или «Калита», если и прилипали к их обладателям при жизни, то, конечно, на страницы официального летописания попали, спустя много лет. Но, повторим, Ярослав Мудрый, был политиком талантливым. Вопрос, насколько дальновидным. Накопленный на стыке двух исторических эпох, жизненный опыт, знание страны, в которой правил, побывав на ее юге и севере, западе и востоке, позволял ему предпринять попытку определить ее будущее.

«Повесть Временных лет» под 1036 годом содержит целый ряд известий, вряд ли укладывавшихся в рамки одного года. Очевидно, они происходили в течении нескольких лет, около 1035. Став после смерти Мстислава Владимировича «самовластцем (калька с греческого титула императора Византии – «автократор») в Русской земле», Ярослав отправился в Новгород. Он дал новгородцам князя, старшего сына Ингигерд – Владимира, и нового епископа Луку Жидяту, в отличие от предыдущего Акима Корсунянина, несомненно, русского. В 1036 году, вероятно, истекал какой-то срок договоренности князя со словенскими новгородцами, приведшими его к власти в Киеве (прошло ровно 20 лет со времени событий августа 1015 года). Основная масса словен продолжала оставаться язычниками, вечно обязанный им князь-должник не мог оказывать давления в вопросах внедрения новой веры. Традиционные культы, цементирующие объединение словен продолжали действовать. Об этом красноречиво свидетельствуют данные археологии. Сопки продолжали возводиться, действовать как языческие святилища, а на их вершинах и при основаниях продолжали захоранивать прах сожженных трупов сородичей. Среди них были и представители княжеской администрации, судя по подвеске-верительному знаку, найденной в погребении рядом с одной из сопки Старой Ладоги. Ярослав хотел окончательно ликвидировать исключительное положение словен в своей державе, но действовать не методами Ольги, которые привели бы к очередной кровопролитной войне, а путем внедрения христианства, выбивавшего идеоло-

гическую основу из-под этого специфического этно-политического единства, раннегосударственного по сути, но крепко державшегося за родовые порядки.

Ярослав повторил, вероятно, удавшийся опыт своего отца. Одна из новгородских летописей (Софийская IV), часть записей которой, несомненно, восходит к очень древним сводам, содержит известие о сборе в Новгороде для книжного учения детей «попов и старост». Их было 300. Очень значимое число! Такое количество клириков в городе, где действовало лишь несколько церквей и население которого продолжало оставаться сравнительно немногочисленным, вряд ли преодолевая барьер в несколько тысяч человек (скорее всего 3000–6000, но явно не более 10000), просто было не нужно. Детей, становившихся на время обучения заложниками, вновь готовили священниками в погосты. Симптоматично, что часть из них была детьми «старост», которые, надо думать, являлись представителями «нарочитой чади». Они, при описании удачного финала похода на Киев в 1015–1016 годах, отмечены вместе с «воями»-«смердами». Получая вознаграждение наравне с новгородцами (знатю самого города) в 10 раз превышающее оплату рядовых словен, они, похоже, и возглавляли ополчения своих погостов. Не им ли принадлежат погребения в могилах, напоминающих камеры «дружинных курганов», разбросанные по территории Новгородской земли и датированные XI веком? Число 300 напоминает, что троичная структура словен-новгородцев в это время сохраняется, сохраняется и традиционное «племенное» самоназвание, которое пока не вытеснило территориальное – «новгородцы».

Что же сделал Ярослав Мудрый в результате своего похода на Новгород около 1035 года? Он не только предпринял шаги к дальнейшей христианизации своего государства. Он попытался совместить право наследования своих преемников со структурой страны, полномочным правителем которой стал. К этому у него были и личные предпосылки. Сына Ильи, вскользь упомянутого в списке новгородских князей, к этому моменту в живых не было. Все его дети оказались от одной матери, что не применит отметить в своем завещании князь, и которое в пересказе попадет на страницы летописей. Сыновья Ирины-Ингигерд появились на свет, когда отцу перевалило за 40, и предполагать пережить их князь не думал. Опыт отца и собственный показывал, что власть над Русью достается тому, кто держит Новгород, а с ним всю Северную («Внешнюю») Русь, и может получить ударный варяжский корпус «из-за моря» (формула 3000 словен + 1000 варягов = победа, пока с боя не давала). Такой расклад сил был необходимым и достаточным. Последовательное рождение сыновей у единственной жены не оставляло места для споров о старшинстве; да и всего то их было шестеро, не в пример 12 мальчикам от пяти жен у князя Владимира Святославича. Чтобы права старшего никто не вздумал оспорить, он выделил ему северную половину своей державы, как тогда казалось, более сильную в военном отношении, могущую территориально развиваться на запад, север и восток, которой требовался молодой и энергичный правитель. Действуй сынок, привыкай править! В промежутке между 1021 и 1036 годами у Руси, подвластной Ярославу, были две равноправные княжеские столицы-резиденции – Новгород и Киев. Скандинавские саги постоянно отмечают присутствие в Новгороде-Хольмгарде в эти годы хорошо известного им зятя шведского конунга Ярицлейфа (Ярослава). Этим известиям можно доверять.

Чтобы Новгород, усиленный присоединением Пскова, не шибко зарвался, Ярослав поддерживал существование буферного субгосударства с центром в Ладоге – Ладожского ярлства, возникшего как результат перипетий брака Ярослава и Ингигерд и крепко державшего самый северный участок пути «из Варяг в Греки». Будучи «венном» – свадебным даром-выкупом за руку принцессы, оно поручалось в управление гаутскому ярлу (скандинавский правитель рангом ниже конунга) Рагнвальду, ее родичу, который в результате участия в интригах вокруг Ингигерд вынужден был покинуть родину. Династия Рагнвальдичей прочно сидела в Ладоге (Альдейгье, Альдейгьюборге, как называли ее скандинавы), по крайней мере, до смерти Ярослава и его жены. Младший сын Рагнвальда Стейнкиль, вернется в Швецию и станет там основателем новой королевской династии, окончательно христианизировавшей эту страну. Ладожское ярлство находилось вне юрисдикции Новгорода и напрямую было связано с Киевом.

Выделением севера Руси в огромное субгосударство со значительной степенью самостоятельности, Ярослав, практически, восстановил «Русь Рюрика», исключение составил только Полоцк. Значит, были какие-то глубинные корни в этом историко-географическом единстве, которые помимо воли правителей с завидным успехом пускали одинаковые побеги.

Остальную часть своей державы Ярослав оставил пока за собой, предполагая разделить власть в ней между другими сыновьями в ней по своей кончине.

Здесь надо отметить один парадокс. Иноземцы или находящиеся за пределами своей страны русские того времени именовали Русью, Русской землей всю страну, подвластную Владимиру и Ярославу. А вот внутри Руси, «Русью» и «Русской землей» считалась только определенная территория ее южной части. Для новгородца или суздальца отправиться на юг, в Киев означало «пойти в Русь». Но это вовсе не означало, что людьми Русской земли они себя не считали. Да и она подразделялась на «Русскую землю» в еще более узком территориальном понимании. А. Н. Насонов, проведя кропотливое изучение всех доступных в его время источников, очертил ее границы. Ядром ее были земли вокруг трех крупнейших городов Среднего Поднепровья – Киева, Чернигова и Переяславля (Южного). Высказывалось предположение, что это единство отражает существование славянского племенного союза VI–VII веков, ставшего зародышем Киевской Руси (наиболее развернуто и последовательно эту точку зрения отстаивал Б. А. Рыбаков). Но оно вызвало обоснованную критику, и ныне широко распространения не имеет. Скорее представление о «Русской земле» сформировалось в X веке, когда эта территория была тесно связана с «русью» Олега–Игоря, одним из центров сосредоточения росов Константина Багрянородного. Поэтому, в более позднее время и воспринималась как общее наследие и достояние всего разросшегося древа Рюриковичей, точнее уже Ярославичей. Многие во 2-ой половине XI – XII столетии мечтали иметь свое, пускай и крошечное владение в этих краях, иметь в ней «свое причастие». «Уж ли нет мне доли в Русской земле?!» – горько восклицали они, если их мечта не становилась реальностью.

Вот такую сложную, но с виду стройную, систему организации территории и политического пространства своей страны выстроил Ярослав Владимирович. Она вполне соответствовала реалиям внутреннего развития ее историко-географических единств. Продуманная система «сдержек и противовесов» позволяла этой конструкции быть в перспективе вполне жизнеспособной. Адекватна ей становилась и качественно новая этническая общность – древнерусская (не будем жонглировать терминами типа «народ» или «народность»). Ярослав не учел только двух вещей. Эта конструкция, достигшая на большинстве направлений своих территориальных пределов – политических, культурно-хозяйственных, а, следовательно, этнических, мыслилась как замкнутая, если не отгороженная от внешнего мира, то рассчитанная на его неизменность. А мир менялся, и, ох, как!

Отказавшись от дальнейших захватов, Ярослав придал своей военной политике исключительно дипломатическое звучание. Ориентируясь на существование в Европе этого времени двух империй – Византии и Священной Римской (Германской) – киевский князь начал помышлять о создании монархии такого же порядка. Иллюзии относительно стабильности государств под скипетрами Македонской и Франконской династий, зададут манящую, но несбыточную цель, испортят неоправданные надежды. Второе, чего не учел Ярослав, выстраивая иерархию русских столов (то есть систему, известную нам как «лестничное право», определявшее межкняжеские отношения на протяжении доброй части русского средневековья), подгоняя ее под возраст своих сыновей, что жизнь человека не равномерна, что разрастающееся древо рода уже в третьем поколении приведет к путанице, чреватой новым витком усобиц. Ярослав, как человек своего времени и своей страны, разрывался между желанием быть каганом и царем великой державы, которая и после его кончины пребудет таковой, и желанием в рамках родового права и порядка наделить властью, как частями общего наследства клана, всех его представителей. Мысля как политик своего времени, он действовал как отец той эпохи. Мысль политика охватывала пространство от Атлантики до Урала и от Ледовитого океана («моря дышачего») до Средиземноморья, а сознание отца оставалось в пле-

ну родовых догм. Привязанность высшей государственной власти к персонам правящих династий, отождествление ее с ними, тяжелым грузом наследия родового строя пройдет не только через историю Руси и России, оставляя кровавые следы, искалеченные судьбы и несбывшиеся надежды.

А пока у Ярослава была еще одна существенная проблема. После смерти Мстислава в Степи зашевелились печенеги. Такое впечатление, что в XI веке они нападали на Русь, только прослышав о ее внутреннем нестроении. В 1036 году печенеги осадили Киев. С войском словен и варягов Ярослав Днепром прибыл в Киев. Объединившись с киевлянами, северная рать вышла за стены. Бой произошел на территории будущего города Ярослава. Похоже условия местности были выбраны так, что если печенегам и не пришлось спешиваться, то всяко лишало их конницу возможности маневра. Русские, видимо, таранным ударом поставленных в центр варягов, разрезали и просто сбросили в окрестные овраги и низины печенежскую орду. Разгром был полный. Остатки печенегов откатились к низовьям Дуная. Угроза со стороны Степи миновала на два десятилетия. Это еще более придавало весу Руси на политической арене. Поглядывая на германских императоров, а император-франконец Генрих II пришел к власти в год сражения при Листвене, Ярослав должен был терзаться вопросом: а чем хуже я и моя держава. Разгром печенегов под Киевом, вполне стоил победы над венграми на реке Лех. Ярослав продолжал чеканку монеты. Его политическое влияние распространялось вплоть до далекой Норвегии, где знать и общинники бонды, еще недавно убившие в битве при Стикластадере Олафа Харальдсона (1030), признали последнего святым и отправили посольство на Русь, ко двору Ярослава просить находившегося там сына Олафа, Магнуса себе в конунги. Дочери князя стали женами венгерского, норвежского и французского королей.

Здесь мы подобрались к одной из ключевых загадок российской истории: когда Русь стала на путь имперского развития чтобы стать Россией. Сказать, что это действительно произошло во времена Ярослава Владимировича, было бы слишком смелой импровизацией, но и не замечать некоторых фактов зарождения имперского сознания именно в этот период тоже неправильно. Став единовластцем-автократором Ярослав, болезненно воспринимал несоответствие реального размера, ранга и политического веса своей державы и статуса ее церковной организации, которая как бы оказывалась просто малозначительной, периферийной митрополией Византии. Именно на этой почве сталкивались не интересы государств, а стереотип восприятия наследницей Рима всех других молодых политических образований Европы, особенно принявших христианство из ее рук, с возникающим самосознанием новой общности – Русской земли в широком смысле этого понятия. Некое резюме дискуссии отразится в одном из древнейших памятников русской литературной словесности, созданном первым митрополитом не присланным из Византии, а русским («русинном»), провозглашенным по воле князя. Это «Слово о законе и благодати» Иллариона, фигура которого до сих пор остается загадкой для историков и даже породила романтическую гипотезу его отождествления с иноком Печерского монастыря Никоном – одним из основоположников древнерусского летописания. Именно в этом произведении русские князья, претендовавшие на наследие Хазарии, тюркской империи на территории Восточной Европы, названы каганами. Идея более высокого статуса правителя Руси не была плодом единичного книжника. Надпись-граффити на стене Софийского собора в Киеве, сообщающая о смерти Ярослава, свидетельствует, что князь использовал титул эквивалентный императорскому – царь. Происходящее от латинского «цезарь», превратившегося из личного имени в титул правителя Римской империи, славянское «царь» стало словом, обозначающим правителя стоящего выше князей. Именно так будут называть летописи монгольских ханов, повелителей Золотой Орды, от которых зависели русские князья. Императорский титул германского короля имел то же происхождение, что и русское «царь», приняв на другой языковой почве форму «кайзер».

До 1036 года, до того момента, пока Ярослав не стал «самовластцем» и не разгромил печенегов, Русь не противопоставляла себя Византии. Страна ромеев-греков мыслилась единственной державой-империей, на нее можно было давить, напасть и пограбить, отпра-

виться на службу, но под всем этим лежало подсознательное преклонение варварского общества перед высокой древней цивилизацией. Элемент подозрительности, а иногда презрительного отношения прорывался только в моменты прямого военного противостояния, был краткой вспышкой эмоций. С последнего периода правления Ярослава (1036–1054) начинается процесс подражания, а это уже предполагает некий элемент состязательности. Процесс стремительного формирования «высокой» древнерусской культуры шел, безусловно, с оглядкой на Византию, ее стандарты и образцы.

Для русских того времени символом Империи была ее столица Царьград-Константинополь. Ярослав не мог далее видеть свой стольный град маленьким городом, единственным монументальным украшением которого оставалась Десятинная церковь. Князь расширяет почти в пять раз укрепленную часть Киева, мощнейшие валы окружили «город Ярослава». Украшением и главным входом в город стали Золотые ворота, возведенные в камне. На защищенной площади развернулось строительство грандиозного Софийского собора, который станет не только главным храмом Руси, но и центром ее интеллектуальной, общественной и политической жизни.

Осложнение отношений с Византией вылилось в прямое военное столкновение.

В 1043 году Ярослав отправил войско на Константинополь. Это был последний поход на столицу Империи. Интересно, что при номинальном общем командовании ратью Владимиром Ярославичем она делилась на две части, каждую из которых возглавлял свой воевода. Эти части, надо думать, соответствуют делению Руси того периода на северную и южную. Любопытно, что одна из летописей отмечает присутствие в русском войске варягов. Последний поход на Константинополь, оказался последним военным предприятием с участием варягов как отдельного наемного контингента. Морское сражение русское войско проиграло. Поднявшаяся буря выбросила часть кораблей на берег. 6000 воинов вынуждены были возвращаться на родину по суше. Судя по тому, что с ними остался воевода Владимира Вышата, а сам князь перебрался на корабль ярославова воеводы Ивана Творимирича, думается, что в основном именно северные воины оказались в трудном положении. Византийцам удалось окружить отступавших и заставить их сдаться. Несколько сот человек было ослеплено. Из византийского плена они вернулись через три года по заключении мира.

За это время на севере Руси произошли важные перемены. В 1044 году скончался князь Брячеслав, и полоцкий стол занял его сын Всеслав. И в том же году в Новгороде строятся древнейшие укрепления его кремля – Детинца. В этом отношении Новгород развивался не так как остальные города. Их посады начинали расти вокруг княжеских крепостей, а в Новгороде крепость была возведена между тремя поселками-концами. Именно строительство Детинца стало завершающим звеном в цепочке новгородского градообразования. Общегородское значение крепости как узла обороны весьма сомнительно, ведь новгородцы на протяжении всей эпохи до присоединения к Москве никогда не использовали ее в таком качестве. Скорее Ярослав использовал ситуацию временного ослабления новгородского общества после поражения в византийском походе для укрепления в городе позиций князя, возведя на его территории замок-детинец. Проводя определенную линию возвеличивания своей власти и державы, при соблюдении определенной паритетности ее северной и южной частей, на следующий год начинается строительство в Детинце Софийского собора. Третий Софийский собор примерно в то же время строится в Полоцке. Таким образом, реализовывалась единая политика в границах всей страны подвластной Ярославу, при некоторой самостоятельности Новгорода и Полоцка.

Итоги длительного почти сорокалетнего правления Ярослава Мудрого трудно переоценить. Именно во второй четверти – середине XI столетия происходит качественный скачок в развитии всей территории Руси, окончательное оформление ее государственности, определяются пути дальнейшего движения. Исчезают последние объединения, уходящие корнями в догосударственный период. Одновременно с последним упоминанием варягов со страниц «Повести Временных лет» исчезают и словене. Мощная племенная группировка прекратила свое существование как самостоятельная военно-политическая организация растворившись в

населении Новгородской земли, населении древнерусском, христианизированном и христианизирующемся. Резкое распространение на территории Новгородской земли в середине – второй половине XI века труположений, повсеместный отказ от древнего обряда кремации наглядно демонстрирует прогресс утверждения новой веры и новых общественных отношений на протяжении жизни трех поколений. Древнерусский книжник иносказательно выразил это фразой, о том, что Владимир вспахал поле, Ярослав его засеял, а следующее поколение пожинает урожай.

В годы Ярославова правления Русь отказалась от дальнейшей территориальной экспансии, подкреплявшейся военной силой, на запад. С Венгрией, Чехией и Польшей установились прочные межгосударственные отношения, что, разумеется, не исключало вмешательства во внутренние дела, но оно шло в рамках поддержки борьбы одной из сторон за власть в своей стране. В Прибалтике Русь претендовала на установление даннических отношений над населявшими ее племенами, но оно не сопровождалось и не подкреплялось древнерусской колонизацией, ни городской, ни земледельческой. Пределы ее возможного продвижения очерчивал воздвигнутый в 1030 году на территории эстонской Чуди Ярославом город своего христианского имени Георгий – Юрьев (средневековый Дерпт, современный Тарту). Но в земли к западу от Чудского озера и реки Наровы, как показывают археологические материалы, древнерусское население, если и проникало в XI–XII веках, то не образовывало компактного района проживания и не могло удержаться без военной помощи извне. Аналогичная ситуация наблюдалась и на западных рубежах Полоцкой земли. Эксперимент с созданием на Западной Двине пограничных городов-княжеств Ерсики и Кукейнаса, форпостами выдвинутыми по двинскому пути, успехом не увенчался. Государственные границы, впоследствии оказавшиеся подвижными, не взломают границ этнических. Их устойчивость, кажется, закрепились именно во времена Ярослава и Владимира Святославича.

Последние дальние военные южные предприятия, напоминающие походы викингов состоялись в 1040-х годах. Сходили с исторической арены личности склонные к подобным мероприятиям. Их разгульной вольности не было места ни на родине, ни в тех краях, где они поступали на службу. В услугах варягов Русь более не нуждалась, да и Византия постепенно отказывалась от них. Показательна судьба Харальда Сурового. Послужив и Руси, и Византии он, став зятем Ярослава, в эти года вернется домой и станет конунгом Норвегии. Высший слой древнерусского общества, его дружинная прослойка еще пополнялись выходцами из Северного Средиземноморья, но это уже, скорее, политические эмигранты вроде Рагнвальда, поступившего на службу к Ярославу в начале его киевского правления или Шимона, занявшего видный пост при дворе русского князя в конце жизни «самовластца».

Русь продолжала укреплять свои южные рубежи, отгораживаясь от Степи цепью пограничных крепостей и «Змиевыми валами». Тмутаракань так и останется ее далеким анклавом, обреченным на исчезновение. Время полномасштабного выхода к Черному морю еще не пришло. Это случится лишь на исходе XVIII века. Тем самым определилось основное направление территориального развития страны сложившейся на западном краю Великой Скифии – север, восток и северо-восток. Это делает понятным, почему Волго-Окское междуречье с эпохи Ярослава приобретет особое значение, становясь одновременно тылом для южной Руси и оплотом еще одной волны древнерусской колонизации, разворачивающейся вслед и параллельно новгородской. Именно на северных окраинах этих земель князь построит еще один город своего имени – Ярославль.

Глубокую перестройку древнерусского общества в первой половине XI века наглядно демонстрирует явление так называемого «переноса городов». Исследователи до сих пор не пришли к мнению насколько общие, универсальные причины привели к увяданию Гнездовского, Тимеревского и им подобных археологических комплексов с их яркой «дружинной культурой». Но хронологически это явление совпадает с окончанием русской эпохи викингов, временем христианизации и реформ Владимира и Ярослава. Значение торговых путей сохранялось, но для внутреннего развития страны, в жизни ее верхнего социального слоя они стали играть значительно меньшую роль. Все больший интерес стало представлять господ-

ство над земледельческими территориями со стабильным и плотным населением, с источниками добычи соли и других минеральных ресурсов. В этом смысле показательна активная политическая жизнь в районе юго-западных земель Руси и та борьба, которая развернется между князьями за обладание этой территорией спустя несколько десятилетий после смерти Ярослава. Ранее районы Владимира Волынского и Галича такого внимания не привлекали. Бурный рост новых городов, часть из которых станет резиденциями князей-потомков Ярослава и Владимира, шли ли они на смену центрам эпохи предшествующей или возникали на новых местах, ясно обозначил процесс оформления древнерусской цивилизации. На смену мечу шла соха, языческим капищам – церкви, племенам «Повести Временных лет» – древнерусский этнос, каркасом языка и самосознания которого стала юная оригинальная книжность, традиция принадлежности высшей политической власти потомкам Рюрика и масштабные общерусские мероприятия ими организуемые.

ЩИТ ЕВРОПЫ ПЕРЕД МЕЧЕМ АЗИИ

В начале февраля 1054 года скончался Ярослав Владимирович. За четыре года до этого умерла его жена Ирина-Ингигерд, а за полтора года перед тем в Новгороде, в только что возведенном Софийском соборе был захоронен старший сын Владимир. Старый больной князь, при кончине которого присутствовал только сын Всеволод, не стал или не захотел что-то менять в своем завещании, которое не предусматривало никаких интересов его взрослеющих внуков. Их судьбой должен был распорядиться, ставший старшим в роду Изяслав. Северная резиденция – Новгород и южная – Киев, вновь оказались в руках одного правителя. Остальные четыре брата (Святослав, Всеволод, Игорь и Вячеслав) сели в других русских землях. Но двое младших вскоре скончались и на Руси оказалось три крупных властителя Ярославова племени, да сидевший в Полоцке Всеслав. Иногда их называют древнерусским триумvirатом. Каждому из них принадлежали три города и три части «Русской земли», в узком, древнем значении этого понятия. Помимо этого, за Киевом, Черниговом и Переяславлем закреплялись и другие территории лежавшие к северу. Во власти черниговского князя по-прежнему оставалась далекая Тмутаракань. Изяслав сам в Новгороде не правил, он отдал власть посаднику Остромиру, своему родственнику по женской линии. Этот человек примечателен для нас тем, что ему принадлежала древнейшая дошедшая до нас древнерусская книга, так называемое «Остромирово евангелие», созданная в 1056/1057 году. Судьба же подраставшего старшего внука Ярослава Ростислава Владимировича оставалась неопределенной, и это потом неожиданно отразится на судьбе Руси. Но не только появление князей-изгоев, отец которых был старше, но умирал при жизни деда, лишая тем самым преимущественных прав своих потомков, оказалось непредусмотренным завещанием Ярослава. Сама старательно выстроенная политическая система Руси, основанная на представлениях об относительной неизменности окружающего мира являлась оторванной от реалий второй половины XI века.

Концом эпохи викингов в Северной Европе традиционно считают 1066 год. Комета Галлея сиявшая на небосклоне и изображенная на знаменитом ковре жены Вильгельма Завоевателя Матильды («ковер из Байе»), предвещала Европе новую кровь и беды. Осенью этого года разгорелась борьба за Англию. Претендентами на королевский престол оказались нормандский герцог Вильгельм Незаконнорожденный, потомок знаменитого викинга Хрольва Пешехода, современника Олега Вещего, и король-кунунг Норвегии Харальд Суровый, «последний викинг», женатый на Эйлисив-Елизавете, дочери Ярослава Мудрого. Они посчитали, что лондонский трон незаконно занял англосакс Гаральд, которого поддержала местная знать. Первым в Англии высадился норвежец. 25 сентября в битве при Стемфордбридже его войско было разгромлено, а сам он пал в сражении. Но в этот момент на юге Англии воины Вильгельма сошли на берега «туманного Альбиона». Давно сменившие драккар викинга на рыцарского коня нормандцы при поддержке рыцарей из других уголков Франции в упорной битве при Гастингсе 14 октября уничтожили армию Гаральда. Вильгельм стал хозяином Англии, получив прозвище Завоеватель. С этого момента потянутся через всю Европу те англо-саксы, что не пожелают склонить перед ним голову. Пополняя ряды императорской

гвардии в Византии, они будут вытеснять оттуда русов и варангов (варягов). Угроза набегов с Балтики надолго, вплоть до крестовых походов, перестанет существовать. Зато, казалось бы, устраненная разгромом печенегов в 1036 году, угроза со стороны Степи вновь оживет, и в несравненно больших масштабах.

События в степях между Волгой и Алтаем в последние десятилетия X и первые десятилетия XI века отзовутся на стыке Европы и Азии в 1060-х–1070-х годах. Из степей Приаралья и Прикаспия орды тюркских кочевников гузов двинутся на юг и запад. Ведущая с переменным успехом борьбу с арабами на протяжении вот уже четырех столетий Византия обнаружит перед собой нового, не менее грозного противника. Завоеватели гузы, покорив часть территории бывшего Халифата, образуют на время могучую державу Сельджуков. В 1055 году они овладели Багдадом. В 1071 году в битве при Манцикерте византийскую армию постигнет катастрофа и, спустя всего 10 лет, основатель новой династии византийских императоров Алексей Комнин (1081–1116) сможет наблюдать со стен Константинополя владения турок-сельджуков на противоположном берегу Босфора.

Другая волна кочевников, катившаяся на запад, достигла Руси, где новые степняки получили имя «торков». Объединенными усилиями всех русских земель, в походе 1060 года принял участие даже полоцкий князь Всеслав, этот натиск удалось отбить. Торки осели на пограничных со Степью территориях в качестве вассалов-союзников, «своих поганых». Но вслед им шла еще более страшная беда – кипчаки, коمانы западноевропейских и византийских источников, прозванные на Руси «половцами». Оторвавшись от западных окраин Кимакского каганата, они осели первоначально в степях Днепро-Донского междуречья, впитывая в себя остатки печенежских и торкских орд, жителей осколков Хазарии. Вскоре после смерти Ярослава они появились в переяславских владениях Всеволода, но в первый раз дело закончилось заключением мира. Однако уже в феврале 1062 года половецкий хан Искан нанес Всеволоду поражение и пограбил его землю.

С середины 1060-х годов половецкий натиск усилился, чему способствовали внутренние неурядицы на Руси. Молодой амбициозный старший внук Ярослава Ростислав Владимирович, явно тяготился тому положению, которое для него и его потомков определили дядья – Изяслав, Святослав и Всеволод. Места в «Русской земле» и Новгороде, владении его отца, ему явно не предвиделось. Но у него нашлись сторонники. В их числе оказался Вышата, сын посадника Остромира, знакомого нам по несчастному походу 1043 года на Константинополь. У Вышаты, вероятно, имелись свои резоны для сближения со старшим внуком Ярослава. В 1060 году Остромир погиб в битве с чудью-сосолой и в Новгороде вновь появился князь, сын Изяслава. Должность посадника, похоже, осталась не за Вышатой. Обычай одновременного действия в Новгороде князя и посадника еще не утвердился. Думается, что именно этот опытный человек, хранитель древних преданий и легенд, рассказанных, впоследствии, его сыном Яном составителям «Повести Временных лет», человек, проведший три года в византийском плену, и надоумил Ростислава, что путь к «доле в Русской земле» лежит через Тмутаракань. Именно отсюда «взлетел» на Черниговский стол Мстислав Храбрый, опираясь на силу кавказских дружин.

Ростислав решил последовать его стопам и в 1064 году, внезапно явившись в отдаленном черниговском владении изгнал оттуда старшего сына Святослава Ярославича – Глеба. Как покажут дальнейшие события, Глеб был человеком достаточно смелым и решительным. Он отступил перед Ростиславом из нежелания пролить братнюю кровь, уподобиться Святополку, «окаяниться», ведь сорок лет, время двух поколений, Русь не знала междоусобиц, а эти дети и внуки Ярослава воспитывались уже в рамках одной княжеской семьи, впитавшей христианские ценности. В следующем году из Чернигова пришел Святослав, защищать права сына. На этот раз, галантно уступил без боя Ростислав; правда, чтобы сразу после ухода дяди вновь согнать двоюродного брата. Именно в этот момент «степной коридор», похоже, захлопнулся. У триумvirата Ярославичей возникли большие проблемы, заставившие их на время забыть и о Тмутаракани, и о Ростиславе.

Используя ситуацию смуты в Новгороде и угрозу вторжения половцев на юге, на севере выступил князь Всеслав, «заратился» как писали в летописях. В битве на Черехе, на полпути из Пскова в Новгород, он разбил Мстислава Изяславича и ворвался в город. Вековое противостояние Полоцка и Новгорода, выплеснулось в акцию грабежа. Убранство новгородского Софийского собора на время переместилось с Софию Полоцкую. Долго еще новгородцы будут припоминать эту обиду полоцкому князю и его потомкам. Ярославичам пришлось двигаться в Полоцкую землю. Жителям Полоцкой земли дорого обошлась авантюра их князя. Ярославичи взяли и сожгли Минск, перебив все взрослое мужское население, а женщины и дети были уведены в плен. В кровавой битве на Немиге в марте 1067 или 1068 года они одолели Всеслава. Горькая память об этой победе в междоусобной борьбе между сынами Русской земли надолго сохранится в сознании древнерусского общества и, как пример «первых лет усобиц», страшным поэтическим образом войдет в «Слово о полку Игореве»:

«Ток на Немиге.
Снопы стелют головами,
Молотят цепями харалужными.
На току живот кладут,
Веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
Не бологом посеяны,
Посеяны костями русских сынов!».

Зло и дальше растекалось по Руси. Вызвав Всеслава на переговоры, Ярославичи захватили его и посадили в тюрьму-«поруб» в Киеве, нарушив крестное целование, что по понятиям той эпохи было равносильно святотатству. Поэтому поражение в битве на Альте летом 1068 года все восприняли как божью кару за грех Ярославичей. Половцы разгромили их объединенное войско. Отказ Изяслава выдать населению Киева оружие вызвало восстание. Изяслав и Всеволод бежали в Польшу, а горожане, освободив узника, провозгласили его князем. Удивительное событие. До этого на Руси подобного не бывало. Города становились новой политической силой. Они по-прежнему не мыслили себя без княжеской власти, но переставали себя с ней полностью идентифицировать, безропотно верить свою судьбу в руки Рюриковичей, которым они доставались в результате их внутриродовых разделов. Эта политическая тенденция становилась одним из факторов развития этнического сознания.

Святослав Ярославич, оставшийся на Руси, 1 ноября 1068 года одержал на реке Снови блестящую победу над половцами. 3000 его воинов разгромили 12000 кочевников, захватив плен их хана. На время половецкая угроза была устранена. Ростислав, укрепившийся в Тмутаракани, вызвал беспокойство византийских властей Крыма. Посетивший его катепан Херсона (назначаемый правитель) коварно отравил князя медленно действующим ядом. В Тмутаракани на время вновь сел Глеб Святославич, но вскоре переместился в далекий Новгород. Полоцкий князь так и не почувствовал в Киеве как у себя дома. Перед лицом польского войска, шедшего вернуть власть Изяславу, Всеслав бежал в Полоцк, откуда его изгнали Ярославичи. Где бродил он в течение летних и осенних месяцев 1069 года можно только догадываться, но 23 октября с войском финноязычной води он внезапно явился под Новгородом.

Водь – небольшое племя на северо-западных окраинах новгородских владений, близкое по языку и культуре эстам, иногда как и они называемое древнерусскими источниками «чудью». Что вызвало отчаянную попытку маленького племени под руководством князя-изгнанника вступить в войну с могучим соседом? Стоит обратить внимание, что за несколько лет до этого произошло восстание эстских племен. Источники не позволяют нам однозначно восстановить ход событий, но смысл их достаточно ясен. Чудь была обложена данью в 2000 гривен. Заметим, что сумма равна той, которую Ярослав, будучи новгородским князем, отказался выплачивать в Киев, а потом, судя по всему, освободил новгородцев от нее на какое-то время. Изяслав, сидевший в Киеве, хотел восстановить прежний источник дохода, и Новгород просто переложил эту ношу на плечи эстонской чуди. Огромная сумма вызвала восстание. Сборщики дани были изгнаны, Юрьев захвачен и сожжен. Положение стало крайне тя-

желым. Остановить восставших удалось только под стенами Пскова в результате исключительно кровопролитного сражения. Единичный ли это факт? Похоже, что нет. За ним стоит тенденция превращения Новгорода в огромное северорусское государство.

Вольности и привилегии, полученные новгородцами, в первую очередь, их социальной верхушкой, из которой сформируется в течение следующего столетия корпорация новгородского боярства, прекращение масштабных походов на юг, обогащавших всех их участников, возможность безудержной эксплуатации территорий, соседящих с Новгородской землей с севера, порождали особый тип этого удивительного средневекового государства в границах Руси. Его часто рассматривают как оплот демократических традиций и тенденций развития, противопоставленных сильной княжеской власти Северо-Восточной Руси, ставшей прототипом монархической власти московских государей. Но, если отказаться от романтического флера, навеянного наивными представлениями о новгородском вечевом строе, то выступит нечто иное.

Именно в Новгородской земле раньше всего обнаружатся элементы имперского пути развития Руси-России. Сосредоточение политической жизни в одном городе, многократно превосходящем по размеру и сконцентрированным в нем богатствам остальные города земли, неравномерное освоение новгородской территории в земледельческом отношении, приращение ее за счет обширных районов заселенных «иными языцами», которые превращались в сырьевые придатки – все это определяло своеобразие политического режима Великого Новгорода, его уникальность в системе межгосударственных отношений на Руси, обрисовывая один из вариантов ее исторического пути. Вот почему новгородцы боролись с любыми проявлениями возвышения любого из своих пригородов (со Псковом им совладать все же не удалось). Они жадно будут тянуться «за Югру и Самоядь», отчаянно отрезать пути освоения Русского Севера выходцами из Ростово-Суздальской земли, до последних десятилетий своей независимости оспаривать с великими князьями доступ к «камскому серебру». При этом, Новгород сквозь пальцы смотрел на язычество своих северо-восточных окраин, составлявших две трети его владений. Ассимиляция местного населения будет идти здесь замедленными темпами, но не от человеколюбия новгородского боярства, а от его колониальной политики не подкреплявшейся долгое время направленной христианизацией и крестьянской колонизацией.

Надо думать, что начало этих порядков восходит к еще более раннему времени, чем середина XI столетия, но именно в это время их утверждение проходило в наиболее острых формах. Проникновение вооруженных сборщиков дани, сыновей победителей в битвах под Любечем, Киевом и на Альте, «старост» и «смердов», еще не утративших представления о своей свободе и статусе «мужей», жизнь и достоинство которых защищено высокими штрафами, пугало «чудские окраины». Ранние древнерусские курганы северо-западных районов Новгородчины, где погребения женщин содержат богатые уборы, а мужчин – предметы вооружения, включая мечи (Гдовщина, Ижорское плато), позволяют представить групповой портрет этих воинов-земледельцев, оказывавшихся под боком у автохтонного финно-угорского населения. Всеслав стал знаменем борьбы с жадными новгородскими щупальцами. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться.

Пришедший недавно в Новгород Глеб, заставший в нем смуту, смог одним ударом топора, раскроившим череп волхва после непродолжительного диспута о вере, не только доказать силу последователей Христа, но и дать понять, кто в городе хозяин. Под его командованием новгородцы разгромили воеводу, а Всеслав вновь ударился «в бега». Но пройдет девять лет и изгнанный из Новгорода князь погибнет в далеком Заволочье, в чудских землях только-только начинавших осваиваться древнерусским населением.

Однако вернемся на юг Руси. В 1071 году половцы возобновили набеги. Князя «Русской земли» Ярославичи чувствовали, что неурядицы второй половины 1060-х годов породили смятение в умах. То тут, то там появлялись волхвы и пророки. Один из новгородских епископов – Стефан, был убит своими холопами, а другой – Федор скончался, закусанный своим псом, что рассматривалось как дурное предзнаменование, снижало престиж духовен-

ства в глазах паствы. В условиях стремительного ослабления Византии, зажатой в тиски экспансии Сельджуков и укрепившихся на ее бывших землях в Сицилии и Италии норманнов, Руси настоятельно требовалось собственное укрепление новой веры.

В 1072 году состоялось перенесение праха Бориса и Глеба. Церемония имела общерусское значение. Помимо Ярославичей на ней присутствовали высшие духовные и светские лица «Русской земли». Историки продолжают спорить, когда произошла канонизация этих князей, первыми русскими, причисленными к лику святых. Дата 1072 год выглядит, все же, наиболее аргументированной. Русь, помимо воспринятой из Византии традиции и практики, начала собственный путь православия. Святые Борис и Глеб становились небесными покровителями всего рода Рюриковичей, а вместе с ним и всей земли, которой те правили. Культ Бориса и Глеба отражал чаянья мирных отношений между князьями, послушания младших старшим. Тогда же, вероятно, произошло и другое важное событие. Весьма представительное собрание внесло дополнения в законодательство. «Правда Ярослава» была пополнена новыми статьями, называемыми «Правдой Ярославичей». «Русская Правда» становилась юридическим фундаментом отношений на территории всей страны.

Но братское примирение длилось недолго. Женатый на дочери византийского императора Константина IX Мономаха Всеволод, кажется, интриговал против старшего брата, пытаясь расчистить себе путь к киевскому столу. Эти амбиции могла подогревать его византийская жена. Вообще эта троица Ярославичей напоминает братьев из сказки. Как и в сказке в результате младший окажется умнее всех. Вот только, в отличие от сказочного персонажа, «дураком» Всеволод, конечно, не был. Хитрый князь слыл человеком образованным и владел пятью языками, какими точно неизвестно (скандинавский, греческий, латынь, половецкий и немецкий, либо польский – наиболее вероятны). Старший Изяслав выглядит довольно простодушным человеком, поддающимся влияниям, порой нерешительным, но склонным к искренним поступкам. Святослав – суровый, отважный воин, но падкий на сокровища, хотя, при этом, наиболее лучшие отношения с Печерским монастырем сложились именно у него. Эти черты проявятся и в их сыновьях.

Поверив наговорам на старшего брата, он изгнал Изяслава из Киева (1073). Всеволод получил Чернигов. Изяслав бежал в Польшу, где до нитки был обобран. Германский император обещал ему помощь, надеясь включить Русь в орбиту своего влияния. Но в 1073 году римским папой под именем Григория VII стал сын итальянского простолюдина Гильдебрандт, долго прокладывавший путь к святому престолу. Генрих IV вел с папой непримиримую борьбу, ему вскоре стало не до Изяслава. Самому отлученному от церкви Генриху пришлось вымалывать прощение у Григория зимой 1077 года, босиком оббивая пороги ворот итальянского замка Каносса. Изяслав обратился к папе, но тот в обмен на обещание подчинить ему русскую церковь, лишь сумел добиться возвращения Изяславу его казны поляками. Святослав прочно сидел на Киевском столе, а земля не желала впутываться в княжеские дела. До нас дошло в составе «Изборника Святослава», одной из древнейших сохранившихся русских книг, изображение князя с его семьей, которое, наряду с фресками Святой Софии, представляющих такой же групповой портрет семьи Ярослава, являются первыми отечественными произведениями этого жанра. Два длинных свисающих уса словно напоминают о его воинственном тезке-прадеде.

Но неожиданно 27 января 1076 года он скончался от неудачной операции. Всеволод пришел в Киев. Он уже чувствовал себя «самовластцем» подобно отцу. Но непрочность этой власти показал его младший племянник, Борис Вячеславич, на восемь дней захвативший Чернигов. В это время из Польши с войском вернулся Изяслав. Всеволод удовольствовался возвращением в Чернигов, но его коварство было наказано. Осиротевшие дети Святослава ничего не получили из рук дядей. Они прозябали при дворе Всеволода, за исключением сидевшего в далеком Тмутараканском княжестве Романа. Олег, становившийся старшим в «гнезде Святослава Ярославича», после гибели Глеба в Заволочье бежал к брату 10 апреля 1078 года. В том же году в августе Олег и Борис Вячеславич вернулись на Русь с половцами. Присмирившие при жизни Святослава, они вновь почувствовали свою силу, особенно учи-

тывая, что за помощью к ним обратился его сын. В битве на Сожице Всеволод потерпел страшное поражение, погибли многие знатнейшие люди княжеского окружения. Неблагодарный брат вынужден был умолять Изяслава о помощи. Тот великодушно простил старые обиды, за что поплатился жизнью. Киевскому князю удалось разгромить половцев Олега и Бориса в битве на Нежатиной ниве, заносчивый Борис пал в самом начале боя. Но в разгар сражения сам Изяслав был внезапно убит. Так неожиданно судьба вновь вернула Киев Всеволоду.

И раньше Святополк использовал печенегов-кочевников для борьбы за власть, но именно со времени Олега Святославича появится страшная традиция приводить с собой орды степняков, «отворяя Полю дорогу», помогая им пройти укрепленные рубежи, в глубинные районы страны. И снискает этот талантливый воин и правитель презрительное прозвище «Гориславич». Но кочевники надежными союзниками не являлись. Их целью была добыча, и князья, пользовавшиеся их поддержкой, не могли остановить грабеж отвоеванных такой ценной владений, а в случае неудач рисковали поплатиться жизнью. Что и произошло с Романом Святославичем в 1079 году. Глядя на половецкие набеги, в 1080 году поднялись торки. Их пришлось усмирять. Тем временем Олег был схвачен в Тмутаракани и выдан Византии хазарами. Четыре года, до 1083 года он провел там в почетной ссылке, где и женился на знатной византийке Феофании Музалон. Вернувшись в Тмутаракань и отомстив хазарам, Олег на одиннадцать лет стал властителем этой территории. Для Олега Тмутаракань была особенно важна. На легендах печатей князя, сидевшего на берегах Боспора Киммерийского, выполненных на греческом языке, он именовался «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Не случайно, «Слово о полку Игореве», донесет титул деда его главного героя – «каган». Этим дедом был Олег Святославич. Похоже, что после его ухода на Русь в 1094 году, контроль над Тмутараканью со стороны Руси был вскоре утрачен.

В эти годы в Киеве сидел Всеволод, но болезненный стареющий князь реальные бразды правления передал своему старшему сыну – Владимиру, которого по его византийскому деду прозвали Мономахом. Он был тезкой своего русского прадеда Владимира, причем и по христианскому имени – Василий. Владимир Мономах – фигура огромного масштаба. Проведший жизнь в бесконечных походах, сражениях, разъездах и дипломатических переговорах, в обустройстве самых разных уголков Руси, он накопил богатейший опыт. Наверно, как никто другой он понимал страну, верховную власть в которой держал его род. Это знание воплотилось в замечательном памятнике древнерусской литературы – «Поучении Владимира Мономаха». Оно состоит из трех частей. Одна из них описывает жизненный путь князя, это своеобразная летописная биография его «трудов». Собственно поучение представляет кодекс княжеской чести и добродетелей. «Поучение» показывает, насколько христианские ценности глубоко внедрились в древнерусское общество за столетие после официального крещения. Наконец, третьей частью является письмо Мономаха Олегу Святославичу.

Не всегда Владимир и Олег скрещивали мечи на поле брани. Их связь была намного сложнее и личностней, нежели просто отношения двоюродных братьев. В 1076 году, молодые князья ходили в поход на чехов в помощь полякам. Поход был удачным. Когда Владимир вернулся, то узнал, что жена родила ему мальчика-первенца Мстислава («дите новгородское», как назовет он его в своем «Поучении»). Олег Святославич стал крестным отцом Мстислава. Его мать, Гюда, была дочерью того самого Гарольда, английского короля, что погиб в битве при Гастинсе в 1066 году. Поэтому, помимо христианского и древнерусского княжеского имени, ему дали еще имя Харальд. Он окажется последним властелином Руси, поддерживавшим ее относительное политическое единство. Злой и неумолимый рок столкнет в противоборстве за гегемонию на юге Руси потомков Владимира и Олега – «Мономахичей» и «Ольговичей». И станет это началом конца Древней Руси «киевского периода».

Смерть Всеволода в 1093 году создала новую ситуацию. Мономах, считая себя не вправе занять киевский стол, ушел в Чернигов. Грехи отца тяготили его, и он опасался, что борьба за Киев приведет к новым междоусобицам, которых с лихвой уже хватало в юго-западных районах Руси, где между внуками Ярославичей разгорелась борьба за богатейшие города и

земли Волыни. Половцы быстро отреагировали на происходящее. В Киев к новому князю – Святополку Изяславичу, пришло их посольство. Он, не посоветовавшись с опытными дружинниками отца и дяди, к этому времени уже достаточно хорошо половцев знавшими, арестовал посланцев. Степняки в ответ начали боевые действия. Они осадили Торческ. Святополк, спохватившись, отпустил послов и запросил мира, но было уже поздно. Собираясь идти в поход, князь гордился, что только собственных дружинников («отроков») у него, 700. На что ему говорили – и 8000 будет мало. Пришлось отправлять за помощью к Мономаху. Встретившись в Киеве, князья долго препирались, очевидно, выясняя, кто будет предводителем в походе. Киевляне урезонили их: «Зачем у вас распри между собой? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым – либо с миром, либо с войной». Но и «уладившись», князья потерпели поражение. При бегстве в реке Стугне утонуло много русских, в том числе и брат Владимира Мономаха. Половецкие отряды рыскали между Киевом и Вышгородом, блокированный Торческ вынужден был сдаться. С трудом Святополку удалось заключить мир с половецким ханом Тугром (Тугоркан) и взять его дочь в жены.

Этим поражением не преминул воспользоваться Олег Святославич. В 1094 он подступил к Чернигову и осадил в нем Владимира. Были сожжены посады и монастыри вокруг города. Владимиру пришлось оставить Чернигов, выговорив себе свободный проход в Переяславль. Как голодные волки взирали половцы на немногочисленную княжескую дружину, едва насчитывавшую сто человек, уходившую с семьями из города. Чтобы расплатиться за услугу Олегу пришлось согласиться на разграбление теперь уже его земли. Горький позор заставил серьезно задуматься Владимира Мономаха о причинах поражений и о способах борьбы с половцами. Он правильно оценил происходящее и сделал нужные выводы.

Первым делом он догадался, что кочевые объединения сплачиваются их вождями, без них они стремительно распадаются. Половцы не были единой ордой, договариваться о совместных действиях могли только авторитетные ханы и знатные предводители родов. Поэтому одной из целей сражений должны стать их убийство или захват в плен. Половецкая угроза не может быть устранена только обороной. Система пограничных укреплений оказывалась неэффективной, особенно при постоянной чехарде переходов князей и их дружин из города в город, сопровождавшейся иногда военным вмешательством все тех же степняков. Из этого вытекало, что корень зла лежит во внутрирусских порядках.

Необходимо было создать новую систему междукняжеских отношений взамен существовавшей со смерти Ярослава. Таковую, чтобы князья ощущали себя хозяевами, а не временщиками на землях, которыми они правят. Этого настоятельно требовало население. Авторитет Рюриковичей стремительно падал, и всю большую роль стали играть горожане и духовенство крупных центров. Только общие силы князей могли противостоять многочисленным войскам кочевников, у которых каждый мужчина был воином. Они оказывались более мобильны, инициатива всегда находилась в их руках. Отсюда следовал вывод. Боевые действия надо вести многочисленным, подвижным войском, на территории половцев в то время как они будут досягаемы и ослаблены. Таким временем для кочевников, перешедших к системе постоянных стойбищ с сезонными откочевками, а именно ими стали половцы к 90-м годам XI века, были конец зимы и самое начало весны, когда ослабленный бескормицей скот становился легкой добычей нападающего. Быстрое отступление с ним невозможно. А без скота – степняку смерть, за него ему придется драться, а не уклоняться от боя. Для такого способа борьбы с кочевниками требовалось решить еще одну задачу: создание собственной конницы.

Не то чтобы конницы на Руси не было. Но чаще лошадь использовали как средство перемещения к полю боя. Так было в Скандинавии, так было на севере Руси, а ведь именно они долгое время являлись «законодателями моды» в древнерусском военном деле. Показательно, что в своей последней битве на Нежатиной ниве (1078) киевский князь Изяслав Ярославич стоял в пешем строю. Конь и всадник – это одна слитная боевая единица. Пехотинца бессмысленно просто посадить на лошадь, в кавалериста это его не превратит. Такое мастерство воспитывают с детства. Времени на подготовку «своих кадров» для войны в Степи не

было. Выход оставался один – привлечь в состав дружин кочевников, которые одновременно станут учителями новых способов ведения войны. Стихийно это уже происходило, но с двух последних десятилетий XI века процесс тюркизации русских дружин стал особенно заметен.

Не поручусь, что Владимир Мономах выдвигал столь отчетливую программу, скорее, он действовал на основании своего накопленного опыта, реагируя на конкретные ситуации. Но любопытно сходство исторических ситуаций в других странах, где угроза постоянных вторжений кочевников вела крупные ранние государственные образования к тем преобразованиям, которые повлияли на становление классического феодального строя с его неизменным атрибутом – конным воином-профессионалом, рыцарем. Так было в державе Каролингов, которой угрожали арабы и авары, так было в Германии, которая страдала от венгров.

До походов в Степь было еще далеко. Владимир начал с малого. Он перебил прибывших к нему на переговоры Итляря, Китана и их ближних. После этого вместе со Святополком они совершили победоносный поход на половецкие становища. Это был первый успех, показывавший, что нащупан верный путь. Олег Святославич отказался от участия в этом походе, что и понятно. Святополк и Владимир послали к черниговскому князю с предложением заключить договор против половцев, который надлежит огласить в присутствии дружин, духовенства и представителей городских жителей. Олег надменно отказался: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». Князья-союзники выступили на Чернигов. Олег бежал в Стародуб, где был осажден. Через 33 дня осады Олег согласился на мир, целовав крест. Но в это время на Киев напал хан Боняк, сгорела княжеская резиденция в Берестове. Половцы Тугоркана подступили к Переяславлю. Такого размаха половецкие вторжения еще не приобретали. Святополк и Олег бросились на выручку осажденному Переяславлю. Половцы не ожидавшие отпора потерпели сокрушительное поражение. Погибли Тугоркан с сыном, другие знатные вожди. Враги – врагами, а родственники – родственниками: тело своего тестя Святополк отвез и захоронил между Берестовом и Печерским монастырем. И словно накликать этим новую беду.

Боняк вновь напал на Киев, разорил Печерский и другие монастыри. Тем временем Олег затеял новую смуту, правда, по чести сказать, спровоцировал ее молоденький сын Мономаха, захвативший принадлежавший черниговским князьям Муром. Олег город отбил, Мономахович был убит в бою. Непоседливый князь захватил в кратчайшие сроки всю Ростово-Суздальскую землю. И тут в дело вмешался Мстислав Владимирович, старший сын Мономаха, сидевший в Новгороде. Новгородское войско стремительно вытеснило Олега с севера Ростово-Суздальской земли. Олег бежал в Муром, повелев дотла сжечь Суздаль. Мстислав желал примирения и выразил готовность стать посредником в переговорах с отцом. Олег же, истолковав это как проявление слабости, внезапно вновь явился под Суздаль. Но к Мстиславу подоспела помощь от Мономаха. Он прислал ему ... половцев. Половчанину Куню поручили стяг Владимира и отряд пехоты, который в решающий момент схватки зашел в тыл Олега, посеяв панику. Олег бежал в Рязань, но не удержался в городе. Мстислав вновь отправил предложение о мире. Олегу пришлось согласиться. Следствием этих событий стал знаменитый Любечский съезд русских князей, состоявшийся в 1097 году. Нам могут быть интересны некоторые их моменты, высвечивающие характерные черты времени.

События, происходившие в течение одного года, разворачивались на пространстве огромной территории Руси – от Новгорода до Переяславля и от Киева до Рязани. Поражаешься быстроте перемещения князей и дружин, а ведь между ними сновали гонцы с несравненно большей скоростью. Древнерусское общество 2-ой половины XI века предстает как чрезвычайно мобильное и коммуникативное. Люди стремительно двигаются в пространстве, распространяя информацию о том, что происходит в разных частях страны. Это рождало двойной эффект. В местном населении росло раздражение бесконечными схватками, происходившими на его территории, и в которые оно волей-неволей втягивалось. Конечно, пойти и пограбить с удачливым князем было неплохо, но еще хуже оказывалось вернуться на родное пепелище, потеряв все, иногда даже семью. В равном положении оказывались киевляне и черниговцы, стародубцы и рязанцы, ростовцы и муромцы, переяславцы и суздальцы. Как от-

мечено выше, слухи и достоверная информация распространялась быстро, достигая самых отдаленных уголков. Ничто так не сближает как беда. О страданиях горожан, опасностях для духовенства, лишенного возможности давать вооруженный отпор в связи с религиозной традицией, мы прекрасно осведомлены из летописей. А вот беды сельских смердов, которым до превращения в забитую массу зависимого крестьянства было, слава Богу, еще далеко, только косвенно отразились в письменных источниках. Княжеские «которы»-распри невольно ковали сознание общей исторической зависимости и судьбы, что сказывалось на дальнейшей консолидации древнерусского этнического самосознания, расширения понятия «Русская земля» до масштабов всей страны. Далекое не все клирики, особенно монахи, являлись выходцами из социальных верхов. В церкви и келье они оказывались отягощенные мирским опытом, и как бы не пытались его отринуть, не могли бездушно взирать на происходящее. А ведь им приходилось осуществлять обратную связь с теми, кто остался в «миру». Таким образом, церковная организация русской митрополии, жаждавшая стабильности, так же выступала в роли фактора, консолидировавшего сознание древнерусского общества. Острый кризис 1093–1096 годов поставил перед князьями вопрос об утрате авторитета и потере исключительных прерогатив в осуществлении власти. В той или иной степени все князья оказывались виновны за происходящее, ведь они являлись членами одного рода, основанного Ярославом. Это поняли даже строптивые Святославичи с Олегом во главе.

В 1097 году внуки Ярослава собрались в Любече, где был сформулирован новый принцип властвования в Руси: «Каждый да держит отчину свою!». Владения Изяслава, Святослава и Всеволода закреплялись за их потомками. Некоторые исследователи в решениях Любечского съезда видят начало «феодальной раздробленности». Но о русском феодализме этого времени говорить преждевременно. Политическое деление стран, осуществляемое в попытке стабилизации внутреннего положения и более эффективного отражения внешних врагов, атрибут, скорее, не феодального строя, а характерно для крупных государств имперского облика. Похожее явления можно наблюдать и в Римской империи, поделенной на четыре части Диоклетианом и на две Феодосием или в момент Верденского раздела 843 года державы Каролингов. Русский раздел касался в основном территории «Русской земли» и исторически связанных с ней территорий. Остальная часть страны оставалась пребывать в политической неопределенности. Этот вакуум служил почвой для новых раздоров, особенно Галицко-Волынский регион, не подверженный прямой половецкой угрозе, но соблазнявший князей, считавших себя обиженными, тем более, что они могли найти поддержку в соседних Венгрии и Польше. Соглашение, заключенное в Любече оказалось недолговечным.

Не успели закончиться праздничные пиры, как произошел дикий эксцесс, повергший в шок все древнерусское общество – ослепление Василька Ростиславича Теробовльского. В результате интриг своего ближнего окружения, Давыд Игоревич поддался уговорам и, в свою очередь, выдал Святополку за достоверные сведения о злых умыслах Василька. Святополк «умыл руки», а Давыд захватил несчастного обманом и «торчин» Берендей, дружинник Святополка, выколол ему глаза ножом. Далее последовал новый виток княжеских междоусобиц. Опустим их подробности, важно, что князьям все-таки удалось в 1100 году собраться на новый съезд в Уветичах. Давыда осудили всеобщим решением, что, впрочем, не повлекло никакого наказания в нашем понимании. Традиция подсудности князя за уголовные преступления в древнерусском праве отсутствовала. Князя можно было только лишиться власти в одной земле, но непременно предоставив ему в «кормление» другую.

После Уветического съезда, наконец, стало возможно приступить к реализации дальних планов Мономаха – удару по кочевьям половцев. Решался вопрос – когда, где и с кем.

Боевые действия последнего десятилетия XI века обогатили военную практику русских дружин. Известный по своим страшным набегам на Киев Боняк Шелудивый, совершивший в 1095 году поход во владения с Византией, в 1097 году добыл победу русским в бою со значительно превосходящими силами венгров. При этом половцы продемонстрировали достоинства согласованных действий отрядов подвижной конницы. Княжеские дружина пополнилась тюркским контингентом, причем, не только младшая (отроки), но и ближняя, старшая.

Тут и там мы встречаем либо «этнические» имена-прозвища – Торчин, Берендей, Козарин (Хазарин), либо имена явно тюркского происхождения – Кунуй, Ольбег, Улан, Колчак. Некоторые из них были уже вполне обрусевшими, носившими и второе христианское имя, а у некоторых еще отцы явно служили русским князьям.

Вообще, как ни странно, но перед решающей схваткой половецкий натиск на Русь ослаб и наметились пути сближения. В половецкой знати наметилась партия примирения с Русью, чаще всего к ней относились старые опытные предводители, вроде Урус-обы – лидера Лукоморских половцев. Обосновавшиеся в причерноморских степях орды уже поделили между собой территории, наладили устойчивую систему сезонных кочевок, завязали связи с портовыми городами побережья. Донские половцы и вовсе имели собственные городки, где проживало оседлое аланское население, и которые служили им центрами зимовий. Так что на боевые подвиги рвалась молодежь. Для русских же маховик тотальной войны с «погаными» уже оказался запущен, древнерусское общество созрело для мобилизации всеобщих усилий. Нужен был только толчок, идейный ориентир, пример для того, чтобы решиться на далекий поход вглубь Степи. Со времени Святослава прошло уже почти полтора века, и никто из русских князей за это время не выходил за пределы линии «Змиевых валов» дальше чем на два-три дня пути. Пример пришел с совершенно неожиданной стороны.

В 1096 году начался Первый крестовый поход. Толпы и отряды разноязыких западноевропейцев потянулись на Восток, к Иерусалиму, «освободить гроб Господень». Византия, за два десятилетия до этого находившаяся на грани гибели, оправилась под властью Алексея Комнина, отразила натиск печенегов и норманнов. Она с недоверием взирала на крестonosное предприятие. Однако, если первые отряды «Христовой воинства» были сельджуками уничтожены, то феодальные рыцарские ополчения продемонстрировали превосходство над турецкими всадниками. В 1099 году цель похода – Иерусалим – пал после продолжительной осады. На завоеванных землях Ближнего Востока образовались христианские государства. Успех западноевропейских феодалов не остался вне поля зрения Руси. В первом десятилетии XII века в Палестину совершил путешествие игумен Даниил. Характер оставленных им записок позволяет предполагать, что его «хождение» преследовало не только паломнические цели. Игумен православного монастыря был принят на высшем уровне королем иерусалимским Балдуином. Одну из фраз в тексте «Хождения Даниила игумена» можно понять так, что в составе ближайшего окружения короля были и русские.

Мы привыкли, что Русь вела долгую и упорную борьбу с западноевропейскими крестonosцами. Но начнется она лишь в XIII веке. В XI столетии Русь и Запад были гораздо ближе друг другу. В год смерти Ярослава Мудрого (1054) произошло событие, последствия которого проявятся много позднее. Константинопольский патриарх и римский папа взаимно предали друг друга анафеме, обвинив в ереси. Но на Руси схизма 1054 года глубокого резонанса не возымела. Показательно, что при заключении династических браков вопрос о переходе из католичества в православие и наоборот, как будто, не вставал. Неудивительно, что кто-то из русских, которых на службе у византийских императоров было достаточно, мог примкнуть к крестonosцам. Так что интерес к происходящему на Ближнем Востоке на Руси имелся. Русские могли убедиться, что идея объединения для «священной войны» за освобождение христианских святых привела западноевропейское воинство к победе на землях, расположенных в месяцах пути от родины. Крестonosцы разгромили отряды турок-сельджуков, этнически близких половцам и в этих боевых действиях могли принимать участие выходцы из Руси. Пример вдохновлял. Поэтому неудивительно, что элементы крестonosной идеологии прослеживаются в первом походе против половцев в 1103 году достаточно отчетливо.

Весной 1103 года в Долобске состоялся съезд русских князей, на котором обсуждался предстоящий поход на половцев. Для того чтобы обеспечить подвижность войску в степной войне требовалось реквизировать лошадей у крестьян-смердов. Во время пахоты это больно ударяло по их хозяйствам. Но еще страшнее была сохраняющаяся опасность набегов степняков. Для похода объединились наиболее могущественные князья. Исключение составлял Олег Святославич, отговорившийся от участия в нем нездоровьем. Русское войско на конях и

в ладьях начало движение вниз по Днепру. Пройдя пороги, оно остановилось в районе острова Хортица. Наступал решающий момент. Состоялся общий молебен: «русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и матери его, кто кутьею, кто милостыней убогим, иные же вкладами в монастыри» – сообщает «Повесть Временных лет». Поход на половцев проходил как мероприятие богоугодное. Интересно, что за половцами прочно закрепился эпитет «поганые». Это слово происходит от латинского «паганус» – язычник, что еще раз подчеркивает некоторую связь между западноевропейским крестоносным движением и кардинальным изменением стратегии борьбы Руси с кочевой угрозой в начале XII века. Форсированным маршем за четыре дня русские углубились в степь и настигли лукоморских половцев. Старый мудрый Урус-оба предлагал мириться, но молодые предводители кочевников решили сражаться. В результате половцы понесли сокрушительное поражение. 20 их предводителей пали на поле боя, захваченный в плен Белдюзь был казнен. Победителям достались богатые трофеи.

Но воинственный хан Боняк продолжал свои набеги на Русь. В 1106 году русским воеводам удалось отбить полон. Но в следующем году большое войско под предводительством Боняка и Шарукана вновь вторглось на Русь. Объединенные силы русских князей (на этот раз присоединился даже Олег Святославич) разгромили у Лубна кочевников наголову. Половцы почувствовали, что их противник качественно изменился. Владимир Мономах заключил мир с ханом Аепой. Его сын Юрий женился на ханской дочке (январь 1108 года).

Русские перехватили инициативу. Теперь уже они вторгались в кочевья и разоряли их. В 1109 году воевода Дмитр Иворович захватил становища у Дона. В марте 1111 года русское войско, преодолев 500-километровое пространство за три недели, подступили к городку Шаруканю. Названный именем знаменитого хана городок служил ему зимней резиденцией, но обитало в нем христианское аланское население. Оно радушно приветствовало единоверцев. А вот другой городок, Сугров, пришлось брать штурмом. В двух полевых сражениях русское войско нанесло поражение основным силам донских половцев. Но их военные силы не были еще подорваны.

В 1113 году скончался князь Святополк. Смерть не очень популярного князя привела к возмущениям в Киеве. Киевляне отправили к Владимиру Мономаху с просьбой сесть на киевский стол. Мономах понимал, что нарушает договоренности и принципы Любечского съезда, но именно он пользовался на Руси чрезвычайной симпатией, чего нельзя было сказать об Олеге Святославиче-Гориславиче. В сознании населения именно Владимир выступал инициатором отражения половецкой угрозы. В 1116 году он отправил сына Ярополка вновь вглубь донских степей. Вновь были захвачены Шарукань и Сугров. А в третьем городке – Балине – молодому князю приглянулась дочь ясского (аланского) князя на которой он женился. Удары 1111 и 1116 годов заставили половцев отступить от границ Руси южнее. Здесь им пришлось столкнуться с остатками печенежских и торкских орд. Половцы разгромили их, заставив уйти под покровительство Владимира Мономаха. В 1117 году русские, кажется, покинули Белую Вежу, этот промежуточный опорный пункт на пути в Тмутаракань, которая в это время, вероятно, после смерти Олега Святославича, превратилась в византийское владение. С этого момента титул кагана никто из русских князей больше не носил.

Правильная стратегия и тактика обеспечили разрушение самой социальной структуры половецких войск, на какое-то время подорвали материальное благополучие степняков и их демографические ресурсы. Но в половцах Владимир видел не только непримиримых врагов. В своем «Поучении» Мономах гордо пишет о 19 заключенных мирах и отпуске из плена знатных половцев. В 1117 году он женил сына Андрея на внучке Тугоркана. Нельзя промолчать и о том, что не только Олег Гориславич приводил на Русь толпы воинственных кочевников. Сам Мономах с половецкими отрядами вторгся в Полоцкую землю, где сжег Минск. Такие дальние рейды станут предтечами татарских вторжений. Вообще следует заметить, что контакты с половцами дадут очень богатый опыт в отношении взаимодействия Леса и Степи. Уже в эпоху Золотой Орды кипчаки-половцы составят основную часть ее тюркоязычного населения. Их язык станет господствующим. Так что многие заимствования в

русский язык из тюркских произошли еще до монгольского нашествия. Вливавшиеся в русские дружины тюрки, захваченные и посаженные на землю половцы, пограничные «свои поганые», были теми элементами, которые интегрировались в древнерусское общество, внося в него свой колорит степного мира.

Половецкий натиск вкупе с постоянными междоусобными схватками не мог не отразиться на структуре расселения Руси. Земледельческое население вынуждено было постоянно выбирать между относительно спокойным, но трудным, образом жизни на севере и сытным существованием на плодородном юге, но при постоянном страхе за свою жизнь и свободу. И так случится, что во второй половине XI века оптимальным районом для миграции окажется Волго-Окское междуречье с его плодородным Суздальским ополем. Знал ли Мономах, что отправляя в свои северные владения молодого Георгия Владимировича, который известен нам как Юрий Долгорукий, он невольно наметит новые контуры страны?

По решению Любечского съезда Ростово-Суздальская земля закреплялась за родом Мономашичей. Долгое время эта территория своего князя не имела. Георгий-Юрий был еще мал, и к нему приставили Георгия Шимоновича, ставшего суздальским тысяцким. Судьба его рода весьма примечательна. Отцом Георгия был знатный варяг Шимон, прибывший на Русь во времена Ярослава Мудрого. Покинуть родину его заставили плохие отношения с дядей – тем самым Якуном (Хаконом), который командовал варяжскими наемниками в битве при Листвене в 1024 году. Шимон прибыл не один. С ним переселилось 3000 человек. Это, наверное, последняя крупная волна варяжской миграции на Русь. Ярослав принял его благосклонно и назначил воспитателем Всеволода – будущего отца Владимира Мономаха. Шимон крестился и стал богатейшим вкладчиком Печерского монастыря. Он чудом спасся в битве на Альте, избежав гибели и половецкого плена (1068). Не удивительно, что Владимир возложил обязанность наставника при юном князе на Георгия Шимоновича. Скандинавские материалы в Суздале и других пунктах Волго-Окского междуречья, относящиеся к 2-ой половине XI века, вполне могут быть следами «шимоновых варягов», следовавших за его сыном.

Пополняющийся новыми переселенцами край переживал время подъема, о чем свидетельствует рост городов. Это вызывало беспокойство Волжской Болгарии, видевшей в Ростово-Суздальской земле опасного торгового конкурента. В 1107 году войско волжских болгар осадило Суздаль. Отважная вылазка позволила разгромить врага. А в следующем году было завершено строительство укреплений нового города, получившего имя Мономаха – Владимира. Живший на далеком севере Юрий, с 1107 года женатый на половчанке, всегда поддерживал тесные отношения с половецкими ханами. Ему нужны были союзники в межкняжеских распрях, активным и непререкаемым участником которых Юрий Владимирович стал после смерти старшего брата – Мстислава (1132). Могли они оказаться полезны и в противоборстве с Волжской Болгарией. Для неприязненного отношения к болгарам у Юрия имелись личные мотивы. В 1117 его тесть Аепа и другие половецкие ханы были отравлены во время мирных переговоров в районе болгарской земли. В 1120 году Юрий совершил поход вниз по Волге и захватил большую добычу. Это показывает, что на Руси появился новый район, располагающий собственным мощным военным потенциалом. Потенциал этот использует Юрий в борьбе за Киев в 1140-х – 1150-х годах.

Незаметно в течение 2-ой половины XI – 1-ой половине XII века шел процесс территориальных изменений. Все большую устойчивость стали обретать те государственные образования, которые мы именуем княжествами. Перед Русью вставала перспектива не просто политической дезинтеграции, а разделения более глубокого. Привело ли бы это к распаду этнического единства, сказать трудно. Но то, что укрепление отдельных политических центров вело к обособлению связанных с ними земель – несомненно. Правление Мономаха в Киеве (1113–1125) и передачу им власти своему старшему сыну – Мстиславу (1125–1132), можно по праву считать золотым временем Древней Руси. Эти два десятилетия отмечены внушительными внешними победами, затуханием внутренних распрей. Киевские правители сосредоточили в своих руках власть подлинных монархов, что проявилось хотя бы в решительном шаге Мстислава по высылке полоцких князей в Византию. Киев по-прежнему оставался са-

мым крупным городом страны. Но традиция ассоциирования верховной власти над страной с пребыванием на киевском столе сыграет над Русью злую шутку. Киев становится яблоком раздора между группировками русских князей. Могли ли представить Мономах и Мстислав, что их дети станут непримиримыми противниками, союзниками которых будут выступать беспокойные потомки Олега Гориславича – Ольговичи, и половцы?

Все сильные князья рвались овладеть Киевом, этой традиционной столицей, этим общеродовым наследием. «Магия Киева» будет в равной степени захватывать умы Юрия Долгорукого и его племянника Изяслава Мстиславича, Всеволода Ольговича и Ростислава Мстиславича. Брат будет противостоять брату, племянники дядьям. Чтобы «коснуться золотого стола киевского» князья были готовы сидеть на нем вдвоем в качестве соправителей. После смерти Ярополка Владимировича (1139) Киев превратится в переходящий приз наиболее упорным, удачливым или попросту беспринципным. Несколько раз войска Ростово-Суздальской земли выступали в поход на юг. Весной 1155 года сбылась мечта всей жизни Юрия Долгорукого – он сел в Киеве. Он всегда в душе оставался князем «Русской земли». Далекое и обширное северное владение он рассматривал как опору для захвата киевского трона.

Совсем не таким окажется его сын – Андрей Боголюбский. Видно от половецкого деда досталась ему удаля в боевых схватках (черты монголоидности ясно проступают в его черепе), а от русского деда – знание страны и глубокий трезвый политический ум. Князь мог увлечься на поле боя, но не в политических играх. В 1154 году он совершил поступок, выглядевший в глазах многих современников совершенно непонятым. Имея все возможности оставаться на юге Руси, получив там какой-либо престижный удел, служащий трамплином для овладения властью в Киеве после смерти престарелого отца, Андрей без отцовского позволения отбыл в Ростово-Суздальскую землю. С юга он увозил с собой икону византийского письма, ту, которая получит название Владимирской Богоматери и станет символом Северо-Восточной Руси.

Дело, конечно, не в особых симпатиях князя Андрея к византийскому искусству. Византию больше любил его отец, женатый вторым браком на сестре императора Мануила I Комнина и вернувшего русскую митрополию греку. Андрей осознал, что Киев не может быть центром притяжения как прежде. Притягивал он теперь только князей и кого-то из их ближайшего окружения. «Русскую землю» он уже не объединяет, а разъединяет. Суздальский князь затеял укрепить свою собственную державу. Не гнаться за миражем киевского княжения, а господствовать на Руси, не покидая своих любимых резиденций. В лице Андрея Боголюбского мы сталкиваемся с политическим деятелем нового для Руси типа, с человеком, сознательно превращающим свою власть в монархическую. «Суздальский самовластец» реализовал на новом уровне идеи и планы Ярослава Мудрого. В его душе находили отклик и вызывали симпатию германские короли, императоры Священной Римской империи Конрад III и Фридрих Барбаросса. Не случайно в далекой Суздальской земле окажутся западноевропейские мастера, которые примут участие в создании нового архитектурно-художественного стиля, ставшего символом державы Андрея. Роскошная резиденция в Боголюбове не имевшая аналогов на Руси – тоже своеобразный символ. На Руси многие склонят головы перед могущественным князем, но это не значит, что он обретет сподвижников; здесь князь бежал впереди времени. Кажется особенно впечатляющим совпадение между судьбами двух непонятных и непонятых русских «деспотов» – князя Андрея Боголюбского и императора Павла I. Оба они будут убиты во вновь воздвигнутых резиденциях людьми близкого им круга.

XII столетие в истории Руси – особая загадка. Кажется, что началось оно только в 1113 году с вокняжением в Киеве Владимира Мономаха. Но XI столетие тоже закончилось раньше календарного срока, где-то после смерти последнего из Ярославичей – Всеволода (1093). Это время-безвременье, «межвековье», ушло на напряженную борьбу с половцами и на не менее напряженную внутреннюю перестройку древнерусского общества, которая позволила Владимиру Мономаху попытаться вновь объединить Русь под главенством Киева. На какой-то миг создавалось впечатление, что это получается. В 1117 году грозным окриком Владимир

вызвал к себе Мстислава и знатных новгородцев, вскоре арестованных. Мстислав, к тому моменту женатый на дочке новгородского посадника, навсегда распорстится со взрастившим его городом, ради продолжения политики отца. И правление старшего Мономашича будет действительно протекать в том же русле. Но что произойдет потом? Почему политическое единство Руси легко, как карточный домик, вновь распадется?

Ответ на эти вопросы так и не находит решения среди историков до сих пор. В марксистский период развития отечественной науки все списывалось на естественный процесс «феодальной раздробленности». Но уж больно не похож строй Руси XII века на классический западноевропейский феодализм. И вот почему.

В границах Каролингской империи еще в середине IX века был сформулирован принцип: «Нет земли без господина». В той или иной степени этот принцип в X веке распространился и шире. Военное сословие, становившееся наряду с духовенством господствующим, выстраивалось в иерархическую пирамиду, каждая ступень которой замыкалась в наследственную касту. Материальной основой власти становились земельные пожалования – фьефы. Их размер, степень устойчивости в их обладании напрямую были связаны с местом человека в феодальной лестнице. Все сословие светских феодалов составляло тяжеловооруженное конное воинство – рыцарство. Рыцарями являлись не только стоявшие на низших ступенях, но и все остальные, включая герцогов или королей. Иная ситуация была на Руси. В этом ее удивительная историческая двойственность.

Русь ощущала себя частью европейского христианского мира. В XI – первой половине XII века она была связана тесно не только с Византией, но и с остальной Европой, еще и не думая противопоставлять себя ее католической части (достаточно оценить широту брачных связей русских князей). Резкий культурный скачок, позволивший за короткое время на уровне городов создать видимость адекватного уровня развития, не мог обеспечить скачка социального. Люди быстрее усваивают знания и умения, чем формируют новые стереотипы поведения. Отдельные личности, может, да. А население страны в целом – нет. Прекрасная монументальная архитектура, мощные оборонительные сооружения, развитое ремесло, позволяющее не только обеспечить изысканные вкусы знати, но и снабдить превосходным вооружением конное русское воинство, обретавшее внешний вид европейских рыцарей, наконец, оригинальная письменная культура, основанная на кириллическом алфавите, придавали Руси внешний блеск.

Но стояло ли за ним то же что и на Западе? Не было ли все это результатом возможностей реализации экстенсивного развития в условиях возможности временной мобилизации ресурсов? Сразу стоит оговориться, что пути прогресса разные. У столь многообразной в природном отношении страны их всегда несколько, но реализация одновременно нескольких тенденций будет всегда порождать угрозу политического и территориального распада единства, как только исчезнет сила его поддерживающая. Княжеская власть такой силой быть перестала.

Принципы, выработанные на Любечском съезде, внешне выглядели как закладывавшие основу феодального землевладения. Но дело было как раз в том, что делилась не земля, как основа материального производства, а власть над проживающим на ней населением. Стремления крупных европейских феодалов и русских князей оказались противоположными. На Западе герцоги, графы, бароны стремились всеми силами закрепить за собой наследственное владение, что, разумеется, не исключало страстного желания его прирастить. Большинство Рюриковичей стремительно перемещалась по просторам Руси в поисках более выгодного «стола». Они мечтали занять выгодную позицию в лестничном древе, подобно велогонщикам на треке. Только эти гонки были бесконечным бегом за исчезающей властью.

С князьями перемещались и их дружины, которые претерпели в течении XI века кардинальное изменение по отношению к дружинам «героического периода». Экипированный не хуже рыцаря древнерусский дружинник XII столетия, не являлся им по сути. Следует заметить, что «младшая дружина» в подавляющем числе состояла из «отроков». Кем же они были? Внимательное изучение доступных источников показывает, что это слуги князя, лично

от него зависимые, не свободные люди. Многие из них были пленниками, рабами-челядинами, иноземцами. Особенно на процесс пополнения русской дружины тюрками, как говорилось выше, сказалась ситуация военного противостояния со Степью, особенно острая на рубеже XI и XII веков. Отроки обитали при дворе князя, занимались хозяйственными работами, выполняли полицейские функции и мелкие судебные поручения, выступали по первому сигналу на войну. Они содержались из княжеской казны, но недвижимого имущества не имели. Конечно, это было быстро мобилизуемое, хорошо подготовленное войско. Однако содержать большую дружину такого типа становилось крайне сложно. Количество воинов напрямую зависело от доходов князя. Даже могущественные князья вряд ли могли себе позволить содержать контингенты превышающие несколько сотен, в редких случаях тысяч воинов.

Но не все члены «младшей дружины» были слугами-отроками. Известна еще одна категория – «детские». Это уже вольные военные слуги, обладавшие дворами, их социальное положение выше. «Детских» можно рассматривать как прототип позднейших дворян и детей боярских. «Старшую дружину» составляли бояре. Потомки Владимировых и Ярославовых дружинников, местной «нарочитой чади», они, по идее, должны были стать промежуточными ступенями в феодальной лестнице, если бы такая на Руси начала формироваться. По образу жизни, тесно связанные, в силу жизненных обстоятельств, с тем или иным городом и его волостью, обраставшие дворами и селами, они были ближе всех к земле. Но связь с конкретным князем гнала их зачастую с насиженных мест, забрасывая свои дворы на попечение управляющих, рискуя вернуться на разоренное пустое место.

В этно-культурном плане эта мобильность правящего слоя Руси оказывала влияние сближающее. Из города в город переходили не только князья, бояре, дружинники, но и строительные артели, быть может, ремесленники. Не брезговали во время распрей князья и бояре «ополониться», пересаживая захваченное население из земли в землю. Далеко не все могли вернуться в родные места. Это и порождало странный эффект: при крайней политической раздробленности на Руси протекал процесс дальнейшей этно-культурной интеграции.

Важную роль стали играть города. И дело не только в количественном росте их населения. Население росло повсеместно. В сельской местности осваивались новые территории, и, хотя до так называемой «внутренней колонизации», вылившейся в Европе в масштабные «великие расчистки», на Руси было еще далеко, но все больше поселений выходит на водоразделы, основывается в нетрадиционной топографической ситуации. Роль городов возрастает в связи с тем, что они начинают вести свою политическую линию. Постоянное население городов, кем бы оно ни было – боярами, ремесленниками, купцами, духовенством – стало отчетливо ощущать свои собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами князей.

Первыми выступили, конечно, Новгород и Киев. Уже в XI веке наблюдались случаи отказа принять в город конкретного князя. И хотя древнерусские города не мыслили своего управления без княжеской власти, стремились иметь именно князя, а не его наместника, хотя они ни в какое сравнение не идут в этом отношении с западноевропейскими городами-коммунами, нет сомнения, что в них, по крайней мере, в достаточно крупных, сложилась собственная военная организация (масштабная война не обходилась без городских полков и ополчений их областей) и самоуправление. Не случайно, после смерти Мстислава Великого в Новгороде и Киеве произойдут события ранее не виданные.

После ухода Мстислава Владимировича на юг княжеский стол в Новгороде занял его сын Всеволод. В общем, первоначально у новгородцев с ним были вполне благожелательные отношения. Он продолжил активную «чуждую» политику отца. Новгород контролировал восток Эстонии, периодически совершая туда походы. Всеволод продолжил и монументальное строительство, начатое Мстиславом. Один за другим возносились в небо купола соборов, Георгиевского, Никольского, других. Процветала торговля. Но видно бес попутал князя. После смерти отца (1132) его потянуло в «Русскую землю», хотелось ему в Переяславль, в котором сидел до этого дядя Ярополк, ушедший в Киев. В результате переяславского стола он

так и не добился, но вот битву на Ждане-горе проиграл. Тогда, зимой 1134/1135 года новгородцы потерпели сокрушительное поражение от суздальцев. Такого еще не случалось. Новгородцы припомнили князю все: и «не блюдение» смердов, и поражение от суздальцев, и бегство первым с поля боя, даже приревновали к Переяславлю... В общем, князь с семьей оказался под арестом, а затем его изгнали из города. Всеволод приехал в Псков, где был хорошо принят. Настолько хорошо, что приглашенный в Новгород князь Святослав (сын Олега Гориславича и отец главного героя «Слова о полку Игореве»), отправившийся на псковичей с новгородцами, курянами и половцами, повернул обратно. Но Всеволод вскоре в Пскове скончался. Его признали местным святым, а меч Всеволода-Гавриила до сих пор остается почитаемой реликвией (правда под этим названием хранится рыцарский клинок XV века).

В 1147 году в Киеве князь, правда, за год до того постриженный в монахи, был попросту убит. Это уже, как говорится, «ни в какие ворота не лезло». А тем же «летом» на Москве состоится пир Юрия Долгорукого со своим союзником – черниговским князем. И так на страницах летописи впервые возникнет название нынешней столицы России. Еще в этом году саксонский герцог Генрих Лев, отказавшись от участия во Втором крестовом походе, вы просит у папы буллу, позволяющую расценивать походы на Прибалтику, где до сих пор обитали язычники, как такое же богоугодное дело. С этого начнется формирование территории Пруссии, ставшей ядром этнической консолидации немцев, но тогда же будет забит первый клин в трещину между православной Русью и католическим Западом.

А пока во второй половине XII века Русь служила буфером между Европой и степным миром. Половцы, потрепанные в его первые десятилетия, не помышляли о прорывах на запад. Напротив, большая орда под предводительством хана Атрака ушла на Северный Кавказ и в Грузию, где поступила на службу к царю Давиду Строителю. Только спустя много лет хан вернется в причерноморские степи, где у него родится сын Кончак – противник Игоря в походе 1185 года, ставшем поводом для написания знаменитой древнерусской поэмы. Половцы тридцать лет не нападали на Русь, довольствуясь участием в княжеских междоусобицах. Некоторые становились христианами, носили русские имена. Бывали, особенно в последних десятилетиях XII столетия, достаточно опасные набеги. Особенно осложнил положение гибельный поход Игоря Святославича в 1185 году, полностью оголивший от защиты черниговское пограничье. Но это противостояние, несмотря на ряд драматичных моментов, уже не было столь тотальным как 100 лет назад. Показательны реальные отношения двух героев-антиподов «Слова о полку Игореве» – Игоря и Кончака.

Впервые хан и князь столкнулись в 1174 году. Характерно, что когда один шел в набег на Русь, другой отправился грабить половецкие кочевья. Верх в этом столкновении осталась за новгород-северским князем. Вовлеченный в неутрачивающую борьбу русских князей за Киев, Кончак даже заключил союз с Игорем. Но в битве на реке Черторый союзники потерпели поражение. Кончак потерял в сражении брата, а два его сына попали в плен. Самое удивительное, что князь и хан оказались в одном корабле: «...вскочивше в ладью, бежа на Городец к Чернигову». Такая боевая дружба сблизила их настолько, что новгород-северский князь в 1183 году отказался от похода на половцев, за что обидевшиеся русские разорили несколько городков Игоря. Видеть в Игоре борца «за землю Русскую против половцев» нет никаких особых оснований. Отказываясь от участия в совестных походах против степняков в первой половине 1180-х годов, он не преминул воспользоваться их ослаблением в 1185. Судьба покарала князя, точнее его войско. Сам Игорь останется невредим, будет почетным пленником Кончака, бежит на Русь. А оставшийся в плену его сын женится на дочке Кончака и из плена вернется уже с прибавлением потомства. Хан тоже как-то успокоится, последние упоминания о его враждебных действиях в отношении к Руси содержатся под 1187 годом. Половцы привыкли к русским, а русские к половцам... Кто знает, что было бы дальше если не монголы?

Попробуем определить структуру территории Руси и возможные перспективы ее развития на рубеже XII и XIII веков, до того момента, когда в ее истории появятся два мощнейших фактора, поставивших определенную альтернативу. Существенно изменилась историко-

географическая структура страны. Конечно, вмешательство человека не исказило еще ее ландшафт в ощутимой степени. Продолжали действовать пути, проложенные в предшествующую эпоху. Люди как и прежде путешествовали «из Варяг в Греки». Но появились новые районы земледелия. Новгород впадал периодически в зависимость от завоза хлеба из «Низовой земли», произраставшего на нивах ополей Волго-Окского междуречья. Все большую роль стали играть сухопутные дороги.

Если путь «из Варяг в Греки» был стержневой осью восточноевропейского пространства в X–XI веках, то к началу XIII, он, скорее, напоминает «ось симметрии». Если отказаться от взгляда на ставшую привычной со школьной скамьи карту Руси этого времени как карту «Русских княжеств в XII – начале XIII века», тем более не все они были в равной степени устойчивыми политическими образованиями, то можно заметить нечто интересное.

К северу и востоку от Днепра выделяются две большие зоны. Одна из них – это Новгородская земля, включавшая и владения Пскова. Спецификой этой территории, как уже отмечалось, является наличие «супергорода», где сосредоточена значительная часть торговли, ремесленного производства. Здесь резиденция единственного на Руси архиепископа, здесь проживает и реализует свои политические амбиции господствующий слой новгородского общества, превращающегося в замкнутую касту – боярство. Вечевые новгородские порядки будут казаться многим формой древнерусской демократии. Но это «демократия», за редчайшими исключениями, руководима кланами аристократии новгородских районов-концов. Боярская аристократия Новгорода с переменным успехом будет отстаивать «вольности», лавируя между группировками русских князей, но чаще, выясняя отношения между собой, поддерживая различные кандидатуры на должности посадников и тысяцких. Огромные пространства Русского Севера, во много еще заселенные группами не до конца ассимилированных финно-угров, обладали колоссальными ресурсами, изрядно подисчерпавшимися на остальной территории Руси. Торговля с Европой будет стимулировать их освоение. Новгородская держава – это Северо-Западная Русь, в какой-то мере к ней тяготеет Полоцк и Полоцкая земля.

Вторая зона – Русь Северо-Восточная, Русь Залесская. Со времени правления Андрея Боголюбского ее политическим центром стал Владимир на Клязьме. Отстроенный в подражание и «в пику» Киеву, он как бы символизировал открывающиеся возможности смещения сюда центра страны. Как и Новгородская земля, Северо-Восточная Русь имела возможность развития на восток, в Заволжье и далее в сторону Приуралья. Князь Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо (1174–1212) – основатель рода из которого выйдут московские государи и их злейшие противники, тверские князья, будут вести политику противоположную новгородской. Если Новгород старательно ограничивал рост городов на своих землях, отводя им в основном роль крепостей и опорных пунктов (выделяются только Ладога, Псков, Старая Русса, да Торжок), то владимиристо-суздальские князья уделяли огромное внимание строительству Владимира, Переяславля Залесского, Углича, Городца Радилова, Твери и прочих. Исключительное положение «старых» Ростова и Суздаля быстро померкло. Контроль над «Белозерским анклавом» открывал «низовым» князьям пути в земли, традиционно контролируемые Новгородом. Колонизационные потоки освоения Русского Севера сливались в области Заволочья.

Сильная княжеская власть Северо-Восточной (Залесской) Руси опиралась на широкую поддержку. Владимирские князья вполне могли установить здесь стабильность и порядок, ведь не отягощенная наследием «Русской земли» в узком смысле слова Северо-Восточная Русь представляла собой почти чистый лист бумаги, на котором можно было сформулировать новые политические доктрины. Удаленность от Степи давала ей возможность не напрягать силы в борьбе с половцами. На нее, как на Киев, не зарились другие ветви разросшегося древа Рюриковичей, кроме потомков Юрия Долгорукого. Даже церковь, для христианизаторской деятельности которой оставалось широкое поле, становилась менее зависимой от Киевской митрополии. Волжская Болгария, испытавшая мощь ударов залесских полков, превратилась в выгодного торгового партнера. Неудивительно, что Северо-Восточная Русь без ка-

ких-либо видимых внешних влияний станет на путь медленной, специфической, но все же феодализации, при сильной власти князя, сидящего во Владимире. Владимирским князьям удастся властно управлять князьями Залесья, превращая в вассалов не только князей всей Ростово-Суздальской земли, но, фактически, и Рязанской.

«Русская земля» внешне казалась все такой же величественной. Именно здесь находились такие древние центры как Киев, Чернигов, Переяславль. Множество городов было окружено богатыми селами. Половецкая угроза постепенно отходила на задний план. Но вечная политическая нестабильность делала неясными ее дальнейшие перспективы. Ее пути развития были наиболее смутны. Чем-то она напоминала тот образец, с которого долго вольно-невольно лепилась – Византию.

Наконец ветвь старших Мономашичей, закрепившаяся на юго-западе Руси, ощутила ее огромный потенциал. Пограничное положение с Западом создавало массу преимуществ, но не исключало определенных проблем. Богатейшие земледельческие районы с плотным населением, не испытывавшие ужасов половецких вторжений, растущие города Галич, Владимир-Волынский, Тербовль, Луцк и другие, выход к мощной европейской торговой артерии – Дунаю, превращали этот край, равный по размерам территориям крупным европейским королевствам, в мощный центр притяжения. Не случайно князья Галицко-Волынской Руси были одними из основных претендентов на Киевский стол, желали придать своему положению королевский статус. Их вечной проблемой оставалось мощное боярство, пытавшееся ограничить княжескую власть. Только Юго-Западная Русь знала прецеденты провозглашения князем боярина, а не Рюриковича, казней князей.

Еще остается Смоленск и Смоленская земля. Кажется сама природа расположила этот город так, чтобы со временем он стал центром объединения державы, распад которой в середине XII века был объективен, неизбежен и даже полезен (помните: «Чтобы объединиться – необходимо размежеваться»). Если бы развитие Руси шло и дальше в направлении развития описанных выше более-менее крупных государственных организмов, каждый из которых не уступал размерами Польше, Чехии или Англии, то быть может вновь путь «из Варяг в Греки» обрел характер вертикального стержня русского пространства, а не превратился на время в пограничную реку? Может быть тогда Смоленск не выступал бы в роли переходящей из рук в руки передовой крепости, а горизонтальная ось Западная Двина – Ока не стала одним из стратегических направлений ведения боевых действий?

Может быть, но история не знает сослагательного наклонения.

ДВА ПУТИ – ОДИН ВЫБОР

Страшный для Руси XIII век наступил почти в свой календарный срок. В 1203 году произошло событие потрясшее Русь. Князь Рюрик Ростиславич, долго боровшийся за Киев, с отрядами половцев овладел городом и подверг его страшному разорению. Нет, конечно, с боя Киев брали и ранее. И тогда не обходилось без грабежа. Но то, что произошло на этот раз, вызвало взрыв возмущения по всей Руси. Даже новгородские летописи, более внимательные к событиям на севере, посвятили обширные пассажи этому событию. Рюрик цинично поделил поровну добычу со своими союзниками (и так же цинично напал на половцев по зиме). Были ограблены церкви и монастыри, монахи уведены в кочевья, город подожжен. А на следующий год подобная участь постигла Царьград – Константинополь.

Отправлявшееся в Четвертый крестовый поход «Христово воинство» до Палестины на этот раз не добралось. Прибывшие на венецианском флоте под стены Константинополя, крестоносцы осадили город. После смерти в 1180 году Мануила I начался стремительный закат Комниновской Византии. Терпящая военные неудачи, переживая внутренние смуты и потрясения, она стала легкой добычей западных рыцарей. 9 апреля 1204 года крестоносцы начали штурм Константинополя и на четвертый день он пал. Город подвергся грабежу. На 57 лет Византия прекратила существование. На ее обломках сохранилось несколько греческих владений, остальную же территорию заняла Латинская империя, организованная по принципам

крестоносных государств на Ближнем Востоке. Еще не оправившаяся от потрясения, вызванного разгромом Киева, Русь узнала о захвате столицы православия «латинами».

Начало XIII века ознаменовалось коренным изменением ситуации отношений между Русью и католическим Западом. В 1201 году в устье Даугавы (Западной Двины) епископ Альберт основал Ригу. Началась христианизация земель прибалтийских племен – Ливонии. Для успешного военного захвата этой территории был создан духовно-рыцарский орден меченосцев. Поначалу русских это не сильно беспокоило. Как рассказано в предыдущей главе, крестовые походы вызвали даже некоторую симпатию. Только падение Константинополя стало первой струей отрезвляющего душа. Но не сразу события, происходившие на Балтике и в Византии, были поставлены в одну связь. В шведском наступлении на земли финнов, развернувшемся в середине XII века, новгородцы конечно не могли не углядеть угрозу своим интересам, но воспринималась она как нечто неопределенно-отдаленное, нежели вполне реальный Андрей Боголюбский, подступавший к самым стенам Новгорода. Не вспугнул их и приход под Ладогу «свейской рати» на 55 судах-шнеках в 1164 году. Враг после непродолжительной осады вынужден был ретироваться, понеся при этом потери.

Ощущение угрозы пришло, только когда меченосцы начали завоевание Восточной Эстонии, сферы непосредственного новгородского влияния. До этого под командованием Мстислава Удалого новгородцы, не обращая внимания на действия Ордена, благополучно совершали грабительские походы на эстов (1212, 1214). Продолжались они и позднее. Новгородцы с гордостью вносили в летописи фразы об избииении мужчин, захвате детей и женщин, уничтожении скота (а ведь писали это люди духовного сана!). Чуди приходилось даже обращаться за помощью к немцам (1218). Зажатые «между молотом и наковальней», эсты пытались из двух зол выбрать меньшее.

В 1216 году новгородцы нанесли сокрушительное поражение суздальской рати в битве на Липице. С поля боя бежал Ярослав Всеволодович – отец Александра Невского. Бежал настолько поспешно, что потерял свой шлем, который был найден спустя века на месте битвы и ныне хранится в Государственном историческом музее и который, обычно, водружают на голову его сына – победителя в Ледовом побоище, современные художники и скульпторы. Новгородцы долго считали, что основная угроза исходит из «Низовой земли». Только с 1220-х годов они поймут, что немцы пришли на земли Чуди не как они, пограбить и обложить данью, но чтобы закрепиться. И тогда они обратятся к владимирскому князю Юрию и тот пришлет им брата – того же Ярослава Всеволодовича. Но будет уже поздно. В 1224 году падет Юрьев, превратившись в резиденцию епископа – Дерпт. А годом раньше Руси придется столкнуться с новым противником – монголами.

Этот неизвестный ранее враг неожиданно появился в половецких степях. Но то был только передовой отряд завоевателей. Два тумена, два кавалерийских десятитысячных корпуса под командой опытных полководцев Чингисхана – Субудая и Джебе, преодолели огромные пространства, разбили в 1222 году грузинское войско царя Георгия Лаши, разгромили аланов и напали на половцев. Хан Котян обратился к своему зятю Мстиславу Галицкому. Русские князья оценили опасность. Такими перепуганными они, половцев, пожалуй, никогда не видели. Половцы буквально на коленях умоляли помочь, некоторые крестились.

Надо заметить, что причину поражения Руси от монголов видят в разобщенности действий отдельных земель. События 1223 года показывают – не все так просто. Для отпора неведомому захватчику удалось сплотить силы Галича, Киева, Чернигова, то есть главных центров южной половины страны. Сплотились и половцы. Но привычный способ борьбы со степняками, способ привычной войны между русскими и половцами, дал сбой. Перед ними оказалась не орда воинов-пастухов, а закаленная в боях армия, скованная железной дисциплиной, одержавшая огромное количество побед, только за последние пять лет прошедшая Среднюю Азию, Иран, Закавказье, кипчакские степи. Русско-половецкое войско было заманено в глубь безводной степи. Растянувшаяся на походе рать союзников оказалась смята, киевские отряды окружены и блокированы в укрепленном лагере. Любопытно, что посредниками в переговорах об условиях капитуляции выступили некие бродники. Быть может они

являлись своеобразной предтечей казаков, вольным разношерстным населением, обитавшем на степном пограничье. Славянское происхождение имени их предводителя – Плоския – не вызывает сомнения. Плоския обманул русских. Князья умерли под настилом, на котором монголы праздновали победу. Большая часть войска погибла в степях между Калкой и Днепром. Битва на Калке застрянет кровотокающей занозой в эпической памяти. С ней будут связывать гибель богатырей и исчезновение их в Русской земле. Но на Русь армия Субудая и Джебе не пошла. Она вернулась в Монголию по Великой Степи. Это была только стратегическая разведка.

В 1227 году умер монгольский хан Темучин, более известный под именем Чингисхана. Объединив монгольские и другие кочевые племена Центральной Азии, ему удалось захватить север Китая и Среднюю Азию. Хан завещал потомкам продолжить покорение мира. Тема державы монголов тесно связана с проблемами Великой Скифии, но она слишком объемна и специфична. Роль монгольского завоевания в истории народов Евразии волнует умы людей в течение нескольких столетий. Мы же обратимся к его последствиям для Руси и его влиянию на превращение ее в Россию.

В 1235 году состоялся курултай, общемонгольский съезд знати. На нем было принято решение продолжить покорение «земель Запада». В поход отправлялись 14 ханов-чингизидов. Его предводителем стал внук Чингисхана Бату (Батый русских летописей). Сколько войск двинулось на запад остается спорным. Армия в этом великом походе как неслала потери, так и пополнялась остатками разгромленных кочевых объединений. Разумеется, этнические монголы не могли составлять в ней этнического большинства, но они были ее ядром и командным составом. Наиболее вероятны оценки в диапазоне от 100 до 150 тысяч, ведь число туменов должно было соотноситься с количеством ханов-чингизидов в него выступивших. Тумен, конечно, не всегда реально насчитывал 10000 воинов, это скорее желательная норма. Но каждый тумен, как показал поход Субудая и Джебе, представлял собой грозную армию, способную решать самостоятельные задачи.

Первыми удару подверглись обитатели части Великой Степи, называемой Дешт-и-Кипчак. Половцы южнорусских степей были родственны этому тюркоязычному населению, связаны с ним общностью происхождения. Монголы же считали их своими «конюхами». В 1236 году монголы обрушились на Волжскую Болгарию. На Русь потянулись беженцы из этой страны. Осенью 1237 года армия Бату подступила к рязанским рубежам.

Что произошло потом? Каковы были масштабы и последствия «Батыева погрома»? Стала ли зима 1237–1238 года роковой гранью, подведшей черту под историей Древней Руси? От ответа на эти вопросы многое зависит. Не претендую на окончательные оценки, но выскажу свое мнение. Особенно это кажется актуальным в связи с частыми спекуляциями, представляемыми как развенчание исторических мифов, но на деле оказывающихся самым натуральным мифотворчеством.

В первую очередь, я имею в виду труды Л. Н. Гумилева. Уважаемый историк явно страдал симпатией к завоевателям. Де и не хотели они никого покорять, а только отбивались от врагов. Конечно, чтобы отбиться от всех врагов, ну просто необходимо «дойти до последнего моря». Эти рассуждения остается проиллюстрировать одной китайской миниатюрой, изображающей Чингисхана. Такой миленький дедушка на добренькой лошадке, улыбается, даже сокол на руке выглядит как голубь. Естественно, приписывать исключительно монголам природную свирепость и коварство глупо. Они в равной мере характерны для всех варваров, сталкивающихся с цивилизацией или между собой. Этот период в развитии древних обществ, который иногда именуют «военной демократией», к сожалению, почти всегда сопровождается жестокой экспансией: вспомним хотя бы наших братьев-славян на византийских Балканах. Жестокость не столько рациональное средство устрашения, а, скорее, воплощение всего комплекса верований, тесно связанных с воинскими ценностями варварского общества. Но от этого не легче. Не легче было ни населению Восточной Римской империи в VI–VII веках, ни русским в XIII.

Создатель теории пассионарности «бросил» в далекий поход Батыеву конницу с целью отмщения половцам за принятых 20 лет назад беглецов-меркитов, а на рязанцев монголы «наехали», и «конкретно» (попросили десятую часть от всего – людей, князей, коней...), за то что послов Субудая и Джебе убили киевляне и галичане. И так далее. Поход на Русь в 1237–1238 годах, видите ли, просто был фланговым рейдом, рядовым карательным набегом справедливых мстителей, которому в общем-то не следовало сопротивляться, особенно «утратившим пассионарность» наследникам Киевской Руси. Больше пересказывать эту, простите, галиматью нормальный историк, да и любой человек, почитавший древнерусские летописи или знакомый с сочинением персидского историка Рашид-ад-Дина, просто не сможет. Другой крайностью является представление о высокой миссии русского народа, принесшего себя в жертву ради спасения Европы. Любят даже привести цитату из А. С. Пушкина, про бескрайние русские просторы, поглотившие силу монголов. И то, и другое бесконечно далеко от страшной, трагической реальности, расколовшей историю Руси на «до и после»...

Могла ли Русь дать монголам отпор? Это не вопрос военно-стратегической игры. Но даже если мы переместились в виртуальную реальность, следовало бы изучить ее условия. А условия складывались самым не лучшим для Руси образом. Первым делом, новый противник был неизвестен. Привыкшие веками противостоять степнякам русские князья и воеводы мыслили степняков достаточно стереотипно. В их глазах они выглядели теми же половцами, с которыми Русь имела дело более полутора веков. Самоутешительная логика подсказывала, что половцы не совершают крупных вторжений зимой. Летом им недоступны лесистые и болотистые районы. Половцы сами не ходили дальше Киева или Рязани. Численность их орд, даже в лучшие времена вряд ли превышала 30–40 тысяч человек, где далеко не все являлись полноценными бойцами. Эти орды были разобщены. Но самое главное половцы не любили и не умели брать города. За всю историю русско-половецких войн известен лишь один случай попытки применения метательных машин кочевниками. И то, орудия делались под руководством какого-то мусульманина, и до их использования дело не дошло. Русские и сами предпочитали брать города с налета, «изгоном». Неудивительно, что они не выработали способов активной обороны укреплений, помимо вылазок. Все эти стереотипы монголы разрушили. Успех вторжения их туменов, проникших в считанные недели в глубинные пространства Руси, породил ужас и удивление, вполне сопоставимые с шоком от прорыва немецких армий в 1941 году к Москве, Ленинграду, Севастополю. Только вот тылов и неисчерпаемых людских резервов у русских княжеств не было.

Армия Батыя, а это все-таки именно армия, а не орда, вела боевые действия одновременно на нескольких направлениях. Это требовало разделения войск. Кого-то надо было оставить в Степи для охраны кочевий и обозов. Поэтому войска вторжения могли составлять половину, может быть и меньшую часть от общего количества воинов. Но даже если осенью 1237 года к границам Руси подошло 50–70 тысяч всадников, это была огромная, колоссальная сила. Такую армию, обладающую соответствующей подготовкой и организацией, Россия сможет выставлять только с первой половины XVI века. Отдельные крупные земли при напряжении всех сил собирали не более двух десятков тысяч воинов, среди которых профессиональные бойцы составляли едва ли пятую часть. Такие рати были, слабо подвижны, плохо управляемы. Иногда именно крупная численность являлась причиной их поражения и гибели даже без прямого столкновения. Подавляющее превосходство войск Батыя в поле сказалось в первой битве под Рязанью. Подобная ситуация повторится при Коломне и на Сити, хотя русские дружины могли наносить в бою и чувствительные удары. В Коломенской битве погиб хан Кулькан, младший сын Чингисхана.

Оставалось надеяться на стены городов. Но сами города были сравнительно не велики. Население стольных Владимира и Рязани вряд ли переваливало за 10000 жителей. Число их защитников многократно уступало осаждавшим, даже если это был один тумен. Что говорить о других городах. Как ни странно, именно маленькие Торжок и Козельск тяжелее всего достались монголам. Компактные укрепления позволяли защитникам действовать согласованней, а численный перевес штурмующих компенсировался невозможностью развернуть

все эти силы сразу. Города были обречены. Монголы овладели самыми передовыми для того времени способами осады. Их тараны и метательные машины, в сочетании с постоянным ливнем стрел, выбрасываемых тысячами луков, делали свое дело.

Один за другим гибли города Северо-Восточной Руси, одна за другой терпели поражение рати. Теперь уже не сказать, что спасло Новгород – значительные потери завоевателей или грянувшая распутица. Но ясно, что добыча досталась не без крови. Население постигала ужасная участь истребления и плена. С таким погромом, а главное в таких территориальных масштабах Русь еще не сталкивалась. Редкий город Залесской земли не подвергся разгрому в страшную зиму 1237/1238 годов. Некоторые, как Рязань, на прежнем месте уже не восстановятся.

Какие непосредственные последствия вызвал первый этап нашествия, затронувший пока Северо-Восточную Русь и самую окраину Северо-Западной? Основной удар, естественно, пришелся по городам. Дело не в том, что огонь уничтожал дома и хоромы, грабилось добро. Гибли или уводились в плен люди. Среди них были, вероятно, жители окрестных селений, «забывшиеся» в осаду, но основную часть, все же, составляли горожане. Гибель или увод в плен городского населения – это не только потеря носителей определенных ремесленных и культурных традиций, это еще и разрушение социальной структуры города. Дома и усадьбы можно срубить, ремесленников – зазвать, духовенство – пришлют. Но пройдет большое время, прежде чем эти люди станут единым населением конкретного города, а не просто его жителями. Со временем, русские усвоят, что беречь надо именно людей городов, а не цепляться за города, обрекая горожан на славную, но верную гибель. И тогда, при приближении больших ратей ордынцев, горожане будут разбегаться. Это не только проявление страха, это инстинкт самосохранения, не только отдельных людей и семей, а страны.

Нашествие было страшным, но о его отдаленных последствиях на Руси еще не догадывались. Тот же стереотип теперь утешительно нашептывал: «Плохо, но было и прошло. Ушли ведь, не остались». Останутся, да еще как останутся! Но не в стране, а под боком у нее. И неизвестно что хуже. История тех же монголов подсказывает, что кочевник не превращает оседлого в подобного себе – завоевав его страну, он в ней растворяется и теряет власть. Власть монголов падет в Иране и Китае куда как раньше, чем на Руси. Но об отношениях Руси и Орды, о «прелестях» ига (для одних историков) или союза (для других) – несколько позднее.

Насколько разошлись пути «Русской земли» и Северо-Восточной Руси свидетельствуют как беспечное поведение южных князей, до последних месяцев вырывавших друг у друга киевский стол, так и последовательность монгольских ударов. С чем, с чем, а с разведкой и осведомленностью у монголов тоже было все в порядке. Они всегда могли найти нужных им людей (вспомним Плоскиню на Калке). В 1239 году пал Чернигов, а в декабре 1240 года монголы после упорной обороны взяли Киев, один из крупнейших городов Европы превратился в руины. Дальше их войска двинулись в Галицко-Волынскую землю. Весной 1241 года они вторглись в Венгрию, Польшу и Чехию. Западное воинство потерпело поражение в битве при Лигнице, на реке Сайо разгромлены венгерские войска. В 1242 году Бату достиг Адриатического моря. Европа замерла в ужасе. Но по неясным европейцам причинам монголы повернули назад в Степь.

Для самих монголов подоплека возвращения Бату в Поволжье была ясна. В то время как их войска находились в сердце Европы в Монголии скончался великий каан Угедей. К власти в Каракоруме пришел его сын Гуюк, один из предводителей похода на запад и соперник Бату. Процесс распада великой монгольской державы начался еще задолго до того, как выдохся наступательный порыв завоевателей. Но теперь каждая из ее частей-улусов вела самостоятельную политику. Улусы сами по себе оказались огромными империями, обладающими колоссальными военными ресурсами. Столкновение между ними стало вскоре неизбежно. В 1243 году Бату в покоренных кипчак-половецких степях основал собственную державу – Золотую Орду, а в 1248 году против него выступил Гуюк. Но великий каан при невыясненных обстоятельствах скончался в походе, война не состоялась.

Монгольское вторжение, естественно, изрядно выкосило ряды верхнего социального слоя русских земель, подпавших под удар. В первую очередь, это касается князей Северо-Восточной Руси. Из рязанских и владимирских князей спаслись единицы. Старшим среди них оказался Ярослав Всеволодович, сидевший в Новгороде в страшную годину «Батыевой рати». После гибели на Сити старшего брата он стал владимирским князем. Ему то и выпала сомнительная честь прибыть по вызову Бату в его ставку в 1243 году. Некоторые говорят – союз с Ордой. Союзы – по вызову не заключают. Систему сформировавшихся отношений, на мой взгляд, верно характеризует слово «иго», если вернуться к его изначальному смыслу. Иго – это скрещенные копыя, под которыми победители прогоняют капитулировавших побежденных, заставляя их пригнуться, поклониться. «Иго» – это не завоевание, иго – это унижение и угнетение потерпевших военное поражение, принятие условий одержавших верх, их воли, изъявление покорности.

Монголам довольно трудно было разобраться в системе старшинства на Руси, ведь она, по сути, имела очень запутанный характер и для самих русских. Им оказалось проще назначить старшего («Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке» – вложил в уста Батыева летописец). Владимирскому князю был выдан ярлык (грамота) на великое княжение. Надоумил кто монголов, или они интуитивно нащупали один из самых эффективных инструментов властвования над Русью – мы никогда не узнаем. Но то, что «морковка» ярлыка на великое княжение окажется идеальным в условиях Руси сочетанием принципов «кнута и пряника» и «разделяй и властвуй», несомненно. Теперь не занятие стола в дотла разоренном Киеве, а получение ярлыка из рук золотоордынского хана делало князя старшим среди остальных. Нащупанная система получила позднее дальнейшее развитие в виде особого материального доверка – Владимира и его волостей – которые после смерти Александра Невского станут передаваться князьям, получившим ярлык на великое княжение. С этого момента слава древнего Киева окончательно померкнет. Можно сказать, что монголы развеяли киевский мираж.

Русь оказывалась как бы в двойном подчинении. Бату был близко, но в Каракоруме сидел Гуюк, формально считавшийся главой всех монголов, какие бы земли они не покорили. Ярослав отправился в Монголию, подтверждать свои права на верховную власть над Русью. Там в 1246 он умер или, скорее был отравлен, в результате интриг в ставке великого хана. Александр Ярославич несколько раз ездил в Орду. Однако великим князем, игнорируя старшинство, сделали его брата Андрея. Из знакомства с монголами каждый из братьев сделал свои выводы и свой выбор.

Европейский мир бурлил. Монголы, конечно, его испугали, но их вторжение было коротким, оно не затронуло Италию, Францию и Германию. В кругах близких к папе римскому бродили идеи христианизации монголов и создания антимусульманской коалиции. Один за другим с крайнего запада на крайний восток потянулись посланцы-резиденты. «Схизматики русские» становились одной из карт в большой европейской игре. Сравнительно быстро оправившаяся от удара Галицко-Волынская Русь, где власть крепко держал князь Даниил, укрепив свой политический авторитет победами над венграми и монгольскими отрядами Куремсы, стала претендовать на объединение Юго-Западной Руси и превращения ее в самостоятельное королевство, ориентирующееся на Европу. Важным шагом стало принятие Даниилом Романовичем королевской короны. Иллюзию независимости от монголов питал и Андрей Ярославич, в 1250 году женившийся на дочери Даниила. Эти надежды подпитывались затянувшимся до начала 50-х годов XIII века противостоянием монгольских улусов. Но ситуация вскоре резко изменилась.

В 1252 году на Северо-Восточную Русь нахлынула «Неврюева рать». По масштабам разорения она мало уступала нашествию 1237/1238 годов. Прямых указаний на то, что она была инспирирована Александром Невским нет, но объективно именно она отдала в его руки великое княжение. Андрей Ярославич бежал в Швецию. В 1260 году известный монгольский полководец Бурундай, победитель в битве на Сити, заставил склонить голову Даниила. Укрепления его городов были скрыты. Наступал новый период русско-монгольских отношений.

Еще в 1240-х годах монголы потребовали «число» от Киевской земли. То есть осуществили неизвестный на Руси ранее способ обложения данью. Древняя Русь не знала переписей населения и взимания податей на их основе. Необычный, непривычный учет податных единиц вызвал резкое сопротивление. Можно по-разному объяснить мотивы этой реакции, особенно бурно проявившейся в Новгороде. Дело, видимо, не в самой тяжести налагавшихся сумм «ордынского выхода», как называли дань ханам. Опись означала ущемление свобод, нарушение естественных отношений между общинами и властью. Александр Невский вынужден был принять карательные меры, чтобы насадить наконец в 1259 году «число» в Новгородской земле. Сбор податей в ханскую казну отдали мусульманским купцам, именуемых на Руси бесерменами. В Орде в 1255 году к власти пришел брат Бату – Берке, принявший ислам. Все это говорит не в пользу идеи русско-ордынского союза.

Монголы использовали Александра для своих целей, Александр опирался на военную мощь их туменов – для своих. Его целью было великое княжение, и он его добился. Говорить, что прислуживал он монголам в расчете получить от них помощь для борьбы с Западом, с крестоносцами просто смешно. Нет ни одного эпизода привлечения ордынцев для ведения боевых действий на северо-западе Руси, в Прибалтике, Карелии или Финляндии. Движение туменов через Русь на западных противников не окупало последствий разорения, которое бы оно неизбежно несло. Монголов Золотой Орды не интересовали мелкие, по их представлениям, проблемы на северной окраине владений зависимой от них Руси. У них хватало дел на Кавказе и в Закавказье, на севере Ирана и в степях Заволжья. Здесь мы подходим к одному из узловых мифов отечественной истории.

Я назвал этот миф узловым, не зря. Скорее, это целый комплекс мифов, при развенчании которых иногда появляется их зеркальный антипод. Я бы даже назвал его, по аналогии с так называемым «основным индоевропейским мифом», «основным русским мифом». Реконструированный основной миф сводит все многообразие вариантов одного из мифов индоевропейских народов к некоему начальному: борьбе-поединку Громовержца со Змеем, олицетворяющим Верхний и Нижний миры, силы Добра и Зла, Космос и Хаос. Если в этой формуле основного мифа на место Громовержца поместить Русь-Россию, а на место Змея – ее Врага, то не так уж и важно, кем он окажется – Европой или Азией, католиками или мусульманами, немцами или татарами, Литвой или Ордой... Миф остается мифом, схемой, далекой от подлинного динамизма и разнообразия прошлого, относительной сущности «правды истории». Не мной подмечено, что взгляды и западников, и славянофилов близки по содержанию, расходясь в оценках. Занятно, но символом России Московской был Георгий Победоносец, пронзающий Змея копьем, а России Имперской – Медный Всадник Фальконе, Петр Великий, попирающий змею.

И Ивана Грозного, и Петра Великого в равной мере привлекала фигура Александра Невского, каждый из них приложил руку к его канонизации. Началась, правда, она до Иоанна Васильевича и продолжила выход за рамки церковные после Петра Алексеевича, становясь элементом государственного культа. Наиболее законченный вид канонический образ Александра Ярославича талантливо воплотил актер Николай Черкасов в не менее талантливом фильме Эйзенштейна при Иосифе Виссарионовиче.

Итак, Александр Ярославич, как часть «основного русского мифа». Во-первых, этот Рюрикович стал основателем династии государей московских, что важно было для Ивана Грозного, великого князя и первого царя, отделенного от Александра всего восемью коленами прямой мужской линии. Во-вторых, он был победителем шведов на Неве, близ места, где в начале XVIII века появится новая столица России, что существенно оказывалось для Петра I, основателя Санкт-Петербурга, принявшего титул императора после победы над Швецией в Северной войне. В-третьих, Александр Невский разгромил на льду Чудского озера немецких рыцарей-крестоносцев, что привлекало в нем Иосифа Сталина, введшего в разгар Великой Отечественной войны офицерский орден Александра Невского (хотя, если быть точным, – восстановил). Опять же был предком милого сердцу генералиссимуса царя.

Отказываться от «патриотических» мифов – не значит отказаться от любви к Родине. Более того, требование исторической справедливости всегда необходимое условие дальнейшего развития. А это ли не истинный патриотизм, бесстрашно взирающий в прошлое, чтобы не бояться задуматься о будущем? Что же стоит за мифом об Александре Невском? Придется вернуться к событиям 1230-х – 1240-х годов.

В 1236 году литовцы Миндовга практически полностью уничтожили братьев-меченосцев в битве при Шауляе. В этом сражении на стороне орденских рыцарей, помимо дополнительных немецких отрядов, участвовали эсты и 200 псковичей. Повествуя о разгроме союзников, новгородский летописец выразил явное сожаление по поводу их поражения. Новгородцы сочувствовали не столько немцам, ни чуди, которые в это время выступают как постоянные военные партнеры против новгородцев. Настороженно они относились и к «младшим братьям» – псковичам. Но с начала XIII века для Новгородской, Полоцкой и Смоленской земель литовцы превратились в сущее бедствие. Их подвижные конные отряды проникали незамеченными за сотни верст от Литвы. Они внезапно появлялись то под Торжком, то под Торопцем, то грабили посады Старой Руссы, то разоряли Жижецкую волость. Александр, как новгородский князь, впервые проявил себя в 1239 году строительством крепостиц по реке Шелони, призванных прикрыть новгородские владения от литовских набегов.

Новгородцы еще молились о счастливом избавлении от нашествия «безбожных татар», как им пришлось столкнуться с новой опасностью, о которой они до того особенно не задумывались. Летом 1240 года на Неве появился шведский флот. Вряд ли шведы всерьез собирались идти на Новгород, убедительней представляется версия, о том, что они задумали воздвигнуть в устье Ижоры замок и взять под контроль выход на Балтику. Молодой князь стремительным маршем обеспечил внезапность нападения. Шведам пришлось, понеся потери, уйти восвояси. Здесь мы впервые сталкиваемся с расхожим мифом об Александре Ярославиче. Поход шведов и битва на Неве в Житии князя вырастают до эпических масштабов. Ярл Биргер, которого якобы поразил Александр, в сражении не принимал участия; в это время он был в Швеции. Подобные эпизоды взаимных вторжений будут характерны и для более позднего времени. Новгородцы «отблагодарили» победителя, рассорившись с ними, князь отъехал в Переяславль Залесский.

В это время, возрожденный после слияния с Тевтонским орденом под именем Ливонского, орден меченосцев начал боевые действия в Псковской земле. Новгород «младшему брату» помощи не оказал. Князь-эмигрант Ярослав Владимирович с немцами взял Изборск, вышедшее навстречу войско псковичей было разбито. Пскова взять немцы не смогли, ограничившись получением заложников. В Пскове зашевелилась пронемецкая (антиновгородская) партия, впусившая в город орденский гарнизон. Вместе они принялись разорять новгородские села. Другие отряды крестоносцев зимой 1240/1241 годов в Вотской земле на Копорском погосте построили замок. Здесь они тоже имели поддержку местного населения, причем, возможно, и русского. Затем по сухопутной дороге орденцы совершили стремительный рейд, достигнув верховьев Луги, пограбив Тесовский и Сабельский погосты. Новгородцам пришлось отправлять за подмогой. Александр, собрав новгородцев, ладожан, корелу и ижерцев, взял Копорье в 1241 году, а на следующий год, когда брат Андрей привел «низовую» рать, блокировал Псков и взял его с налета. Задача «патриотическая», задача «защиты Русской земли», казалось бы, была решена.

Но Александр вторгся в Чудь. Там он делал то же что и его отец, и другие новгородские князья – «пустил полк в зажитьи», дал возможность войску пограбить и ополониться. В общем, для средневековых войн это было нормой, единственным способом материально отблагодарить воинов за ратный труд, за кровь, раны и риск. Рать князя рассыпалась в поисках добычи, ушла «в разгон». И тут немцы неожиданно дали отпор. Один отряд понес значительные потери. Александр начал отступать, но его загнали к проливу между Чудским и Псковским озерами. Если представить реально место, где князь дал битву, то становится ясно, что не прикрывал он дорогу на Русь, не защищал заселенные местности, а фактически попал в ловушку. Вся красиво нарисованная схема боя, известная по знаменитому фильму,

трудам военных историков, страницам школьных учебников – не более чем картинка, исходящая из представления о Ледовом побоище 5 апреля 1242 года, как о судьбоносной битве между русскими и немцами, в которой были задействованы большие массы войск. На самом деле, это была рядовая (хотя не заурядная) средневековая схватка, типичная для феодальных войн, где число участников с каждой стороны составляет несколько сотен бойцов. Само количество сражающихся ставит под сомнение зависимость исхода битвы от особых талантов полководца. Здесь скорее на первый план выступают не его командные способности, а личный пример рыцарственности и мужества. Как не было в Невской битве ярла Биргера, так не участвовал в Ледовом побоище магистр Ливонского ордена. С немецкой стороны в нем оказалось задействовано несколько десятков рыцарей Дерптского епископства и восточных фогств (территориальных подразделений Ордена с центрами в замках). Основную массу ее воинов составляла все та же чужд-эсты. Все колоритные подробности боя приводятся по Комиссинному списку Новгородской первой летописи, в текст которого включено все то же Житие Александра Невского. Более ранний Синодальный список сообщает о сражении без особых прикрас. Однако сам итог битвы ясен. Немцы потерпели поражение, понеся большие потери. Вскоре был заключен мир на условиях «статус кво», кровь лилась зря как с той, так и с другой стороны. Но понадобится еще куда более масштабное Раковорское сражение (1269), чтобы оценить устойчивость сложившейся границы, ныне почти полностью совпадающей с рубежом России и Эстонии.

Так были ли воинские подвиги Александра результатом отпора натиску католического Запада, ставившего перед собой цель поработить Русь? Реально нет. Папский престол всегда вынашивал планы создания вселенской империи с римским первосвященником во главе. В этих планах не делалось различия между государями католическими и прочими. Более того, именно германские императоры являлись основными противниками пап. Во времена Александра – это Фридрих II Гогенштауфен. Может, тогда немцы вынашивали серьезные планы захвата русских земель? Опять же нет, ведь сама Германия состояла из пестрого конгломерата герцогств, графств, епископств и вольных городов. Новгородцы, псковичи и полочане столкнулись с Ливонией. Что же она из себя представляла?

Она не была унитарным государством. Скорее, это ассоциация немецких владений во многом схожая со своим материнским организмом – Германией, но без императора. Ливонский орден стал основным инструментом завоевания территории прибалтийских племен (эстов, ливов, куршей и других). Он же был и главным стражем покоренных земель. Кроме замков Ордена начали появляться города с преимущественно немецким населением, в руках которого находилось городское управление. Со временем они получали полную самостоятельность (магдебургское право). Часть земель досталась церкви. Католические епископы имели свои земельные владения, где выступали как суверенные светские правители, имея собственных вассалов, а, стало быть, и вооруженные силы. Север Эстонии вообще до 1346 года находился в руках датской короны, и на этих землях тоже возникли немецкие (по организации и основному составу населения) города. Местное население, в отличие от Пруссии, не было подвергнуто геноциду и ассимиляции. У власти на местах долго оставались представители родовой знати, чудские ополчения в XIII веке составляли постоянный контингент орденских войск. Крещение и «окатоличивание» оказалось весьма поверхностным. Археологические материалы наглядно показывают, что пережитки древних верований жили на протяжении всего средневековья. Корпоративность и сословность привели не к эффекту подавления местной самобытности, ассимиляции и «онемечиванию», а, наоборот, к этнической консолидации многочисленных разрозненных племен в общности, ставшие предками эстонцев и латышей.

Жизнь под Орденем не была сахаром, иначе не происходило бы восстаний (хотя наиболее мощные случались в датской «оккупационной зоне»). Но в первой половине XIII века население Прибалтики оказалось перед фактом исторического выбора. Первой альтернативой для прибалтов оставалось объединение и создание собственной государственности. На примере Руси мы уже видели, что процесс этот длительный, болезненный и кровавый, свя-

занный с утратой родо-племенных свобод, почти неизбежной нуждой во внешней экспансии. По этому пути двинулась Литва. Второй, маловероятной, альтернативой – сохранение сложившегося порядка. А прежний порядок означал междоусобную рознь и регулярные вторжения новгородцев, накладывавших дани и просто грабивших. До поры до времени, новгородцы не сильно утруждали себя миссионерской деятельностью. Но язычник оставался неполноправным членом древнерусского общества, ему не было в нем достойного места. Крещение местного населения носило добровольный характер, крестилась знать, вроде ижорского старейшины Пелгусия, сообщившего в Новгород о приходе шведского войска в 1240 году. Только с появлением идеологических конкурентов в лице немцев и шведов начнется крещение «чуждских народцев» русскими (новгородскими) властями.

Первым путем, как отмечено выше, пошла Литва. Литовский кунигас (князь) Миндаугас, Миндовг русских летописей, совместил в одном лице Олега Вещего, Святослава и Владимира. Он по праву считается основателем литовского государства. Придя к власти в 30-х годах XIII века, Миндовг собрал земли, ставшие зоной этнической консолидации литовцев. Процесс катализировался борьбой с крестоносцами и возросшей экспансией на восток и юг, на русские земли. При Миндовге лихие набеги уступают место территориальным приобретениям. В составе земель Миндовга оказались русские города Новгородок (Новогрудок) и Волковыйск. Первый, он сделал своей резиденцией. Литва становилась центром притяжения и стяжания западных земель Руси. В 1251 году Миндовг крестился по католическому обряду. Блестящая победа над объединенным крестоносным войском 13 июля 1260 года выводит Миндовга на широкую политическую арену. Великий князь Александр Невский за год до своей смерти заключает с литовским кунигасом договор. Сценарий рождения литовской государственности до боли начинает напоминать русский трехвековой давности, только время уже другое, оно как бы сжалось, все идет одновременно и быстрее.

Есть в истории роковые совпадения. Есть и много. В тот год, когда Александр скончается в Городце на Волге на пути из Орды, Миндовг будет убит знатными литовцами. Как и Русь по смерти Святослава, Литва вновь распадется на отдельные земли. Произойдет кровавая распря. В результате ее на Руси появится со своей дружиной Даумантас, чтобы стать псковским князем. За 33 года своего правления он заслужит у псковичей славу легендарного Довмонта-Тимофея. Его доспех и меч (на этот раз до нас дошли, похоже, подлинные) станут одним из символов самостоятельности самого европейского города Руси.

Но процесс пошел. В 1270 году Литву вновь объединил кунигас Трайдянис. В 1293 году к власти пришел Витенис, пополнивший свои владения Полоцком. Он-то и станет основателем династии великих литовских князей, хотя степень родства его со знаменитым Гедимином-Гедиминасом (1316–1341) не очень ясна. Гедимин взял под свою руку западнорусские земли к северу от Припяти и к западу от верхнего течения Днепра.

Обратим внимание, что за территория отошла к Литве. Вспомним: при описании модели Руси начала XIII века, эти земли уже выделялись, но как бы негативно. Ядро этого края – удел «Роговоложьих внуков», полоцких князей: земля, постоянно имевшая несколько отстраненно-обособленное положение по отношению к Руси. Если копнуть поглубже, то выяснится, что северная ее часть тесно была связана с кривичами, этим странным объединением, отнесенным летописцем ни к «словенскому языку», ни к «иным языцам». А уж если обратиться к еще более ранней эпохе, то она окажется перекрыта «четвертым культурным миром Европы», зоной балто-славянского языкового единства и зоной поиска славянской прародины (См. главы «Семь миров Европы и Великая Скифия» и «Неуловимые вены»). История возвращалась на круги своя?

В сложной ситуации интимных отношений говорят о «любовном треугольнике». Но люди не живут изолированно. На самом деле страсти кипят в целой сетке таких треугольников, соприкасающихся углами. Географии ближе понятие квадрат. Связано это с восприятием пространства через четыре основные стороны света – Север и Юг, Запад и Восток. Весь земной шар покрыт идеальной сеткой параллелей и меридианов, образующих квадраты. В случае с исторической и политической географией ситуация гораздо сложнее, но и здесь по-

стоянно всплывают «квадраты». Один из таких квадратов образовался на стыке Европы и Великой Скифии во второй половине XIII – первых десятилетиях XIV века в результате двух мощных импульсов с Запада и Востока, в результате движения крестоносцев Северного Средиземноморья и новой волны кочевого моря, прокатившейся по Великой Степи от ее восточной окраины. Квадрат этот можно поделить на четыре сектора.

В северо-западном находилась Ливония, с которой тесно связана территория Тевтонского ордена – Восточная Пруссия, а в юго-западном находилось Великое княжество Литовское (точнее Русско-Литовское). Это были молодые образования, ведущие друг с другом напряженную борьбу. Имея сложную структуру, они не обладали едиными центрами, они полицентричны, что однако не мешало сохранять им относительное внутреннее единство и проводить согласованную внешнюю политику.

Восточные сектора представляли собой остатки Древней Руси. Северная часть соответствует Новгородско-Псковской земле, Северо-Западной Руси. Центр этого сектора выражен чрезвычайно отчетливо. «Младший брат» Новгорода – Псков, постоянно проявлял сепаратистские устремления, но порвать со «старшим братом» окончательно не смог даже после Болотовского договора 1348 года. Остается юго-восточная часть нашего четырехугольника. Северо-Восточная Русь, «Низовая земля». Как будто у нее есть центр, но в том то и дело, что система ярлыков на великое княжение во Владимире воспроизводила старую модель Руси. И борьба за него, проходившая, конечно, уже в иных условиях, будет не менее кровавой и упорной, чем за Киев. Результатом станет возвышение Москвы, а Владимир постигнет участь Киева.

Новгород и Владимир находились в сложных отношениях. Они во многом зависели от внешних факторов. Поддержка Новгорода давала возможность состязаться в Орде за великий стол при помощи серебра богатого торгового города. Финансовое благополучие Новгорода напрямую зависело от его отношений с Ливонией и Швецией, от контроля над своими северо-западными окраинами. После авантюрных вторжений 1240/1241 годов ливонцы уже так далеко никогда не заходили, да и не стремились. Войны стали инструментом давления при заключении договоров, победа становилась залогом выгодных условий. А вот шведы, действительно, пытались прочно утвердиться на Карельском перешейке, построить замки, как это они сделали в Финляндии.

Не то чтобы новгородцы не умели воевать. Умели. Но специфика боярского государства оказалась такова, что гибель представителя знатного клана сопровождалась ослаблением позиций его родственников в структуре управления Новгородом. А в лице братьев-рыцарей новгородцы сталкивались с многоглавым драконом. На место павшего в очереди стояли многочисленные безземельные рыцари Германии, как правило, младшие сыновья больших семейств. Знатность в структуре Ордена учитывалась, но не имела решающего значения. Все члены Ордена, делившиеся на воюющих и молящихся, были монахами, должность магистра – выборная, земля не наследственная. Новгородцы четко отличали братьев-рыцарей от остальных немцев, называя их «божьими дворянами» (термин «псы-рыцари» – придумка нового времени). Сплоченные железной монашеской дисциплиной, обладая сознанием боевой солидарности, прекрасно вооруженные и экипированные, посвятившие свою жизнь служению делу утверждения католичества они, даже при своей сравнительной немногочисленности (в период расцвета объединенные силы Тевтонского и Ливонского орденов не превышали нескольких сотен рыцарей), не давали надежд на легкую и бескровную победу. Потому новгородцы и норовили подставить под удар железной немецкой «свиньи» низовые полки, а на штурм шведских замков погнать мужичков из Владимира, Суздаля, Переяславля, Твери.

Часто Новгород рассматривают как модель альтернативного пути развития Руси и России. Умиляются «демократическим» порядкам. Говорят о сходстве с европейскими городами, называют «русской Венецией». Странная это была демократия, под жестким руководством боярских кланов, могущество которых покоилось на огромных владениях, разбросанных от Белого моря до Верхнего Поволжья. Высшие должности, в обстановке спокойной определяли по жребию из ограниченного круга кандидатов. Споры обсуждали на сорании –

вече. Вече часто переходило в потасовку. Иногда решение политических вопросов разрасталось до вооруженных конфликтов. Спорить шли как на войну, при оружии и в доспехах. Как на войне грабили дворы потерпевших поражение. Палили бы, если не страх зажечь весь город. Нервные они были, эти новгородцы, вспыльчивые до истеричности. Во второй половине XII – первой половине XIII чуть ли не каждый год приглашали и выгоняли князей, убийства политических соперников стали обыденным явлением. Со времени Александра Невского слегка угомонились, чему поспособствовало создание системы великого княжения.

Получивший ярлык на великий стол князь, первым делом, станет устраивать свои дела с Новгородом. Все реже он будет приезжать сам, а все чаще отправлять своих наместников. Как ни странно, порядка появится больше и с середины XIV столетия Новгород переживает свой «золотой век». Но лавирование между Литвой и Москвой не спасет его политической независимости. Новгородская обособленность, замкнутость на себя, эгоизм и равнодушие к судьбе остальной части Руси ярко проявятся в движении «ушкуйников». Судя по всему, оно было вызвано внутренними обстоятельствами развития новгородского общества. Но вот вам показатель. Не способный или не желающий противостоять в одиночку Ливонии или Швеции Новгород сквозь пальцы смотрит как ватаги в несколько сот и даже тысяч его молодцов под предводительством «золотой молодежи», стремительно передвигаясь на речных судах, «аки тати» грабят без разбору всех на Волжском пути, Ветлуге и Двине, в других разных местах. Кроме «басурманского» города Жукотина, ушкуйники разграбили Ярославль (1371), Вятку (1374), дважды разоряли Кострому (1374, 1375), Нижний Новгород (1375). В последнем случае им удалось разбить пятитысячную рать воеводы Плещеева и достигнуть аж Астрахани, где и найти свой конец. Плененные в Костроме и Нижнем женщины продавались мусульманским купцам. Бесшабашные ушкуйники воскрешают в памяти образ викингов, быть может, и не зря в их новгородских жилах текла доля древней варяжской крови.

Новгород не имел прямых политических сношений с Золотой Ордой. Ярлык на великое княжение формально отдавал и право на Новгород. Кто садился в Новгороде, автоматически вступал в тяжбу о Владимирском столе. Золотая Орда, соприкасаясь с описанным выше «восточноевропейским квадратом», как могла дирижировала ситуацией в его юго-восточном секторе – Северо-Восточной Руси – палочкой великого Владимирского княжения. «Низовские» князья не были ни союзниками, ни противниками хана-дирижера. Они были хором, где отдельные «таланты» рвались в солисты.

В 1263 году скончался и был погребен во Владимире великий князь Александр Ярославич. С ним ушла эпоха, что ощутили все присутствовавшие на похоронах. Митрополит Кирилл, узнав о смерти князя, воскликнул: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской!» и народ ответил ему: «Уже погибаем!». Действительно старая Русь уходила, но чтобы дать место другой. Александр успел пожить «до и после». Он рос в традициях Древней Руси, хотя и в ее «владимирской редакции». Совершал воинские подвиги в момент безвременья. Обрел колоссальный, неизвестный до того на Руси опыт после своих неоднократных поездок в Орду. Опыт печальный, но полезный. Опыт побывать в шкуре покорного просителя. Раньше князья только смирялись. Смирялись не столько с сильной личностью, сколько с Божьей волей, с Судьбой. Теперь, чтобы выжить, надо было принимать новые правила игры. Теперь нужно покоряться. Кто не покорялся – тот погибал. Погибал, как погиб Михаил Черниговский. Время витязей уходило в безвозвратное прошлое. Нет, конечно, монголы ценили личную удачу своих улусников в бою и на охоте, уверенные в своем безграничном военном превосходстве. Но дела в Орде решали личные связи, умение понравиться, что совершенно не означает простого пресмыкания. Монголы любили похвалы, но не понимали лести. Для всего этого надо было освоить неведомое прежде мастерство интриги и иметь звонкую монету. Как покажет дальнейший ход истории, именно личные качества правителей «Низовой земли» определяют, кто станет центром ее консолидации.

Как бы мы не относились к личности Александра Невского, надо признать некоторые постулаты. Личность эта двойственна. Не в смысле двуличности князя, похоже, он был достаточно целостным человеком, лишенным лицемерия. Но его жизнь делится на два совер-

шенно разных периода. После 1252 года сменилась роль Александра. «Неврюева рать» превратила его в старшего князя в «русском языке». Это значило, что он старший над всей Русью, не только над Владимиром, но и над Новгородом, Киевом, Галичем, Полоцком. Распад страны, как хотя бы слабого, но все же политического единства, остановить было невозможно. Он свершился. Но существовала русская митрополия, значение которой возросло после падения Константинополя в 1204 году. Ощущение единой культурной среды – языковой и религиозной, напротив усилилось, чему свидетельство прекрасный литературный памятник «Слово о погибели Русской земли», созданное в эпоху Александра Ярославича. Невский был, пожалуй, последним деятелем способным мыслить в масштабах всей Руси.

Стала меняться психология князей, алгоритм княжеского поведения. Теперь не их собственные владения («отчины») стали служить им как трамплин к занятию Владимира, а великий стол становился средством к увеличению и усилению своих владений. Последним рецидивом борьбы за Владимир как самоцель станет противоборство между сыновьями Александра – Андреем и Дмитрием. Несомненно, что старший Дмитрий обладал несравненно большими талантами. Особенно он прославился в битвах в Ливонии.

В 1260-х годах настала черед Новгороду перейти в наступление. Новгородцы расценивали Восточную Эстонию как утраченную «отчину». В 1262 году литовцы Миндовга, предварительно договорившись с русскими, осадили Венден. Русская рать под предводительством брата Александра, Ярослава и Дмитрия штурмом взяла Юрьев-Дерпт. Город был разграблен, но овладеть его замком не удалось. Зимой 1268/1269 года объединенное войско под командованием семи князей выступило на Раковор (Везенберг), город в датских владениях на севере Эстонии, который стал мощным торговым конкурентом Новгорода. Это было, пожалуй, самое крупное военное предприятие, направленное в Ливонию, и одно из самых крупных на Руси, со времен монгольского нашествия.

Поход тщательно готовился. Новгородцы договорились о невмешательстве Ордена и немецких епископов в войну. Привлечены были специалисты в области осадного дела, приводились в порядок осадные машины («пороки»). Для похода собрался весь Новгород, псковичи с князем Довмонтом, сын великого князя, переяславцы князя Дмитрия, великокняжеские войска, тверичи. 18 февраля 1269 года русская рать подступила к Раковору, от города ее отделяла река Кегола. Вдруг на другом берегу как из под земли выросла армия «всей Немецкой земли». Ливонцы нарушили договор. Состоялась битва, о которой ее участники говорили, что такой ни отцы, ни деды не видели. Летописец сравнил немецкий строй с лесом. «Великая свинья» ударила в центр русского войска. Ее страшный натиск обрушился на новгородский полк. С обеих сторон потери были страшные. Стоявшее в первых рядах новгородское боярство понесло неслыханные потери. Погиб посадник, труп тысяцкого, очевидно, втоптаный в глубокий снег, так и не смогут найти, тринадцать знатнейших бояр было убито, об остальных летопись сообщает, что новгородцы потеряли еще много добрых бояр, а «черных людей без числа». Однако стоявшие на флангах княжеские рати опрокинули немцев и семь верст гнали их до города, усеивая поле множеством трупов. Неожиданно наступление пришлось прекратить. Еще одна «великая свинья» с тыла ударила на новгородский обоз стоявший за рекой. Короткий зимний день кончался. Русское войско не решилось продолжить битву ночью. Утром обнаружилось, что орденцы ушли. Поле осталось за русскими, которые «стояли на костях» три дня. Победа оказалась «пиррова». Осада Раковора сорвалась. Войско двинулось обратно.

Раковорская битва незаслуженно находится в тени несравненно менее значимого Ледового побоища. Именно она определила баланс сил на востоке Балтики. Кровью Раковора оплачен период взаимного отказа от претензий, время расцвета торговли Новгорода и Ганзы (союза немецких городов). На Русь потечет серебро, которым покупались ярлыки на великое княжение и мир с Ордой. Раковор по праву можно назвать русским Грюнвальдом.

От откупной системы, переданной в руки купцов-мусульман («бесерменов») монголам после восстаний 1262 года пришлось отказаться. Вообще, после смерти хана Берке и прихода к власти внука Бату Менгу-Тимура, исповедовавшего веру предков, гнет ига стал слабже. В

1277 году русские полки вместе с войсками хана ходили на Северный Кавказ и участвовали во взятии Дедакова. В совместных военных предприятиях русские постигали искусство ведения боя монголами. Но относительно спокойные отношения с Ордой, омрачались затянувшейся тяжбой между Дмитрием Переяславским и Андреем Городецким. До конца своих дней они будут оспаривать друг у друга Владимирский стол. Кончины Дмитрия в 1294 году и Андрея в 1304 пришлось на рубеж XIII и XIV столетий. В промежутке между этими смертями произошло знаменательное событие. Из разоренного Киева во Владимир перебрался митрополит Максим (1299). Начинаясь новый век русской истории, едва ли не ключевой в развитии русской этнической общности, ибо именно в это время наметилось для него два пути.

Пока Дмитрий и Андрей вели спор о великом княжении, в глухом городке Залесья подрос и возмужал мальчик. Городок назывался Москвой, а мальчика звали Данилой. Даниилом Александровичем. Он был младшим сыном Александра Невского. Странно, что в Москве до сих пор не поставили памятник этому князю. Впрочем, памятника заслуживают и его потомки – Юрий Данилович, Иван Калита, Семеон Гордый и Дмитрий Донской. Кто знает, если бы не они, не пришлось бы в приснопамятные времена кататься москвичам за колбасой в Калинин-Тверь, а то и в Вильнюс, хотя там с колбасой, в отличие от Калинина, по-моему, всегда было в порядке. Историки до сих пор не могут внятно объяснить причины возвышения Москвы. Перечислялись самые разнообразные причины, часто противоречащие друг другу. Например: «Москва лежала на выгодных торговых путях, поэтому богатела». Этому прямо противоречило: «монгольские рати не достигали Москвы в силу расположения в глухих местах и поэтому на ее земли тянулись люди из других краев». И то, и другое противоречило фактам. Не лежала Москва на путях торговых караванов, выросла она на левом притоке Оки. Разоряли Москву и «Батыева» (1238), и «Дюденева» (1293) рати. Плодородие земель Московского княжества не шло ни в какое сравнение с Суздальскими ополинами или окрестностями Переяславля. Ее лесные ресурсы не могли тягаться с землями Костромского Заволжья. Не было здесь соляных варниц. Много чего не было... Помнится, готовясь к вступительным экзаменам, пришлось учить «14 причин возвышения Москвы». В конце списка значилось: «Умелая политика московских князей». Справедливая причина. И, похоже, единственная. А еще странная штука – Судьба. Судьба во всей ее непредсказуемости.

Даниил, как мог, старался избегать участия в борьбе братьев. Он занимался своим уделом. Жил его интересами. Это должно было привлекать людей, хотевших спокойно сидеть на земле. Одним из них окажется знатный киевский боярин Родион Нестерович, с которым с юга пришло 1700 человек. Таким же – черниговский боярин Федор Бяконт, отец будущего митрополита Алексия. Отказываясь от чужого, такие люди отчаянно дерутся за свое. Горло перегрызут. Так и случилось, когда великий боярин Акинф посягнет на Переяславль, недавнее приобретение Даниила, рассчитывая положить его к ногам тверского князя, а себе получить вотчины Родиона. Бывший киевлянин собственноручно сразил в бою Акинфа, а его отрезанную голову поднес на копье юному Ивану Калите. Похоже психология Даниила, ставшего в раннем возрасте сиротой и удаленного от кипящих страстей княжеской борьбы, сложилась под влиянием бояр. Он и сам выглядит как боярин медленно приращивающий свои вотчины, делающий «примыслы». Первые московские князья были князьями «боярскими». И бояре, считавшие себя «солью земли», платили им верной службой. Особо выделялся род Протасьевичей-Вельяминовичей. Поколение за поколением являлись они тысяцкими Москвы. Дед служил деду, отец – отцу, сын – сыну. Даже породнились. Спокойная незаметность Даниила Александровича не означала робости, в нужные моменты он бывал решителен. К концу его дней маленькое княжество превратилось в одно из сильных владений Залесской земли. Его главным соперником станет возвысившаяся Тверь.

У тверских князей было многократно больше шансов стать самыми могучими князьями Северо-Восточной Руси, а дальше... Но дальше ничего не случилось. Словно злой рок преследовал тверских князей. Постоянно выигрывая, они, в конечном счете, оставались в проигрыше. Объективные причины были за них, а субъективные обстоятельства почему-то против.

Князь Даниил, скончавшийся в 1303 году, оставил после себя несколько детей. Особую роль в деле возвышения Москвы сыграют Юрий и Иван. Иван больше похож на отца, но именно Юрий, который и в Москве-то бывал не часто, совершит настоящий прорыв, добившись, вопреки традиции, великого княжения владимирского. Большую часть правления проведет он, мечась между Ордой и Новгородом. В каком-то смысле Юрий Данилович последний подлинно новгородский князь. Он будет с новгородцами ходить под стены Выборга и в далекое Заволочье, отбиваться от тверичей, построит в истоке Невы крепость Орешек, где в 1323 году Новгород со шведами заключит «Вечный мир». Швеция и Новгородская земля обретут четкую государственную границу. Новгородцы потеряли три погоста, но утвердили свою власть над землями, дающими выход к морю. Эта граница, несмотря на конфликты, останется нерушимой до конца XVI века. Неудивительно, что Москве серебро новгородцы охотно давали, а Твери старались отказать. Подлинным правителем Москвы все эти годы оставался Иван Данилович, отказывавшийся от личных притязаний ради амбициозного брата.

Противником Юрия постоянно выступал Михаил Ярославич Тверской. Сильная личность, воспитавшая таких же сыновей. Многие мог он предвидеть, но только не то, что из одной среди своих неоднократных поездок в Орду Юрий привезет молодую жену. Сестру хана Узбека, Кончаку, в крещении Агафью. Что сделал для этого Юрий, судьба которого сама в тот момент висела на волоске (он приехал оправдываться от обвинений Михаила), мы наверно никогда не узнаем. Но то что хан, в чье правление Золотая Орда достигла апогея своего могущества, подкрепил свое расположение к московскому князю, помимо выданья замуж своей сестры, отрядом Кавгады, факт истории.

Узбек пришел к власти после смерти дяди, хана Тохты. Узбек ввел в Орде ислам. Религиозная реформа ознаменовалась зверской резней несогласных. Все меньше оставалось в Золотой Орде старого монгольского, и все больше она приобретала вид качественно нового государственного образования. Монгольская знать, потрепанная несколькими крупными «замятнями», взаимными кровопусканиями, все еще сохраняла свои позиции. Но рядовые монголы стремительно сливались с массой тюркоязычного кипчакского населения, потомками половцев. Вместе они становились татарами (по названию одного из народов, вошедших в союз племен объединенных еще Темучином-Чингисханом). Исламизация катализировала интеграционные процессы в Золотой Орде. На смену кочевьям шли города. Орда двигалась по пути своего предшественника – Хазарского каганата. Русь для нее обретала новое значение. Там нужны были свои люди. Юрий казался своим.

Юрий и Михаил продолжали борьбу. В 1317 году войска противников сошлись под селом Бортеневым. С Юрием была Кончака и войска Кавгады. Тверичи одержали блестящую победу. Кавгадый велел своим воинам отступить, Юрий бежал в Новгород, в плен к Михаилу попали брат и жена Юрия. Но на горе себе победил тверской князь, на горе. В плену умерла Кончака-Агафья, поговаривали, что ее «извели», отравили. Михаил в отчаянии отправил в Москву посла. Юрий его убил и с Кавгадыем отправился к Узбеку, доносить на тверского князя. Чтобы спасти свой город Михаил прибыл на ханский суд. Он понимал, что оттуда не вернется. Суд оказался заведомо пристрастен. Юрий мог торжествовать. Его давний недруг был заключен в колодку и подвергался всяческим унижениям, пока не убит (1319). В 1320 году Юрий вернулся в Москву с ярлыком на великое княжение.

Но судьбу не обманешь, как трудно обмануть и хана. Дмитрий, сын Михаила, в 1324 году отправился в Орду, разоблачил в глазах Узбека Кавгадыя и Юрия, сообщив, что последний утаивает часть ханской дани. Московского князя вызвали для объяснений, Кавгадыя казнили. Здесь-то и проявилась гордость, прямота, самоубийственное чувство достоинства тверских князей. Дмитрий Михайлович убил Юрия, отомстив за отца. Но, в свой черед, он сам пал по велению Узбека (1325). Однако великое княжение вновь перешло в руки тверичей, в руки брата Дмитрия – Александра Михайловича.

Чтобы князья всегда были под грозным надзором ханов, к ним присылались своеобразные комиссары-наблюдатели – баскаки. Они являлись глазами и ушами Орды при княжеских дворах. Каждого из них сопровождал вооруженный отряд. Вели себя они по-разному. Но

часто заносчиво и даже нагло. Александру Михайловичу с баскаком не повезло. Им стал Чолхан, а на Руси его прозвали Щелканом. Он приходился Узбеку двоюродным братом. Казалось, это великая честь. Но не приносило счастье Твери прибытие на Русь родственников этого хана (вспомним Кончаку). Надменный Чолхан позволял себе и своим людям творить насилия. Он выглядел хозяином княжеского двора. По городу поползли слухи, что баскак хочет сам стать князем. В 1327 году в Твери вспыхнуло восстание. Предание гласит, что поводом к нему послужила попытка татар отнять лошадку у одного из жителей, дьякона Дюдко. На крик о помощи сбежались тверичи, началось избиение татар. Уцелевшие укрылись в княжеском тереме и отчаянно отбивались. Александр Михайлович не мог или не хотел оставивать своих горожан. Чтобы не лить лишней крови, он разрешил запалить отцовский двор. Думаю, что князь догадывался, чем все это обернется. Но он был сыном своего отца и братом своего брата. Как и тверичи были гордыми людьми своих гордых князей. Слишком накалилось. Вот так лошаденка, дьяк и кучка жадных татар утром 15 августа 1327 года фактически предрешили спор между Москвой и Тверью. Яростная и отчаянная борьба продолжится еще полвека, но исход ее оказался предрешен.

Тихий Иван Данилович понял, что настал его звездный час. Не зря он блюл Москву, пока старший брат всеми способами тягался с Михаилом. Наступало время Москвы. Иван бросился в Орду и привел карательный корпус из пяти туменов. 50000 степных всадников, московские и суздальские полки двинулись на Тверь. Сопrotивление этой силе было бессмысленным. Вся Тверская земля оказалась разорена, предана огню и мечу. Разгром напомнил времена Батыя, Неврюя и Дюдены. Пострадали другие русские земли, Новгород откупился. Выиграл только Иван Данилович, принимая к себе беглецов, по дешевке выкупая полоняников. Он всегда был расчетлив, обращая чужие затруднения на пользу себе и своему княжеству. Может потому и закрепится в веках за ним прозвище Калиты – кошель с монетами. Александр Михайлович бежал в Псков.

С этого момента ярлык на великое княжение цепко будут держать в руках московские князья, не выпуская его из своих рук вплоть до 1363 года, да и потом перерывы будут кратки. Этих 36 лет вполне хватит, чтобы прочно занять роль лидера. Иван Калита, как бы мы сейчас сказали, «взял полный контроль над финансовыми потоками». Из реки серебра, утекавшего в Орду, какая-то часть явно оседала в Московской казне. Здесь стоит сказать о нем несколько слов. Своих природных источников серебра на Руси не было и долго не будет. Но у многих иностранных путешественников, побывавших в Орде, складывалось впечатление, что на Руси оно добывается, столько его поступало татарам. Добывалось. Но как? Добывается оно как и вся любая валюта путем торговли. Чтобы создавать запасы, нужно положительное сальдо во внешней торговле. Вот и текли русские товары на Запад и на Восток, чужие – проходили транзитом по территории Руси, оставляя в казне князей таможенные сборы. Но в то время как в Европе начинался процесс первоначального капитала, крепла экономическая мощь городов, русское серебро утекало в Орду в виде дани, даров и подношений-взятки. Мир и великий стол равно оплачивались выкачиванием драгоценных металлов из торгового оборота русских городов, что сказывалось на их развитии. И это тоже один из моментов негативного влияния ордынского ига. Его последствия не были столь очевидны, как прямой грабеж и разорение, но в долгосрочной перспективе урон не поддается оценке. Имелись, разумеется, и другие причины слабости русских городов, оказавшихся в зоне господства Золотой Орды, но безвозвратно потерянные огромные средства, сильная зависимость от княжеской власти торгово-ремесленного населения тоже сказывались. Русское серебро утекло в Орду, оседающая в сундуках ханов и эмиров, чтобы после погрома татар Тамерланом, наряду с драгоценностями награбленными в других землях воплотиться в мечети, минареты, дворцы и мавзолеи Самарканда и Бухары.

При Калите стала преображаться Москва. Началось каменное строительство соборов, построен дубовый Кремль, расширивший укрепленную часть города. Но самым большим достижением Ивана Даниловича стало расположение митрополитов. Уже преемник Максима – Петр, почасту живал в Москве, а в 1326 году был погребен в еще не достроенном Успен-

ском соборе. Следующий митрополит Феогност приблизил к себе сына Федора Бяконта – Алексия. В 1340 году он станет митрополичьим наместником во Владимире, а по кончине Феогноста и митрополитом (1354).

Церковь была основным связующим звеном, объединявшим пространство Руси, утратившее политическое единство. И не только его. В составе русской митрополии существовала Сарайская епископия. На территории Золотой Орды проживало достаточно многочисленное христианское население. Очень много было русских, уведённых в плен в ходе масштабных вторжений и мелких набегов. Церковь позволяла ощущать им свою связь с родиной. Отношения между ханом, великим князем и митрополитом составляли своего рода «треугольник устойчивости». Несмотря на внедрение в Орде ислама, к христианам относились вполне терпимо. Известно, что тот же Алексей пользовался расположением Тайдулы, жены хана Джанибека. Со времен Чингисхана установился порядок веротерпимости и предоставления льгот служителям разных культов. Не была исключением в отношении и православная церковь Руси. Тарханские грамоты защищали ее владения, имущество и служителей.

Правление Ивана Калиты, Семёна Ивановича Гордого (1341–1353) и его брата Ивана (1353–1359) стали временем «великой тишины». Целое поколение людей Северо-Восточной Руси вырастет в относительно спокойной обстановке, не зная нашествий иноплеменных ратей. Зато правление в Орде Узбека и его сына Джанибека было временем активной политики татар в южном направлении, где они вели затяжную борьбу с ханами улуса Хулагу. Перевес оказывался на стороне потомков Джучи и Бату, золотоордынские войска доходили до Тебриза на севере Ирана. Московские князья, пользуясь своим положением в Сарае, могли себе позволять вмешиваться во внутренние дела княжеств Залесской земли, «примыслами» и «куплями» увеличивать свои владения, исподволь превращая остальных князей в своих вассалов-«подручников». Порой, вседозволенность действий московского князя выливалась в шокирующие поступки. Например в Ростове был снят колокол и привезен в Москву, а горожане раздеты до нитки. Но такова оказалась плата за «великую тишину». К счастью до эксцессов подобных ростовскому доходило редко.

Тверской князь Александр находился в изгнании, правя в Пскове. Когда в 1337 году он попробовал вернуться домой, то был вызван в Орду. Повторялась история более чем двадцатилетней давности. Калита с сыновьями устремился в Сарай, судьба Александра оказалась предрешена 29 октября его растерзали вместе с сыном. Но инициаторы убийства ненадолго пережили свою жертву. В 1340 году умирает Узбек, а 31 марта 1341 года скончался Иван Калита. Новгород беспокоился о своей судьбе. Взирая на происходящее со стороны, он все чаще поглядывал в сторону Литвы, даже принял к себе в качестве служилого князя Наримонта-Глеба, турово-пинского князя – одного из 7 сыновей от трех жен Гедимины, умершего в 1339 году. Наримонт и его потомки получили в управление земли и крепости на новгородо-шведско-ливонском пограничье.

Около 1340 года ушло из жизни целое поколение людей определивших политику в зоне «Восточноевропейского квадрата», их сыновьям предстояло продолжить дело отцов.

Одновременно с Москвой усиливалась и Литва. Еще в 1321 году через Золотые ворота Гедимин вступил в древнюю столицу Руси – Киев. Часть Южной Руси оказалась в двойном подчинении. По городам садились литовские наместники и гарнизоны, но прежний «выход»-дань Орде приходилось платить до конца XIV века. После кончины Гедимины между его сыновьями произошла междоусобица, победителями из которой вышли дети от русской Ольги – Ольгерд и Кейстут (Альгирдас и Кястис). Ольгерда, женатого на русской княжне и получившего в приданое Витебск, Кейстут признал старшим. При Ольгерде все западнорусские земли, за исключением Галицкой земли, подчинившейся Польше, оказались под его властью. «Королевство» потомков Даниила Романовича прекратило существование. Литовские князья, продолжавшие оставаться язычниками, по крайней мере, в глазах церкви, как католической, так и православной, понимали, что с приобретением русских земель, составлявших 9/10 территории их державы, где проживало население, многократно превосходившее литовцев по численности, игнорировать вопрос о его церковной организации игнорировать нельзя.

Ольгерду хотелось образовать собственную митрополию, не зависящую от Москвы. За решением этих вопросов приходилось обращаться в Константинополь.

Византийская империя, возрожденная в 1261 году, доживала последний век своей истории. Несмотря на напряженную духовную и культурную жизнь, которую именуют иногда Палеологовским Возрождением (по имени правящей династии), в политическом и экономическом отношении она находилась в состоянии глубокого упадка. Ее теснили внешние враги и сотрясали внутренние смуты. В этих условиях, как и в Орде, многое решали деньги. Решение церковных вопросов византийцы превратили в способ выкачивания подачек и дотаций. Летом 1354 года митрополитом русским утвердили Алексея. Но в 1355 году, наконец, удовлетворили и просьбу Ольгерда. На землях Русско-Литовского княжества образовалась еще одна митрополия, правда, Киев и ряд других земель в нее не вошел. Здесь митрополитом стал Роман, выходец из Твери, родственник Ольгерда (вторым браком князь женился на тверской княжне). Положение не устраивало ни одну из сторон. Алексею пришлось совершить путешествие в Константинополь, где ему удалось отстоять права на Киев в составе своей епархии. В ответ Роман провозгласил себя митрополитом Киевским. На обратном пути Алексей был захвачен, но кто-то помог ему бежать. Серьезный конфликт Литвы и Москвы, долгие годы тлевший пограничными столкновениями, становился неизбежным.

Собственно за противоборством Литвы и Москвы стоял вопрос о гегемонии на всем пространстве Руси, как в споре Твери и Москвы решалась судьба объединения северо-восточных ее земель. Трудно загадывать, кто мог победить в этой борьбе, и что бы из этого получилось. Литва, являясь титульным княжеством в составе крупного Русско-Литовского государства, несомненно, была его ведущей политической силой. До того времени пока ее население оставалось преимущественно языческим, процесс этнической интеграции консервировался, хотя экономика и культура русской составляющей державы Ольгерда, ее демографический потенциал, определяли тенденцию дальнейшего развития. Достаточно взглянуть на направленность матримониальных связей семейств литовских князей XIV века, чтобы понять – они ощущали себя наследниками державы Рюриковичей. Гедиминовичи и Ольгердовичи не уничтожали, а постепенно вытесняли потомков Владимира и Ярослава, часть из них «отъезжала» в Северо-Восточную Русь. Но так же «отъезжали» туда, в силу обстоятельств, и сами Гедиминовичи, а в Литву прибывали бояре и князья Залесской земли. Эта «диффузия» показывает, что принципиальных социо-культурных границ между южными секторами «Восточноевропейского квадрата» не существовало. В качестве официального языка в Русско-Литовском государстве использовался русский, внутреннее устройство земель почти не менялось в течении XIV столетия. Войска литовского князя так же состояли преимущественно из русских контингентов. Победа Ольгерда над татарами при Синих Водах (1362) демонстрировала, что литовские князья заинтересованы в освобождении и защите подвластных им земель от Орды. В этих условиях так ли уж важно, кто конкретно восстановит политическую, территориальную, а, следовательно, и этническую целостность страны? Имелось только одно существенное «но»...

Это «но» заключалось в сильной зависимости политики этих двух образований, достаточно непрочных внутри, от внешних обстоятельств. А именно от внутренней ситуации в Ордене и Орде и взаимоотношений с ними. Пережив неурядицы конца XIII – начала XIV века, Ливония вышла из них окрепшей. Орден стал ее ведущей не только военной, но и политической силой. Если Литва победоносно присоединяла одно русское княжество за другим, не встречая особого сопротивления к западу от Днепра, то с Орденем ей пришлось вступить в изнурительную борьбу. Крестоносцы не раз проникали в ее глубинные районы, осаждали княжескую резиденцию Трокай. Ответные набеги не могли сдержать этого поступательного натиска. В 1357 году в Золотой Орде собственным сыном был убит хан Джанибек – началась «великая замятня». Один за другим меняли друг друга на ханском престоле правители. Эта кровавая смута не могла не отразиться на политической стабильности в Северо-Восточной Руси.

В 1359 году умер московский князь Иван Иванович, ему наследовал девятилетний сын – Дмитрий, будущий Дмитрий Донской. В борьбу за ярлык на великий стол вступили князья Нижнего Новгорода и Суздаля. Но эта попытка закончилась провалом, хотя всю сложность ситуации в Москве понимали. Огромную роль сыграло то, что митрополитом оставался Алексей. Он, как глава церкви, блюл интересы мира и порядка, а ему они, естественно, виделись через главенство Москвы. «Великая Чума» второй половины 1340-х – первой половины 1350-х годов, описав гигантский крюк вокруг Европы, выкосила огромное количество людей. С ней не могла сравниться ни одна война. Без разбора отнимала она жизни немцев и французов, итальянцев и ордынцев, князей и черни, крестьян и горожан. Не обошла она и Русь. Города пустели. Возможно, последствия ее удара для северных русских земель несколько смягчила слабая плотность расселения, небольшие размеры поселков, отсутствие частых и тесных контактов между ними.

В 1366 году на тверской стол сел деятельный микулинский удельный князь Михаил Александрович. За его спиной маячил Ольгерд. Старая вражда Москвы и Твери разгоралась с новой силой. В преддверии этой борьбы в 1367 году в Москве началось строительство нового, на этот раз каменного Кремля. В том же году москвичи вмешались во внутренние дела Твери. Началось последнее великое противостояние. 21 ноября 1368 года на реке Тросне литовцы смели малочисленный московский заслон. Полвека княжество не подвергалось такому разорению. Дмитрий сжег посады и затворился в Кремле. Ольгерд вел осаду только три дня и вынужден был возвращаться домой. Пока он одерживал победы над москвичами и осаждал их стольный град, продолжалась война Литвы и Ордена.

В 1362 году войска Ордена взяли Ковно, а в 1369 году в миле от этого города основали замок. В 1370 году рать Ольгерда из литовцев, жемайтов, русских и татар наголову была разбита в Пруссии великим магистром. Одновременно Дмитрий на Тверской земле вымещал свои обиды. Михаил Александрович вновь бежал к родственнику, прося у него поддержки. И вновь зимой 1370/1371 годов Ольгерд осаждал Москву, и опять безуспешно. Михаил обратился в Орду. Ему удалось выпросить ярлык на великое княжение. В сопровождении татарского посла Сарыхожи Михаил Александрович отправился на Русь. Дмитрий привел к присяге на верность себе население Владимира и стал с войсками в Переяславле. Владимирцы не приняли тверичан и ордынцев. На требование «явиться к ярлыку» Дмитрий Иванович гордо ответил: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пушу, а тебе послу путь чист». Сарыхожа принципиальности не проявил, а вот жадность его проявилась сразу. Оставив ярлык Михаилу, татарин поехал в Москву за подарками. Окончательно дело в Орде опять решило московское серебро. Дмитрий не только задобрил всю правящую верхушку Золотой Орды, но и заплатил огромный долг в 10000 рублей своего соперника, не забыв в качестве заложника прихватить сына Михаила. Именно во время этой поездки Дмитрий познакомится с темником (командующим туменом) Мамаем, занявшим прочные позиции при ханском дворе. Не будучи потомком Джучи и не имея прав на престол, он превращал ханов в послушное орудие своей политики. Он станет реальным лицом Орды в 1370-х годах и с ним предстоит столкнуться Дмитрию Ивановичу на Куликовом поле.

Однако война с Тверью продолжалась. Литовские рати и в 1372 году приходили в московские владения. Война обретала затяжной характер, ложась тяжелым бременем на мирное население. И в том, и в другом противоборствующем лагере имелись сторонники ее продолжения или примирения. Тем временем и в Орде продолжалась «замятня». На ее фоне продолжала восходить звезда Мамаея. Дмитрий Иванович, похоже, уже сделал свой выбор относительно дальнейшего поведения в отношении татар. Подросший князь решительно разрывал со старыми политическими традициями, а вместе с ними и менял свое окружение. Потеряли былое влияние Вельяминовы, почти бессменные московские тысяцкие. В 1374 году этот титул упразднят. Первое место в княжеской думе займет Дмитрий Михайлович Боброк – выходец с Волыни, а крамольник Иван Васильевич Вельяминов сложит голову на плахе в 1379 году. Это первая публичная торжественная казнь в истории Руси-России. Старая политика безоговорочной опоры на Орду и подчинения ей уходила в прошлое. В 1373 году Ма-

май грабил рязанские земли, но переправиться в виду великокняжеской рати на другой берег Оки не решился. Чтобы воздействовать на русских князей, склонить их против Дмитрия и Москвы в Нижний Новгород татары отправили посла и отряд в 1500 воинов. Нижегородцы их перебили (1374). Война с Ордой становилась неизбежной. При угрозе масштабного вторжения великому князю удалось сплотить большинство князей Залесской земли, дважды собиравшись их съезд. В 1375 году произошла развязка последнего спора Твери и Москвы. Изменник купец Некомат привез в Тверь ярлык на великое княжение Михаилу Александровичу. Союзные с Дмитрием рати осадили город. Участие в войне принял даже Великий Новгород. Тверской князь признал себя «младшим братом», отказался навсегда искать ярлык, обещал Дмитрию быть с ним всегда «за един», в том числе, против Литвы и Орды.

Проба сил состоялась в следующем году. Московско-Нижегородское войско ходило на Волжскую Болгарию, разгромило отряды противника, получило контрибуцию и посадило в Казани сборщика податей и таможенников. Формально эти земли принадлежали Орде, но в этот момент она не составляла единого целого. В результате «великой замятни» Золотая Орда раскололась на западную и восточную половины, границей которым служила Волга. К северу, как раз в районе Волжской Болгарии укрепился как независимый правитель Булат-Темир, но вскоре погиб. Неясность ситуации подданства этих земель кому-либо из ханов продолжала сохраняться, что и использовали русские князья. Так, что формально поход русских войск не выглядел как прямой разрыв с Ордой. Но все, конечно, понимали, что не за горами решающее столкновение. Больно уж русский улусник много себе позволял. Правда, оставалось не ясно, кому он обязан своей покорностью.

В разгар описанных событий в Литве умер Ольгерд, постригшись перед смертью в монахи. Этому князю удалось вдвое увеличить свои владения. В их состав вошли почти все земли бассейна Днепра, независимость сохраняло только великое княжество Смоленское, которое будет присоединено позже, при Витовте. Но, несмотря на огромные размеры державы, она с трудом сдерживала давление со стороны Ордена. Смерть Ольгерда (1377), оставившего 12 сыновей, закономерно ввергла страну в полосу внутренних смут. Зато Москве это позволило полностью сосредоточиться на противостоянии Орде. Большая объединенная русская рать потерпела поражение в 1377 году на реке Пьяне, в результате внезапного нападения «царевича» Арабшаха, пришедшего из-за Волги. Был сожжен Нижний Новгород. На следующий год город повторно подвергся разорению. Начиналась перманентная война. Татары разграбили Рязань, ее князь Олег едва успел бежать.

1378 год принес долгожданную победу. Мамай, взявший в свои руки власть в западной части Орды, направил мурзу Бегича с большим войском на Дмитрия. Московскому князю удалось не просто разгромить татар, но и нанести серьезное поражение на реке Воже. Реванш за Пьяну был взят. Мамай понял всю серьезность намерений Дмитрия. К нему отправили послов с требованием выплаты дани как при Джанибеке. Московский князь предложил давать ее по договоренности 1371 года, то есть значительно меньшую. Обе стороны стали готовиться к войне.

Эти ветры времени, раскачивающие древо истории, шевеление ветвей которого мы видим и слышим шум его листьев, не касаются напрямую нижней части ствола и корней. А что же там? Что же происходило не на полях битв, не в хоробах князей и бояр, не в орденских замках и ханских дворцах, а там, на земле? Это вопрос очень сложный. Если для политических событий или событий церковной истории мы знаем часто день, а иногда и час, когда они произошли, то о повседневной жизни тех, кто своим трудом, потом и кровью обеспечивал ход известных нам событий, сведения крайне скудны. Летописцев не интересовала эта обыденная жизнь, жития трафаретны (таков жанр этих специфических литературных произведений), грамоты и акты, в подавляющем большинстве связаны с представителями светской и духовной власти. Археологические данные, как ни парадоксально, более ярко освещают предшествующие эпохи. XIV–XV века – это своего рода темные века археологии в сельской местности Руси. Разумеется, в городах, особенно там, где хорошо сохранились слои с органическими остатками, можно обнаружить не только остатки построек, усадеб, соборов, мно-

гочисленные находки вещей и обломков посуды, но и печати, и берестяные грамоты. Последние представляют, чаще всего, деловые записки. Они бесценны, поскольку приоткрывают завесу над тем, что происходило за пределами городских стен, ведь адресат или наоборот корреспондент мог проживать и в весьма отдаленной местности. Но рядовые поселения этого времени исследованы очень слабо. Многие из них находятся на территории современных населенных пунктов. Из погребений исчезает сопровождающий инвентарь, мы даже не можем определить время их совершения. Традиция помещать вещи в захоронения остается только в северных землях Руси, да в областях со слабо христианизированным финно-угорским населением. И все же, как можно себе представить, что происходило «на земле»?

Несомненно, что именно к XIV веку относится резкое расширение процесса «внутренней колонизации». В освоении новых земель и угодий были заинтересованы все. Малодворные деревни, особенно типичные на севере, покрыли ранее девственные пространства. Районы, которые кажутся пустынными в XIII веке, в XV столетии выступают как вполне обжитые территории с достаточно многочисленным населением. Продолжалось движение русского населения на северо-восток: из Заволжья на Северную Двину и ее притоки, в Пермь.

Огромное значение и роль приобретает монастырская колонизация. Монастыри, основанные подвижниками, ищущими уединения, не стяжают еще имений как пожертвования властью имущими. Это те же «починки» и «выставки», те же маленькие новые деревеньки. «Клетский тип» деревянных церквей повторяет ту же избу, отличаясь только незатейливой главкой, увенчанной крестом. Таким изначально был Троицкий монастырь, основанный Сергием Радонежским. Со временем он станет одним из очагов монастырской колонизации. Выходцы из него отправятся все дальше на север, основывая новые обители, а из них в девственные просторы потянутся следующие пустынножители, ищущие уединения. В XV веке Троица превратится в общерусскую святыню, неоднократно игравшую важную роль на поворотных моментах истории Руси-России. Монастырь, основанный Сергием, окажется преемником древней Киево-Печерской лавры.

Церковная организация не поспевает за движением поселенцев, для отправления культа используются часовни, еще более напоминающие обычный срубный дом. Не случайно «люди земли», пахари мелких деревушек и монахи крохотных обителей, разбросанных на огромных пространствах, отвоевывая поля у леса, рассчитывая только на себя да на Бога, формируют свой особый культурный мир. Именно в XIV веке сельское население, вне зависимости от принадлежности к определенным княжествам или землям, начнет идентифицировать себя по конфессиональному признаку – хрестьяне-крестьяне. Со следующего столетия мы уже видим это слово в документах. Владения переходили из рук в руки, люди переселялись на новые места, по своей или чужой воле, но незыблемым оставался их образ жизни и вера. Крестьянство окажется элементом, придающим чрезвычайную стабильность и гибкость нарождающемуся обществу, шедшему на смену древнерусскому.

Крестьянину легче чем горожанину возродить свое хозяйство после ратного разорения. Ему главное вовремя спрятаться в лесу, уведя скот и скрыв зерно. Если есть хоть какой-то запас, восстановить посев можно. Будет голодно, но ресурс Леса позволит выжить. Зверь, птица, рыба, ягоды, другие его плоды дадут умелому человеку пищу. Сожженную избу при помощи соседей можно поднять в короткий срок. Всегда можно уйти в более безопасные места. С другой стороны, если князь способен обеспечить спокойную жизнь, почему бы не остаться в родных краях. За «великую тишь» стоит отдавать дани, за справедливый суд вносить пошлины, если есть нужда и возможность – влиться в состав рати. Коли земля досталась боярину или кому другому, то ведь тоже не смертельно. Умный хозяин не будет гнуть через меру, пустая земля ему не нужна. Он будет заступаться, помогать в трудный час, он заинтересован в росте числа жителей и хозяйств в своих владениях. Особых инструментов принуждения у него для свободных людей пока нет.

В XIV веке растет число городов. Их статус повышается, если при разделе княжеского наследства они достаются кому-то в качестве собственного удела. Но помимо городов возникают и ремесленные слободы, и торговые рядки. Особое значение приобретает в это время

торговля солью. Соль становится источником богатства, своеобразной внутренней валютой. Княжеские и боярские руки тянутся к местностям добычи соли. Недавние археологические исследования показали, что в XIV столетии соляной промысел имел высокую степень организации и инженерно-технического обеспечения. Для добычи рассола бурили достаточно глубокие скважины, целым артелям приходилось трудиться, чтобы обеспечить масштабность соледобычи. Связанные с этим промыслом районы обретали стратегическое значение, быстро богатели.

Время Дмитрия Ивановича по образному выражению известного историка С. Б. Веселовского было золотым веком боярства. Это суждение можно распространить на большую часть XIV столетия и территорию не только Северо-Восточной, но и Северо-Западной Руси. В Новгородской земле образовались огромные боярские вотчины, земельные латифундии не уступавшие по территории отдельным удельным княжествам. Боярство повсеместно превратилось в замкнутую наследственную касту. Эти люди обладали правами и привилегиями, сходными с правами и привилегиями западноевропейских феодалов. С другой стороны, в результате наследственного дробления княжеств на уделы, положение многих потомков Рюрика стало фактически близким крупному боярству.

Менялось лицо и младшей дружины. Укрепившаяся «оседлость» князей вела и к «оседлому» образу жизни дружины. Начинает формироваться при князьях особая военно-административная организация – «двор». «Дворяне» – это уже далеко не те древнерусские «отроки», что порхали вместе со своим князем со стола на стол. Им уже тоже хочется стабильности, хочется поиметь «землицы», желательной заселенной. Эти военные слуги становятся отдаленно похожи на мелкое рыцарство. Вместе они составляют достаточно боеспособное войско, профессиональное мастерство которого ковалось в многочисленных междоусобных столкновениях и отражении литовских и татарских набегов.

Оживает постепенно каменное строительство. Кроме соборов возводятся и крепости. Новгород отстраивает в камне свой Детинец, опоясывается валами с каменными башнями. Уже несколько линий каменных стен защищают разрастающийся Псков. Грозными стражами их рубежей стоят Ладога и Орешек, Копорье и Порхов, Изборск и Остров. До единства страны еще далеко, но чувствуется какой-то единый ритм ее развития. Не будем забывать, что поглядывание Твери и Новгорода в сторону Ольгерда, это поглядывание в сторону той же русской земли, составляющей 9/10 его державы, в какой-то момент имевшей шанс (вопрос насколько высокий, насколько надолго и крепко) объединить былую Русь. Но в том то и дело, что Новгород, впрочем, как и Псков, хотел получать помощь и защиту, но при условии нерушимости их внутреннего порядка – «старинны», ни об объединении, ни о присоединении слышать в нем не желали. Как не желали этого Тверь, Смоленск, Рязань. Идея одного государства как символа единого государства еще только слабо пробивала себе дорогу. До ее реализации оставалась еще сотня лет.

Куликовская битва – несомненно один из ключевых моментов истории Восточной Европы. Как любое событие такого значения, она неизбежно обросла кучей домыслов и легенд, причем, это обрастание началось почти сразу. Нам важно, что оно имело далеко идущие последствия, а не только кратковременный резонанс. Его то, как раз, и не получилось. Такая битва в правление Мамаю и Дмитрия должна, просто обязана была произойти. К этому подталкивал ход событий на Руси и в Орде. Она не плод неизменного противостояния русских и татар, не попытка со стороны Северо-Восточной Руси одним ударом избавиться от ига. Смысл и значение «Мамаева побоища», как окрестили на Руси это сражение, сложнее, имеет как минимум два уровня. Если отказаться от усредненной, заидеологизированной, руссоцентристской оценки Куликовской битвы типа: «Победа Дмитрия на Дону стала началом падения монголо-татарского ига и показала ведущую роль Москвы в этом процессе», а рассмотреть ее с двух сторон (точнее уровней), то окажется, что она имеет скорее символическое звучание, но именно оно и будет иметь долговременные последствия.

Создание коалиции князей Северо-Восточной Руси под эгидой Москвы в первой половине 1370-х годов вызвано не усилением, а ослаблением Золотой Орды, ее делением на две

большие части, и выходом из-под ее контроля отдельных мелких князьков. Князя Залесской земли сплотились не для свержения ига, а для борьбы с возросшей «татарской угрозой», которой не было в эпоху стабильных отношений ни при Узбеке, ни при Джанибеке. Она, в свою очередь, была порождена нестабильностью в Орде. Русь, в контексте борьбы за обладание ее столицей Сараем и подчинением всей державы Бату, рассматривалась как источник ресурсов, в первую очередь, финансовых. Любому из претендентов на ханский трон необходимо было обеспечить господство над ней. После поражения на Воже Мамаю как хлеб оказалось необходимо не просто восстановить прежние отношения, а поставить на колени Дмитрия. Москве удалось оборотить «татарскую угрозу» себе на пользу. Такого единения как под стенами Твери в 1375 году давно не наблюдалось. Под лозунгом борьбы с татарами Дмитрий благополучно силами коалиции раздавил давнего строптивного соперника. Это-то и сказало на ее существовании роковым образом. В решающий момент московский князь лишился наиболее сильных союзников, которые были готовы совместно защищаться от произвола и набегов ордынцев, но не желали сменить ханское ярмо на вожжи москвичей.

Мамай, напротив, выиграл дипломатический раунд борьбы. Ему удалось договориться с новым литовским князем Ягайло о совместном походе. Рязанский князь Олег, если и не был на стороне Мамаю, то занял выжидательную позицию (иногда ему приписывают тайный союз с Дмитрием, но это маловероятно). Мамай контролировал западную половину Золотой Орды. Его опорой были степи Днепровско-Волжского междуречья, Крым и Северный Кавказ. Нет сомнения, что эти владения могли выставить значительную военную силу. Речь вряд ли идет о 300-тысячной армии (такую численность приводит большинство популярных и учебных изданий), но то, что войско Мамаю состояло из десятков тысяч бойцов, сомнению не подлежит. Не стоит представлять всех их как легковооруженную конницу. Такой образ средневековых татар навеян в XVIII–XIX веках обликом иррегулярных частей русской армии, состоявших из степных «инородцев» – татар, башкир, калмыков. В распоряжении Мамаю была и тяжелая кавалерия, чему способствовали непрекращающиеся войны за Закавказье и Северный Иран. Имелась у него вероятно и пехота, а какой-то части ордынцев в ходе боя, похоже, пришлось спешиться. Но вряд ли генуэзские наемники (русское – «фряги») играли сколь-нибудь заметную роль. Военные силы самой Генуи в Крыму составляли не более 500 человек. Если этот «экзотический» контингент и был на поле боя, то скорее демонстрировал политическую солидарность с всесильным темником.

Силы Дмитрия выглядели куда как скромнее. В общем походе на Тверь, если и принимало участие меньшее количество воинов, то сам потенциал союзников был несомненно выше, чем в 1380 году. На зов Дмитрия, помимо князей и земель непосредственно или давно связанных с Москвой (Ярославль, Ростов, Белоозеро), откликнулись только некоторые мелкие удельные князья и Ольгердович Андрей. Опытная конница княжеских и боярских дружин не составляла большинства в этом воинстве, поскольку пришлось привлечь городские полки, а, возможно, и сельское население. Новгородская летопись прямо указывает, что среди москвичей многие оказались «небывальцами», неопытными воинами. Привычные к осадам и защите городов в крупном полевым сражении пешие рати могли выполнить только задачу принятия на себя первого удара, от них требовалась стойкая оборона.

В таких военно-технических обстоятельствах разумно было занять оборону по Оке, на месте переправ. Но политические обстоятельства продиктовали чрезвычайно рискованный, но единственно возможный шаг – встретить Мамаю, выдвинувшись далеко вперед. Это не оставляло выбора кроме как победить или умереть. Московские воеводы пошли на него не из опрометчивости, а вполне сознательно, ломая прежние стереотипы. Есть и еще один психологический аспект. Дмитрий и поколение его ровесников шло к этому шагу всю жизнь. Кровавые события конца 1360-х – 1370-х годов сделали из них воителей-профессионалов, скрепявших мечи и с соотечественниками, и с литовцами, и с татарами. Молодое поколение, переросшее своих «спокойных», «традиционных» отцов. Куликовская битва станет для них актом самореализации, но за нее большинство отдаст свои жизни. Судьба Дмитрия и этих людей, составлявших в его войске незначительную часть, подобна камню, выпущенному из

пращи, она не могла уже после Вожи изменить своего направления. Потом будет горькое упоение победой, потом будет похмельное разочарование на остывающем пепле Москвы, потом будет страх перед Железным Хромцом-Тимуром. Но это будет потом. А сентябрьской ночью 1380 года русские войска переходили через Дон, который мог стать для них прикрытием от находившегося поблизости Ягайлы или новой Калкой.

Драматизм Куликовской битвы заключается в том, что это было сражение не на равных. И дело не в том, что Мамаево войско обладало численным перевесом. Просто для судеб единства Орды оно, если и имело значение, то только в положительную сторону, вне зависимости от его исхода. В своем роде, это была вынужденная политическая ошибка со стороны Дмитрия. Может и не ошибка, а единственное возможное действие, поскольку не хватало времени для установления контактов с соперником Мамаю – Тохтамышем, когда столкновение стало неизбежным. Победа или поражение определяли не судьбу Золотой Орды, а персонально Мамаю и его окружения. Для Москвы, да и для всей Северо-Восточной Руси, напротив, на карту оказалось поставлено все. Поражение означало крах «московского варианта» объединения страны. Придавленная Тверь, ориентированная на Литву, вряд ли была способна стать центром «притяжения и стяжания». Логично сказать: «Зато была сама Литва, то есть Великое Русско-Литовское княжество». Но самое близкое будущее покажет, что самое его единство оказалось достаточно эфемерным и большинство задач оно могло решить только в результате объединения с Польшей, а оборона южных территорий, в результате, так и осталась переложеной на плечи местных властей и населения.

Мы никогда не узнаем, какие душевные муки испытывал тридцатилетний Дмитрий Иванович в ночь накануне сражения. Но можно утверждать точно – испытывал. Даже если сюжет с гаданием в поле Дмитрия и его воеводы-тезки Боброка, не более чем красивая легенда, то участие московского князя в сражении в качестве простого ратника в рядах передового полка вряд ли подлежит сомнению, требуя объяснения. И здесь Дмитрий ломал стереотипы. Версия о том, что князь таким образом хотел скрыть, в случае чего, факт своей гибели, просто нелогична. Он поменялся доспехом со своим приближенным Михаилом Бренком явно не для этого. В конце концов, в горячке боя обращают внимание на стяг, доспехи; если и узнают люди, рубящиеся рядом, опознают они и человека. Дмитрия в ходе сражения узнавали и в чужих броне и шлеме. Это было внутренним решением князя. Он выходил на самый главный бой в своей жизни, сделав свой выбор. Зря он, что ли, рвал традиции старомосковского боярства, казнил Ивана Вельяминова, приблизил замечательного полководца Дмитрия Боброка, нарушив порядок и согласие в княжеской думе. Ему должно было казаться, что, кроме своего выбора, он выбрал и за всю эту массу людей, приведя их на сражение с малыми шансами победы. Судя по всему, сам Дмитрий не был выдающимся полководцем. Его главные победы связаны с именем Боброка Волынского. От его решения в тот день зависел исход битвы. Но не мог Дмитрий спрятаться с ним в лесу при засадном полку. И как князь, и как человек. Как князь и полководец он сделал все что мог, расставив полки, как человек он был должен разделить с ними участь.

Ход Куликовской битвы уже столько раз описан и разобран, что добавить здесь просто нечего. Споры между исследователями идут по мелким эпизодам. Все согласны – сеча была упорной, кровопролитной, клонилась в сторону победы Мамаю, и ее исход решил удар засадного полка. Если для ордынцев, разгром на Дону и Непрядве был одним из крупных сражений и только, по результатам и масштабам не сопоставимый с битвами против Тамерлана, то для Руси «Мамаево побоище» стоит в ряду таких «битв века», как Полтава или Бородино. Сильного отклика в самой Орде оно не имело. Впрочем, и французы, отмечая кровопролитность Бородинской битвы, не сильно выделяли «сражение под Москвой» из серии других крупных эпизодов Наполеоновской эпопеи. То, что звезда Бонапарта начнет клониться к закату именно с этого момента, станет ясно позже. Как не было понятно и вечером 8 сентября 1380 года на берегах Непрядвы и Дона оставшимся в живых среди кровавого побоища, что с этого момента из двух путей развития Руси как историко-культурного единства бесспорно избран один. Плох он оказался или хорош, каждый может судить по-своему.

Скептики могут возразить, пожимая плечами: «Обычный московоцентризм, замешанный на русофильстве». Им вполне можно ответить, ведь выбор так или иначе, по тем или иным причинам сделали не только участники Куликовской битвы, но и ее наблюдатели. Войско Ягайлы стояло чуть ли не в трех-четырех или даже в одном-двух дневных переходах от места сражения, его дозоры вполне могли наблюдать, что творилось за Невпрядвой и Доном в тот день. О страшных потерях и цене победы в лагере литовского князя наверняка были осведомлены. Победа литовскому князю почти полностью была гарантирована. Но Ягайло повернул, а мог бы пойти на Москву, становившуюся в этот момент легкой добычей. Особым благородством и принципиальностью он не отличался. Думается, за него все-таки сделали определенный выбор. Сделали те, кто почувствовал – по ту сторону Дона произошло нечто необычное, небывалое, на какой-то момент победители показались им «своими». Потом вновь будет вражда и жестокость, взаимное кровопускание, но в тот конкретный момент это все отступило. Как отступит оно и 30 лет спустя, в день Грюнвальдского сражения, где три смоленских полка, земли, только вошедшей в состав Великого княжества Литовского, после упорной борьбы, лягут костями, но удержат натиск крестоносцев на стыке польской рати Ягайло и литовской Витовта.

Цена победы оказалась страшной. Больше всего пострадал Большой полк, то есть те же самые москвичи и люди из тяготевших к Москве княжеств. Передовой полк погиб почти весь. Подлинных списков убитых воевод и бояр нет. Более поздние предания иногда заносили в них людей уже к моменту битвы скончавшихся или даже не родившихся. Но ясно, что погибло более половины командного состава войска Дмитрия, его политическая опора. Участие в битве простолудинов-горожан несомненно, как несомненно, что особенно крупные потери должны были понести именно они. Пострадал и сам великий князь. Его нашли без сознания. Добротный доспех спас жизнь, но не здоровье. Дмитрий будет болеть и скончается в возрасте 39 лет. Долго длилось «стояние на костях», оказывали помощь раненым, хоронили убитых. Только 1 октября войска вернулись в Москву. Путь отдельных ратей омрачился нападением на них литовцев и рязанцев, желавших чтобы с ними поделились добычей. Эти эпизоды подтверждают размеры потерь.

Но прямым следствием победы на Куликовом поле стало и резкое усиление заволжского хана Тохтамыша. Ему без особых усилий удалось разгромить Мамай. Тщеславный темник, мечтавший о воинских лаврах Батые и русских деньгах Джанибека, был убит в Крыму генуэзцами, которым, вероятно, много наобещал. Тохтамыш вновь объединил Золотую Орду. При нем на время покажется, что она достигнет прежнего могущества и величия. На месте отрубленной головы у дракона вырастет две. Тохтамыш, несомненно, был человеком выдающимся, не сгибающимся под тяжестью обстоятельств, упрямо идущим к своей цели. В его лице Русь столкнулась с фигурой несравненно большего масштаба, нежели Мамай. За этим ханом стояли не только амбиции, иначе он бы не смог бросить вызов могущественному завоевателю – Тимуру-Тамерлану. Его политической программой стало подчинение земель всего улуса Джучи, включая среднеазиатские территории (Хорезм) и северный Иран. События покажут, что военный потенциал кочевников западной половины Великой Степи еще не растрачен, в них оставалась жива монгольская закваска.

В 1382 году, поблагодарив верного улусника Дмитрия за разгром узурпатора-самозванца Мамай, Тохтамыш потребовал прежней дани, а в подтверждении своих намерений вторгся на Русь. Дмитрий не в силах был противостоять новому нашествию и отступил к Костроме. После трехдневной осады москвичи, надеясь на пощаду и поверив обещаниям, открыли ворота Кремля. Ворвавшиеся в город татары перерезали и увели в полон почти все население. 90 лет московский кремль служил надежным убежищем его защитникам, его захват поверг всех в ужас. Разорению подверглись Владимир, Переяславль Залесский, Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Дмитров, Руза, что говорить о сельской местности.

Дмитрий снова вынужден был уплачивать дань в Орду. Но реставрации отношений времен Узбека и Джанибека не произошло. Ярким примером этому может послужить начало чеканки в городах Северо-Восточной Руси собственной монеты. До этого на Руси имели хо-

ждение деньги чеканенные только с именем хана. Со времени Дмитрия Донского появились монеты с именами русских князей на одной стороне и хана на другой. Первые были исполнены кириллицей на русском языке, вторые, арабской вязью. Ясно, что в Орде не очень понимали, что за русский князь велел чеканить монету от своего имени, а на Руси не разбирали что это за странные крючки на одной из ее сторон. При его сыне Василии I имя хана после 1399 года исчезает, а кроме титула «великий князь», появляется и титул «великий князь всея Руси». Еще при жизни Дмитрия этот титул редко, но использовался. Как портрет князя на московских монетах появляется и знаменитый «ездец». Отождествленный впоследствии с Георгием Победоносцем он станет важнейшей регалией Русского государства. В этом тоже можно увидеть отголоски победы на Куликовом поле. Полное сознание ее значения произойдет пару десятилетий спустя, когда забудутся утраты родных и близких, павших в кровавой сече на берегу Дона, заживут раны нанесенные нашествием Тохтамыша. И тогда родятся «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», литературно-эпические произведения, продолжившие традицию воинской повести «Слова о полку Игореве».

Вскоре Тохтамышу стало не до Руси. За помощь в утверждении на ханском троне он отплатил Тамерлану черной неблагодарностью. Его орды вторглись в Среднюю Азию. На следующий год после падения Москвы ему удалось на время захватить Хорезм. Но вскоре Тамерлан вытеснил его оттуда. В 1385 году Тохтамыш захватил Тебриз, мечту всех повелителей Золотой Орды, но это был их последний захват. В 1389 году войска азиатского владыки разгромили орды Тохтамыша и дошли до Волги.

В том же году произошло еще два важных события. На Москве скончался Дмитрий Иванович, передав бразды правления в руки сына Василия, намекнув прозрачно в своем завещании, что теперь судьбу великого стола будут решать его потомки и особой санкции Орды на это не требуется. На юге славянского мира в битве на Косовом поле войско сербов потерпит страшное поражение от турок-османов. В Европе и Азии стремительно начало набирать силу новое мусульманское государство. Дни Византии казались сочтены, но ее конец на полстолетия отсрочит тот же Тамерлан, разгромивший при Анкаре в 1402 году османов и пленивший султана Баязета. Перед этим Железный Хромец, как иногда его величали, решит окончательно разделаться с Тохтамышем. Что называется: «Я тебя породил, я тебя и убью». Ворвавшись в северокавказские степи, Тимур на Тереке окончательно сокрушил военную мощь Золотой Орды (1395), его победные войска, сея ужас пройдут по степям Причерноморья, ворвутся в Крым, дойдут до границы с Русью и разорят Елец. Тохтамыш бежал. Соперники из заволжских степей займут его место. Судьба разорителя Москвы решится в битве на Ворскле, где в 1399 году, неутомимый полководец Едигей разобьет войско литовского князя Витовта, к которому Тохтамыш обратился с просьбой о помощи. Он еще «побегаёт», пока не погибнет в Западной Сибири.

В 1385 году была заключена Кревская уния. Это событие стало отправным моментом в цепи событий, окончательно расколовших западную и восточную половины «Восточноевропейского квадрата». Древняя польская династия Пястов прервалась в 1370 году. Единственной наследницей оставалась малолетняя королева Ядвига. Долгий династический кризис удалось преодолеть браком Ядвиги и Ягайло, принявшем имя Владислава. Литовский князь получал корону Польши и королевский титул, взамен ему пришлось перейти из православия в католичество и обещать распространить духовную власть папы на все свои земли. В 1386 году брак состоялся. На долгие годы общество Великого княжества Литовского окажется расколотым по конфессиональному признаку. Попытки провести церковную унию только усугубят положение. Раздел будет постоянно толкать в объятия Москвы как отдельных людей, так и земли. Противоречия среди Гедиминовичей ловко использовал Орден. Личная уния Польши и Литвы не привела к усилению этих государств, но фактически ставила крест на возможности дальнейшего собирания русских земель. Последние территориальные приобретения при Витовте были просто захватами. Начало своей политической биографии сын Кейстута ознаменовал тесным и плодотворным сотрудничеством с Орденом. Их объединенные войска доходили до Вильно (Вильнюс). Но в 1392 году Витовт резко порвал союзные

отношения с крестоносцами и установил мир с Ягайло. Это позволило им совместными усилиями подорвать военную мощь Тевтонского ордена в битве при Грюнвальде (1410). С этого момента начался закат крестоносного движения в Прибалтике. В результате Тринадцатилетней войны (1454–1466), Польша получит выход к Балтийскому морю, а территория Тевтонского ордена уменьшится в два раза. Наконец, в 1525 году герцог Бранденбурга Альбрехт, с 1511 года по совместительству занимавший пост орденского магистра, объявит его территорию собственным наследственным владением. Так начнется история Восточной Пруссии.

Оправившаяся от Куликовской битвы и Тохтамышева разорения Москва продолжила дело «собираения и стяжания». Ее конечная цель четко обозначилась во вводимом в титулатуру великого князя дополнении – «всея Руси». Однако зависимость от Орды сохранялась, но чем дальше, тем больше она приобретала характер выплат контрибуции за отказ от военных нападений. Поход на Москву Едигея в 1408 году, был почти столь же разорителен как вторжение Тохтамыша. Кремль на этот раз взять не удалось, хотя некоторые города Северо-Восточной Руси вновь подверглись разорению (Переяславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верея, Нижний Новгород, Городец, Клин). Но политического эффекта он уже принести не мог. Только в 1412 году, по утверждению в орде сына Тохтамыша, Джелал-эд-Дина Султана, Василий Дмитриевич ездил к нему с подношениями. До конца своего правления (1425) великий князь с татарами тесных связей больше не поддерживал, ограничиваясь уплатой «выхода». Да и какой был в них смысл? Хан не мог обеспечивать единство и порядок в собственных владениях. Тем более не в силах оказывался он остановить набеги расплодившихся слабо от него зависимых князьков. Мелкие татарские отряды постоянно грабили порубежные русские земли. Успех этих предприятий зависел от внезапности нападения, столкновений с организованными ратями они не выдерживали. Еще более охотно участвовали татарские князьки и мурзы в междоусобицах, а при случае, вообще переходили на службу к русским князьям. Золотая Орда стояла на грани развала.

В 1438 году хан Улу-Мухаммет потерпев поражение от соперника, попытается закрепиться в русском Белеве, но вытесненный оттуда, после похода на Москву в 1439 году, закрепится в Казани. Так, на рубеже 1430-х и 1440-х годов, образовалось Казанское ханство. Долгое время, находясь в непосредственной близости от Руси, оно будет нависать тучей постоянной угрозы. Но именно Казань будет и теснее всего с ней связана. Результатом этого взаимодействия станет образования своеобразного буферного государства – Касимовского ханства-княжества, в пределах которого сложится особый этнос (касимовские татары).

Какая-то странная судьба довлела над князьями Москвы. Многие из них рано лишались отцов и занимали стол в детском или юном возрасте (Даниил, Дмитрий Донской, Василий I), не избежал этой судьбы и Василий Васильевич II. Некоторая двусмысленность и завуалированность завещания Донского спровоцировала четвертьвековое противостояние, которое иногда называют «феодальной» или «гражданской» войной 2-ой четверти XV века. Это странное явление до сих пор остается во многом загадкой. Даже такой тонкий и вдумчивый исследователь русского средневековья как А. А. Зимин не смог до конца сформулировать объективных причин побед и поражений противоборствующих сторон. Политический калейдоскоп событий, в которые были втянуты все составляющие «Восточноевропейского квадрата», за исключением Ордена, порой выглядит как цепь непоследовательных действий великих и удельных князей, татарских ханов и мурз, бояр и простолюдинов. В этом кровавом водовороте отчетливо видно только одно – уже никто не мог оспорить главенствующую роль Москвы. Борьба за власть шла между потомками Дмитрия Донского. Кто бы не сел в Москве, Василий II или его противники Юрий Дмитриевич с сыновьями, принципиально вектор исторического движения не менялся. Процесс присоединения к ней осколков Древней Руси становился необратим. Сжатая пружина начинала обратный ход.

Затянувшаяся на время жизни поколения, на последних этапах борьба носила крайне ожесточенный характер. Здесь было все: ослепление своих противников (из-за него Василий II и получил прозвище Темный), жестокие казни в святые для христиан дни, предательства и измены, наведение на страну иноплеменников, коварные убийства (отравление Дмитрия

Шемяки). По отдельности все эти ужасы были известны и ранее, но в таком сфокусированном виде выступили впервые. Все это, конечно, повлияло на негативный образ стремительно возвышающейся Москвы.

Смута подпитывалась противоборством двух тенденций – дальнейшего объединения, начала строительства единого государства и дальнейшим дроблением княжеских владений в результате наследственных разделов. Важно понимать, что при дроблении княжеств, делилась не земля, как объект частной собственности, а власть над ней и проживающим на ней населением. Из частного великокняжеского хозяйства рождались элементы нового государственного устройства. Все большую роль начинают играть княжеские наместники, а ударной и мобильной военной силой становится «Двор», превращающийся в корпорацию служилых людей, непосредственно связанных с великим князем. Служилые князья, бояре и дети боярские (прототип будущих дворян) стали ядром войска, война для них стала смыслом и делом жизни. Но саму жизнь им обеспечивали роздачи земельных владений, княжеские пожалования, поместья.

В 1433 году Василий II ездил к хану Улу-Мухаммеду, тягаться за ярлык на великое княжение со своим дядей Юрием Дмитриевичем. Это была последняя поездка такого рода. Она может рассматриваться как определенный рубеж в русско-ордынских отношениях. Василий получил ярлык из рук хана самолично, но данный эпизод больше не повторится. По сути, с него и можно вести отсчет времени падения монголо-татарского ига. Показательна судьба самого Улу-Мухаммеда и его сыновей. Хан, лишившись сарайского трона, укрепитя в Казани, но будет убит собственным сыном Мамутяком. Перед этим войска его сыновей в битве под Суздалем возьмут в плен Василия и он вернется на Русь, пообещав огромный выкуп (1445). Мамутяк, устранив отца, укрепитя в Казани и будет враждовать с братом Касимом, осевшим на Руси. Уже в правление Ивана Васильевича III русские войска вместе с «касимовцами» совершат два похода на Казань. Теперь уже не Руси, а осколкам Золотой Орды предстояло делать свой исторический выбор.

Зажатый со всех сторон османами Константинополь предпринимал лихорадочные попытки для сближения с католическим Западом и получением от него военной помощи. Для этого надо было поступиться догмами православия. На Ферраро-Флорентийском соборе после ожесточенных споров приняли церковную унию (1439). Не считая многочисленных обрядовых деталей, она признавала главенство римских пап над всем христианским миром. В соборе участвовал и русский митрополит Исидор, грек по происхождению. Он был сторонником принятия унии, но по возвращении на Москву арестован и отрешен от сана собором русских епископов как еретик. Его место занял Иона, и впервые благословения константинопольского патриарха для этого не потребовалось. Результаты Ферраро-Флорентийского собора еще более углубили противоречия между церквями Москвы и Литвы. Земли, контролируемые великим князем и московским митрополитом, стали воспринимать себя как оплот древнего православия, страной богоизбранной. Тому были некоторые причины.

Уния не спасла град Константина. В 1444 году в битве при Варне европейское воинство было разгромлено турками, а в 1453 году армия султана Мехмеда II осадила столицу некогда могучей Византии. На рассвете 29 мая начался последний штурм. В этом отчаянном бою погиб последний император Константин XI Палеолог. Таковы странные стечения исторических обстоятельств рождения и гибели Первого и Второго Рима: имена их основателей и последних правителей совпали.

С падением Византии на ее месте образовалась новая империя, которая быстро включит в орбиту своего влияния часть обломков Золотой Орды. Выделившееся из нее в 1443 году Крымское ханство вскоре окажется в зависимости от турецких султанов. От прежней Золотой Орды останется только так называемая Большая Орда, занимавшая территорию Днепровско-Волжского междуречья. Она еще продолжала получать дань-«выход». В середине XV века он составлял 7000 рублей, сумма значительная, но не слишком. К 1472 году «выход» сократится почти вдвое. Еще продолжались набеги, в которых степняки проникали в глубь русской территории. Отдельные отряды достигали северных Вятки и Галича, а в 1451 году

татарский царевич Мамутяк осаждал Москву и предпринял попытку штурма, но, разграбив посады и, запалив их, отступил от стен Кремля. Пограничным набегам не было конца. Но все чаще удавалась отогнать татар в степь даже одним видом ратей. Осады городов, в отличие от Батыевых времен, не будут приносить ордынцам успеха. Эпоха мощных походов сменилась временем импровизированных набегов.

В 1462 году скончался Василий Васильевич Темный. Его наследником стал Иван III. Можно смело сказать, что за его почти полувековое правление Русь окончательно превратится в качественно новое образование – Россию. Важнейшим событием первого периода княжения Ивана Васильевича станет окончательная ликвидация новгородской самостоятельности. Попытки боярства Новгорода опереться на Литву оказались несостоятельными. В то же время, после кончины архиепископа («владыки») Евфимия, новгородское общество раздиралось противоречиями. От противоборства боярских кланов страдало рядовое население, «вечевые вольности» оборачивались разгулом произвола. Сложные отношения складывались с церковью. В таких условиях победа Москвы стала делом времени. Ее подавляющее военное превосходство стало несомненно уже в 1456 году, во время похода на Руссу. Битва на Шелони в 1471 году окончательно расставила «точки над i». Огромная, но неповоротливая новгородская рать, проиграла это сражение подвижным войскам «москвитов», освоивших в столкновениях с татарами подвижные способы ведения войны. Характерно, что отборный владычный полк так и не вступил в дело. Но финал независимости Новгорода настал только через семь лет, в 1478 году. Иван III самолично явился в город, вершить суд по поданным в Москву жалобам. Боярское правление пало окончательно, вечевого колокол – один из символов самостоятельности был снят и увезен.

1480 год считается годом падения монголо-татарского ига. Дата эта во многом условна. Московский князь давно уже перестал обращаться в Орду по поводу выдачи ярлыка, а с 1476 года перестал выплачивать дань. Поход хана Ахмата и «стояние» на Угре, яркий, но всего лишь эпизод, в процессе высвобождения русских земель от татарской зависимости. Возможно, действует «магия юбилея» – за сто лет до Угры состоялась Куликовская битва. Политическая независимость московских государей стала очевидной еще при Василии Темном. События осени 1480 года только рельефнее высветили совершенно новый политический расклад сил. Союзником Большой Орды выступила Литва, связанная с Польшей, а Ивану III поддержку оказал крымский хан Менгли Гирей, зависевший от турецкого султана. Одновременно Псков вел войну с Ливонским орденом. Положение Ивана III усугубил мятеж братьев, утихший однако к моменту начала активных боевых действий. Попытки форсировать Угру были отражены. С наступлением ледостава, русские войска отошли, давая «поле», но хан Ахмат повернул в степи. Большая Орда еще просуществует два десятилетия и распадется в 1502 году окончательно. Вместе с этим к рубежу XV–XVI веков исчезнет и «Восточноевропейский квадрат». Литва еще в первой половине XV века исчерпала возможности дальнейшего расширения на восток. Ее русские окраины надолго станут ареной татарских набегов. Между Литвой и Польшей будут существовать постоянные трения по поводу принадлежности западнорусских земель. А вот правление Ивана III отметится началом «реконкисты» (кому нравится – завоевания) территорий к востоку от Днепра. Бывшее Смоленское княжество на многие годы окажется яблоком раздора между Россией и сложным конфедеративным государством, оформившемся во второй половине XVI века в Речь Посполитую.

Особым вопросом является проблема распространения названия «Россия» и обретения этим словом статуса названия государства. Употребляя повсеместно слово «русские» как существительное, не важно по отношению к XI веку или XV, надо отдавать себе отчет в том, что в то время оно выступало исключительно в качестве прилагательного. В прошлом, оно (но с одним «с»), чтобы обрести определительный смысл, непременно должно было находиться в связке с каким-нибудь другим понятием – «земля», «град», «город», «князь» и так далее. Изолированно слово «русские» не выступало в качестве этнического самоназвания ни до эпохи Ивана III, ни долгое время после, хотя иностранцы достаточно четко выделяли русских из остальной массы славян. Отделяя жителей России от русских Литвы, использовали

слово «московиты», а на смену традиционным географическим понятиям «Великая Скифия» или «Великая Сарматия» пришла «Великая Татария». Каким же образом осуществилось внедрение названия Россия?

Есть мнение, что оно восходит к народным говорам. Но эта версия не имеет подтверждения в источниках. В документах, как официальное название державы Ивана III, «Росия» появляется лишь в конце XV века. Есть это слово и в составе легенд некоторых монет, чеканенных при этом великом князе («Государь всея Росии»). Таким образом, надо думать, что внедрение нового названия страны связано с появлением нового государственного образования на территории Древней Руси и шло оно как бы «сверху». Это новое государственное единство, сформировавшееся окончательно при Иване III после присоединения Новгородской земли (1478), окончательной ликвидации самостоятельности Ярославля (1473), Ростова (1474), Твери (1485) и Вятки (1489), высвобождения от власти Орды, неизбежно, наряду с употреблением старого понятия Русь, должно было обрести самоназвание. «Всея Руси» – в титулатуре актов и на монетах, в большей степени являлось лозунгом, провозглашением амбициозной программы, за которыми крылась более прозаическая реальность, все-таки половина земель Руси с древним Киевом находилась в составе Великого княжества Литовского и его правители с тем же основанием присоединяли «Русь» к своему титулу. Чтобы понять причины трансформации привычной «Руси» в «Росию», следует обратиться к обстоятельствам второго брака Ивана III.

После Ферраро-Флорентийской унии взоры греко-византийского духовенства, не приемлющего унию, обратились к Северо-Восточной Руси. С 1413 года в Литве действовало постановление Городельского сейма, закрывавшее православным доступ к занятию государственных и общественных должностей. Вместе с усиливающимся давлением католичества это вызывало отток на московскую службу православной русско-литовской знати. Переход на сторону Ивана III князей Белевских, Одоевских и Воротыньских, владения которых примыкали к землям Московского государства, вызвал затяжную войну с Литвой. Таким образом, после падения Константинополя и усиления не принявшей унию Москвы, все собранное вокруг нее государство стало восприниматься как оплот древнего православия, преемник великой Византии.

Вторым браком Иван Васильевич III женился на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Казалось, что мог принести столь могущественному государю брак с эмигранткой из уже не существующего государства, проживавшей в Италии? Ни политических выгод, ни дорогого приданого. Но невеста привезла с собой нечто большее. Она сама по себе воплощала идею Империи, пускай в последние десятилетия своего существования и занимавшую клочок земли на берегах Босфора. С этого момента началось утверждение идеи о московском государе, как о политическом и церковном наследнике византийских императоров. Не случайно одним из атрибутов верховной власти становится так называемая «шапка Мономаха», а на печатях появляется двуглавый орел. «Государь всея Руси», титул использовавшийся во внутренних документах, стал внедряться и во внешнеполитических. В сношениях с не очень важными иностранными дворами стали употреблять слово «царь», применяемый ранее к тем же императорам и ханам Золотой Орды. В актах внутреннего управления его синонимом выступал титул «самодержец». Теперь великий князь выступал уже как «государь Божией милостью», его власть обретала несравненно более высокое происхождение. Вводились новые атрибуты власти и церемониалы. Иван III начал впервые венчать преемника на царство торжественным церковным обрядом. Характерно, что им стал сын не от Софьи Палеолог – Василий, а внук Дмитрий, сын скончавшегося Ивана Ивановича, родившегося от первой жены (1498). Но впоследствии он лишил его прав и венчал все же Василия.

С Софьей прибыли и византийские эмигранты-интеллектуалы. При утверждении нового облика правителя Руси использовались византийские стандарты и стереотипы. Не удивительно, что новое название государства имело истоки в средневековой греческой книжности. Вспомним, что именно «Росией» называл Константин Багрянородный страну росов. Именно

под таким именем, как чертик из табакерки, из конгломерата княжеств, зависимых от татарского хана, внезапно явилась миру держава Ивана III на рубеже XV–XVI веков. Русь – превратилась в Россию.

Всю глубину этой трансформации отражает грандиозная строительная деятельность Ивана III. Возводится новый московский Кремль, тот Кремль, который мы наблюдаем и поныне. При участии итальянских зодчих и мастеров создаются не только укрепления, но и соборы. Все демонстрирует, что здесь правят и покоятся не великие князья Москвы или Владимира, а «государи всея Росии милостью Божией». Как младший брат московского Кремля в таком же красном кирпиче строится новгородский Кремль-Детинец, как бы символизируя прочность вхождения Новгорода в состав державы Ивана, и, вместе с тем, его подчиненное Москве положение.

Размах реформаторской деятельности сына Василия Темного справедливо можно сопоставить с широтой реформ Петра I. В каком-то смысле они даже глубже и последовательнее, систематичнее. Мы не наблюдаем сколь-нибудь заметного сопротивления им и неприятия с момента ликвидации самостоятельности отдельных земель. Важнейшей стороной преобразования части Руси в Россию стала унификация законодательства, приведение в систему юридических норм, накапливавшихся механически наслоением их на Русскую Правду. Этим целям послужил Судебник 1497 года.

В наследство от ордынского господства московским государям досталась развитая фискальная система. В новых условиях формирования военно-служилого сословия она приобрела особое значение, поскольку чрезвычайно важным становился учет земельного фонда, который мог использоваться для выделения поместий, являвшихся одновременно наградой за службу и средством обеспечения ее. Сведения о землях, их владельцах и населении, непосредственно проживающем на них и обрабатывающем эти угодья, содержатся в так называемых «писцовых книгах». Они являются бесценными для историка источниками, освещающими самые разнообразные стороны жизни русского общества той эпохи. Древнейшие дошедшие до нас писцовые книги относятся к времени правления Ивана III. Благодаря им мы можем представить систему расселения, размеры сел и деревень. Многие названия, упомянутые писцовыми книгами полтысячи лет назад, сохранились до наших дней в именах современных населенных пунктов. Но значительное число зафиксированных тогда поселений прекратило существование. Удивляет, что при достаточно небольших размерах, они густой сетью покрывали значительные территории. Подобное можно наблюдать разве что после столыпинской реформы и «Декрета о земле» в 1910-х – 1920-х годах, когда хутора вокруг деревень занимали наиболее пригодные земли. Часто они располагались там же, где и деревни писцовых книг. Надо думать, что система малодворных деревень по своей хозяйственной эффективности оптимально соответствовала природным условиям. Нет сомнений, что вторая половина XV – первая половина XVI веков были эпохой экономического роста и расцвета.

За время правления Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) завершился процесс становления консолидированного из восточных русских земель государства. Его огромным преимуществом перед Русско-Литовской частью конфедерации Польша–Литва, охватывавшей западнорусские земли, было единство церковной жизни и организации, определяющих в ту пору ход всей духовной жизни на всех социальных уровнях общества. В это время происходит формирование новых историко-географических реалий, определивших направление самых различных процессов на пространстве не только Восточной Европы, но и «Великой Скифии» в целом.

После упорной войны начала XVI века граница между Россией и Литвой прошла по оси Днепра. Ливонский орден, ослабленный ликвидацией ордена Тевтонского, будет доживать последние десятилетия. Псков, до присоединения к Москве в 1510 году, и сам справлявшийся с его нападениями, стал частью могучей военной державы. Однако изменить границы со Швецией, установленные Ореховецким договором 1323 года Ивану III не удалось. Его поход на Выборг не увенчался успехом. Демаркационная линия с западным миром материализовалась в поясе каменных крепостей, модернизированных к условиям применения огнестрель-

ного оружия (Орешек, Копорье, Ямгород, Ивангород, Гдов, Псков, Изборск и др.). Зато южные и восточные границы по-прежнему оставались открыты как в ту, так и в другую сторону. Казанское, Крымское, Астраханское и Сибирское ханства, образовавшиеся на руинах Золотой Орды, представляли собой источники постоянной угрозы набегов, наряду с отдельными ордами, кочевавшими на просторах западной части Великой Степи. Но они были враждебнее друг другу в еще большей степени, чем России. Наоборот, теперь Лес и Степь поменялись местами, за дирижерским пультом хана встал «государь всея Руси», иногда уступая место турецкому султану. Однако в завуалированной форме прежняя дань-выход все же долго будет утекать золотоордынским наследникам в виде «даров» и «полоняничьих денег». Но распрямляющаяся пружина России неуклонно начнет движение на юг и восток. Как в киевское время начнется строительство оборонительных линий, закрепляющих рубеж за рубежом на границе Леса и Степи. А на востоке, на подступах к Уралу – Великому Камню, отделяющему Европу от Азии, появится Чердынь, ставшая опорным пунктом русской колонизации и плацдармом для броска в Сибирь.

Могущество Ивана позволяло ему осуществлять масштабные переселения и внутри страны. Пожалуй самым грандиозным предприятием стали новгородские «выводы». Огромные земельные владения архиепископа Великого Новгорода стали собственностью великого князя. Бояре, получив земли в центральных уездах России, были выселены, а их вотчины поделили между московскими служилыми помещиками. Подобные «рокировки» приводили к перемешиванию высшего социального слоя населения, но именно оно, тесно связанное с государственной (= государственной) службой являлось носителем этнического самосознания в наибольшей степени.

Дальнейший путь развития России, необратимо приобретающий с эпохи Ивана III имперский характер, покажет всю сложность, невозможность ограниченности и законченности собственно русского этногенеза, но кажется, что именно в первой половине XVI века сочетание факторов «страна – население – государство» было одним из наиболее оптимальных. Если бы ...

Если бы часть русского православного населения не проживала компактно в смежных пределах другого государства, что имело далеко идущие последствия в отношениях с Литвой и Польшей. Если бы не необходимость и желание освоения плодородных земель Подонья и Поволжья, лесных ресурсов Сибири. Необходимость диктовалась устранением непримиримого противоречия между кочевниками и земледельцами, а желание ухватить кусок пожирнее – извечная человеческая страсть. Много иных «если бы». Но это уже другая, не менее обширная и спорная тема и ей стоит посвятить отдельную книгу. Однако попробуем в самых общих чертах взглянуть на нее, чтобы оценить последствия исторического выбора, который далеко не всегда зависит от принимающих его людей в прошлом.

МОРЕ ИЛИ СУША?

Первая половина XVI века для истории России – особое время. К сожалению, для людей специально не занимающихся этим временем вторая половина этого столетия создает его общий образ. Спросите у знакомых, с чем у них ассоциируется XVI век в России, и, несомненно, большинство из них ответит – Иван Грозный, опричнина, Ливонская война, быть может, вспомнят Ермака. Мрачная фигура Иоанна Васильевича IV заслоняет все своим полувековым правлением (1533–1584), из которого 37 лет приходилось на царствование (1547–1583). Но ведь не все время царь был таким, как и не все XVI столетие стало для России эпохой казней, пыток и прочих злодеяний. Его первая половина ознаменовалась небывалым взлетом во всех областях жизни, созданный в это время ресурс прочности будет страшно подточен, но не рухнет в результате потрясений второй половины века и позволит пережить эпоху Смуты.

Как говорилось выше, к рубежу XV–XVI веков кардинальным образом изменилась прежняя конфигурация политического пространства Восточной Европы. На смену «квадрату» приходит странный асимметричный четырехугольник отношений, вытянутых по двум

осям Север – Юг и Запад – Восток. Вершинами углов этой замысловатой и, вместе с тем, достаточно простой фигуры стали Стамбул, Варшава, Стокгольм и Москва.

После Ферраро-Флорентийского собора многим стало казаться, что католичество начинает победное шествие по востоку Европы. Но уже через пять лет, после битвы при Варне стало ясно, что новоявленным крестоносцам придется повоевать не в далекой Палестине, а на пороге собственного дома. Турки-османы поглощали одну балканскую страну за другой. В 1529 году они впервые осадили Вену, а в 1532 году войска Сулеймана Великолепного вторглись в Венгрию. Европа замерла в страхе и удивлении. Не меньшее удивление вызвала и другая новая держава, которая выросла на окраине владений татарских ханов, отвергла унию, в отличие от своей крестительницы Византии, и грозила Литве. Не случайно, что первыми дипломатические связи с ней стали устанавливать австрийские Габсбурги. Сигизмунд Гербернштейн, совершивший в составе посольства поездку в Москву, заново открывал Европе Русь, превратившуюся в Россию.

Одновременно с натиском ислама католический мир испытал удар изнутри. В 1517 году Мартин Лютер выступит со своими знаменитыми «95 тезисами», а в 1520 сожжет в Виттенберге папскую буллу. В Западной Европе началась Реформация. Вскоре она восторжествует по всему северу континента. Теософские диспуты перерастут в религиозные войны. Польша станет одним из оплотов католичества, а основанный Игнатием Лойолой орден иезуитов прочно в ней окопается. В Швеции, где утвердилась династия основанная Густавом Вазой, по решению Вестерского сейма было введено лютеранство (1527). С этого момента Швеция упорно стремится к гегемонии на Балтике, а с Польшей у нее завяжется сложный клубок противоречивых отношений, усугубленных династическими притязаниями.

Можно заметить, что упомянутый четырехугольник распадается на два треугольника взаимодействий, влиявших на основные принципы политики и развития вовлеченных в него государств – южный и северный.

Крымский хан, еще в 1470-х годах ставший вассалом турецкого султана, долгое время оставался последовательным союзником Москвы. Их сближала борьба с общим врагом – Большой Ордой. Но с ее распадом, укрепившим династию Гиреев, эта дружба сошла на нет. Крымские татары с равным успехом продолжали набеги на южные русские земли, вне зависимости были ли они под властью Польши, Литвы или России. Поддержка султана придавала ханам Гиреям уверенность в собственных силах. Временами они будут мнить себя наследниками Золотой Орды, бросая дерзкий вызов московским государям, словно своим данникам. Казалось бы, татарская опасность должна вызвать сближение Литвы и России, ведь создание системы обороны по южным рубежам теряло смысл без согласованных действий – любая «автономная» линия укреплений легко обходилась по пограничью соседнего государства, чему можно привести примеры. Но именно споры за пограничную полосу русских земель постоянно создавали напряженность во взаимных отношениях Литвы, Польши и России, подогревавшуюся религиозной неприязнью и амбиционными претензиями на обладание всем территориальным наследием Древней Руси.

Ливонский орден к середине XVI века находился в состоянии глубокого упадка, от бывшего высокого воинского духа и мощной военной организации не осталось и следа. Его германские тылы, пережив Реформацию, давно поглядывали на этот островок католицизма с желанием поделить. Свой кусок от Ордена готовы были отхватить Дания и Швеция, что говорить о Польше. В свое время обратит внимание на него и Россия. Но пока у нее под боком находилось беспокойное Казанское ханство, где боролись прорусская и крымско-турецкая партии. Неустойчивость положения наследника Волжской Болгарии и осколка Золотой Орды была видна невооруженным взглядом. Положение на стыке мира Степи и Леса делало возможным не только захват торговых центров, осуществление контроля над важнейшим участком Волжского пути, уничтожения базы набегов и гнезда работорговли, но и его удержания и освоения. В 1552 году после упорной осады русские войска овладели Казанью – столицей ханства.

Казань и раньше периодически подпадала под влияние Москвы, а временами находилась почти в вассальной зависимости. Но прямой захват территории этого ханства, начало его освоения русскими земледельцами и землевладельцами заметно нарушал баланс сил на восточной окраине Европы. Тяга к овладению всем бассейном Волги – крупнейшей реки Восточноевропейской равнины, выразилась в дальнейшем стремительном продвижении к ее низовьям. В 1556 году пало Астраханское ханство. Все это вызвало резкое ухудшение отношений с Крымом. Теперь русские владения узкой полосой разрезали бывшие владения Золотой Орды и вплотную приблизились к кочевьям Крымской и Ногайских Орд. Обеспокоенность проявила уже и Османская империя.

Но что-то произошло во внутренней и внешней политике России в конце 1550-х годов. Государство Иоанна Васильевича явно оказалось перед каким-то выбором. Начались странные события и метаморфозы, волнующие умы историков не один век. И однозначного ответа на их суть и причины до сих пор не найдено.

Вряд ли все можно свести только к проснувшемуся в Иване Грозном кровавому маньяку. Хотя сомнений нет – если бы государь был иным или хотя бы оставался прежним, то многих ужасов удалось избежать. Но точно так же верно, что именно в России к этому моменту сложилась ситуация вынуждавшая и дававшая возможность реализоваться высшей власти в форме кровавого террористического режима – Опричины.

По всей вероятности, одним из важнейших факторов, повлиявших на цепь событий второй половины правления Ивана IV, стал процесс стремительного превращения России в государство имперского типа и теми трудностями, с которыми ему пришлось столкнуться на этом пути. Не будем однозначно оценивать империи как положительные или отрицательные явления в истории человечества. Они несомненно различны. Роднит их одно – все империи формируются в ходе экспансии, носящей насильственный характер.

Стремительное возвышение Москвы и превращение Великого княжества Московского в оплот православия, в единственное в то время государство, где традиция византийского православия была ограждена от внешнего давления его политическим суверенитетом, являясь одновременно цементирующим элементом державы потомков Александра Невского, Ивана Калиты и Дмитрия Донского, стимулировало распространение мессианского сознания среди его крещеного населения. Для духовенства оно поддерживало сознание своей значимости в качестве идеолога и наставника, а для верховной власти мотивацией внутренней политики оформления самодержавной власти и осуществления внешней экспансии. На грани XV и XVI веков монахом Филофеем была сформулирована доктрина Москвы как «Третьего Рима». Ее суть сформулирована в следующих словах, обращенных к Ивану III: «Нынешняя церковь третья, новый Рим... и да будет тебе известно, о милостивый царь, что все империи православной христианской веры слились в твою империю. Ты есть единственный император всех христиан во всей вселенной... Потому, что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть». Показательно, что написан данный призыв-панегирик не в Москве, а в стенах монастыря окрестностей Пскова. За время Ивана III и Василия III эти идеи сложились в стройную концепцию, неизбежно опирающуюся на мифическую основу. В начале правления Ивана Грозного теоретические искания духовенства в имперском направлении оформил текстualmente митрополит Макарий в «Великих Четьях-Минях» и «Степенной книге царского родословия». Миссия создания вселенской христианской империи отводилась царю восседающему на «...священном троне Господнем святой апостольской церкви... в богоспасенном граде Москва». Массовая канонизация местных святых 1547 и 1549 годов подчеркивала богоизбранность всех земель объединенных Москвой. Венчавшийся на царство в 1547 году Иоанн Васильевич превращался в орудие божественного промысла. Произошел разрыв между царствующим государем и всеми его подданными, превращавшимися в слуг.

Объяснять этот разрыв только усердием духовенства наивно. Более того периодические трения между светской и духовной властью обострились именно в эту эпоху. Не было единства и в среде самого духовенства, что проявилось в борьбе «нестяжателей» и «иосифлян». Конечно, церковь оказала неоценимые услуги князьям московского дома при объединении

русских земель под их властью. Однако непосредственным силовым инструментом, опорой государей Москвы стало военно-служилое сословие – предок дворянства. Пути его формирования были достаточно сложны и разнообразны. Несомненно одно – к середине XV века оно стало основным ядром вооруженных сил, их ударной частью.

Спор о сходстве и различиях военно-служилого сословия с западноевропейским рыцарством, как и о широте распространения феодальных отношений на Руси и в России, всегда имел не только научный, но и общественный резонанс. Углубляться в экономические и юридические аспекты этих проблем здесь не стоит. Важно, что военная служба была для этих людей в России условием получения земельных пожалований, а они, в свою очередь, призваны были материально обеспечивать дееспособность своих держателей, их возможность по зову государя явиться «конно, людно и оружно».

Спецификой России XV–XVII века была открытость южных и восточных границ, постоянная угроза со стороны Степи. Кочевой мир существовавший на развалинах Золотой Орды в какой-то степени даже более агрессивен. Невозможность осуществления крупных завоеваний вела к увеличению количества мелких набегов. Они же являлись неизбежным следствием самой структуры кочевого общества, консервировавшего архаичные общественные отношения. Средством сохранения социальной консолидации и решения демографических проблем оставались военные предприятия на землях оседлого земледельческого населения. Южные окраины Польши, Литвы и России находились под постоянной угрозой вторжений, что препятствовало земледельческому освоению плодородных почв и экономическому развитию. Создание надежной обороны требовало постоянного присутствия на этих зыбких границах дозорных контингентов и оперативного выдвижения крупных отрядов, возможность экстренной мобилизации большого войска в случае масштабного нашествия степняков. Военные силы Крымского ханства оцениваются в пределах 20–60 тысяч всадников и, в случае чего, противостоять им должна была адекватная рать. Создание полос укреплений («засечных черт») вопроса не снимало. Для России главным оборонительным рубежом долгое время продолжала оставаться река Ока, а это обрекало Рязанские, Черниговские и Новгород-Северские земли на периодическое разорение. Но и Ока не могла всегда быть надежной преградой. Войска Гиреев иногда доходили до Москвы вплоть до 1591 года.

Для разраставшегося военно-служилого сословия требовался соответствующий фонд обеспечения. Им могли быть только обжитые, нормально освоенные земли, выделяемые в поместья. Необходимость все новых и новых пожалований дамокловым мечем висела над правительством России. Для организации военной службы и ее обеспечения в середине XVI века появились специальные государственные учреждения – Разрядный и Поместный приказы. Но к этому же времени в центральных областях России фонд для раздачи поместий стремительно таял. Северные территории были для нее малопригодны. На протяжении всей остальной истории России таежная зона так и останется зоной свободной от помещичьего землевладения. Тем временем, у воинов-помещиков подрастали дети, которые стремились удержать почетный социальный статус своих отцов, война для этих людей являлась делом привычным, потомственным и менять саблю на соху, думается, вряд ли хотелось многим. Нельзя сказать, что платой за службу было исключительно военное пожалование, но денежное вознаграждение служило лишь как наградное дополнение к нему. Да и эти средства тяжким бременем ложились на казну, а средством их пополнения могла быть только торговля. Для ее успешного развития требовалась как можно большая монополизация, устранение конкурентов и посредников. Значит опять война, увеличение количества конных ратников, опять обеспечение их для выполнения «конной, людной и оружной службы».

Пытаясь вырваться из замкнутого круга, правительство России должно было оглядываться по сторонам. Идеи воссоединить все земли Древней Руси в рамках вселенской православной империи московским государям казались безусловно хорошими и справедливыми. Но уже во время Василия III стал заметен военный паритет между Польско-Литовско-Русским государством и Россией. Ценой больших усилий, завоевав территории к востоку от Днепра, Москва дальше продвинуться не смогла. Предложения о передаче Киева, Волыни,

Полоцка, Витебска и других земель обращенные к великому литовскому князю в Люблине встретили не только отвержение, но и непонимание (1554), поскольку на территории Литвы с 1458 года существовала отдельная православная Киевская митрополия. При этом ни то, ни другое государство не было в состоянии обеспечить безопасность своих южных «украин». Население, не желавшее покидать плодородные земли и, напротив, стремившееся покинуть центральные районы своих держав, глотнуть степного свободного воздуха, волей-неволей милитаризировалось. Началось формирование казачества, первые сведения о котором относятся к XV веку, а заметным явлением оно становится в первой половине XVI.

Разумеется, что особый тип людей, сформировавшийся на пограничье Степи и Леса, весьма отличался от населения «митрополий». Ему были присущи все элементы военно-демократического общества более ранних эпох. Разбойные походы казачьих судов-чаек живо напоминают набеги викингов и руси. В то же время казаки впитали и традиции кочевого общества, в противоборстве с татарами они прекрасно усвоили их военные приемы. Милитаризованные и демократически организованные сообщества этих воинов-пахарей играли все большую роль в охране и защите порубежья. Они получали периодическую поддержку, в лице короля и царя казачество имело заинтересованных покровителей. В то же время, оно воспринималось как взрывоопасный элемент, порой враждебно настроенным к центральным властям. Непредсказуемость этой вольницы всегда могла обернуться мятежами и смутами, вызвать осложнения с соседями, смешав пасьянс дипломатических хитросплетений. Объективно служа делу защиты южнорусских земель, обставляя свои военные предприятия фразеологией защиты православия, казаки, несомненно, жили собственными интересами, не желая интегрироваться в государственные структуры. Однако, в отличие от неустойчивой политической ориентации, религиозно-культурные приоритеты казачества оказались однозначными. Вбирая в свою среду выходцев из разнообразных этнических и конфессиональных групп, оно было русскоязычным и православным. Его военная активность в отношении татарско-турецких мусульманских территорий обозначала в том числе и вектор политики Москвы, прокладывая дорогу для дальнейшей экспансии. В этой сфере сотрудничество временами было весьма плодотворным. Совместные походы против крымчаков в 1556 и 1559 годах имели успех, хотя и выглядели как грабительские набеги. Однако продвинуться и закрепиться в степном и лесостепном пространстве пока не удавалось. Зона постоянного земледельческого расселения, в лучшем случае, соответствовала южным рубежам Древней Руси. Только Запорожская Сечь грозным аванпостом будет выдвинута в Степь, укрывшись на днепровских островах.

Замедлив территориальный рост на запад и юг, взоры России неизбежно обращались на север и восток. К середине XVI века русское население продвинулось в Предуралье. Но там, за хребтом находился еще один осколок улуса Джучи – Сибирское ханство. Иногда набеги сибирских татар и местных князьков тревожили самые восточные окраины державы Ивана IV, но слишком уж далеко они были от центра, чтобы держать здесь постоянно крупные силы дворянской конницы, что уж говорить о создании поместий. Эти территории с центром в Чердыни фактически превратились в вотчину купцов Строгановых, своеобразное государство в государстве. Оборотливые купцы на свои средства, на свой страх и риск содержали вооруженные отряды «охочих людей». Ватаги казаков были для них вполне подходящим контингентом. Сложившаяся на востоке система отношений вполне устраивала Москву, поскольку охотничье-промысловая эксплуатация ресурсов Предуралья приносила в казну значительные доходы и при этом не требовала значительных усилий со стороны государства.

Оставался север. Но колонизация Русского Севера уже к XIV–XV веку достигла своих пределов в районе тундры и на побережье Белого моря. Дальше лежал Ледовитый океан. Его богатства активно осваивались русскими, обжившими Северную Двину и Беломорье. Эти территории находились под контролем сначала новгородской, а затем московской администрации. Но распространить сюда поместную систему было мало реально, да и просто глупо и не выгодно. В XVI веке Англия и Голландия настойчиво пытались освоить северный мор-

ской путь, дорогу в обход беспокойной в политическом отношении Балтики. Однако условия навигации неизбежно превращали эту трассу в «запасную», второстепенную.

Как не крути головой, взор Москвы неизбежно упирался в единственно, как могло показаться, место для новых территориальных приращений – в Прибалтику, в сторону Ливонии. Здесь было все. Были хорошо освоенные пахотные земли и обустроенные усадьбы. Были богатые города и удобные гавани. Было за три века немецкого господства приученное к труду и покорности сельское население. И, главное, чего не было – это военной силы, способной защитить это «все». Политически разобшенная Ливония с разлагающимися остатками Ордена сама просилась в руки. Иван Грозный вспомнил деяния своих предков. Эти воспоминания о «Юрьевской дани» стали незамысловатым поводом для войны, и в 1558 году она разразилась. На горе России, ибо эта длившаяся четверть века война не принесла ни славы, ни выгод, а ввергла страну в глубокий кровавый водоворот внутреннего кризиса.

Впрочем, начиналась она вполне успешно. Один за другим падали к ногам царя орденские замки и епископские города. Но тут в войну вступили Польша с Литвой, тоже пожелавшие поучаствовать в дележке. В 1560 году воевода Николай Радзивилл осадил Ригу, объявив Ливонию частью Великого княжества Литовского. На следующий год последний гроссмейстер Ордена превратился в его вассала, получив за добровольную сдачу титул герцога Курляндского. Из-за моря на Ливонию поглядывали Дания и Швеция. Россия была обречена вести войну на несколько фронтов. И хотя она велась не с объединенной коалицией – легче от этого не становилось. За последним большим успехом, в 1563 году войска Ивана Грозного овладели Полоцком, последовала полоса неудач. Поражения на реке Улле и под Оршей вывели царя из равновесия, но еще больший гнев вызвало бегство в Литву Андрея Курбского, одного из ближайших сподвижников. После смерти жены Анастасии в 1560 году Иван IV уже лишился душевного покоя и стал с подозрением относиться к своему окружению, а после разоблачительных писем полемически-памфлетного характера, автором которых выступил первый российский диссидент, нашедший убежище во враждебном государстве – Курбский, он совсем потерял самообладание. Его отъезд в Александрову слободу зимой 1564/1565 годов стал прологом опричнины.

Борьба с повсеместно мерещившимися заговорами и изменами вылилась в деление страны на своих («опричнину») и потенциально чужих («земщину»). Как бы историки не пытались выяснить глубокую социальную подоплеку, некоторую целенаправленность установленного режима, установить генеральной закономерности не удалось. Слишком импульсивными были действия царя и его опричных сподвижников, слишком непоследовательными. Опалы и казни, выселения и грабежи ударили по всем слоям населения. Апогеем террора стал разгром Новгорода в 1570 году. Ужас парализовал страну. К бедствиям добавилась кошмар поход Девлет-Гирея на Москву летом 1571 года. Столица погибла в огне страшного пожара. Только разгром крымского войска при Молодях в следующем году положил предел нападениям степняков, а заодно и опричнине. Справедливости ради стоит отметить, что жестокости творившиеся в «дикой» России вряд ли по размаху уступали тому, что иногда происходило на Западе. Августовской ночью 1572 года массовые убийства гугенотов во Франции унесли не меньше жизней.

Пока Россия переживала глубокий внутренний кризис, произошло важное событие, резко усилившее интеграцию Литвы и Польши. В 1569 году была заключена Люблинская уния, имевшая далеко идущие последствия. Образовалось новое государство, Речь Посполитая, где доминирующую роль играла Польша. Земли южной Руси с Киевом отошли к ней, а в 1596 на соборе в Бресте была провозглашена уния православной и католической церквей. Должность короля в Речи Посполитой стала выборной. В 1575 году им стал талантливый полководец, трансильванский князь Стефан Баторий. Война, в которую вступила Швеция, пришла на территорию России.

В 1581 году польско-литовские войска осадили Псков, а шведы блокировали Орешек. Только героическая оборона их защитников оставила их в руках московского государя и позволила заключить перемирия на Плюссе и в Яме-Запольском. Россия лишилась ряда терри-

торий. Вместо приобретений в Ливонии она отдала в руки шведов несколько крепостей на северо-западных рубежах, фактически лишившись выхода к морю. Русская экспансия на запад, в Прибалтику оказалась несостоятельной. Европейские государства отторгали новоявленную империю. В их кругу она смотрелась азиатской деспотией, подобной Турции.

Была ли Ливонская война «борьбой за выход к морю»? Стоит задаться вопросом: а что это вообще такое, не тождествен ли этот лозунг, выдаваемый за «объективную необходимость», простым идеологическим прикрытием аннексий иноэтничных территорий, аналогичным пресловутому немецкому «Дранг нах Остен» – «Натиску на Восток» с целью расширения жизненного пространства. На лицо сходство политике и объекте ее реализации, разница в методах не существенна, так или иначе, она выливалась в кровавое насилие крестовых отрядов и царских ратей. Выход к Балтийскому морю у России давно был, он достался ей вместе с присоединенным Новгородом. Для расширения узкого «горлышка бутылки» Финского залива сильной нужды не имелось. Стоит вспомнить, что, начиная Северную войну, Петр I первоначально стремился лишь вернуть старые новгородские земли в границы, которые сложились к первой половине XIV века. Торговля Новгорода и Пскова, а соответственно и всей России, с Западом прекрасно велась в течение всего средневековья. Экономическая выгода прямого выхода на западноевропейские рынки весьма сомнительна. Для его обеспечения требовалось создание собственного военного и торгового флота. Но решение этой задачи было невозможно без кардинального изменения самого русского общества. Без превращения аграрной страны в, хотя бы, аграрно-промышленную. Подобную задачу Иван Грозный даже не ставил, а Петр так и не смог разрешить до конца. Ценой за успех подобного эксперимента неизбежно становилась глубокая трансформация всего социально-экономического организма страны. Нагрузка же была столь велика, что его становой хребет – крестьянство и другие категории податного населения, мог и треснуть. Цель не соответствовала средствам.

Компенсация за поражение в Ливонской войне пришла неожиданно, там где ее особенно не ждали и не сразу оценили, да и последствия этого события трудно было вообразить. В то время, как поляки осаждали Псков, а шведы – Орешек, небольшой отряд казацкого атамана Ермака, поступившего на службу к Строгановым, перевалил Уральский хребет, нанес поражение войскам сибирского хана Кучума и захватил его столицу Искер. Несколько сотен «охочих людей» открыли России путь в Сибирь. Строгановы рапортовали в Москву царю об увеличении его владений. Иван Грозный оценил этот подарок, чуть ли не единственный крупный успех двух последних десятилетий его правления. Для закрепления успехов «за Камень» были отправлены воеводы и ратные люди, а Ермак, как гласит предание, получил в награду дорогой доспех, который станет причиной его гибели. В год смерти Иоанна Васильевича Грозного казацкий отряд будет внезапно атакован и атаман утонет, увлеченный на дно реки тяжелой байданой. Но временная победа Кучума, отбившего свою столицу, уже не могла изменить ход дела (1584). В 1591 году царский воевода князь Кольцов-Мосальский окончательно разгромил сибирского хана, его держава прекратила свое существование, став частью России.

Надо заметить, что походы за Урал совершались московскими войсками и ранее, а владыки Сибирского ханства временно признавали свою зависимость. Но эти успехи были эфемерны, только отчаянно-смелый поход удалого атамана спровоцировал новое направление политике России, открыл для нее эпоху освоения огромных пространств Сибири, страны имеющей колоссальные природные ресурсы.

Потрясают темпы продвижения и та кажущаяся легкость с которой русские за полвека, преодолев тысячеверстные глухие таежные территории, вышли к Тихому океану. В 1621 году была создана Тобольская епархия, что свидетельствует о прочном освоении Западной Сибири, значительном притоке русского населения и успехах христианизации в местной среде. В следующем десятилетии казацкие ватаги проникли в бассейн Лены, а сороковые годы XVII столетия ознаменовались походами Пояркова, Хабарова и Дежнева, открывшими для России Охотское море, Амур и Берингов пролив. Крайние пределы Азии были достигнуты.

Движение землепроходцев «встреч солнцу» получало материальное воплощение в строительстве опорных пунктов («острогов» и «острожков»), многие из которых со временем превратились в города. Вслед за «охочими людьми» двигалась царская администрация, закрепляя вновь присоединенные земли. Модель освоения русскими Сибири была не нова. Она основана на многовековом опыте колонизации лесных и таежных просторов Восточной Европы, имела те же элементы и этапы – разведочные походы немногочисленных охотничье-промысловых ватаг, обложение местного населения данью («ясак»), строительство городков-острогов в стратегически важных пунктах, начало земледельческого освоения, появление государственной администрации и гарнизонов, христианизация края. Только в XVII веке все эти процессы шли гораздо интенсивнее, иногда параллельно, столетия здесь сжимались до десятилетий.

Нельзя сказать, что появление новых людей вызывало у аборигенов радость. Случались и военные столкновения. Из них пришельцы с запада, численностью явно уступавшие, как правило, выходили победителями. Причиной этому было не огнестрельное оружие: оно еще примитивно и в условиях тайги, пожалуй, уступало лукам, оказывая лишь психологическое воздействие. Дело в сплоченности этих отрядов из нескольких десятков или сотен человек, их привычке к действиям в схожей природной обстановке. Сибирская тайга оказалась для них не чуждым краем. Надо отдать должное упорству, отваге и мужеству землепроходцев, потом и кровью, смертями которых оплачено русское проникновение на восток.

Иногда русских первопроходцев сравнивают с отрядами испанских конкистадоров, подаривших земли Америки испанской короне, превративших Габсбургов в монархов, во владениях которых «никогда не заходит солнце». Вероятно, в личном плане и те, и другие были «одного поля ягоды». Страсть к неизведанным землям, жажда обогащения, авантюрный характер, готовность идти на риск и терпеть лишения одинаково толкали «охочих людей» и казаков на восток, а испанских идалго – на запад. Но была и огромная разница. В Новом Свете колонизаторы искали золото, грабеж и насилие были неотъемлемыми атрибутами их прихода, население оставалось им чуждым до такой степени, что даже возникал вопрос: «А люди ли индейцы?». Воинственный католицизм насаждал новую веру мечем и алебардой. Русские же имели за спиной богатый опыт общения с охотниками тайги и тундры, аборигены для них хоть и являлись «инородцами», но воспринимались как такие же люди. Документы, отправляемые в Москву, не демонстрируют нам фактов пренебрежительного, высокомерного отношения к «ясачным людям», да и основная масса самих первопроходцев, прежде всего, была умелыми охотниками и промысловиками, не гнушавшимися при случае заняться земледелием. Они – «искатели земель», а не завоеватели. Их задача «приискивать новые земли с ясачными людьми», приводить их к присяге царю, немедленно сообщая об этом через воевод в Москву. Ни о каком вмешательстве во внутренние дела, насильственном крещении речи не шло. «Ясак» был сравнительно легкой данью, за которую новые власти гарантировали спокойствие и защиту.

Основной состав испанских отрядов – мелкое бедное дворянство, потомки людей осуществивших Реконквисту в Испании, те самые идалго, которых с юмором Сервантес превратил в Дон Кихота, потомственные рыцари, добывающие хлеб насущный войной, она их кормилица. Главными центрами русской колонизации Сибири выступали богатые города Русского Севера – Великий Устюг, Тотьма, Вятка и другие. Здесь сбивались ватаги и шли за Урал, многие уходили к устью Оби в Мангазею, этот русский Клондайк, город переживший небывалый взлет в начале XVII века. Сюда стекались драгоценные меха, «рыбий зуб» и мамонтовая кость, иные товары тайги и тундры, сурового Ледовитого океана. Самые упорные люди шли дальше, пополняя отряды осваивающие просторы Сибири. Именно города севера России, лежащие за Волгой, куда не распространилось крепостное право, станут опорой силам поборовшим Смуту, в которую как в омут погрузилась Россия в правление Бориса Годунова.

В марте 1584 года скончался Иван Грозный. На престол вступил его сын Федор Иванович. Новый царь был женат на Ирине, сестре Бориса Годунова, одного из деятелей оприч-

нины. Наследник от этого брака не появился, а в 1591 году при загадочных обстоятельствах в Угличе погиб царевич Дмитрий Иоаннович. Со смертью Федора на московском троне прекласлась династия Рюриковичей и страна вошла в полосу затяжного династического кризиса. Борис Годунов являлся фактическим правителем при слабовольном царе и не удивительно, что именно его избрали «на царство» в 1598 году. Избрание царя оказалось мерой нетрадиционной и вынужденной. Это провоцировало недовольство в среде высшей знати, среди которой было много потомков Рюрика. Так заложились формальная основа Смуты.

Критическое состояние экономики, вызванное опричниной и Ливонской войной, не удалось в полной мере преодолеть за годы царствования Федора Иоанновича. Годунову досталось тяжелое наследство, но, безусловно, что правителем он был способным. В начале царствования ему удалось вернуть крепости Ивангород, Яму и Копорье, утраченные в ходе Ливонской войны. Крупным успехом стало введение в России патриархии. Это придало русской церкви гораздо более высокий статус, который соответствовал реальному положению вещей в православном мире (1598). Чтобы поправить финансовое положение страны и обеспечить служилых людей еще в 1597 году ввели «заповедные годы». Созданная как временная, эта мера стала основой крепостного права. Крестьянам запрещалось переселение. Надо заметить, что эта мера касалась и всего «тяглового населения», то есть людей обеспечивавших деятельность государства материально, но именно помещикам нововведение показалось особенно выгодным. Самовольно покидавших место жительства разыскивали и возвращали насильно. Череда неурожайных годов начала XVII века вызвала страшный голод.

Брожение охватило южные окраины государства, где пришел в движение взрывной казачий элемент. В Борисе все чаще стали видеть причину бед, обрушившихся на страну. В умах зрела идея поиска «истинного царя». И тут явился Самозванец.

Подлинная личность человека, выдававшего себя за царевича Дмитрия, до сих пор достоверно не установлена. Версия о Лжедмитрии I, как о беглом монахе-расстриге Гришке Отрепьеве, имеет много уязвимых мест. Ясно и что Самозванец не был тем, за кого себя выдавал. Найдя поддержку в Речи Посполитой, правда, неофициальную, Лжедмитрий стал бороться за царский трон. В конце концов, после смерти Бориса Годунова ему удалось вступить в Москву (1605). Но его царствие оказалось недолгим. Русское общество было шокировано поведением Самозванца и недовольство усугублялось ролью при его дворе иноземцев, прежде всего, поляков. В ходе восстания Лжедмитрий был жестоко убит, а московский трон занял Василий Шуйский, один из инициаторов бунта. И все же идея того, что Дмитрий жив, продолжала блуждать. Она спланивала всех недовольных, в мутных водах этого безвременья находилось огромное количество людей, которым на руку стал хаос и беспорядки, которым судьба давала редкий шанс обогатиться и занять высокое положение. Объявился Лжедмитрий II, прозванный впоследствии Тушинским вором. И вскоре все смешалось: союзники и противники, крестьянские бунты и лихие грабежи казаков, польские отряды и дворянские ополчения. Города и волости присягали и поддерживали то одних, то других. Рассматривать перипетии, как внешнего хода событий, так и внутренние пружины Смуты, здесь нет возможности, целесообразно дать только несколько кратких комментариев в связи с темой заголовка этого раздела.

Не в силах справиться с мятежами, правительство Шуйского договорилось со Швецией о предоставлении военной помощи. Инициатива исходила обоюдная. Со стороны Швеции она носила характер участного предприятия молодого полководца Якоба Делагарди, возглавившего наемный «ограниченный контингент». Корпусу, состоявшему из западноевропейских профессиональных вояк, была обещана плата и прокорм из царской казны, а шведскому королю – небольшие территории на Карельском перешейке. Скажем прямо – не великие потери за восстановление спокойствия. Первоначально действия шведов, особенно их предводителя Делагарди, носили вполне дружественный характер. С воеводой М. В. Скопным-Шуйским у них сложились самые близкие отношения. Но после внезапной смерти в Москве молодого талантливого воеводы, по всей видимости, отравленного, низложения

Шуйского, неспособности русского правительства обеспечить армию Делагарди провиантом и жалованием политика шведов начала меняться.

Швеция и Речь Посполитая находились во враждебных отношениях, а московское боярство стало задумываться о приглашении на русский трон польского королевича Владислава. И в 1611 году шведы заняли Новгород. Обычно действия Делагарди однозначно характеризуют как интервенцию, как действия направленные против русского народа и государства. Но это далеко не так. Обстановка хаоса и дезинтеграции царившие на огромных пространствах России сказались и на северо-западе страны. В этих условиях возникло особое, недолго просуществовавшее, буферное между Россией и Швецией, государство с центром в Новгороде. В какой-то степени была возрождена прежняя независимость Новгородской земли. При наличии шведских военных властей действовала собственная администрация, большая часть делопроизводства велась на русском языке, чеканилась русская монета, русские служилые люди получали поместья, которые, кстати, за ними остались и по окончании Смуты.

В то же время зрело сопротивление силам хаоса во всех слоях русского общества. Героическая оборона Троице-Сергиева монастыря от войск Тушинского вора подавала пример организованности и сплоченности людей разных сословий. С осадой и захватом Смоленска Речь Посполитая открыто вступила в войну. Города русского северо-востока выступили инициаторами борьбы со Смутой и поляками. И, в конечном счете, вышли победителями. Войска под командованием князя Дмитрия Пожарского блокировали в Москве польский гарнизон, попытка прорваться к нему на помощь была отражена, и в результате он сдался (1612). В 1613 году на царство избрали Михаила Романова, сына патриарха Филарета, в миру боярина Федора Романова. Страна отказалась от иноземного королевича в пользу своего кандидата на трон. Поход Владислава на Москву не завершился победой. События Смуты продемонстрировали новое качество этнического самосознания русского населения Российского государства, пусть еще достаточно смутно и инстинктивно проявлялись признаки патриотизма в разных слоях общества. Люди осознавали себя в условиях паралича власти и бесчинств иноземцев не просто подданными конкретного монарха или православными, а каким-то другим единством.

Россия была истощена. В 1617 году в деревеньке Столбово между Ладогой и Тихвиним произошло заключение мира со Швецией. Приходилось отдать часть Вотской пятины Великого Новгорода с крепостями Орешек, Ивангород, Корелой, Копорьем и Ямой. На этой территории образовалась провинция Ингерманландия. Теперь Россия действительно потеряла выход на Балтику, шведы полностью контролировали Неву. По Деулинскому перемирию 1618 года полякам отдали Смоленск и Северские земли.

В тот же год разгорелась большая европейская война, получившая название Тридцатилетней (1618–1648). В нее оказались вовлечены почти все государства Западной Европы, и шла она под знаменем противоборства католичества и протестантства, хотя в альянсы иногда вступали страны с разным вероисповеданием. Тридцатилетняя война, опустошившая Германию и Чехию, стала мрачным прообразом грядущих наполеоновских и мировых войн. Одним из ее итогов стало возвышение Швеции, превратившей Балтику в свое «внутреннее озеро». Победы короля Густава Адольфа заложили фундамент шведского великодержавия. Россия, оправившаяся от Смуты, пыталась вернуть утраченные территории в ходе нескольких войн с Польшей и Швецией, но неудачно, несмотря на временные успехи. Только по Андрусовскому договору 1667 года граница с Речью Посполитой вновь прошла по Днепру, и Смоленск с Киевом стали русскими владениями, чему поспособствовала война Украины против польского господства, героем которой по праву считается Богдан Хмельницкий.

Первая половина XVII века является, пожалуй, ключевым моментом в этногенезе украинцев. Переход южнорусских земель под власть Польши по Люблинской унии 1569 года изменил ситуацию на этих территориях. Поделенные между Москвой и Литвой, земли долгое время осознавали единство своего прошлого, существенные языковые и этнографические различия стали заметны с рубежа XV–XVI веков. Тяга населения Украины к определенной самостоятельности вылилось в серию восстаний, завершившихся войной 1640-х – 1650-х го-

дов. Рассматривать ее только как борьбу за независимость украинцев, а тем более как борьбу за присоединение к России, нет оснований. Это сложное явление, не менее противоречивое чем Смута. Важен оказался итог. Часть земель Речи Посполитой с Киевом отошла к России. Тут и обнаружилась существенная разница населения так называемой Малороссии с русскими, долгое время жившими под властью Москвы, хотя грань эта была подвижна в пространстве и времени. В дальнейшем главы украинского самоуправления – гетманы, будут усиленно лавировать между великими державами (Речью Посполитой, Россией и Турцией), пока практически вся Украина не войдет в состав Российской империи.

XVII столетие в России ознаменовалось церковным расколом. Население отказавшееся принять нововведения патриарха Никона («старообрядцы») составляли значительную демографическую группу. В XIX столетии она численно достигала не менее одной пятой русского населения Российской империи, особенно высок был их процент в торгово-купеческой среде. Борьба старообрядцев за свои духовные устои иногда принимала радикальные формы, вплоть до восстаний и самосожжения. Но в итоге старообрядчество в своей массе смогло ужиться в рамках остальных русских, сохранив при этом особенности и определенную изолированность.

Продолжалось движение на юг. Оно шло уже смелей, особенно со второй половины XVII века. Авангардом этого движения по-прежнему выступали казаки. На Дону сложилось их мощное объединение. Донцы в 1637 году овладели важной турецкой крепостью Азов, закрывавшей выход в одноименное море, и удерживали ее до 1642 года, выдержав осаду огромной турецкой армии. Следом за казаками расселялись крестьяне, уповая на создаваемые московским правительством укрепленные пограничные линии. Сфера влияния крымских ханов сужалась. Это вызвало осложнение отношений с Турцией. России пришлось выдержать тяжелую войну (Чигиринские походы).

Уже в Смутное время стало ясно отставание страны в военной сфере. Техническим оно не было. Само по себе огнестрельное вооружение русских ратников вполне соответствовало европейскому уровню, а качество артиллерии отмечали даже иностранцы. Устарела сама система ополчения дворянской конницы. Пережив свой расцвет во второй половине XV – первой половине XVI века, оно оказалось не в состоянии быть достойным противником в Ливонскую войну, не могло организоваться в боеспособную армию при Смуте, с трудом решало задачи внешней политики на протяжении всего остального XVII столетия. Все чаще дворяне руководствовались пословицей – «Дай Бог, государю послужити и сабли из ножен не вынимати!».

Россия лишилась на время части территорий, но достаточно взглянуть на карту, чтобы понять – потери на западе лихвой компенсировались приобретениями на востоке и юге. Их предстояло удержать и расширить. Для этого требовалась регулярная армия европейского образца. Изменения в сторону создания регулярной армии начались еще при Михаиле Федоровиче появлением полков «иноземного строя». Эта тенденция продолжилась и при Алексее Михайловиче. В то же время продолжалось увеличение стрелецкого войска, созданного еще при Иване Грозном, как пехоты вооруженной холодным и огнестрельным оружием. Но это войско все больше приобретало вид горожан, временно несущих военную службу, а в свободное от нее время занимавшихся ремеслом, торговлей, огородничеством. Оно еще годилось в качестве гарнизонов городов, где проживало, хотя, в качестве полевой армии было достаточно беспомощно. Поражение под Конотопом (1659) и Чудновом (1660), неудачные походы Голицына на Крым (1688, 1689) поставили армии старого образца окончательный диагноз.

Не смотря на всю противоречивость XVII столетия, которое именуют «бунташным веком» его итоги для России и развития русских как этноса оказались весьма существенными. Взглянем еще раз на карту. Ничего не напоминают границы России к середине века, до присоединения части Малороссии? Вот именно. С небольшими отклонениями они совпадают с очертаниями современной Российской Федерации. То есть в это время большая часть территории, которая в начале книги обозначена как Великая Скифия, оказалась под скипетром мо-

сковских царей. Без ожесточенного сопротивления русские проникли до Тихого океана и столкнувшись на Амуре с манчжурами определили абрис империи на Дальнем Востоке. Русский царь, в какой то степени оказался наследником монгольских ханов.

Пояс Великой Степи еще предстояло освоить крестьянству, и на это уйдут XVIII и XIX века. Но к середине XVII столетия Россия соприкоснулась с ним почти на всем его протяженности. За ним к югу лежал другой, чужой мир – Китай, Средняя Азия, Кавказ. Можно определенно сказать, что «бунташный век» очертил пределы зоны дальнейшего развития русских как этноса, пределы той территории, которая будет восприниматься как исключительно своя, как Россия. Именно и только она подвергнется русской крестьянской колонизации, которая лучше присутствия войск и администрации будет сохранять ее целостность. В то же время, заложенные в XVI столетии основы имперского характера российского государства, в веке следующем выступили со всей отчетливостью. Основную часть нерусского населения Московского царства можно разделить на две категории и три группы. Оно могло быть городским или не городским как и собственно русское. Фактически все города имели административное значение. Существовавшие до присоединения к России все они получали русскую администрацию, гарнизоны, в них селилось русское купечество. В подавляющей массе это города бывшей Золотой Орды: Казань, Астрахань и другие. Разумеется, городские обитатели быстрее сближались с русскими в культурном и языковом отношении. Одновременно активно шло строительство и рост городов, заселяемых преимущественно русскими, в том числе и на территориях, где ранее такой тип поселений отсутствовал.

Отношения сельского местного населения с русскими властями и русскими колонистами во многом определялись типом хозяйства аборигенов. В земледельческих районах местное население составляло либо компактные зоны проживания, либо наблюдалась чересполосица. В последнем случае процесс ассимиляции и аккультурации шел, естественно быстрее. Примечательно, что как правило именно русское население в европейской части страны попадало в разряд частновладельческого крепостного крестьянства (Сибирь и Русский Север вообще не знали вотчинного и помещного землевладения, все крестьяне здесь были так называемыми черносошными).

Сложнее складывались отношения с кочевыми и полукочевыми народами. Сохраняя привычный уклад жизни, степняки хуже интегрировались в русское общество. Традиционные социальные структуры препятствовали этническому сближению. Однако использование кочевников как вооруженной силы, особенно когда театр военных действий находился на огромных расстояниях от их родины, порождало устойчивую связь местной элиты с царской администрацией. Одновременно степные народы оставались, наряду с казачеством, одним из самых опасных и взрывных элементов. В какой то момент возникнет альтернатива перехода кочевников-скотоводов к оседлому земледельческому образу жизни. Только сравнительно позднее освоение русскими крестьянами плодородных степных черноземов не создаст слишком напряженной ситуации.

Таежных охотников, рассеянных на огромных просторах Сибири, русские служилые люди и администрация обращали в «ясачных людей». Собираемая с них дань служила одним из важнейших источников доходов государевой казны. «Ясачные люди» находились под опекой и покровительством царских воевод, в противном случае, жестокие столкновения из-за охотничьих угодий с русскими промысловиками были бы неизбежны и могли приобретать жестокий характер – ценного зверья в условиях интенсивного отлова становилось все меньше и меньше.

Таким образом, в течение XVI–XVII веков Россия стала многоэтничным и многоконфессиональным государством. Присоединенные стремительным распространением на Восток и трудным продвижением на юг, территории не превращались в колонии, подобно тому как это происходило в результате заморских завоеваний Англии, Франции, Испании, Португалии или Голландии. Не смотря на разницу между метрополией и окраинами державы, русских царей здесь не наблюдается резкого контраста. Русское продвижение на восток не открывало Новый Свет, а осваивало евразийское пространство Великой Скифии. Местные эли-

ты имели в той или иной степени шанс влиться в господствующий слой России. Разница между коренными и присоединенными землями существовала и сознавалась, но принципиальные отличия в административном устройстве и законодательстве отсутствовали. Если в трех словах охарактеризовать рождающуюся империю, можно сказать – континентальная, военная и неколониальная. Выбор «море или суша» исторически не мог для зоны Великой Скифии, которая во многом для XVII века может отождествляться уже с Россией, разрешиться в пользу первого. Мы, окруженные морями трех океанов, обречены оставаться сухопутной державой, а мечта стать великой морской, скорее, романтическая амбиция за которую приходилось и приходится платить.

Однако одним из существенных моментов оформления империй является внешнеполитический фактор, в том числе, фактор статуса великой державы и его международное признание. Можно долго спорить о том, насколько важен был для России «выход к морю» (читай – «доступ к морским коммуникациям в Европу») с экономической точки зрения. Но для полноценного вхождения в ряд великих держав, такой статусный элемент казался необходимым. Отодвинутая в результате Смуты от Запада и хлынувшая на Восток, Россия неизбежно обращалась в сторону Европы, туда, где четко обозначился военно-технический перевес над остальным миром. Существование и расширение континентальной империи не могло быть обеспечено без устойчивых связей с западным миром. Петр Великий далеко не первый кто это сознавал. Простую истину о техническом превосходстве Запада сознавали и его отец Алексей Михайлович, и Софья с Голицыным, но решительную готовность приносить традиции Третьего Рима в жертву прогрессу выказал именно человек, поднявший Россию «на дыбы» и «прорубивший окно в Европу».

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Петр Великий настолько значительна фигура в российской истории, настолько противоречивая, настолько не укладывающаяся в рамки и стереотипы, что всегда будет предметом неугасающего интереса и ожесточенных споров. Мы же взглянем, к какому итогу пришла Россия как имперское государство за годы его правления.

Первый период самостоятельного царствования этого необычного монарха ознаменовался Азовскими походами и «Великим посольством». Присоединение Малороссии вызвало обострения отношений с Турцией. Но и без этого хватало беспокойств для крымского хана и османского султана. Еще после захвата Астрахани крымские татары и турки попытались отбить ее у России, но безуспешно. Русские вышли на Северный Кавказ и большинство его народов, за исключением ногайских, орд попали в сферу влияния царей. Все чаще независимые казаки Дона отправляли в Москву посольства с просьбами о помощи оружием и другими средствами, за их дерзкими действиями стояло молчаливое согласие русских властей. К рубежу XVII–XVIII веков обозначился последний, решающий этап в вековой борьбе Леса и Степи, оседлого и кочевого мира. В тех исторических условиях он неизбежно обретал форму противостояния исламских и христианских держав.

Под Веной в 1683 году турки потерпели крупное поражение. На следующий год империя австрийских Габсбургов, Венецианская республика и Речь Посполитая заключили союз («Священная Лига»), а в 1686 году к нему примкнула Россия. Однако походы Голицына на Крым закончились провалом. Крымское ханство за Перекопом продолжало оставаться недосягаемым. Чтобы изолировать его от Турции, нужны были выход в Черное море и флот. Коридор безводных степей по-прежнему охранял ядро владений хана не хуже перекопских укреплений. Решать эти вопросы пришлось уже другим людям. В 1689 году власть царевны Софьи и ее фаворита Василия Голицына пала.

Азовские походы 1695–1696 годов подтолкнули создание новой армии европейского образца. Однако захват Азова и строительство Таганрога не принесли России каких либо существенных преимуществ. Враждебные отношения с Турцией лишали ее надежд на «общение» с Европой через Черное море. Крым по-прежнему оставался недосягаем. Взгляды

Петра неизбежно обращались к Балтике. Во время «Великого посольства», в составе которого «инкогнито» участвовал сам царь, наметились контуры новой внешней политики России.

Гегемония на Балтийском море шведов, превративших его в свое внутреннее озеро, вызвала раздражение у Дании и Речи Посполитой. Царю не сложно было найти союзников в предстоявшей борьбе за возвращение территорий, отошедших к Швеции по Столбовскому договору. Первоначальные планы Петра ограничивались желанием вернуть только древние новгородские земли. Знал ли он, отправляясь под стены Нарвы в 1700 году, к каким последствиям для России приведет начавшаяся Великая Северная война? Именно эта война, требующая огромного напряжения сил и мобилизации всех ресурсов, продлившаяся долгих два десятилетия, станет причиной и катализатором тех перемен, которые мы привыкли связывать с личностью Петра I и именовать «петровскими реформами».

Петру и России противостояли Карл XII и Швеция. Молодой король располагал первоклассной армией и, несомненно, отличался полководческими дарованиями. Неожиданным ударом он мгновенно вывел Данию из антишведской коалиции. В ноябре 1700 года Карл XII внезапно появился под Нарвой, блокированной русской армией. Разгром царского войска был полным, вся артиллерия оказалась в руках противника. Ситуация складывалась критическая, но король недооценил своего противника, он поглядывал на него свысока. Главным соперником ему виделся король Речи Посполитой и саксонский курфюрст Август. Основные силы шведы направили в Польшу. На несколько лет увязнув там, Карл XII пропустит момент, когда русский медведь выберется из своей берлоги и поднимется во весь рост.

Карл после Нарвы считал войну с Россией практически законченной, он надеялся, что мощный пояс некогда русских крепостей надежно защищает приобретения шведов на востоке Балтики. Петру предстояло его прорвать. Осада Нотебурга (бывшего Орешка) осенью 1702 года стала поворотным моментом в ходе Северной войны. Кто знает, не отказался ли бы царь от своих планов, если бы в нарушение его приказа об отступлении войска не продолжили отчаянный штурм островной твердыни. Падение Нотебурга, символично переименованного в Шлиссельбург («Ключ-город»), открывало дорогу к устью Невы. Здесь на Заячьем острове в мае 1703 года состоялась закладка Петропавловской крепости.

Вряд ли Петр изначально задумывал строительство новой столицы. Петербург как город вырастал из военного лагеря. На первых порах он только копировал привычную схему русских городов с центральным укреплением-кремлем и жмущимися к нему посадами, в роли которых выступали бивуаки полков и временные жилища рабочих людей, стоняемых из разных уголков царства. Но со временем его облик все больше будет отличаться от остальных городов России. Структура застройки и ее архитектура поэтапно приобретают регулярный характер, демонстрируя стремление России стать европейской державой.

Военные успехи кампании 1704 года позволяли надеяться на заключение скорого мира на условиях сохранения за русскими узкой полоски выхода к морю. Впоследствии Петр не раз будет предлагать Карлу мир, отказываясь от новых территориальных приобретений на условиях сохранения своего юного детища, но король непреклонно продолжал войну. Иногда шведские войска находились чуть ли не на расстоянии пушечного выстрела от окраины Петербурга, но так и не отваживались на его осаду.

Разделавшись с Речью Посполитой, Карл XII мог все силы обратить против России. Этому способствовали сепаратистские устремления Малороссии и ее гетмана Мазепы. Известно, чем все это закончилось. В 1709 году шведская армия потерпела катастрофу под Полтавой, а на следующий год Петр уже контролировал значительную часть Восточной Прибалтики. Условия резко изменились, изменились и цели, поставленные в войне. Однако успехи русских войск вызвали некоторую эйфорию и Россия опрометчиво ввязалась в войну на два фронта, начинала повторяться ситуация полуторавековой давности. Бесславный Прутский поход 1711 года, чуть было не обернулся гибелью русской армии и пленением царя. От причерноморских завоеваний пришлось отказаться, как и на время забыть об амбициях на Балканах. Но неудачная война с турками отчетливо обозначила этот вектор имперской поли-

тики России. Идея объединения славянских народов под скипетром православного царя станет одной из основополагающих доктрин молодой империи.

Победы в морских сражениях, вторжения в Финляндию и десанты на побережье Швеции заставили шведское правительство пойти на мир. Он был заключен в Ништадте в 1721 году. В этом же году Петр I принял титул императора. В отличие от притязаний царей Рюриковичей и первых Романовых Петр имел полные основания носить величественное звание, Европа признавала появление в своих рядах новой могущественной державы, желая того или нет.

Всего за четверть века Россия преобразилась. Армия, флот и новая столица, строившаяся по западным образцам, наглядно демонстрировали эти перемены, хотя следует отметить, что фундамент этих перемен закладывался задолго до Петра. Но сущность Российской империи оставалась прежней. Преобразования Петра Великого носили во многом поверхностный характер, он обновил фасад здания, а не его несущие конструкции. Заимствования в сфере культуры порождали разницу в образе жизни господствующего слоя дворянства и основной массы подданных – крестьян. Огромная сухопутная держава оставалась аграрной страной с основными производителями, прикрепленными к земле. Включение в ее состав Эстляндии, Лифляндии и части Финляндии не привело к их интеграции с районами населенными преимущественно русскими. Обретение выхода к морю не сделало ее великой морской державой, а захват новых территорий стал еще одним этапом в процессе усиления наметившихся ранее тенденций ее развития. Своеобразным показателем «сухопутности» державы Петра, как ни странно, был флот. Основную его силу составляли гребные галеры с пехотными десантами, морское сражение зачастую превращалось в штурм крепостей, в роли которых выступали шведские линейные корабли. Быстро отстроенный флот Петра так же быстро благополучно сгнил с кончиной царя. Завоевания императора и активные заимствования образцов западной культуры не могли изменить евразийский характер империи, она продолжит преимущественно развиваться путем поглощения территорий Великой Скифии и предпримет отчаянные попытки выйти за ее рамки.

XVIII столетие стало эпохой стремительного роста Российской империи на запад и юг. Итоги Северной войны делали возможным осуществление идеи окончательного объединения территориального наследия Древней Руси. Речь Посполитая стремительно клонилась к упадку. В результате ее трех разделов между тремя европейскими державами к России отошла Белоруссия, почти вся Украина, Литва и Курляндия (1772, 1793 и 1795). Екатерина Великая уничтожила остатки украинской автономии. Гетманство было упразднено, а Запорожская Сечь разогнана. Казаки окончательно превращались в военно-служилое сословие, инкорпорированное в имперскую структуру.

В ходе двух русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1791) России удалось покончить с последним осколком Золотой Орды – Крымским ханством. Плодороднейшие степи Причерноморья стали доступны для земледельческого освоения, а строительство крепостей, портов и флота прочно закрепляли за Россией статус черноморской державы. Это неизбежно ставило перед империей проблемы Балкан и Кавказа. Значительная часть XIX века уйдет на покорение Кавказа и присоединение Закавказья, в непрерывных Балканских войнах задунайские славяне при поддержке России вновь обретут независимость от Турции, а некоторые – и собственную государственность.

Движение на восток, начатое смелым походом Ермака, продолжалось. Его не смог остановить Тихий океан. Аляска стала владением России, русские колонии появились на калифорнийском побережье. Русское население Сибири и Дальнего Востока увеличивалось, но по-прежнему сохранялся дисбаланс населенности европейской и азиатской части страны. Он сохранился до сих пор и вряд ли будет ликвидирован в ближайшем будущем. Огромные минеральные ресурсы Сибири останутся практически нетронутыми вплоть до XX века. Зато как место ссылки и каторги эта территория подходила хорошо. Казахские степи, служившие буфером между Россией и Средней Азией, попадали в сферу российского влияния (других сил

притяжения в это время просто не было), однако линии пограничных крепостей и фортов прошли севернее, четко определяя собственно русские территории.

Вхождение в состав Российской империи земель некогда принадлежавших Ливонскому ордену и немецким епископатам создавало особую ситуацию. Эти территории явно выделялись на фоне остального пространства России. Если на славянских землях Россия выступала в качестве преемницы Руси, а в степной зоне Золотой Орды, то в Прибалтике она унаследовала закрепившиеся европейские традиции. Немецкое дворянство и бюргерство сохранило свои привилегии и позиции, что закрывало перспективы русской крестьянской колонизации и широкого распространения сюда русского помещичьего землевладения. В то же время прибалтийские немцы охотно шли на царскую службу и при всем своем культурном своеобразии становились одной из опор имперского режима. В среде местного крестьянского населения продолжился процесс этнической интеграции, приведший к формированию эстонцев и латышей. Похожая ситуация наблюдалась и на других территориях включенных в состав Российской империи, где существовала устойчивая старая государственная, социально-экономическая и культурная традиция, отличная от модели развивавшейся в России XV–XVII веков. К началу XIX столетия в Российской империи закономерно сформировалось специфическое, достаточно противоречивое, положение, в котором крылись зачатки кризиса и которое можно отразить триадой «Российская империя – Россия – русские».

«Российская империя» – это государство, охватившее к указанному времени полностью территорию, обозначенную выше как Великая Скифия, полностью поглотившее ее Лес и почти полностью зону коридора Великой Степи. В XIX веке начнется интенсивное земледельческое освоение этой зоны, где ранее господствовали кочевники, и будет продолжаться вплоть до целинной эпопеи 1950-х годов. Кроме того, поступательные территориальные приращения империи включали в ее состав земли к западу, то есть страны и их части, составляющие пограничье с западноевропейским миром. На этом направлении в первые десятилетия XIX столетия Российская империя достигнет пределов расширения, когда под ее властью окажется Финляндия, часть коренных польских земель (Герцогство Варшавское), Бессарабия. Вторая половина века уйдет на укрепление Кавказа и Закавказья, покорение Средней Азии, то есть на движение к югу, но тогда же будут утрачены заокеанские владения (Аляска). Необъятная империя объективно окажется перед двумя выборами внутренней политики строительства.

Западная зона, тесно связанная с Европой, неизбежно оставалась яблоком раздора большой политики и одновременно сферой национальных сепаратистских устремлений. Только военная сила могла удержать в этих обстоятельствах лакомые куски в лоне империи, и то, при условии относительной лояльности местной политической и культурной элиты. Не случайно, в составе Российской империи Польша и Литва обладали особым статусом и имели определенные атрибуты автономии. Польские восстания показывали всю непрочность этого господства.

Диаметрально противоположная ситуация наблюдалась в Средней Азии. Присоединение ханств и эмиратов Туркестана не разрушало их внутреннего порядка, но из всех владений российской короны они в наибольшей степени напоминали заморские колонии европейских государств по характеру их экономического освоения.

И в том, и в другом случае для элиты покоренных территорий оставались широкие возможности для вхождения в состав элиты империи, для этого не всегда требовалось кардинальных изменений в свободе определения личной этнической идентификации (смены вероисповедания, забвения языка и традиций, перемены места жительства). Этому способствовал и глубокий процесс культурного и социального расслоения самих русских.

Четкого разграничения между Российской империей и страной преимущественно населенной русскими – Россией, не существовало. В этом сказались формирование имперского начала в государственном строительстве, наметившееся еще в XV веке, при незавершенности этнического процесса консолидации в среде самих русских. Поделенная в XVIII веке на губернии, страна, естественно, не столько ориентировалась на границы территорий этносов

подданных, сколько на целесообразность управления и исторические обстоятельства вхождения в империю новых владений. Собственно Россия в этой ситуации оказывалась не столько ядром империи, сколько основной опорой и ресурсом ее дальнейшего созидания. Вынесенная на стык России, Прибалтики и Скандинавии столица империи Петербург, удаленная на тысячи верст от коренных территорий, освоенных русскими, не говоря о Сибири и Причерноморье, материально воплощала надэтнический характер разнородной державы.

Необходимость технического прогресса в условиях обеспечения военной мощи неизбежно вела к «экспорту» культуры с Запада. При Петре это заимствование вылилось в появление особой элитарной культуры «на западный манер». Дворянство было каркасом государственно-бюрократического организма и, естественно, что новая культура, порывавшая с «московитскими» традициями, стала его культурой. Основная масса крепостных, государственных и дворцовых крестьян, как и большая часть мещанства оставалась чужда ей и в течение XVIII столетия эта трещина начала превращаться в пропасть. Она долго не осознавалась, чему способствовало сохранение традиционного православия как фактора этнической консолидации. «Русский» – это, прежде всего, православный. Происхождение человека отступало на второй план.

Но русское православие в условиях империи превратилось в часть ее бюрократической системы. Еще Петр I упразднил патриаршество, а руководство церковными делами взял на себя Святейший Синод, по сути своей, одно из светских учреждений правительства. Мессианская функция распространения идеи России как Третьего Рима, как оплота православия теперь лежала уже на плечах империи, толкая к дальнейшей экспансии. Однако усиление ее внутренней монолитности было не возможно вне процессов этнической интеграции, неизбежно обретавшей черты русификации. В условиях социо-культурного раскола самих русских на успех рассчитывать не приходилось, если такая перспектива как реальная имела вообще. Империя будет беспомощно барахтаться в тисках социальных противоречий, но фоне которых этнические вопросы постоянно отодвигались на задний план.

Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии послужили мощным стимулом к развитию русского этнического самосознания. Но они же стали дополнительным ресурсом дальнейшего движения исключительно по традиционному имперскому пути. В то время как в Европе шел активный процесс становления национальных государств, Россия будет топтаться на пороге социальных реформ, без которых немислимо стало развитие хоть в каком либо направлении.

Только поражение в Крымской войне послужит окончательным толчком к отмене крепостного права и цепи попыток реализации либеральных реформ, которым не суждено было в полном объеме завершиться. Мир вступил в XX век и разразившаяся первая мировая война уничтожит последние европейские империи и на время развалит Российскую Евразийскую.

Для Российской империи вступление в первую мировую войну во многом было обусловлено Балканским вопросом. Территориальные приращения достигли предела, без большой идеи в условиях острого внутреннего кризиса они теряли смысл. Подъем национальных движений на стыке трех империй – Османской, Габсбургов и Романовых, служил постоянной пороховой бочкой, готовой взорвать мир в Европе. Тяга к патронажу над молодыми государствами, не без помощи России получившими независимость, прикрывалась со стороны Российской империи романтическим флером «панславизма», братства народов говорящих на славянских языках, многие из которых исповедовали православие. В августе 1914 года бочка рванула.

Тяжелая война, вызвавшая первоначально всплеск патриотических чувств (достаточно напомнить переименование Санкт-Петербурга в Петроград), обернулась крайним напряжением сил и привела к развалу царского режима. Последовавшая за этим революция толкнула империю к распаду. Победа большевиков и развязанная гражданская война, казалось, доведут этот процесс до конца под лозунгом национального самоопределения.

Однако результатом, как ни странно, стала реставрация и глобальная реконструкция империи, в несколько изменившихся территориальных рамках, на иной идеологической ос-

нове, с принципиально другой политической структурой. Она кристаллизовалась образованием в декабре 1922 года СССР. Внешне новое союзное государство выглядело как уния государств, демаркационные линии между которыми проводили с учетом этнических границ. Но сама имперская сущность его возродилась и отлилась в форму тоталитарного коммунистического режима, стержнем которого стала бюрократическая структура победившей партии большевиков. Меняя свои названия, программы и политику, она оттиснулась в имперскую матрицу, заменив собой старый государственный аппарат. Внеэтническая интернационалистская идеология строителей рая на земле оставалась мессианской и, хотя мировой революции не получилось, претензии на ее распространение стали одной из главных доктрин, в каком-то смысле преемственной идее Москвы как Третьего Рима. Символичным стало перенесение столицы в Москву. Кабинет вождя партии разместился в Кремле, там где прежде находилась резиденция государей Всея Руси.

В рамках Советской империи Россия получила некоторое собственное государственное оформление. Но оно было половинчатым, что сразу проявилось в провозглашении ее, в отличие от «национальных» республик, федерацией (РСФСР) и отсутствии у нее собственной партийной структуры. Закрепляя за Россией статус квазигосударства-лидера в составе Советского Союза, новая власть усиливала «национальные окраины», что в условиях тоталитарной системы представлялось не существенным, этаким «сладким пряником» для других республик, но закладывало «мину замедленного действия» под имперское здание.

Неудача армий Тухачевского и Буденного под Варшавой и Львовом, похоронила не только идею быстрого экспорта революции, но и надежду на распространение коммунистического режима в пределах бывшей Российской империи. Романтика разрушения наследия царизма сменялась буднями строительства нового общества на старом историко-географическом фундаменте. Надо честно признать, что в этом коммунистический режим весьма преуспел, глупо отрицать его достижения, его способность как никогда мобилизовывать людские и природные ресурсы, хотя никогда не забыть, какую цену за это пришлось заплатить, в том числе, если не в первую очередь, России.

Состояние «осажденной крепости», как реальное, так и искусственно нагнетаемое, всегда было характерной чертой государств имперского типа, вне зависимости от того, стояли во главе их монархи, олигархия или выборные лица. Сама имперская структура предполагает небывалую концентрацию власти в руках бюрократического аппарата, значительная часть которого сосредоточена в столице. Фигура «вождя», «императора» или кого другого его только венчает, хотя и создает колоссальные возможности для принятия волюнтаристских решений.

Итак, евразийское пространство снова стало на путь имперского развития. Любопытно, что в глазах остального мира «Советы» были по-прежнему «Россией», а люди многочисленных национальностей и народностей ее населяющих, не смотря на тщательное заполнение соответствующих граф в документах, рассматривались как «русские».

Эта непонятная страна на глазах изумленного мира совершила мощный технологический рывок и, как бы не оценивать три составные части ленинского плана – «индустриализация», «коллективизация», «культурная революция», – задачам имперской политики они полностью соответствовали. В первую очередь они увеличили военно-технические возможности, что неизбежно отразилось в милитаризации общества. Любить нас за это, разумеется, никто не собирался, но побаиваться стали. И не напрасно. Сжатая пружина империи вновь начала поступательное движение.

В орбите ее влияния со времен гражданской войны находилась Монголия, которую еще в недавнем времени называли 16-й республикой. Казалось, что, наряду с Тувой (в составе СССР только с 1944 года), она демонстрировала наличие лагеря братских стран, строящих коммунизм. События конца 1930-х годов на Дальнем Востоке показали Японии, что легкого создания своей империи за счет сферы влияния бывшей Российской империи не получится, на дворе был не 1905 год. Но и СССР не мог рассчитывать на быстрое утверждение на этом направлении. Велико было и желание вернуть территории утраченные после революции.

Подписывая секретные протоколы пакта Молотова-Риббентроппа, Третий Рим делил Европу с Третьим Рейхом (1939).

Империя сравнительно легко вернула в свое лоно Прибалтику, западные области Белоруссии и Польши, Бессарабию, а вот с Финляндией не получилось. Кровопролитная Зимняя война 1939–1940 годов не привела к установлению власти терриокского коммунистического правительства, СССР удалось приобрести только Карельский перешеек с Выборгом. А потом была Война. Великая Отечественная война.

Слишком много крови, слез и горя принесло 22 июня 1941 года, чтобы за несколько десятилетий все это забыть. Но кто знает, не будет ли уже следующее поколение относиться к ней как мы к Полтаве или Бородину? Уже без эмоций, но, дай Бог, с уважением к памяти погибших. Эта война неизбежно актуализировала русское этническое самосознание, изрядно подточенное большевиками в порыве «революционных битв». Чтобы победить в этой тяжелой войне Сталину потребовались не только танки и самолеты, заградотряды и бесконечные мобилизации. Помимо грозных приказов «Ни шагу назад!», понадобилось оживить мифы русского исторического сознания, вернуть атрибуты величественного прошлого – Руси-России-Российской империи, советская государственность признала свою преемственность от русской. Это обновленное историческое сознание безусловно внесло вклад в победу. Но одновременно оно подрывало основы внеэтнической идеологии интернационализма, что будет иметь далеко идущие последствия.

Происходило дальнейшее слияние русского и имперского сознания, его взаимное отождествление, в условиях относительно моногенного, социально мобильного общества (сегодня генерал, а завтра зек – сегодня работяга-передовик, а завтра ответственный работник). Овладение русским языком и культурой становилось залогом продвижения по социальной лестнице. Потенциальная открытость этой возможности, даже некоторой предпочтительности в отношении «национальных кадров», закономерно оборачивалась ловушкой аккультурации и ассимиляции. Процесс развития империи приобретал характер стихийной русификации. Провозглашалось формирование новой общности «советский народ», человека «нового социалистического общества», «строителя коммунизма», но жизнь упорно будет превращать «совка» в «русского» по языку, культуре и усредненному менталитету, вне зависимости от расы и национальности. Человека, связанного с «малой родиной», но ощущающего себя полноценно только в пределах всей огромной державы СССР.

Этот процесс стимулировался небывалыми перемещениями и перемешиваниями, которые позволял себе тоталитарный режим, не важно, в ходе депортаций, «ударныхстроек» или чего-либо еще. Смешанные браки, тесное профессиональное общение, всеобщее обязательное образование (с какого то момента среднее), всеобщая воинская повинность лучше всякой идеологии плавил новую этническую общность.

Не стану делать прогнозов на перспективы реальности ее окончательного сложения. В конце концов, Советская империя оттиснулась в матрицу Российской и некоторые противоречия центра и окраин углубились, особенно там, где в двадцатилетний промежуток времени между мировыми войнами существовала собственная государственность (Прибалтика) или действовали политические режимы иных государств (Западная Украина, Молдавия).

Одержав ценой огромных потерь победу во второй мировой войне, СССР после разгрома Германии и Японии сформировал один из полюсов бинарного мира. Советская Евразийская империя вступила в полосу своего высшего могущества. Она продолжила свой территориальный рост – японские южный Сахалин и Курильская гряда, немецкая Восточная Пруссия стали частью СССР, в составе РСФСР и были заселены русскоязычным населением. Большая часть стран Центральной Европы вошла в орбиту ее политического и идеологического влияния, подкрепленного мощью армейских группировок в рамках Варшавского договора. Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) стал оформлением экономического союза. Крушение последних колониальных империй (СССР к их числу не стоит причислять в силу ряда причин) открыло простор для расширения круга стран «социалистического лагеря» или, хотя бы, «ориентации». Противостояние двух миров, достигшее пика в момент Карибского

кризиса, поставило мир на грань ядерной катастрофы. К счастью сверхдержавы успели остановиться у роковой черты третьей мировой войны, началась гонка на истощение, получившая имя «холодной войны».

Моральный ресурс победы в Великой Отечественной войне был мощной идеологической силой в руках правившего в СССР режима. В условиях «гонки вооружений» и «холодной войны», наряду с умелым использованием достижений в области науки, культуры и спорта, сочетая в манипуляции общественным сознанием синдрома «осажденной крепости» и великодержавной гордости (Ведь и впрямь было и есть, чем гордиться! Советских достижений нам еще хватит на долгое время), продолжал коваться имперский менталитет, причудливо сочетающийся с миролюбием и страхом войны. «Нас» пугали «ими», хотя «они»-то боялись еще больше «нас». Именно имперский менталитет поддерживал относительную стабильность общества. Именно он заставлял мириться с «временными трудностями», тянувшимися десятилетиями. Кто не помнит сакраментальное «Лишь бы войны не было!».

Не будем обсуждать, внешние или внутренние причины привели к развалу сначала социалистического лагеря, а затем Советского Союза. Без внешнего давления не обошлось. Еще большой вопрос, сколько выдержали бы Штаты такое напряжение гонки, впрочем, у них пока все впереди. В глазах стран, занимавших лидирующее положение в экономике во второй половине XX века, сама идея империи выглядела пугающим анахронизмом. Ценности современного западного общества и его процветание не нуждаются в империях, они им только мешают. Мир,двигающийся в эпоху глобализма по западным моделям, давно строит свое благополучие в рамках национальных государств. Лучший способ разрушить империю – посеять на почве этнического самосознания зерна сомнения в экономической и политической целесообразности пребывания в ее составе. В целом ряде случаев эти сомнения окажутся вполне обоснованы, если общество приемлет приоритет интересов личности. Замечу лишь, что это не одно и то же, что индивидуальное счастье и душевный комфорт, которые зависят от культурно-исторической традиции.

Так или иначе, к 1980-м годам Евразийская империя подошла к критической черте своего развития и не смогла ее преодолеть. Звуки гимна Московской олимпиады, первые выстрелы в Афганистане, смерть Высоцкого (а, как ни странно может показаться, Владимир Семенович был певцом Империи) прозвучали первым похоронным залпом прощального салюта в ее честь. Его последний залп состоялся в конце 1991 года. Как единое государство наследница Российской империи, Великая Евразийская империя – Союз Советских Социалистических Республик прекратил существование.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Итак, историческое единство, воздвигавшееся в течение нескольких веков и в ходе строительства которого шло дальнейшее развитие русского этноса (иногда говорят “суперэтноса”), на уровне государственности распалось у нас на глазах. Россия вновь вернулась почти к границам середины XVII века. Дисбаланс численности между русскими, как системообразующим этносом, и другими этническими группами, вроде, несколько сгладился. Изменило ли это имперский характер государства, в котором мы сейчас живем? Федеративный характер государственности России, как и распавшегося Союза, построенный по национальному принципу, в условиях тернистого и извилистого пути преобразований, будет постоянно скрывать угрозу политическому единству страны. Ситуацию усугубляют не только этнические мусульманские автономии республиканского статуса, но и молодые анклавные территории России, полученные в итоге второй мировой войны. Поддержание целостности и единства РФ будет воспроизводить элементы имперской политики, особенно учитывая гипертрофированную роль столицы – Москвы. Значит обратно в Московскую Русь, и все по второму кругу?

Такой вариант событий вполне вероятен, хотя и не в прежнем объеме. Логика развития подсказывает, что страны не вошедшие в СНГ, уже ломоть навсегда отрезанный, да и были они инородным телом в составе Евразийской империи. Внутренняя политика стран Балтии отягощена проблемой «русскоязычного» населения, в наибольшей степени связанного не

столько с Россией, сколько с ее имперским наследием. Неразумная дискриминационная (не говоря уже, что просто несправедливая) политика национал-романтиков Литвы, Латвии и Эстонии будет толкать этих людей в объятия России, пробуждая ностальгию по «единому, могучему», а в самой России подогреть имперскую страсть «помочь братьям» и приструнить «пигмеев», коренное население каждого из которых не составляет и трети жителей Москвы.

Еще сложнее ситуация в Молдове и на Украине, где русские и русскоязычное население компактно проживает в определенных географических регионах с экономически развитыми индустриальными центрами, тесно связанными с Россией не только с советских, но и с царских времен. Древние устремления «К Москве хотим!» создают не менее напряженную, хотя и более цивилизованную ситуацию, нежели во времена существования Восточноевропейского квадрата.

Ситуация на Кавказе и в Средней Азии еще менее предсказуема, но и имперское наследие здесь чувствуется меньше, особенно в процентном соотношении автохтонного и мигрировавшего населения.

Но помимо непосредственного этнического фактора, обусловленного расселением русскоязычного населения, некогда служившего интегрирующим элементом целостности империи, существует мощный культурный фактор. Следует признать, что в рамках Российской империи и особенно Советского Союза произошло формирование специфической цивилизации, коммуникативную основу которой составил русский язык. «Номо soveticus», «совок» не только плод воспаленной фантазии журналистов эпохи перестройки, это вполне реальный типаж с достоинствами и недостатками, он продукт этногенетических процессов начавшихся отнюдь не в Октябре 1917. Это гражданин Великой Скифии на определенном этапе исторического пути и не так важно, что стоит в графе «национальность» его старого паспорта, тем более, что их все равно меняют.

Когда я писал эту книгу, некоторые из моих знакомых пытались вызнать – «Куда идем? К чему катимся?». Не стану делать прогнозы относительно дальнейших судеб Великой Скифии, вступившей в III тысячелетие по Рождеству Христову. Слишком стремительно меняются реалии окружающего нас мира, переживающего информационную революцию. Появляются новые правила игры. В виртуальном мире нет реальной географической матрицы, здесь повелевает материнская плата. Будем помнить только то, что сформулировано в начале книги – государства меняются быстрее чем люди, а люди – быстрее чем страна.

Литература

Гумилев. Л. Н. От Руси до России. СПб, 1992.

Зимин. А. А. Витязь на распутье. М., 1991.

Лебедев. Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Лимонов. Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987.

Насонов. А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М–Л., 1951.

Павлов-Сильванский. Н. П. Феодализм в России. М., 1988.

Плетнева. С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

Славяне и скандинавы. М., 1985.

Хлебов. А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб, 1997.

Хоскинг. Д. Россия: народ и империя. Смоленск. 2001.

Фроянов. И. Я. Киевская Русь. Л.

Щукин. М. Б. На рубеже эр. СПб, 1993.